

Олег Ёлшин

ОХОТА НА МАМОНТА

Олег Игоревич Ёлшин

Охота на мамонта

Текст предоставлен правообладателем

Охота на мамонта: 2015

ISBN 978-1-329133-84-6

Аннотация

Все становится невыносимым, она не знает, куда спрятаться, куда сбежать, не понимает, что с ней происходит. И вдруг попадает в странную комнату старинного особняка в самом центре старой Москвы. Там находятся какие-то люди. Нет, не люди! Призраки, тени, отголоски прошлой жизни...

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	133
Часть 3	309

Олег Ёлшин
Охота на мамонта

Будьте прохожими. (Иисус Христос)

Часть 1

1

Весна стремительно ворвалась в город и как сумасшедшая носилась по улицам и переулкам. Заглядывала в лица прохожих, забывших о ней за долгую зимнюю спячку, прыгала из лужи в лужу, поднимая водопады искрящихся на солнце ослепительных капель воды, бесстыже пялилась в оттаявшие окна домов, пьяно шаталась по тротуарам и дорогам, приглашая за собой в этот безумный, безудержный танец. Слепила глаза и будила воспоминания о лете и тепле, согревая замерзшие души и сердца. Настаивала, торопила, звала, помогая забыться и тоже сойти с ума, хотя бы ненадолго окунуться в эту сказку, а там – будь что будет! Главное – не думать ни о чем...

Молодая женщина шла по улице, не разбирая дороги и не замечая никого вокруг. На лице ее застыло мучительное, сосредоточенное размышление, а в глазах зияла пустота. Солнце попыталось отвлечь ее, согреть, разбудить, осветив красивое лицо, но все было тщетно. Женщина проходила мимо этой весны. Пожалуй, впервые в жизни она ее не интересовала. Ее стройные ножки тонули в вязкой ледяной ка-

ше, и она медленно двигалась вперед. Громкий звук тормозов на мгновение оторвал ее от своих мыслей, и пронзительный сигнал заставил вздрогнуть. Женщина замерла, удивленно посмотрев на машину, которая остановилась всего в нескольких сантиметрах. Из окна высунулось возмущенное мужское лицо и громко закричало: – Идиотка! Жить надоело!?

Она молча прошла до края тротуара и подумала: – Вот и этот... Идиотка! Снова идиотка... С двумя дипломами... и кому они теперь нужны? А утром, когда он собирал свои вещи – называл ее точно так же... Почему?

И вдруг в сознании промелькнуло: – Еще немного – стало бы легче. Сначала больно, а потом легко, – и обернулась на дорогу. Но там уже не было никого, а ноги все дальше уносили от этого спасительного места.

– Что делать?... Что-то нужно делать! – стучало в ее висках. – Как надоел этот город – столько лет, столько мучений! Неделю назад выкинули с работы, сегодня этот... уволился из ее жизни навсегда. И этот тоже. Уже третий... Или пятый – смотря, как считать. Хотя, какая разница? – сейчас все эти особи мужского пола казались ей одним бесформенным существом, которое она ненавидела.

– Нашел другую. Оставил пустую квартиру и кредит на нее. Все как всегда... Что-то нужно делать, – думала она. Ноги вынесли на середину Крымского моста, где не было ни души, только вереница машин двигалась мимо, а из-под ко-

лес летели мокрые комья снега и грязи.

– Вот и эти, – подумала она, – тоже поливают грязью.

Она отвернулась, перевесившись через перила, посмотрела вниз, где река уже вскрылась и, распластавшись перед ней, словно приглашала. Ее мутная вода мерно текла и успокаивала. Теперь женщина, не отрываясь, смотрела туда, не в силах отвести глаз.

– Как просто, – мелькнуло в голове, – сделать шаг и исчезнуть. Раствориться. К черту все! Станет легко!

А за спиной она чувствовала тяжелый груз, который, непомерной ношей наваливался на плечи и спину, пригибая к земле, и сбросить его не было сил.

– Просто сделать шаг, теперь уже ничего не держит. А что у нее есть? Ни семьи, ни детей – никого. Даже дела нет!.. Двадцать семь лет! Ничего и никого, – и опять с ненавистью вспомнила это утро, когда он шепетильно собирал свои вещи, не оставляя ничего, чтобы не было повода вернуться. Женщина снова посмотрела вниз, где мутное течение спокойно струилось, унося за собой осколки льдин – осколки зимы, которую она не могла забыть.

– Просто наклониться, оттолкнуться и все, – мелькнуло в ее сознании. Захотелось закрыть глаза и, не думая ни о чем, сделать это простое движение. На какое-то мгновение время для нее остановилось...

Вдруг ослепительный луч света сверкнул в ее глазах. Это солнце добралось и до нее. Оно отражалось от темной воды

так, что захотелось зажмуриться. Нет, не зажмуриться, а широко открыть их и, не отрываясь, смотреть туда, растворяясь в этом сказочном море огня и света. Женщина не понимала, что с ней происходит. Огромное солнце лежало на поверхности воды и освещало ее, освещало всю ее жизнь, играя причудливыми огоньками, переливаясь. Она никогда не видела такого. Это было потрясением. А что она знала? Ничего! Не видела, не знала и не ведала. Это было чудо! Сколько тепла сейчас скрывалось в этом сверкающем облаке! Женщина все смотрела туда, растворяясь в волшебных его лучах. На мгновение вспомнила о чем-то, зажмурилась, словно судорога парализовала тело, потом широко открыла глаза и... поняла, что совершенно свобода! Абсолютно. Так же, как эти два солнца, – одно под мостом, другое над головой. Стояла так, не в силах пошевелиться, растворяясь в сказочном видении.

Потом оглянулась – город застыл перед ней, сверкая мокрыми улицами и площадями, крышами домов, изгибающимся руслом реки, золотыми куполами, облаками и небом над головой! Она дышала свежим воздухом, который пьянил, и голова кружилась. Захотелось сорваться с места и лететь, перешагивая через целые кварталы, зачерпнуть из реки воды и плеснуть ею во все стороны, а та серебристыми брызгами разлетится, умывая серый город от зимы и холода, прольется весенним дождем, и поможет забыть обо всем... А было ли что-то?

Неожиданно высокая фигура заслонила ей солнце. Она вздрогнула, не успев прийти в себя, а глаза, как у ведьмы, продолжали сиять. Перед ней стоял мужчина. Потрясающий симпатичный красавец! Перед ней?! Она услышала его голос: – С вами все в порядке? Вам помощь не нужна? – голос его вибрировал нервными низкими нотками, от которого по ее спине пробежала приятная дрожь. А мужчина все стоял, с восторгом глядя на эту странную женщину. Он любовался ею. Он никогда не видел таких глаз. Такое было невозможно, и поэтому, замороженно на нее уставился. Она с удовольствием отметила это, а мужчина повторил: – Вам помощь не нужна?

В голове мелькнуло: – Сейчас он предложит Кальвадос. Как у Ремарка. А вечером в ее постели окажется четвертый мужчина. А может быть, шестой – как считать. И тут она, ослепив его удивительной, весенней улыбкой, неожиданно для себя воскликнула:

– Иди к черту, старый, лысый козел!

Красавец опешил:

– Так уж и лысый, – пробормотал он, поневоле проведя рукой по жесткой шевелюре.

– Значит, скоро таким станешь! – добавила она с восторгом. Она хулиганила, упиваясь невероятным чувством блаженства, а остальное было так далеко, как эта мутная вода под мостом. Еще недавно она не смогла бы пройти мимо! Да и не обратил бы он на нее внимания. Но сейчас... Сейчас

ей терять было нечего, даже этого красавца, который возник ниоткуда и, обескураженный, оставался где-то далеко позади. А она все дальше неслась по улицам города, по мокрым его тротуарам, отливающим ярким солнечным светом. Весенние лужи перед ней расступались, и она, не задумываясь ни о чем, смело стройными ножками перешагивала через целые кварталы, а в глазах сиял сумасшедший восторг...

2

Утром, проснувшись, вскочила с кровати и как была совершенно нагая бросилась к окну. Солнце встречало ее, словно здороваясь. Оно предлагало начать день вместе с ним, с удовольствием взирая на это обнаженное чудо. И на мгновение ей стало не по себе. Нет, она совсем не смущалась, с удовольствием подставляя ему белые плечи и руки, маленькую девичью грудь. Словно купаясь в ярких его лучах, с радостью отдавалась этому водопаду огня и света. Уже тонула в нем, захлебываясь от восторга, разведя в стороны руки, не таясь, дарила себя целиком, а оно с благодарностью принимало ее в свои ослепительные объятия. Это был танец весны, танец любви, давно позабытого восторга, когда можно абсолютно довериться, окунуться в неведомую стихию, закрыть глаза, отдаться и не думать ни о чем. Может быть, сделать первый робкий шаг, потом другой, сорваться с высокой скалы и лететь, зная, что нежные руки тебя непременно

подхватят и спасут, не дадут разбиться, потом выхватят из этого стремительного полета, вновь поставят на ноги и будут рядом. Всегда только рядом, и уже ничего не страшно. На мгновение почувствовала себя диким зверем – тигрицей или пантерой. Голова кружилась от восторга. Голова сходила с ума от нежности и любви. И не хотелось больше ничего, только оставаться вместе с ним, быть рядом, быть так близко с этим сказочным светилом, как не умеют люди, а оно сейчас проникало в каждую ее клеточку, даря свет и тепло. И любовь. Голова сходила с ума...

Но придя в себя, осмотрелась, словно вернулась на землю, выглянула в окно, подмигнув на прощанье своему солнечному приятелю, и пошла одеваться. Не понимала, что с ней происходит, да и понимать сейчас не хотелось совершенно ничего...

Холодильник с удовольствием демонстрировал пустые полки, но, разыскав какую-то еду, она позавтракала.

– Как хорошо, что ей много не надо! Удивительное чувство свободы! – и вспомнила вчерашний день.

– Что с ней вчера произошло? – недоумевала она. Полдня бесцельно носилась по городу, смотрела на людей, на машины, пролетающие мимо. Все были заняты делами, а она чувствовала себя гостьей, словно впервые видела этот город, который радовал ее, и не хотелось думать ни о чем. Как воробей, который, заведя весеннее солнце, купался в луже. Чувство свободы! Как странно! Вот и сейчас, стояла и смотре-

ла в окно, откуда врывалась шумная городская жизнь, и никуда не торопилась. Просто было некуда. Но что-то подсказывало, что все получится, все будет хорошо. Откуда такая уверенность? На мгновение стало не по себе, захотелось зажмуриться, спрятаться в чей-то карман, тихо сидеть там и не высовываться – о тебе обязательно позаботятся, накормят, отнесут, куда нужно, потом достанут, и теплыми ладонями будут согревать и не дадут в обиду...

Кармана такого не было, оставалось только чувство свободы. Свободы от всего и от всех: От жизни и работы, которой теперь не было, от мужчины, который сбежал, от ненавистных денег, которые нужно раздобыть и положить что-нибудь в этот холодильник, чтобы он с укоризной на нее не смотрел. Вчера с ней что-то произошло, она сама не понимала что, но светила от невероятного чувства восторга, как будто солнце взяло шефство над ней и теперь не отпускало.

– Вот и будешь меня кормить, Солнечный Мальчик! – подумала она, – и одевать будешь, и любить, – уже смеялась она. И все-таки ей было удивительно хорошо наедине с собой... и этим солнцем.

– Но что будет, когда оно зайдет? – вздрогнула она. Внезапно стало темно, женщина выглянула в окно и увидела, как огромная темная туча уже закрывала собой половину неба. А другая, ясная его половинка, стремительно уменьшалась в размерах.

– Все! – подумала она, почувствовав, как силы ее поки-

дают. Вдруг спасительный звук телефона отвлек от неприятных мыслей, а на экране засветилась надпись: «Новое сообщение».

– Неужели ЭТОТ не забрал вчера все свои вещи? Нет, читать не будет!

Читать бесполезное сообщение не хотелось, где для нее найдется лишь несколько слов: «Заеду тогда-то, заберу то-то, уеду сразу, беспокоить не буду. Пока».

– Пока, – ответила она несуществующему абоненту, вновь посмотрев в окно. – Нужно искать работу, – подумала она. – Просто нужно взять себя в руки и найти в этом чертовом городе чертову работу, иначе у нее отберут квартиру, узнав, что нечем выплачивать кредит. А в окне совершенно потемнело, и туча уже закрывала все небо. Стало жутко. Неожиданно схватила телефон. Зачем это делала – не осознавала, но, посмотрев на экран, прочитала:

«Выше носик, острее ушки,
ярче глазки, шире улыбку,
нежнее ручки, ярче взгляд!
Горячее сердце, веселее!
Я люблю тебя!
Все это только игра».

Номер отправителя прочитать было невозможно, его просто не существовало, и послать такое сообщение ей не мог никто! Она была совершенно уверена, что сегодня не нужна

была никому!

– Удивительная свобода! – посмеялась она. Вдруг в голове промелькнула нелепая мысль: – Это солнце ей шлет сообщение. Оно, находясь далеко на призрачной высоте, закрываемой темной тучей, не покинуло ее, оставалось рядом, и частички ярких лучей рассыпались перед глазами.

Немедленно в это поверила. Да и могло ли быть иначе? Словно, что-то новое пришло в жизнь с неожиданным письмом, и тепло разлилось по всему телу. А ее уже непреодолимо потянуло на улицу, в город, который ждал ее. Непременно ждал! – Все получится, – уговаривала она себя. – Просто нужно найти какую-нибудь работу...

Город ее не ждал. Никто не обращал на нее внимания, и женщина шла по улице, внимательно осматриваясь по сторонам. Она вела себя, словно ребенок, который потерялся и теперь был предоставлен самому себе. Но плакать не собирался, и пока его ищут, с открытым ртом глазел по сторонам. Было забавно! Было очень интересно! Она так давно не видела этого города, людей, редких птиц над головой, первых луж, которые оттаяли и теперь брызгали во все стороны. Не видела машин, которые, как игрушечные, сновали в разные стороны, ворчали, становясь на дыбы, нервничали в редких заторах, но опять мчались дальше. Снова люди, их лица. Вдруг поймала себя на мысли: – Что-то не так! – и продолжила внимательно смотреть: – Что не так? – и вдруг ее осенило: – Эти люди не умеют улыбаться! Никто из этой тороп-

ливой серой толпы не улыбается. Идут себе, утюжа тротуары, шлепая по лужам, барабаня по дороге, выколачивая дробь. Смотрят перед собой, прямо под ноги. Ноги и ноги, лужи и остатки снега – все смешалось, все переплелось в огромном городе, а лица сосредоточенные, глаза строгие или пустые.

– Но почему они не улыбаются? Хотя бы на мгновение!

Вот солнце выглянуло из-за тучи и ярко осветило город и улицы, лица людей, но те, не замечая его и не поднимая головы, неслись дальше. Вдруг неподалеку остановились две машины. Из одной выскочил интеллигентного вида мужчина и бросился к другой, которая замерла рядом. Мужчина начал кричать непристойные слова, из которых было понятно, что его подрезали. Из другой машины тоже вышел пожилой мужичок. Он не остался в долгу и ответил тем же. А женщина, стоя на тротуаре, внимательно на них смотрела, пока те продолжали свой темпераментный диалог. Если бы у них в руках оказалось оружие, пустили бы его в ход. Непременно пустили бы. Они на полном серьезе бились за свои квадратные сантиметры на этой дороге. Сейчас это было смыслом их жизни, и они готовы были умереть! А яркие солнечные лучи весело играли на их разгоряченных лицах. Неожиданно эти двое замерли и уставились на нее, словно парализованные оцепенело застыв на месте. Странная незнакомка смотрела на них с вниманием, даже с восторгом и почему-то улыбалась. Им улыбалась! Ее глаза светились яркими огоньками, а в душе трепетал дикий восторг. Они чувствовали это и не

могли прийти в себя. Не понимали! Они никогда не видели такой красивой женщины... Нет, не красивой, удивительной женщины и такой улыбки. А сзади уже раздавались гудки, (эти двое перегородили улицу, и ехать было невозможно). Очнулись, позабыв о смертельной обиде, сели в машины и разъехались. Но еще долго их головы были вывернуты назад, пока они тащились по этой дороге. Женщина с интересом проводила их взглядом и продолжила путь.

– Почему они не улыбаются? – снова на полном серьезе подумала она. – Это же так просто! – продолжила она свое исследование, забыв о делах и внимательно разглядывая людей.

– Вот этот спешит на свой склад, потом он будет целый день считать и отгружать, получать и взвешивать. Вечером, уставший, сядет в маршрутку и два часа по пробкам будет тащиться с надеждой попасть домой. Вернется, съест безвкусный ужин и упадет в постель. А завтра все сначала. Он не успеет улыбнуться ни сегодня, и ни завтра.

Вдруг с ужасом поняла, что знает про этих людей абсолютно все! Как такое было возможно – она не понимала, и от этого ей стало страшно. – Ерунда какая-то, – отмахнулась она и продолжила наблюдать:

Вот старушка, едва передвигая ноги, идет в поликлинику. Там ей скажут, что в вашем возрасте, бабуля, нужно радоваться жизни и не отвлекать врачей по пустякам, потому что они все равно не помогут, просто не станут этого делать –

тут не благотворительная организация и не богодельня. Или идите в платную клинику. Там будут сидеть все те же врачи, но для вас они сделают все и даже больше – найдут столько болезней, которых у вас нет, никогда не было и не будет, что жить не захочется вовсе. И от мысли такой старушке ни улыбаться, ни радоваться не останется повода.

Она действительно все знала! Все понимала! Она чувствовала этих людей! Но продолжала наблюдать, словно ища подтверждение своему открытию, не зная, как к такому относиться. А эти люди были перед ней как на ладони:

Вот девушка выходит из шикарного бутика. В руках ее пакеты с логотипами известных брендов, красotka подходит к дорогой, сверкающей на солнце машине, а в глазах тоска. Вечером она наденет купленные тряпки и с мужем отправится на вечеринку. Потом вернется домой. Они лягут в постель, и он будет ее любить. Вернее, заниматься с ней любовью, и она тоже. Мужчина старше ее лет на сорок, плешивый и весит сто двадцать килограммов.

– Какая гадость! – подумала она, содрогнувшись от этого зрелища. А девушка с пакетами, мельком посмотрев на нее, вдруг на мгновение замерла. Ей захотелось улыбнуться и скрыть свое настроение, почувствовав взгляд незнакомки, но не получилось, только скорчила тоскливую гримасу и отвернулась.

А этот – совсем еще молодой парень – идет и улыбается. Точно улыбается! Даже когда смотрит под ноги, перепрыги-

вая через лужи, когда смотрит на часы, ускоряя шаг. Только если присмотреться, можно заметить, что улыбка эта какая-то странная. Профессиональная улыбка. Там, в рецепшн клуба, где за стойкой он стоит по 12 часов подряд, он должен делать это все время, выговаривая приветливые слова, и так снова, и снова. Его скулы уже сводит от этой гримасы, но по-другому нельзя – не положено. И теперь он делает это, даже когда ложится в кровать или съедает завтрак, даже когда чистит зубы.

– Ужас! – вздрогнула она и опять посмотрела на него, а он на нее. На мгновение замер, хотел было улыбнуться красивой и такой необычной женщине, но... не получилось. Только мышцы, нервно сведенные в профессиональной улыбке, застыли на лице. Так и понес ее на свою работу, не в силах освободиться. Да и зачем?

Она вновь с надеждой огляделась:

– А эти трое!

Дети неслись по улице, прыгая из лужи в лужу, не пропуская ни одной. Именно, ни одной – в этом смысл! А брызги летели во все стороны. Что-то громко кричали на всю улицу, хохоча. Вдруг подумала: – Неужели только дети способны смеяться?... Но что будет с ними, когда они вырастут?

И теперь, поняв окончательно, что все это не плод ее большого воображения и не пустые фантазии, ей почему-то пришла в голову мысль:

– Что-то нужно делать! Нужно срочно что-то делать. Так

быть не должно!

Сейчас все ее проблемы казались сущей ерундой по-сравнению с этим открытием, и, забыв обо всем, она мучительно соображала, оглядывая город и людей. Еще недавно такое и в голову не могло прийти, но теперь, после вчерашнего, она хотела многого, хотела всего! Оставалось лишь подумать, как это сделать.

Она вернулась домой, включила компьютер и долго сидела, что-то сосредоточенно рисуя. К вечеру, когда усталое солнце, не дождавшись ее внимания, свалилось за горизонт, а улица осветилась ночными фонарями, с удовольствием посмотрела на свою работу, встала с места, разогнув затекшую спину, и по инерции отправилась на кухню. Подойдя к холодильнику, машинально его открыла. Тот мстительно продемонстрировал ей пустые полки. Он был недоволен ею. – Ах, да! Работа! – подумала она. – Совсем забыла. Нужны чертовы деньги.

А на экране монитора в пустой комнате крупно светилась надпись: – Ты сегодня улыбался?

Дальше шел текст:

«Выше носик, острее ушки,
ярче глазки, шире улыбку, ...
Я люблю тебя!
Все это только игра».

Потом шел рассказ о ее вчерашнем дне, когда все могло

закончиться, но только началось. Что началось – она не понимала, но сейчас это было не важно. А главным было то, что через какое-то время на ее страничку начали приходить люди. Много людей – десятки, тысячи. Они о чем-то писали, спорили, мечтали и вспоминали – когда улыбались в последний раз.

3

Когда скользишь по наклонной поверхности и не за что ухватиться, кажется, что перед тобой пропасть. Потом останавливаешься и, замирая, осознаешь, что прочно стоишь на самом дне глубокого колодца. Может быть, не колодца, а горы, которую вывернули наизнанку и перевернули вверх ногами. И теперь, на этой крошечной площадке, зажатой со всех сторон высокими наклонными стенами, оглядываясь по сторонам, понимаешь, что у дна есть удивительное свойство – можно, наконец, оттолкнуться и начать все с самого начала... Если остались силы.

– Силы? – и она посмотрела в окно, где бесновалось яркое солнце. – Солнечный Мальчик! Мой огненный Принц! – и повторила про себя: – Силы? Сколько угодно!

Он долго рассматривал ее документы, а она терпеливо ждала. Сейчас этот молодой мужчина в белой рубашке и галстуке (почти ее ровесник, или немного старше) решал, даст

он ей кредит или нет. А она сидела, глядя на него с надеждой. Наконец тот произнес:

– Вы понимаете, что мы даем кредит под залог?... Сажем, недвижимости. У вас есть квартира?

– Конечно! – скромно ответила она, потупив глаза, и подумала: – Сейчас этот... изучит ее документы, увидит, что кредит за квартиру не выплачен и отправит восвояси. Захотелось немедленно встать, не позориться, собрать никчемные бумажки и уйти самой.

Неожиданно яркий солнечный луч скользнул по ее лицу. Она посмотрела в окно и увидела его – своего нового приятеля.

– Мое солнечное Чудо! – и приятная судорога пронзила ее тело. Сразу же обо всем забыла. На мгновение даже показалось, что опять совершенно голая.

– Ну и что? – подумала она, и озорно выглянув в окно, вновь почувствовала нахлынувшее ощущение безотчетного счастья. Легкий плащ и прочая одежда почему-то отчаянно мешали. Ее коже не хватало нежного прикосновения горячих лучей! Очнувшись, перевела взгляд на менеджера, удивившись его присутствию, все вспомнила и внезапно произнесла:

– Почему только квартиру? Берите весь дом... или улицу. Нет! Знаете что! Забирайте весь город, он ваш! – сказала это неожиданно для себя, и ей стало невероятно смешно.

– Ну, зачем же дом? – удивился мужчина, посмотрев на

нее. Он впервые бросил на нее взгляд, оторвавшись от бумаг, заглянул в смеющиеся глаза и остолбенел. Смотрел на нее так, словно впервые видел женщину, молодую и красивую. Может быть, не настолько красивую, но удивительную, потрясающую женщину. На ней словно не было одежды, а каждая ее клеточка источала неведомый блеск. А эти глаза! Они светились яркими огоньками, он был восхищен. Потом пробормотал:

– Вы читали строки нашего договора, написанные мелким почерком? – и в запале шепотом горячо продолжил, – вы должны их прочитать! Вы непременно должны с ними ознакомиться!

Она поняла, что сейчас он нарушал свою должностную инструкцию.

– Зачем? – снова улыбнулась она. Ей стало невероятно весело. Присмотрелась к этому симпатичному молодому человеку, вдруг опять поняла, что читает чужие мысли и знает о нем абсолютно все:

Каждый день, надевая свой галстук, он приходит сюда и делает одно и то же – выдает чертовы кредиты, а потом его банк вымогает немислимые проценты у несчастных должников. Этот маленький клерк просто подписывает договор, в котором крошечными буквами прописаны сумасшедшие проценты, о которых никто не догадывался, даже не читал. Разве такое прочитаешь? А он знал, но все равно надевал свой галстук и ежедневно приходил сюда. А куда ему было

деваться? Он больше ничего не умел, лишь одно – сидеть в этом галстуке и обирать людей, получая крошки, которые его хозяева смахнут со стола, где только что разрезали огромный пирог. Крошки! Как рыбка в аквариуме! – подумала она, оглядев маленький квадратный офис, отделанный стеклом и пластиком. А этот обо всем знал, но все равно каждый день приходил сюда. Сейчас она читала его мысли, разглядывая стройную фигуру, мощные плечи и сильные руки, скрываемые строгим пиджачком. Вдруг странная мысль мелькнула в ее голове:

– Но почему он не сделает что-нибудь – построит дом или вырастит пальму с удивительными плодами!? Убьет мамонта и притащит в свое логово его мясо, а потом возьмет в руки камень и начнет расписывать стену пещеры, рисуя замысловатые фигурки животных и людей... А этот дурацкий костюм. Этот галстук! Почему бы не выбросить все это, не набросить на загорелое тело звериную шкуру или остаться в короткой набедренной повязке и быть мужчиной? Сильным и красивым... Господи, что с ней творится, откуда эта память, откуда мысли такие? Но об этом потом...

Она снова посмотрела на менеджера.

– Зачем вы это делаете? – вдруг заговорщицки прошептала она.

Вместо того чтобы удивиться, возмутится, тот почему-то наклонился к ней и тихо произнес: – Не знаю, – покраснел и замолчал. Он был, словно под гипнозом. Сейчас ради нее

он был готов на все, и она видела это. Но, подождав минуту, женщина снова посмотрела на него, встала и как-то просто бросила на прощанье:

– Я передумала! Пожалуй, я не отдам вам свой город. И улицы тоже. Даже половой коврик в своей убогой квартирке не отдам.

В последний раз оглядела этого человека в опрятном костюме, белой рубашке и галстукe, и ей почему-то стало невероятно жалко его.

– Простите, – бросила она на прощанье, забирая со стола бумаги, и выпорхнула на улицу, а духота помещения, напомнив о себе, заставила вздохнуть полной грудью. – Пожалуй, сюда, она больше не придет...

Дома ее ждал пустой холодильник, завтра нужно платить за квартиру кредит, (снова кредит!) а она шла по улице и размышляла, не узнавая себя. В ней проснулась какая-то невероятная сила. Сейчас она была способна на все! Ей ничего не стоило взять кучу денег у этого клерка. И вспомнила глаза, которыми он на нее смотрел. Шла, словно светилась изнутри, а мужчины бросали на нее взгляды. Нет, не только мужчины, люди разного возраста и воспитания, разного цвета кожи, вероисповедания, разной судьбы почему-то начинали улыбаться, и она на мгновение почувствовала себя ведьмой. А еще показалось, что невероятно любит этих людей.

– Неужели нужно быть ведьмой, чтобы все получалось? Может, достаточно быть просто женщиной? Хотя, кому еще

дано так любить?... Собаке? Нет, это совсем другая история. Но женщина? А, может быть, эти два понятия одно и то же. И почему, если женщина любит, то она обязательно ведьма?... Просто женщина и все...

Эти мысли настолько ее захватили, что об остальном она совершенно забыла. Да и неважно сейчас было это «остальное». Дома не стала подходить к холодильнику, все было понятно и так. Схватила из вазочки печенье и, жуя на ходу, отправилась проверять почту. По дороге с недоумением отметила, что совершенно не голодна. Как такое было возможно, не понимала, хотя не ела уже целых два дня. Но тут же и об этом забыла. С радостью включила компьютер и зашла на свою страничку. «Вы сегодня улыбались?» – светилась надпись во весь экран, и захотелось написать о сегодняшнем дне. Потом проверила почту. Там ее ждало письмо. Текст был коротким – некто просил уточнить стоимость размещения рекламы в ее блоге.

– Фу, Блока назвать блогом – какой позор, – подумала она. Захотела смахнуть с экрана письмо, вдруг вспомнила, что где-то уже слышала это слово. Это странное слово – блог. И тут осенило – ей хотят заплатить деньги! Ей, которая ничего не сделала, сидела уже неделю без работы, боясь подойти к суровому холодильнику, не знала, чем платить по кредиту, не знала, как начинать завтрашний день, только раздумывала – почему же никто не улыбается, и почему-то читала чужие мысли – а тут ей хотят дать денег! ЕЙ! Дальше шло

предложение – «200 тыс. за место баннера на чердаке». Какая-то ерунда – наверное это сленг. Но это было не важно. Две сотни в месяц! Проблемы решались сами собой! Перечитала письмо, не веря своим глазам. Нет, она не ошиблась, все верно, она спасена! С удивлением отметила, что новость ее совсем не взволновала. Сейчас эти бестелесные деньги почему-то мало ее интересовали, впрочем, как и все остальное – холодильник, еда, работа, мужчины... Мужчины? – подумала она. – Пожалуй, мужчины пусть остаются.

Вспомнила менеджера банка, и ей стало тоскливо. Теперь такие мужчины ее точно не интересовали.

– Но почему? – вдруг поймала себя на мысли. – Еще недавно такой мужчина для нее был эталоном, предметом мечтаний, как и для каждой женщины – сильный, богатый, красивый. А теперь... Не интересно! – отмахнулась она, – скучно, глупо. Стоило ли того!? Хотелось чего-то другого! Настоящего!

Чего «настоящего» – она не знала, но от предчувствия какой-то неведомой сказки, которая только начиналась, голова кружилась. Снова посмотрела на свою страничку и вдруг в сознании промелькнуло: – Ты хочешь продавать улыбку за жалких двести тысяч? Ты хочешь торговать хорошим настроением? Ты, кому второй день каждый в этом городе улыбался, к кому приходили на страничку, чтобы забыть обо всем, прочитать ее историю, найти себе кого-то еще, и за это ты хочешь брать деньги?... Нет!

Уже зашла в почтовый ящик, собираясь гордо удалить непрошеного гостя – циничного наглеца, который осмеливался предложить такое.

– Двести тысяч! – шептала она, – каков нахал! Пришел топтаться своими грязными ножками...

Неожиданно телефон издал знакомую трель:

– Снова Он, – с удовольствием вспомнила она своего огненного приятеля.

– Солнечный Мальчик!

Подумала, что окончательно сошла с ума, но теперь это не имело значения, потому что с экрана на нее смотрела надпись: «Ты сегодня улыбался?». А сотни людей писали друг другу сообщения. Тысячи людей!

С удовольствием посмотрела на телефон, ожидая сюрприза, и нажала на заветную кнопочку. Вдруг отпрянула!

– Не будь душой! – лаконично светилась там. Но заставила себя дочитать до конца, где была еще одна короткая фраза: – Все это только игра!

4

Народу в кафе было немного. Она сидела за отдельным столиком, дожидаясь своего первого клиента (кажется, так это называлось). Того самого, который вчера предложил деньги за место в ее маленьком Раю, которое почему-то называлось чердаком. Она даже не знала, кто это – мужчи-

на или женщина. Письмо было подписано коротким именем – Облачко. Облачко среднего рода, и кто к ней придет на встречу – неизвестно. А в голове стучала фраза – «Не будь душой. Все это только игра». Снова ничего не понимала, и, надо сказать, в последние дни она себя не узнавала совершенно. Чувствовала себя как-то странно. Необычно! Не в своей тарелке! Но, пришла, и теперь, пока еще оставалось немного времени, разглядывала редких посетителей, опять с удивлением ощущая, что знает про этих людей абсолютно все. Не привыкла к такому, и не было объяснения этому странному прозрению или наваждению, которое свалилось невесть откуда. И не знала, как к этому относиться. А люди за столиками с их разными судьбами, историями, проблемами, скрытыми от всех за масками привычных физиономий и взглядов, для нее были как на ладони. Нет, она не читала их мысли, это было бы слишком просто, она знала про них абсолютно все!

Вот директор и его секретарша. У него семья, а у нее любовник. Нет, не этот – другой. Но и этому отказывать не хотелось. Хорошая должность, приличная зарплата – а нужно платить за съемную квартиру. И пока ее парень ищет работу, приходится терпеть дополнительную нагрузку.

Вон люди раскладывают какие-то документы. Что-то считают, о чем-то спорят, смеются. Смеются над тем, как провернули отличную сделку, обведя своего партнера на пару миллионов. И пока эти миллионы лежали рядом в сумке, они

выпивали, отмечая победу.

Вот пара голубков – сбежали с последнего урока, долго бродили по улицам, замерзнув, зашли сюда и теперь внимательно изучали меню, решая, хватит ли им денег на две чашки чая.

Вот мужчина лет сорока, а напротив молодой крепкий парень. Мужчина краснеет, протягивая тому какой-то конверт. Его собеседник вынимает фотографию и рассматривает. Затем убирает бумаги в карман и уходит. А на фотографии жена ревнивого мужа, за которой нужно бы проследить. Уж слишком поздно в последнее время она возвращается домой и слишком хорошо одевается, уходя на работу...

Она вздрогнула, захотелось закрыть глаза. Все становилось невыносимым. Поймала себя на мысли, что про этих людей знала все, а о человеке, которого ждала – ничего. Даже пол его не знала. Видимо, электрические провода и паутина бесконечной сети не передавали такой информации.

Вдруг молодая симпатичная женщина вошла в кафе и растерянно остановилась посреди зала. Она оглядывала людей, ища кого-то, и тут ее окликнул уверенный голос:

– Идите сюда! – та подошла и спросила: – Лея?

– Да, – просто ответила ее собеседница, поймав себя на мысли, что у нее снова появилось имя, и так ее давно никто не называл. Даже этот... который сбежал пару дней назад.

– А почему, Облачко? – оторвалась она от своих мыслей.

– Ну, как-то себя нужно называть, – ответила женщина,

присаживаясь к столу. – Оксана, – представилась она.

– Лея! – повторила Лея. Теперь обе женщины обрели свои имена и могли спокойно поговорить. Оксана достала из сумки конверт и положила на стол. Лея заговорила первой:

– Прежде всего, я хотела бы знать, что будет в этой рекламе?

– Какая разница? – удивилась Оксана, – я плачу, вы размещаете мой баннер.

– Так не пойдет, – спокойно возразила Лея.

– Что будете заказывать? – подошел официант.

– Кофе, – хором ответили девушки, потом засмеялись, словно столкнулись лбами. Официант отправился выполнять заказ, а Лея продолжила:

– Мне не все равно, какая это будет реклама. Для меня это имеет значение.

А девушка, покраснев, хотела, было, вспылить. Это была гордая девушка. И тут Лея поняла, что знает ответ на свой вопрос и уже мысленно видела ее мужчину, который точно так же, как и ее, пару дней назад бросил эту Оксану. Правда, еще оставил квартиру и маленький бутик в центре Москвы. И теперь этой девушке приходилось учиться торговать... сумочками. Делать это она не умела, да и не хотела и совсем не была готова к тому, что ее променяют на кого-то еще. А поэтому настроение у нее было паршивое. Нет, деньги у нее были, и из квартиры никто не выгонял, но все же. И сейчас в ее глазах застыла тоска, а еще была злость на эту Лею,

женщину со странным именем, которая торговала улыбками и смела с ней пререкаться. С ней!.. Хотя, кто теперь такая она? С Рублевки прогнали в однокомнатную клетку, и теперь каждый день, как на каторгу, нужно тащиться в этот бутик! Вдруг услышала:

– Все будет хорошо, – она очнулась от своих мыслей и уставилась на Лею, а та повторила: – Ничего страшного, у тебя все получится, – и добавила: – А ну его к черту!

– Кого? – растерялась Оксана.

– Твоего папочку..., я имею ввиду бой-френда.

Оксана покраснела и зло уставилась в чашечку кофе, которую успели перед ней поставить.

– Откуда ты знаешь? – зло спросила она, но Лея молча на нее смотрела и... улыбалась.

– Как она улыбается!? – поймала себя на мысли девушка. – Так вот почему эта Лея рисовала на своем сайте улыбку, и тысячи людей приходили к ней. – Даже знает, как она его называла! – И подумала: – А когда в последний раз улыбалась она сама?...

Вновь посмотрела на Лею и пробормотала:

– Пожалуй, нужно что-то покрепче!.. Если на моей физиономии написано такое..., – и подозвала официанта, который тут же появился вновь:

– Желаете что-нибудь еще?

– Конверт убери! – строго произнесла Оксана, и спросила: – Что будем пить? – она не сомневалась, что эта стран-

ная Лея поддержит ее компанию. А та, не долго думая, вдруг произнесла: – Кальвадос!

– Кальвадос? – удивился официант.

– Тебе же сказали, Кальвадос! – рявкнула Оксана, и тот испарился. С официантами она разговаривать умела, – и чего-нибудь из закуски, – летело ему вдогонку...

– Почему ты закала Кальвадос? – смеялась Оксана. Эти две молодые женщины теперь часто смеялись, делая это по любому поводу и без повода.

– Этот яблочный сидр... – Лея подняла указательный палец и замерла – она вспоминала. Потом воскликнула: – Афффро...

– Ну? – хохотала Оксана. Лея пыталась что-то добавить, но не могла вспомнить. И чем дольше делала это, тем громче смеялась Оксана. А она снова и снова повторяла: – Афффро...

Тут Оксану осенило, и она воскликнула: – Диззияк!

– Кто? – теперь хохотала Лея.

Афффро... диззияк!

– Точно! Диззияк! Он самый, – наконец вспомнила она. И ей безумно понравилось это название.

– Послушай, а зачем нам с тобой этот диззияк? – замерла Оксана и какая-то мысль уже рождалась в ее голове. В этой немного пьяной, хорошенькой головке.

– Не знаю, – только и ответила Лея и неопределенно по-

вела в воздухе рукой.

– Послушай, подруга! – наконец прозрела Оксана. – Мы сейчас едем в гости! – и достала телефон. Лея, не возражала, молча ожидая, пока эта сумасшедшая, теперь жизнерадостная девушка с кем-то договаривалась о встрече. От ее плохого настроения не осталось и следа, и теперь она собиралась провести безумный вечер и, скорее всего, такую же ночь.

– Поехали! – наконец воскликнула она и подозвала официанта. Тот вежливо спросил, не желают ли девушки еще Кальвадос и, увидев их лица, осекся. Видимо, яблочная водка не пришлась им по вкусу.

Лея протрезвела только тогда, когда оказалась наедине с незнакомым мужчиной. Весь этот вечер они носились по каким-то барам, клубам, и, наконец, попали сюда, в эту уютную квартирку. Оксана со своим кавалером уже успела раствориться в безумной весенней ночи, и теперь она осталась с этим человеком. Она совсем не боялась его, ни о чем не беспокоилась и внимательно его разглядывала. Человек был симпатичным мужчиной, немного старше ее. И квартира его тоже была симпатичной. Вел он себя раскованно, о чем-то говорил, смеялся, наливая кофе, снова говорил. Потом поставил перед ней чашечку и сел рядом. В груди ее приятно защемило. Никогда раньше она не оставалась с мужчиной в первый же день знакомства. Вернее, в первую же ночь. Но сейчас ей почему-то было все равно. Ей было с этим че-

ловеком хорошо, спокойно и интересно. И ему, по-видимому, тоже. Почему бы и нет? Какая разница? После того, как недавно почувствовала на себе нежное прикосновение своего нового друга, его солнечные лучи, это яркое настойчивое нетерпение, ей не хватало одного – тепла. Да! Навероятно хотелось жаркого тепла, огненного поцелуя, страстного настойчивого внимания. Так хотелось снова повторить этот прыжок в неизвестность с самого края скалы, но быть уже не одной, а в крепких объятиях, ощущать сильные руки, чувствовать запах незнакомого тела. Такого с ней не было давно, а может быть никогда! Она уже забыла, как мужчины ухаживают, как ведут в постель и делают это с тобой в первый раз. Первый раз – он всегда необычен. Потом уже будет не так, будет и второй и третий раз, и десятый. А сейчас первый. И ей было интересно. И еще она очень захотела этого симпатичного молодого мужчину. А он все понимал, но почему-то сидел и ждал, оттягивая эту минуту. Делал это с удовольствием. Иногда миг ожидания имеет значения больше, чем тот, следующий миг. Он таит в себе загадку, тайну или сказку, потом все будет понятно и просто, но сейчас. За такой миг можно отдать многое. А он знал об этом, улыбался и ждал. Лея расслабилась. Щемящая томная мука разлилась по всему телу...

Нет, ЗНАЛА, что завтра утром ее отсюда выкинут, потому что его жена вернется из поездки. А значит, нужно все убрать, помыть, сменить белье и проветрить остатки

вчерашнего праздника.

– Ну и что? – сопротивлялась она самой себе. Он ей ничего не обещал и она тоже. Просто встреча на несколько часов, на одну ночь. Так делают многие, почти все! Край скалы! Самый краешек! А потом этот шаг...

А потом он должен будет нестись на работу, оттуда в аэропорт и обязательно купить цветы.

Но сегодня еще оставалось немного времени и можно зашторить плотные занавески, попрощаться с вечерними огоньками за окном. Его нетерпеливые руки снимают с тебя одежду. Эти незнакомые, теплые руки, они полны желания и страсти. Страсти на одну ночь. Скала. До вершины остались последние шаги. Она не сопротивляется, даже помогает. Надоевшая одежда невероятно мешает, обжигает кожу, душит. Хочется избавиться от нее и просто остаться собой. Наедине с собой... и с ним... Всего на несколько часов, почему бы и нет? Он кладет ее в постель... Целует.

А еще нужно выбросить мусор с бутылками и остатками еды из ресторана.

Его руки все более настойчивы, но он опять не торопится. Он и здесь не спешит. Снова ожидание, снова томная мука. Вот уже верхняя маленькая площадка, на которой помещаются всего два человека, а в шаге глубокая пропасть. А потом полет, и сильные руки не дают тебе упасть и разбиться. До края всего один шаг. Он приглашает и ее не спешить. Эта длинная прелюдия – как в музыке. Сначала несколько при-

косновений к клавишам, несколько робких аккордов, а потом все громче и громче. И уже мощное течение незнакомой мелодии захватывает всецело, и ты несешься следом, пьяно, безрассудно наступая на клавиши, и скоро настанет миг, которого ты так долго ждал и стремился к нему. Но пока еще только берешь эти первые ноты, и твой инструмент покладисто отзывается на каждое нежное прикосновение. Потом все будет просто, но сейчас... И голова кружится от предчувствия стремительного полета в неизвестность. В никуда...

И еще... обязательно взять у нее телефон, когда-нибудь можно будет позвонить еще... Кстати, как ее зовут. Как же ее зовут?... А если жена прилетит ранним рейсом? Сделает «сюрприз». Такое уже было однажды...

Она отпрянула и, обхватив колени, резко села в постели, провела по всклокоченным волосам.

– Послушай, а ты смог бы убить мамонта? – вдруг спросила она. Он, недоумевая, тоже сел рядом. – Мамонта? – повторил он. – Ты хочешь сказать слона?

– Нет, мамонта! – зло повторила она.

– Не знаю, – неуверенно произнес он, добавив, – что-то не так?

Но она уже его не слышала: – А ты умеешь рисовать?

– Нет, – удивился он.

– Рисовать камнем по стене или пещере?

Он оторопело посмотрел на девушку, а она куда-то сквозь стены, о чем-то думая. Очнувшись, вскочила и начала лихо-

радочно одеваться. Он продолжал сидеть и смотреть.

– Посуду помыть? – услышал он веселый голос, она была уже в другой комнате, собираясь уйти, – мусор захватить?

Он вышел и уставился на нее. А она своими веселыми, сумасшедшими, как у ведьмы, глазами, смотрела на него, и тут он понял, что потерял сегодня, что выпорхнуло из его теплых ладоней, из его комнаты, из жизни и улетело навсегда – удержать ее было невозможно.

– Меня зовут Лея! – крикнула на прощанье она, – просто Лея, – потом назвала его имя, хотя не помнила, представлялся ли он сегодня, и выпорхнула из квартиры. А он долго еще смотрел на закрытую дверь, совершенно обескураженный...

– Кошмар! Какой кошмар! – билось в ее висках. – Теперь она не может просто остаться с мужчиной, не может провести ночь с человеком, который ей нравится, чтобы потом забыть о нем навсегда. Что с ней твориться? Откуда эти мысли, судьбы, бормотание чужих проблем на ухо. Какое-то проклятье! Скала... Край скалы... А, может, то был всего лишь холмик, поросший мхом. А парень этот – лишь первый встречный, ничего не значащий для нее человек... Значащий!.. Но чего хочет она? Чего ей не хватает? Почему она не может быть такой, как Оксана, как остальные!?

Выскочила на улицу, на свежем ветру стало немного легче, и ноги ее уверенно застучали по мостовой.

– Когда это началось, что с ней творится?

Мысленно прокрутила последние дни и вернулась на тот мост. И вот уже темная, даже, черная вода там внизу. Она притягивает, манит, хочется уйти в нее с головой, не думая ни о чем. А это солнце. Было ли оно? И что это было? И тут в сознании явно промелькнула картина:

Она стоит, облокотившись о парапет, внизу черная река, а небо закрыто плотными облаками. Стоит и смотрит в реку, не в силах оторваться. Еще мгновение... Вдруг слышит спасительные шаги. Идет этот парень, этот красавец. Сейчас он подойдет и предложит ей помощь. Над головой только черная туча, а под ногами черная река. Вот он сравнялся, мельком бросил равнодушный взгляд и... прошел мимо. Он не остановился! Он не спросил ни о чем! А внизу проклятая река, и она наедине с нею! А, может быть, ее больше нет, или это совсем не она, или...

Продолжая вспоминать, мысленно с надеждой посмотрела на человека, который только что прошагал мимо – топот его ботинок еще слышался вдалеке на мосту. И вдруг поняла, что там никого нет. Лишь пустой тротуар и машины, брызгающие грязью. А человека нет! И только река там внизу, да черная туча над головой. Какой ужас!

Ее ножки продолжали стучать по мокрому асфальту, и она больше не помнила ничего. Только слышала со всех сторон бормотание припозднившихся людей. Они шептали ей истории, судьбы, показывали линии жизни на ладонях своих, а она, как ведьма, уносилась в темную мглу, где никакого

солнца, только пустота и круглая луна над головой! Достала телефон и посмотрела на спасительные сообщения. Новых сообщений не было. Она не нужна была никому. И только конверт с бессмысленными, бестелесными деньгами лежал на дне сумочки. Он был настоящим, осязаемым, и деньги тоже. А Мальчик! Солнечный Мальчик – где ты! И был ли ты?

5

Начались долгие мучительные дни кошмара. Утром она подходила к окну, смотрела на улицу, на людей, которые, как на тележках, тащили свои судьбы и жизни, проблемы, тяготы. Она все видела, понимала, и хотелось закрыть глаза, зашторить занавески, спрятаться, забившись в темный угол и не думать ни о чем. А солнце скользило яркими лучами по стеклу, словно просясь в гости. Оно хотело заглянуть в эту темную комнату, осветить ее, но следом врвался ураган чужих мыслей, мучительным потоком проникая в сознание, в голову, разрывая ее на части, заполняя все уголки измученной души, и сил противиться не было. И снова только зашторенная занавеска. Лишь холодильник спокойно встречал ее. Заполнив полки, он чувствовал себя полноценным членом обстановки и глядел с уважением. Не радовали больше деньги, свалившиеся неизвестно откуда. Остались позади проблемы с кредитом и прочей житейской ерундой. Уже не радовала надпись на экране компьютера. Там шли бес-

конечные сообщения, появлялись люди со странными именами, они общались, спорили и все от нее чего-то хотели. Слава Богу, она не знала про них ничего – там были просто буквы, символы, тянувшиеся нескончаемой чередой. И люди эти были только символами. Их жизни не проникали сюда по проводам, и только отдельные слова капали, создавая хаос, океан, нагромождение вопросов и ответов. Но помочь им она ничем не могла, да и не хотела. Так продолжалось несколько дней. Несколько дней, зашторенных плотной занавеской с яркой солнечной каемочкой по краям. Нужно было что-то делать. Так больше нельзя...

Однажды, проснувшись, стремительно оделась и направилась в город, который от нее чего-то хотел, а какая-то непреодолимая сила уже толкала ее на улицу. Только там она найдет ответы на все вопросы. Выскочив во двор, заметила черную машину, стоящую у подъезда, и ее сразу же потянуло к ней. Зачем делала это, не осознавала, только заметила, как окно открылось, и оттуда на нее смотрел какой-то мужчина. Он не звал, не подавал виду и никаких знаков внимания, просто смотрел, но она уже шла к нему. Все происходило по какой-то странной договоренности. Открыла дверцу и села на переднее сидение. Мужчина молча отвернулся, посмотрев на дорогу, надавил на педаль, и они тронулись с места.

Лея сразу же узнала этого человека. Это был тот самый красавец с моста, которого она хорошо запомнила, и теперь он молча увозил ее в неизвестном направлении. Наконец она

спросила:

– Куда мы едем?

Красавец, помолчав, и, не глядя на нее, произнес:

– Вам не все равно?

– Пожалуй, вы правы! – пробормотала она, замолчала и уставилась в лобовое стекло. Поражало одно, это был первый человек, о котором она не знала ничего. Она не чувствовала его, не видела его судьбы и жизни, и только потрясающее, красивое, лицо, немного порочное, но от этого еще более притягательное, было перед ней. На мгновение ей стало не по себе. А мотор уверенно урчал, и машина продолжала быстро двигаться вперед. Страшно не было. Откуда такая самоуверенность – она не понимала. Только в одном не сомневалась – кто-то был с ней, он был рядом, следил за ней и не давал в обиду, а еще знала, что встреча эта не случайна – ее ждали.

Машина притормозила у старинного особняка в самом центре старой Москвы, мужчина вышел и галантно открыл ей дверцу. Потом протянул руку, она ступила на тротуар, ее кавалер закрыл машину и долго еще не отпускал, глядя ей прямо в глаза. Она не понимала, чего тот хотел. Нет, конечно, понимала, это было так очевидно, но во взгляде этом скрывалась какая-то загадка. Сначала показалось, что он набросится на нее прямо здесь, на улице, и все закончится безобразной сценой, потом поняла, что ему в этом порочном желании что-то мешает. А он все смотрел, пожирая ее гла-

зами, на что-то решаясь. Внезапно обмяк, отпустив ее руку, и коротко бросил: – Пойдемте.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Внизу в подъезде их окликнула консьерж. Та была в какой-то странной одежде. Наверное, ее наряду было лет сто, а, может быть, двести или триста, впрочем, как и ее обладательнице, что не мешало ей вести себя с достоинством и вполне убедительно.

– Свои! – на ходу бросил красавец и открыл дверь квартиры на втором этаже. Собственно, этажей в этом доме было всего два.

Квартира состояла из огромной залы, где не было ни коридора, ни кухни, ни других помещений. Только в конце виднелась еще одна дверь, которая была закрыта, а оттуда слышался непонятный шум. Лея замерла, красавец оставил ее, отойдя вглубь комнаты, и сел на стул, а на нее пристально уставились еще несколько человек. До этого мгновения они о чем-то громко говорили, спорили, делая что-то за большим столом, но теперь замолчали, глядя на нее. Она робко поздоровалась, но те продолжали молчать, оглядывая ее, словно это было блюдо, которое подали к столу, и теперь они оценивали, приготовившись резать на части и есть.

– Привел свою ведьму? – резко произнесла какая-то дама, посмотрев на ее знакомого незнакомца. Тот молча кивнул и налил себе что-то в стакан. А Лея все стояла, не зная, что сказать.

– Ну, проходи, дорогая, – услышала она.

Компания состояла из пяти человек, не считая ее провожатого. Четверо сидели за столом, а пятый в отдалении на большом диване. Лея не сдвинулась с места, продолжая их оглядывать. Поймала себя на мысли, что совершенно ничего не знает об этих людях, не чувствует их и не понимает.

– Неужели кошмар позади? – подумала она.

– И не надейся, – произнес один из мужчин. Все продолжали ее с интересом оглядывать, кто-то с обидой во взгляде, кто-то с завистью, а человек в дальнем углу почему-то с жалостью. На огромном столе с зеленым сукном стояли редкие приборы, бокалы, бутылки. Видимо трапеза состоялась давно, а ее пригласили к десерту. А люди эти держали в руках карты.

– Сначала давайте закончим! – воскликнул кто-то за столом.

– Делаем ставки, господа! – громко добавил он. Все отвернулись и начали что-то писать на листах бумаги. И только человек, сидящий поодаль, продолжая с жалостью на нее смотреть, вдруг произнес:

– Идите сюда.

Он подвинулся, приглашая занять место на диване рядом. А остальные продолжали спорить, играть, не обращая на них никакого внимания.

– Пока они занимаются ерундой, я вам кое-что объясню, – произнес он. – Голос его был медленный, вальяжный, он ле-

ниво развалился на краю дивана и смотрел на остальных с апатией и презрением.

– Казанова вам что-нибудь говорил? – вдруг спросил он.

– Казанова? – не поняла она.

– Вон тот красавчик! Так мы его называем.

– Нет, ... ничего..., – пробормотала она.

– Значит, придется начинать с самого начала, – и тяжело вздохнул. Было видно, что для него это тяжелая ноша.

– Может быть, я пойду? – робко спросила она.

– Никуда ты не пойдешь, красавица! – воскликнул человек за столом. Он оторвался от карт и горячих прений, уставившись на нее. Лея осеклась.

– Это кто сказал, что она красавица? – спросила дама. – Рыжая бестия! – презрительно добавила она. Теперь все снова уставились на Лею оценивающе. – И почему в присутствии дамы вы позволяете себе говорить о ком-то еще? – добавила она, – нужно и такт знать!

– По мне, так самая обыкновенная девица, – произнес Казанова. – Таких тысячи! И что Он так завелся?

Лея снова ничего не поняла, а люди за столом продолжили игру.

– Я попытаюсь вам объяснить так, чтобы стало понятнее, – произнес мужчина рядом, – все эти ничтожества за столом...

– Но-но, не очень там, Ильюшенька! – воскликнул кто-то. Он отмахнулся, но заговорил тише:

– Не обращайтесь внимания, красавица! Все эти так назы-

ваемые люди, впрочем, как и я, не существуют. Их больше нет... Призраки... Тени... Отголоски прошлой жизни...

То, что он говорил дальше, заставило Лею содрогнуться. А он спокойно, флегматично и певуче выводил свои рулады, словно размазывал их на песке ленивой рукой.

– Их давно нет в живых, – продолжал он. – Просто они зависли в этом пространстве, в некоем шлюзе и болтаются между небом и землей. Лея, как вам это объяснить проще... Прежде чем попасть туда...

– Куда? – вздрогнула девушка.

– Не важно, куда, – отмахнулся он, – нужно оставить здесь непреодолимые желания, привязанности, короче, все то, что с собой забрать невозможно. Этот балласт нужно бросить здесь. С ним вас не возьмут, не пропустят.

Потом он заглянул в ее широко открытые от ужаса глаза и произнес: – Подойдите к той двери и все поймете сами... Давайте же! Смелее!

Она встала и направилась к двери, робко ее приоткрыв. Перед глазами возникло большое помещение, напоминавшее вокзал. Там сновала масса народу, слышен был шум голосов, и... гулял ветер. Не сквозняк, а именно ветер! В комнате! Это был странный ветер, он был необычайно свеж, что было удивительно для центра города, он шумел, притягивал к себе, манил. Его аромат сводил с ума. Это был ветер надежды и свободы. Он шелестел, приглашая вслед за собой в невиданные, непознанные и неизведанные дали, и у Леи

закружилась голова. Как все это могло поместиться в доме на втором этаже, было непонятно. Кто-то сидел, кто-то стоял или проходил вглубь огромного зала, растворяясь вдали. Люди волновались, трепетали, словно ожидая поезда, который заберет их отсюда, с временного полустанка, и унесет на неведомое расстояние, где всегда солнце, зеленые поля, холмы и высокое небо над головой. У дверей сидел привратник. Завидев Лею, он встал и почтительно задал вопрос: – Вы готовы? – он смотрел на нее с восхищением и трепетом во взгляде. Очевидно, ему приятно было видеть такое лицо. Лея в испуге отшатнулась.

– Куда пошла? – рявкнул кто-то из-за стола. – Закрой дверь и сядь на место. Ильюшенька, какого черта?

Лея в смятении закрыла дверь и вернулась к своему собеседнику.

– Эти свободны, эти уже пошли, – пробормотал Ильюшенька. Очнувшись, воскликнул: – Но остались другие. Вот они за этим столом, где можно провести многие годы...

Он задумался, посмотрел на людей и зло произнес:

– Я вам о них кое-что расскажу. Вы должны знать, потому что с ними вам иметь дело, – и от этих слов Лее стало не по себе.

– Вон тот, у края стола, который сидит и смотрит на бутылку, стоящую поодаль. Это бомжик Фимка. А перед ним коньяк, который пил сам Наполеон. Тот самый коньяк, та самая бутылка! Этому напитку, как вы понимаете, не одна сот-

ня лет. А он все сидит и смотрит на нее... Это, в своем роде, гениальный человек, – воскликнул Ильюшенька. – Он выпил в своей жизни больше 10 тысяч бутылок водки и прочей мерзости. Поставил, в своем роде, мировой рекорд, а теперь сидит перед этим восхитительным напитком и тупо на него смотрит. Уже два года так сидит, ... дай ему Бог здоровья.

– Почему он не попробует этот коньяк, ему жалко драгоценный напиток?

– Выпил бы винтом прямо из горла! – засмеялся Ильюшенька. – Только всех нас лишили кое-каких способностей, и теперь мы от этого невероятно страдаем. Видите испарину на его лбу? А как он мучается? Его давно сбросили в могилку, но потом... Потом дали это ничтожное тело... тельце, и заставили забыть о своем прошлом – о том вагоне, который он выпил. Но не все так просто. Пока его не стошнит каждой выпитой бутылкой, он будет мучиться, а в ту комнату его не пустят. Он завис! А самое ужасное – здесь ему больше не дано почувствовать вкус алкоголя и его крепость!

– Разве такое возможно? – удивилась она.

– Здесь возможно все, в этом и смысл, – ответил он.

– А какой способности лишили этого красавца? – прошептала она и... покраснела.

– Казанову? – громко засмеялся он, от чего тот обернулся и тоже покраснел. – Рекордсмена-любовника, у которого было более 2 тысяч женщин? Посмотрите, какое ему досталось тело? Красавец! Вот только...

– Какой кошмар! – вырвалось у нее. Она все поняла без слов.

– Кошмар! – а пристрелил его на дуэли очередной обманутый муж. Доигрался юноша. Правда, юноше уже почти две сотни лет, большую часть из которых он провел здесь. Вы не смотрите на его внешность. Этот костюмчик так – временно. А теперь каждый день он выходит в город и в бессилии пялится на хорошеньких женщин..., но способен только на это! Полтора столетия ходит так и пускает слюну, не в силах избавиться от своих похотливых фантазий.

– Я слышала о таком понятии – ад?

– Каждый сам себе устраивает ад еще при жизни, только не догадывается об этом или не хочет думать. Скоро вы все поймете сами.

От этих слов она похолодела, а он невозмутимо продолжил:

– Вон наша мадам – Изольда Карловна! Наша Королева.

Только теперь она присмотрелась к этой женщине, заметив, насколько та безобразна. Лицо ее покрывали бородавки, оно было худым, словно череп, обтянутый кожей, которая просвечивалась. Скулы торчали, а нос... Вороний нос нависал над столом и громко сопел...

Ильюшенька тем временем продолжал:

– Так любила себя, что выгнала трех жен сына. Выгнала с работы, извела, изничтожила сотни людей, пережила нескольких мужей, сведя их в могилку,... дай ей Бог здоро-

вья. Ее отрок, как вы понимаете, не выдержал и хотел придушить свою мамочку. Но та выжила, а он потом умер в тюрьме. Вот такая Королева.

– Наверное, она была очень богатой женщиной, женой олигарха. Работала в крупной корпорации?

– Обыкновенная бухгалтер, – засмеялся он, – но какая змея! Тогда еще не было корпораций! Забыл сказать, строила без остановки доносы в прекрасные 30-е на своих соседей и друзей, потом тех увозили в НКВД и дальше в Сибирь.

– Но зачем? – вырвалось у Леи.

– Думаю, от зависти, – равнодушно ответил Ильюшенька. – Посмотрите, какое ей досталось тело? А какая была красавица! И кто ее теперь с этим задранным носом ждет? Никто! Сначала полюби своих мужей и снох, соседей, «подруг» по работе, а уж потом – милости просим. Так и сидит здесь лет эдак сорок...

Вон мужчина за столом, с виду милейший обаятельный человек – ограбил тысячи людей, украв миллиарды на своей финансовой пирамиде. Его зовут Филлипок! Рекордсмен по количеству обманутых вкладчиков в мире! Умница, гений! Дай ему Бог здоровья! По странности умер своей смертью, только теперь не хочет уходить отсюда без своих денег. Их ему оставили, и он может лицезреть, трогать их, нюхать, сморкаться в них... А вот взять с собой не может. И потратить их ему не дают, и зарабатывать больше не разрешают. Вот сидит здесь и нас обыгрывает! Такая незадача... Завис!

А люди за столом их не слышали. Они о чем-то громко спорили, играли и делали ставки. Только несчастный бомжик Фимка пребывал в некой прострации, глядя на бутылку.

– И, наконец, последний. А это уникам! Человечище! Одно из последних поступлений. Вы не поверите!

Лея сидела, с ужасом, но уже с неподдельным интересом, наблюдая за людьми. Она была сражена. Она не представляла, что такое возможно. А еще вспоминала тот удивительный ветер в соседней комнате, он не давал ей покоя, он сводил с ума... Снова услышала голос Ильюшеньки:

– ...лоббировал некий закон... закончик... о введении длинных праздничных каникул в этой прекрасной стране. А страна наша пьющая, страна, любящая погулять. Как говорили издревле – «Веселье на Руси есть питье». А как всем известно, есть определенные силы и серьезные институты... институтишки в «дружественных» государствах, работающие над проблемой сокращения населения в нашей огромной стране. Да и не только в нашей!.. Так вот, за несколько пачек иностранных денег и некоторые преференции этот человек и протолкнул закон... закончик в одно, очень уважаемое ведомство, которое и принимает подобные решения. И дело сделано! Человек-праздник! Дай ему Бог здоровья! А вы знаете, сколько жизней на его счету за время действия этой, так сказать, инновации? Всего за несколько лет? Миллионы! Только за одни новогодние каникулы в старушке Москве в этом году от спиртного и его последствий погибли

две тысячи человек. Только в Москве! И не нужны никакие войны или атомные бомбардировки – несколько взяток чиновникам, росчерк пера и все...

– А от чего он умер? – спросила Лея.

– На масленицу и умер, дай ему Бог здоровья, – ответил Илюшка.

– Перепил? – изумилась она.

– Нет! Этот не пьет! Пережрал блинов! От заворота кишок и почил, так сказать. Вон, рожа какая жирная, а глазки маленькие, такую ряху ему и оставили, – протянул он. – А теперь, когда пришло его время, каждому из этих несчастных он должен посмотреть в глаза. Такое условие – каждому из 4 миллионов!.. Завис, надолго завис, – устало произнес он.

– Ладно, хватит там нести всякую чушь, – и мужчина за столом выругался.

– Палыч, я это так, не со зла, – очнулся Ильюшенька. – Тебе самому все это разгребать. С тебя хватит.

– Зато, я со зла сейчас тебе ножки переломаю, – не унился Палыч.

– Не получится, – зевнул Ильюшенька, и тот почему-то сразу успокоился.

– Вы его не боитесь? – спросила Лея.

– Нет, костюмчик-то казенный, не положено, у нас с этим строго! – и он пощупал одной своей рукой другую, – а если что, ... так сказать ... переведут в другую палату и все.

Помолчал, подумал немного и произнес:

– Так что всех нас лишили после прошлой жизни кое каких рефлексов, способностей, дали напрокат это тельце и теперь все нужно как-то...

– Простите, – не выдержала она, – а чего лишили вас?

Он нахмурился и уставился в пол.

– Ничего!.. Ничего не лишили. Наоборот!.. Но по причине моей невероятной лени брать туда не хотят, – и он кивнул в сторону двери. – Да, и я уже не хочу. Лень! Мне было лень работать, хотя получил блестящее образование, лень было тратить миллионы отца, потом было лень думать, ходить по врачам, когда заболел. Лень было жевать, дышать, и, наконец, жить. Все пустое...

Потом он встрепенулся:

– И надо же такое придумать! – гневно воскликнул он. – Мне дали совершенное тело, временное, но все же, если это вообще можно назвать телом. Идеальное тело с идеальными мозгами! Мне могли бы позавидовать и Аполлон, и Казанова, и Эйнштейн вместе взятые! А эти мне только завидуют, особенно красавчик! Мне разрешено выходить в город, впрочем, как и остальным! Только живи и радуйся! – темпераментно продолжил он.

– Так живите, «дай вам Бог здоровья»! – в недоумении воскликнула Лея.

– Лень! – коротко бросил он.

– Сколько же вы здесь находитесь? – спросила Лея.

– Уже почти сотню лет, скоро юбилей.

– И никуда не выходили?

– Нет!

Она с изумлением смотрела на этого красивого, умного человека... или не человека вовсе. По его виду было заметно, как от этой беседы он устал. Его сильные руки обнимали подлокотник дивана, тело совершенно утонуло в нем, и теперь он флегматично смотрел куда-то вдаль.

– Ты закончил, болтун? – повернулась к ним Королева. Компания за столом закончила игру, и все уставились на Лею, – а теперь послушай меня, – обратилась она к девушке. Она свысока зло смотрела черными, как у ведьмы, глазами, четко выговаривая слова:

– Сейчас ты вернешься в этот чертов город и останешься там. Ты вольна делать все, что угодно, все что пожелаешь. Тебе дали полную свободу действий! Но мы будем за тобой присматривать. И не только мы. И имей в виду, ты будешь знать о каждом человеке абсолютно все. Для начала, это тебе такой подарок! Небольшая общественная нагрузка. На самом деле, подарков тебе приготовлено множество. Целый букет сюрпризов... Ну надо же такое! – вдруг зло воскликнула она, глядя на остальных. Но снова продолжила:

– Но есть одно маленькое условие.

Она замолчала и прищурилась, оценивающе на нее посмотрев.

– Сейчас напряги свои куриные мозги и запомни следующую-

щее – ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА НИКОМУ ПОМОГАТЬ! – она четко по слогам произнесла эти слова, словно в них был заложен какой-то таинственный смысл.

– А то натворишь такое, что Ему долго придется все это разгребать, – добавила она. С улыбкой оглядела людей и равнодушно закончила, презрительно махнув рукой, словно, смахивая крошки со стола: – А теперь ступай!

Лея встала, прищурилась, растерянно на нее посмотрев, потом пробормотала:

– Кому не помогать!?! – потом на мгновение задумалась, соображая и, наконец, спохватилась: – А почему я должна вас слушать? Кто вы такие, чтобы со мной так разговаривать?... Зачем вообще привели меня сюда? Вы никто!!! – горячо выкрикнула она. Короткая пауза повисла в этом просторном помещении. Все переглянулись, удивленно на нее посмотрев, не ожидая такой наглости. Наконец, Королева, сверкнув глазами и ухмыльнувшись, произнесла:

– Далеко пойдет девочка. Что я вам говорила!?! Ну-ну, посмотрим!

– Кто мы такие? – ласково переспросил Филлипок. – Мы такие же, как и ты! Не догадываешься, детка? Иначе, как бы ты оказалась здесь!?

От этой фразы ей стало дурно.

– Не понимаю? – пробормотала она.

– Конечно, не понимаешь, – усмехнулся тот, – и не помнишь, что делала на том мосту?

– Нет, ... то есть, помню, ... ничего не делала, – неуверенно ответила она.

– Это тебе так кажется, красotka, – добавил Палыч. – А темная водица там внизу. Совсем ничего не помнишь?

– Нет, – дрогнула она, – вот он докажет, – и кивнула на красавца. На что Казанова серьезно ответил:

– Суицид, дорогая моя, штука серьезная. Это тебе не придушить кого-то или обокрасть. Такое, знаешь ли, столько времени можно расхлебывать – мало не покажется... Тот, кто берет на себя полномочия Создателя, лишается пропуска навсегда.

– Какого пропуска? – в отчаянии воскликнула она, в бессилии оглядев собравшихся. Но ей не ответили. Все сидели и серьезно на нее смотрели, широко раскрыв глаза. Видимо, последние слова произвели на них неизгладимое впечатление. На мгновение показалось, что сейчас каждый из этих людей-призраков думает о чем-то своем. Первой очнулась Изольда Карловна:

– Просто, тебе повезло, – зло прошипела она, – тебя вовремя остановили.

– Отмотали все назад! – добавил Казанова, – но дали испытательный срок.

– Да уж, повезло, – проворчал за ее спиной Ильюшенька, но на него никто не обратил внимания.

– Кто? – удивлялась она все больше.

– Нашелся покровитель, – проворчал Казанова, посмот-

рев в окно.

– Да закрой ты эту чертову занавеску, – крикнула Королева, – это... уже совсем обнаглело.

– Тихо!.. Спокойно! Думай, что говоришь и о ком говоришь! – трусливо осадил ее Казанова и подошел к окну, зашторив его наглухо плотной шторой, после чего Лее стало по-настоящему жутко.

– Не говоришь, а «говорите»! – поправила его Королева, – сопляк! Бабник! Жалкий извращенец.

– Ах да, конечно! Простите, дорогая... Изольда Карловна! – после этих слов Казанова, снисходительно улыбнувшись, замолчал. Очевидно, спорить с этой особой здесь было не принято. А Королева продолжила:

– Покровитель, понимаешь! Да кто она такая, чтобы ее спасти? Ни рожи, ни кожи, ни родства, – и она закивала длинным носом. – Ни чина, ни звания! Нищенка мутных кровей! Почему ради нее меняются правила!

– Не по понятиям, – буркнул Фимка.

– Я уже шел за ней, а она готова была прыгнуть и захлебнуться. Но Он сказал, что ему такие нужны здесь, – произнес Казанова, – и еще сказал, что эта чертова кукла умеет любить так, как никто в этом городе! Так и сказал! – потом прошептал: – Интересно, как это? – наклонил голову и задумался, безответственно фантазируя. Потом пробормотал: – Ох, любит Он рыженьких, – и причмокнул, клацнув языком.

– Значит, и останется здесь, только пусть теперь знает про

тех ублюдков, – и она кивнула в сторону окна, – абсолютно все! Пусть шатается по этому городу, как по помойке и собирает все мерзости! Подарим ей такую мировую скорбь, пусть во сне переворачивается! Любить она умеет, понимаешь! – гневно закончила Изольда Карловна. – Повторяю! Ты не имеешь права никому из этих ничтожеств помогать! Запомни это!

А Ильюшенька за спиной прошептал: – Это она вам такое придумала!

– Да, ты просто дура! – вдруг в сердцах воскликнула Королева.

– Почему? – вспыхнула Лея.

– Потому что любила своих мужиков, своих подруг, да всех, кого ни попади, кто был рядом. Поэтому и осталась одна! В нищете и в бедности! Дура и все! Таких, как ты, не любят и не уважают, не ценят, ноги о них вытирают. На службе первую и сокращают. Потому что не умеешь постоять за себя! На кой черт все они тебе нужны? Ты женщина! Ты должна быть гордой, независимой, красивой, трезво смотреть на вещи и людей. Это тебя должны любить и носить на руках! А ты размазня и позоришь женский род. Сейчас ты вытасила лотерейный билет – тебе дали еще один шанс! Последний! Надеюсь, воспользуешься им с толком. Короче...

– Короче! Наше маленькое пари, – с удовольствием перехватил слово Филлипок. – Делаем ставки, господа! – и глаза у него загорелись.

– Сядь и не мелькай, – бросил ей Палыч. Но она осталась стоять, а остальные азартно переглянулись.

– Твое слово, Фимка, – громко сказал Филлипок. Фимка, не долго думая, коротко бросил:

– Сопьется... от тупости и бессмысленности этой жизни, – больше не проронил ни слова. Филлипок, подождав мгновение, записал это на листе бумаги и продолжил:

– Казанова?

Тот повел бровью, оценивающе глядя на Лею, и со вкусом произнес:

– Станет развратной особой, когда увидит, как мужики падают к ее ногам... К этим хорошеньким ножкам. Кто же тут устоит и упустит свой шанс!.. Другими словами, – станет шлюхой, рыженькой сладкой шлюхой, как леденец на палочке, и продаст себя подороже, – потом серьезно произнес, – только шлюха умеет по-настоящему любить и слушать... И терпеть.

– Палыч?

Тот пробормотал: – Скоро начнет бросаться на людей, пока не убьет кого-нибудь, – подумав, добавил, – или закроется в комнате и тихо сойдет с ума. Так вернее. Такие подарки так просто не даются. За все нужно платить. Подавится наша девушка.

– Палыч, так нельзя, нужно что-то одно! – возразил Филлипок.

– Ну, ладно-ладно, хорошо! Давай – «сойдет с ума»! Да-

вай – «психушку»! – уже громче повторил он, а Королева, не ожидая приглашения, произнесла:

– Наконец, научится плевать на остальных и станет нормальным человеком! Нормальной бабой! Богатой, красивой и умной. Женщиной, черт возьми!

– Спокойно! – осадил ее Казанова. А Филлипок, записав с ее слов, медленно и нараспев, рассудительно произнес:

– Что касается меня, думаю – научится воровать и купит необитаемый остров. Потом оглядел собравшихся и устался на Ильюшеньку.

– Ну, а ты чего сидишь, ставить будешь, или особое приглашение требуется? Или тебе меньше всех нужно? Опять дрыхнешь там?

Ильюшенька очнулся, почесав жесткую шевелюру, немного подумал, потом с грустью пробормотал:

– Думаю, покончит с собой... Во всяком случае, в данной ситуации это наиболее разумное решение, – и добавил, – не так хлопотно.

– Все! Ставки сделаны, господа! – прозвучал громкий голос Филлипка. Потом обернулся к Лее:

– Вы свободны, красавица! Лошадь выпустили из стойла – бега начинаются!

– А срок? – воскликнул Казанова. – Обозначь ей срок!

– Ах да, конечно! – вспомнил Филлипок, – Он сказал, что... срока не будет. А срока-то нет! – и захохотал. – Значит, так тому и быть! Месяц или день, год или столетие – Он

посмотрит. А с Ним не спорят. Срок без срока! – и снова зашелся гомерическим хохотом. – Время пошло, красавица! – и все за столом как-то расслабились, оценивающе глядя на нее.

– Надеюсь, ты все поняла, что я тебе сказала? – бросила напоследок Королева.

– Увидимся, сладкая, – промурлыкал Казанова.

– На посошок? – очнулся Фимка, наливая ей из бутылки коньяк. Он протянул полный стакан, и она почему-то залпом, с отчаянием его опорожнила. Крепкий напиток впился в горло и теплом разлился по всему телу.

– А пьет, как жена императора! – восхитился Филлипок.

– Скорее, как вдова, – резко добавила Изольда Карловна. А лицо Фимки перекошило. Он даже рот открыл, когда она опорожнила стакан, и крупная капля пота потекла по его лбу.

– До скорой встречи! – глухо донесся голос Палыча, как из могилы или из преисподней. – Желаю поскорее свихнуться! – и замолчал. Лея зачем-то обернулась на Ильюшеньку и уже хотела идти, но тот, виновато посмотрев на нее, произнес:

– Я провожу.

Он с трудом поднялся с насиженного за столетие дивана, довел ее до двери и даже спустился на несколько ступенек.

– Зачем им это? – остановившись, нервно спросила Лея.

– Не знаю... Ревность, злоба, обида..., чтобы вам больнее было. Такие исключения делаются не для всех, – трезво, рас-

судительно произнес он и громче добавил: – На моем веку такое впервые! Помолчал немного и пробормотал: – Кроме того они испросили себе индульгенцию.

– Не поняла?

– Ну... Тот, кто выиграет этот спор, будет допущен дальше... На следующий уровень. Как в игре!..

Лея долго молча смотрела ему в глаза.

– Лошадь выпустили из стойла, – вспомнила она слова Филлипка.

– И еще вопрос, зачем поставили вы? – и почему-то через силу улыбнулась.

– Скука, – не глядя на нее, пробормотал Ильюшенька, – невероятная скука! К тому же – все это только игра! – и, заглянув в ее глаза, обомлел. А она задала последний свой вопрос:

– Ильюшенька, а как на самом деле зовут вас? – и снова улыбнулась. Коньяк в эти страшные минуты чудесным образом придал ей силы, ударив в голову. Ильюшенька стоял совершенно изумленный, глядя на эту женщину и ее улыбку, потом пробормотал: – Илья... Так и величают, просто Илья... А... А можно будет с вами встретиться как-нибудь еще? – робко произнес это и покраснел, продолжая на нее смотреть.

–хлопотно это, Илья, – резко ответила она, но уже спокойнее добавила, – я подумаю... если, конечно, не сойду с ума или не сопьюсь, не стану шлюхой, не уплыву на необи-

таемый остров или просто не покончу с собой. Прощайте! – и выскочила на улицу, где яркое солнце, встретив ее с нетерпением, горячо освятило лицо и трогательно обожгло своим вниманием...

6

Потом она долго бесцельно шаталась по городу, не разбирая дороги и не замечая никого, а в голове, как вспышки, мелькали бессвязные фразы:

«... Призраки... Тени... Отголоски прошлой жизни... Их давно нет в живых... Они зависли между небом и землей...».

В соседней комнате зашумел ветер, унося ее в бесконечную даль, а в памяти возникали чудовищные слова: «Всех нас лишили кое-каких способностей», «Все это только игра»...

Сейчас перед ее глазами стояли физиономии этих людей-нелюдей: Похотливо-порочное, красивое лицо Казановы, безвольное, потное от невероятных страданий – Фимки, улыбающееся Филлипка, словно тому все нипочем, за ним тупое безразличие Палыча, гневное, устрашающее обличие Королевы и, наконец, флегматичное – Ильюшеньки.

– Так вот, как выглядит ад, – подумала она и содрогнулась. – А, может, ничего страшного нет. Сидят себе эти люди в комнате и играют в карты. Просто играют! Уже десятки лет! Уже сотни лет!.. Давятся пороками, обгладывая свои

грехи... Играют в человеческие судьбы.

И вдруг в голове промелькнуло:

– Ты такая же, как и мы. Испытательный срок! Лошадь выпустили из стойла! Бега начинаются!

Они поставили на нее, и теперь она и была той лошадью, которую запрягли и пустили по кругу... Рыжая лошадь! Нет, не по кругу – вышвырнули в этот город, где она должна была что-то делать. Скорее, наоборот – не делать ничего – полная свобода действий. Что может быть проще – «никому не помогать»? Чушь какая-то! Странное условие – эта Королева от злобы своей просто сошла с ума! Да и кому она могла помочь, кого спасти и от чего? Зачем?... Себя! Тоже зависла!!! Безумие! Неужели она могла сделать этот шаг? – и мысленно перенеслась на тот мост. Но этот эпизод был словно стерт из ее памяти. Она не помнила совершенно ничего! Она не верила в это!

– А если все это какой-то обман, дьявольский розыгрыш? Но кому это нужно?... Тогда откуда все это? – и оглянулась по сторонам, а в голове снова возник рой чужих мыслей. Пока она бродила по улицам – от волшебного коньяка способность видеть людей насквозь несколько притупилась, но теперь, спустя пару часов, вновь проявила себя с новой силой, и сейчас она трезво смотрела на город и людей. Отчаянно захотелось сделать еще глоток того коньяка, который дал небольшую передышку. Но спасительная бутылка оставалась в странной комнате, а она один на один с этим горо-

дом, где люди проходили мимо, оставляя ей на память свои тяготы, истории, судьбы. Снова только проблемы, и ничего более. А она все знала, видела, все понимала.

Вдруг улица напомнила ей огромный военный госпиталь. Раненые лежали стройными рядами на каталках. Их раны были открыты, они кровоточили, и им требовалась срочная помощь. А она с белой сумкой и красным крестом пробиралась между ними, думая:

– Кому еще можно помочь, кого спасти, как? Зачем? От кого?... И чего от нее хотят?

Очнулась от этого странного наваждения. А люди мчались по своим делам, не обращая на нее внимания, как будто их тоже кто-то запряг, и они, закусив удила, несутся по своему предсказуемому кругу. Нет, двигались они в разных направлениях, но если проследить траекторию их пути, можно было заметить, что был он коротким и замкнутым. И непременно заканчивался сегодня там, где начался утром. А завтра все с начала. Тоже зависли?! Интересно, о чем они думают, что их объединяет?

Сейчас она, словно знакомилась заново с этим городом, широко раскрыв глаза:

- Нужно успеть на работу – сегодня дадут зарплату...
- Нужно купить...
- Нужно оплатить.
- Отдать...
- Взять...

– Занять...

– Нужно... нужно... нужно...

Увидела молодого парня:

– ...на свидание... к ней... к любимой... только бы не опоздать... А еще ей нужно купить...

– Почему они думают лишь о деньгах?... Но ведь это нормально! Так было всегда, почему же именно сейчас она обратила на это внимание? Что повернулось в ее мозгах? Скорее, это ей нужно помогать, если она думает так. А этим... Дать деньги, и все? Как просто! – но вспомнила лицо Филлипка, который раскладывал карты, а за спиной его находился тяжелый воз украденного бумажного хлама, который крепко держал его здесь и не отпускал. А всего в нескольких шагах находилась комната, где гулял волшебный ветер. Только бумажки эти взять с собой нельзя... Тогда зачем они нужны?

Она остановилась. Сплошной людской поток превращался в широкую реку. Он двигался ей навстречу, а над ним, словно облако, зависли человеческие желания, их сокровенные мечты. Они имели свои тона, переливаясь всеми цветами радуги. Она оторопело, с ужасом, продолжала наблюдать. Она была потрясена! Никогда раньше не видела такого!.. Нет! Стоп! Все эти призрачные облачка были почти одного цвета – грязно-коричневого и больше никаких оттенков. Лишь иногда зарницами вспыхивали крошечные огоньки – яркие всполохи, но и те мгновенно тухли, угасая.

– Еще один подарок из того букета, – мелькнуло в ее го-

лове. А облако висело в воздухе, пропитанном серой пылью, пронизанном сыростью весеннего дня, и напоминало смог.

– Так вот, что такое смог! Ярко-коричневое облако из человеческих мыслей.

А люди все шли. Она уже добралась до пешеходного Арбата, где машины не ездили, только люди – тысячи, миллионы... И вдруг показалось, что она поднимается над этим людским потоком и летит над головами прохожих, а облако рыжим шлейфом, кирпичной пылью касается ее тела. Начала задыхаться, нечем было дышать. Этот яркий туман проникал за пазуху, просачивался в карманы, в рукава, под воротник, в поры, в кровь, разливался по всему телу, заполняя легкие и все ее существо. А люди шли, их мысли вырывались наружу, висели в воздухе, звенели, как колокольчики, на разные голоса... Нет, на один голос:

– Нужно, купить, заплатить, достать, отдать, расплатиться...

Неожиданно, словно спустившись на землю, замерла. Неподалеку, у театра им. Вахтангова стоял молодой человек и играл на флейте. Звуки его инструмента осмеливались подниматься к этому плотному рыжему потоку и висеть маленьким облачком, а цвета его поражали своей глубиной. Она никогда не знала, что в палитре есть столько цветов – тысячи, миллионы, и нот в этой мелодии было столько же. Они вибрировали, заставляя людей оглядываться. Те на мгновение замирали, смотрели на парня, лица их светлели. В этом

месте, словно в жаркой рыжей пустыне, образовался крошечный оазис, и он притягивал, приковывая к себе внимание людей, и волновал. А над ним, сквозь расщелины домов узенькой улицы проглядывало небо и яркое солнце...

– Солнце, – подумала она, посмотрев наверх и прищурив глаза.

– Снова яркое солнце! – она купалась в его лучах, слушая музыку. Уже парила над мостовой, неслась стремительной птицей к небу, поднимаясь все выше и выше, и космос раскрывал ей таинственные объятия... Вдруг очнулась. Внезапная тишина оглушила ее, заставив содрогнуться, вернуться на Землю, широко раскрыть глаза. Парень-музыкант, сделав перерыв, присел перед открытым футляром и чем-то занялся. Она пригляделась, флейта безвольно легла рядом на бордюрный камень, а он доставал из футляра деньги. Потом методично, с удовольствием опускал желтые монетки в один мешочек, белые в другой, а бумажки, аккуратно разглаживая, клал в карман. А вокруг снова только шум толпы и отголоски чужих мыслей:

– Нужно купить, нужно заплатить...

– Господи, ну почему ей досталось все это? Даже, если нарушить то условие, чем могла она им помочь?... Ничем... У нее ничего не было для этих людей. Даже белой сумки с красным крестом... Даже денег! Да и зачем все эти люди ей нужны? Почему она думает о них?!?!

И снова, словно в полете ведьмы, мчалась она до самого

дома, неслась над головами, а коричневое облако висело над землей, скрывая от горожан небо и яркое солнце, которое им было не нужно. Оно им было не интересно...

Только теперь вспомнила слова Ильюшеньки:

– Это она вам придумала такое. Врагу не пожелаешь...

– Уж лучше никого не видеть и ничего не знать, – вздрогнула она, – помогать кому-то! Бред какой-то! Полный бред!.. И непонятно – что ей нужно сделать и чего от нее хотят?! – этот вопрос теперь мучил ее больше всего.

Вбежав в подъезд и поднявшись на свой этаж, наконец, избавилась от навязчивого города, замкнувшись в четырех стенах. Закрылась окнами, зашторилась занавесками. А долгожданная тишина помогла остаться наедине с собой. С собой и с безумными мыслями:

– Что делать? Что-то нужно делать? – билось в ее сознании. – И что с ней будет, когда этот жуткий испытательный срок закончится? Второй шанс! Чего от нее хотят? Неужели сейчас она снова стоит на краю, словно на том мосту, и теперь должна что-то сделать. Кому-то понравиться? Зачем? Неужели каждый должен кому-то понравиться – кем бы Он ни был? Но это несправедливо! Сейчас она отвечала за то, чего не совершала. Да, хотела сделать, но не сделала, не смогла!.. Или ее остановили и дали еще один шанс? А теперь она должна была им воспользоваться.

Дикая мысль промелькнула в ее голове:

– А если она не выдержит этот экзамен? Что будет, если

она его не сдаст? Неужели это конец? Тот самый, о котором лишь на мгновение она подумала на том мосту? И теперь пришел черед искупать тот шаг, которого не делала, а мутная вода снова была перед глазами.

Ночью ей приснился сон... Снова улица, запруженная людьми. Снова летит она, едва касаясь тротуара, поднимается все выше, и перед ней возникает невероятное зрелище. Там, в конце кривого Арбата появляется мощная фигура гигантского мамонта. Он мчится, не разбирая дороги, потом коротким переулком перескакивает на Новый Арбат. И вот движение остановилось. Машины замерли, люди в недоумении начали выскакивать из них, сбиваясь в пугливые стайки. Пешеходы, в ужасе прилипнув к тротуарам, замерли, остолбенев. А мамонт все мчался по самому центру широкой улицы, сметая автомобили, коверкая их, превращая в груды металла. И вдруг улица превращается в зеленое ущелье, зажатое со всех сторон высокими холмами, а испуганные стайки прохожих уже соединяются в могучий поток. Теперь все эти дикари, сбросив одежды, постылые мысли свои, привычки, с копьями наперевес и камнями в руках настигали свою жертву, а в глазах сиял невероятный звериный восторг. Исчезли машины – только высокая трава, сминаемая мощными ногами мамонта и босыми ступнями дикарей. Зверь в ужасе вращает огромной головой, могучие бивни грозятся невиданной силой, а хобот мотается в разные стороны – он чувствует, что

его догоняют. А люди все бегут.

Вдруг заметила, как высокий человек впереди воинственного племени остановился, замер, уставившись на нее. Он был высокого роста, на нем была короткая набедренная повязка, а в руках копьё. Его сильное потное тело было загорелым и отливало коричневым блеском, а глаза светились диким восторгом. Мышцы были до предела напряжены, они мощными буграми проступали на теле – он только что готовился к решающему прыжку, но теперь остановился как вкопанный, продолжая на нее смотреть. Она застыла от ужаса, нервная дрожь пробежала по всему телу. И вдруг этот человек сделал невероятную вещь – он улыбнулся! Он ей улыбнулся, показав свои белые зубы! Это была ослепительная дикая улыбка то ли зверя, то ли человека, и она вздрогнула. Она так давно не помнила, чтобы ей кто-то улыбался. Никогда не видела, чтобы кто-то улыбался ей так. Неужели нужно стать зверем, чтобы уметь так улыбаться? Но почему зверем? Может быть, просто человеком? Человеком, с обнаженным телом и юной душой, с сильными руками и горячим сердцем. С желаниями!.. А они были так искренни и просты. И она уже таяла, как мороженое на раскаленном солнце, под этим взглядом и наивной улыбкой, которая по-звериному была невинна и чиста. Нет, не по-звериному – по-человечески! И больше не хотелось ничего...

Нет! Хотелось! Многого хотелось! Хотелось всего! Она тоже улыбнулась, и невероятный восторг отразился на лице

дикаря. Только теперь поняла, какая улыбка досталась ей в подарок на том мосту, или в той комнате, или... Не важно, где. Но знала точно – эта улыбка обладала магической силой. И так захотелось сбросить с себя надоевшую никчемную одежду, ступать босыми ногами по высокой траве и мчаться вдогонку. Твои рыжие волосы будут развеиваться на легком ветру, а впереди будет маячить сильная спина, за которой можно спрятаться и где ничего не страшно, только дикий восторг от бега или полета в неизвестность. А дальше край скалы. Тот самый краешек, где теплые руки обнимут тебя и не дадут оступиться. Но если ты все-таки сделаешь этот шаг – то только вместе с ним...

Она проснулась и подскочила на кровати. Сон исчез, сон растворился в ночи, и человек с копьем тоже. А был ли он – человек этот? Если был, где он сейчас? Где эти сильные руки, его улыбка? И лишь яркое солнце осталось из недавнего сна. Оно было рядом, было с ней и улыбалось, желая ей доброго утра и хорошего дня. И она вздрогнула, вспомнив обо всем, – «испытательный срок» продолжался...

7

Так в смятении провела остаток вчерашнего дня, потом ночь наедине с безумным видением, проснулась, и теперь мучительно соображала. Нужно было что-то делать, как-то начинать этот день и завтрашний тоже, если он для нее на-

ступит: – Срок без срока! – вспомнила она. Сознание и волю парализовало. Она должна была для себя что-то решить, а сил не оставалось, и откуда их брать, не знала. Сидела на кровати, обхватив колени, как потерянный, выпавший из гнезда птенец, свернувшись комочком, и временами казалось, что сходит с ума. Думала лишь об одном – чего от нее хотят?

– Как просто уткнуться в подлокотник дивана, и никого не замечать, никуда не выходить, – и вспомнила большую фигуру Ильюшеньки, – забиться в угол и тихо сидеть там.

– Как просто наплевать на остальных и идти своей дорогой, не думая ни о ком, – и вспомнила странную женщину-ведьму Королеву.

– Но почему она не может так? Что в этом сложного? Что мешает? Как просто жить своей жизнью! Зачем ей кто-то еще? Почему она не может быть среди людей? Откуда эти мысли, эти сны? Почему хочется бежать, никого не замечая? Что с ней творится? Какой-то мамонт, ... а тот дикарь в короткой шкуре на бедрах. Она так жаждала его найти, встретить! Так хотела быть с ним! Уже любила этого дикаря с копьем в руке и удивительной улыбкой. Сходит с ума? Зачем он ей, зачем все это? А в этот момент за ней откуда-то наблюдают и чего-то ждут! – и от мысли такой ее передернуло. Только теперь поняла, как это ужасно постоянно ощущать на себе чей-то пристальный взгляд. Сейчас она была, словно под рентгеновским лучом, чувствуя на себе чье-то внимание – ежеминутное, ежесекундное и даже во сне!!!.. Быть

совершенно голой! Быть на виду со своими мыслями, желаниями... Желаниями? Чего от нее хотят? Интересно, можно ли обойти ту комнату? Если на всех наплевать – получишь такой же длинный нос и будешь всех ненавидеть, если зальешь эту жизнь водкой, чтобы не думать ни о чем – снова окажешься там. Как быть? Тихо сидеть в своем углу? Но тогда можно превратиться в безвольного ленивца и зависнуть там на долгие годы, на столетия. Не делать ничего нельзя, она знала это точно. Иначе ее не выпустили бы в этот город. И осталась бы она в той комнате надолго, может быть, навсегда. Значит, нужно что-то делать. Что? И опять вспомнила мощную спину дикаря, за которой почему-то чувствовала себя спокойно и уверенно. И еще знала, что этот получеловек – полужверь с дикой улыбкой точно минует ту комнату и не зависнет. А после... сразу же обретет свободу. Да и сейчас, с этим копьём в руке он был совершенно свободен.

– Становиться дикарем? Не зарабатывать денег, не делать карьеру – если все это тяжелым бременем ляжет на тебя потом... Можно родить ребенка. Конечно! Ребенка! От кого? Не важно! И на какое-то время жизнь обретет смысл. Но, когда он вырастет, – снова остаться наедине в немощи, одиночестве и бессилии перед этим временем. А останется еще значительный отрезок жизни – как быть с ним? И зачем человеку дана такая длинная жизнь – родил, воспитал, выполнил свою миссию и ступай с Богом. Так нет же!

Сейчас она поняла, что впервые в жизни думает об этом.

– Почему?

– Можно писать картины, сочинять музыку... Но все это снова только ради денег – так сегодня делают все – так устроена жизнь! А если о них не думать, забыть о бестелесных бумажках, и, как Гоген разрисовывать стены своей пещеры... Снова пещеры!.. Своей хижины гениальными рисунками!.. Потом заболеть смертельной болезнью и сжечь музей-жилище, отойдя в мир иной. Или, как Моцарт, умереть в бедности и нищете, заняв место в братской могилке. А спустя столетия о тебе непременно вспомнят и поднимут на Олимп, но тебя уже давно нет среди живых. Какой ужас!.. Тогда, что остается? Искать своего мамонта? Чушь какая-то! Полный бред... Просто нужно взять себя в руки и найти какое-то дело, стать такой же, как все! Наверное, этого от нее и хотят. Она должна найти свое место, маленький уголок в этом огромном городе, а там будет видно... Только, как жить, если знаешь, что на тебя непрерывно смотрят, пристально наблюдают, решая твою судьбу, и даже делают ставки...

Она вскочила, оделась, накинула на себя легкий плащ, захлопнула ставшую ненавистной квартиру и без оглядки бросилась в город. Он должен ее принять. Ей нужно с этим городом договориться. И выход только один – нужно научиться жить, как все!

Бульвар был разделен широкой дорожкой, по обе стороны которой росли деревья и были расставлены скамеечки, а по-

всюду сновали люди. Они не обращали на нее внимания, а она, широко раскрыв глаза, сидела и в упор на них смотрела. И мерзла. Было очень холодно. Весеннее солнце больше не согревало, а так хотелось тепла. (Легкий плащик не спасал, зябко укутывая от ветра и холода). Но она все продолжала смотреть, сидя на мокрой скамейке. Теперь, преимущественно на женщин. Как они в этом городе живут? Почему она не может так? Чем она хуже?

Женщина лет тридцати промчалась мимо. Женщина торопилась – в обеденный перерыв нужно успеть в магазин, потом на почту, в банк, наконец, вернуться в офис и закончить дела. Она была бухгалтером. На работе перелистывала папки, считала цифры, сдавала квартальный отчет. Зачем делала это? Не важно. Но цифры должны быть в полном порядке, ровными столбиками занимая четкие места на бумаге и на экране компьютера. И вся бухгалтерия должна вестись бдительно и хорошо, а иначе будут проблемы с налоговой, и тогда ее выкинут с работы, нечем будет кормить ребенка, и не на что будет жить. Но что это за чудо-цифры? Это не важно! Цифры и все! Не ее дело. Чужие цифры. И деньги тоже чужие. Главное – все посчитать, разложить по полочкам и вечером мчаться домой. А завтра все с начала.

– И почему мужчины заставляют женщин считать свои цифры? Как это жестоко! – подумала она.

Вот молодая женщина, совсем еще девчонка. Она шла на встречу с клиентом. Работала в агентстве недвижимости

и продавала квартиры. Считалась лучшим агентом, потому что ей везло. Нет, скорее, не везло, просто она умела разговаривать с мужчинами. И если клиент был мужского пола, его непременно «отдавали» ей. Есть такой дар – убеждать мужчин. Была она симпатичной девушкой, с хорошенькой фигуркой и замечательна одета. От нее восхитительно пахло духами, и любой мужик был бы не прочь провести с ней время. Все равно – как. Она это знала и, разумно соблюдая дистанцию, пользовалась своей внешностью. А эти духи дорого обходились ее клиентам. Мужчины готовы были выложить любые деньги за ее квартиры. Потом она получала свой процент и тратила безоглядно. Только на себя! А на кого еще? Снова продавала и снова тратила... Этот город для нее состоял не из улиц и площадей, скверов или парков, кварталов и домов, а из объектов недвижимости и квадратных метров, где каждый имел свою цену.

– Интересно, чем бы она занималась тысячи лет назад? И сколько тогда в пещере стоил квадратный метр?

Вот женщина-коммерсант, вернее, владелица точки на рынке, который был неподалеку. Ей постоянно не хватало денег. За место плати, пожарникам плати, проверяющим плати, бухгалтеру, налоговой... Плати, плати... И поэтому приходилось крутиться. Сейчас она продавала всякую хозяйственную ерунду, и прибыли не было никакой. А, значит, нужно что-то придумать. Придумала! И теперь шла из типографии с новенькими упаковками для шпагата, где было

написано – длина 20 метров и название фирмы. Фирма и не знала, что женщине приходилось отрезать половинку от каждой бечевки, где теперь оставалось всего метров 10. А в эту упаковку она обернет остальной шпагат. А иначе нельзя, иначе бизнес будет убыточен – слишком много в этом городе от нее хотят.

Вот женщина, которая работала в солидном супермаркете, где переклеивала этикетки просроченных продуктов на новые. Занималась она только этим. Наверное, должность ее так и называлась – «переклейщица». Работа у нее была такая. А если придет проверяющий и схватит за руку, придется краснеть, молчать и брать все на себя. Так велел хозяин.

– Но почему мужчины заставляют делать это женщин?

Вот девушка-секретарь. Идет, сияя весенней улыбкой. Лея даже вздрогнула. Эта девушка на самом деле улыбалась. Там, в своем офисе, она перекладывала какие-то бумаги, папки. Отвечала на звонки, потом нажимала на кнопки и переключала. Наверное, работала «переключателем». Еще приносила шефу кофе или чай. Зачем перекладывала? Чтобы все было в порядке. Если есть бумаги – они должны быть в порядке – а как же иначе? Но сегодня у нее был счастливый день. Недавно она прочитала в газете объявление: «Увеличение бюста на 2 размера! Сто тысяч – и вся работа под ключ!» Где у бюста должен быть замочек, куда должен был вставляться этот «ключ», она не задумывалась. Но, главным было то, что теперь у нее эти деньги были – премия щедро-

го шефа! Тот был не против, чтобы ее бюстик был на два размера больше. А она не возражала, чтобы иногда он обращал на нее внимания больше, чем на остальных. И теперь она шла и светилась от счастья! Вдруг заметила Лею. Словно, прочитала мысли:

– Зачем бюстик? Глупая! Как это – зачем? Затем! – и отправилась дальше.

– Интересно, что подумал бы тот дикарь, если бы его подруге за сто тысяч бумажек сделали бы такой подарок? И что сделал бы он с таким спонсором?

Потом шли женщины «продаватели» и кассиры, женщины «проверятели», «обуватели» и «одеватели», «кормители» и «поители». Женщины-любовницы и подруги. Просто, женщины, которые, как и она, были пока никем, но уже готовились что-то продавать, предлагать, настаивать, приносить кофе, увеличивать бюстик и терпеть настойчивость шефа. Они ничего не делали. То есть, ничего не создавали. Вся обувь и одежда шились на далеких фабриках и заводах, еда выращивалась на далеких фермах или угодьях, полях. Сделать они могли только одно – то, что скажет их мужчина-шеф! Некоторые сами пытались что-то придумать, но делали это как-то по-своему, по-городскому, по-мужски. Еще могли родить ребенка! А ведь это немало! Это так много! Но что потом? И еще – все эти женщины хотели одного – денег.

– Но, почему? Ведь вы лучшая половинка человечества, а не убогие особи мужского пола, которые думают лишь о

деньгах, выпивке и сексе, – и вспомнила обитателей странной квартиры, где недавно побывала. Снова посмотрела по сторонам:

Вот эти две женщины торговали на рынке огурцами. А, значит, где-то рядом находились те другие, которые считали первых, третьи считали, тех, кто считал вторых. Четвертые контролировали и первых, и вторых, и третьих. Все эти женщины, безусловно, ели эти огурцы. Но, где же те, которые их выращивали!?

– Может быть, нужно сбежать из этого города далеко-далеко? На необитаемый остров! – вспомнила она. Вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Большая рыжая собака издали на нее смотрела. Она давно за ней наблюдала:

– Подойти или нет? Есть ли у этой женщины что-нибудь для нее? Если есть – можно помахать хвостом. Если нет... А если найдется лишь какое-то несчастное печенье или кусочек хлеба – хвостом махать не будет. Стоит ли напрягаться?

Поймала себя на мысли, что понимает и эту собаку, чувствует, знает ее мысли – меркантильные мысли ленивой городской собаки, которая на этой улице была такой же, как все, ничем не отличаясь от остальных.

– Интересно, какие собаки были тогда – давно-давно? И были ли они вообще? – и продолжила честно вглядываться в лица прохожих, пытаюсь для себя что-то решить. Сейчас она, как гостя, отвечала на сложный вопрос, как ей в этом городе жить и кем быть? И зачем?

Неожиданно шаги на улице стали раздаваться чаще. Все внезапно устремились куда-то, а издалека послышался гром. Это был самый настоящий гром! Уже мокрые капли настойчиво стучали по крышам, по асфальту, и сильный дождь неудержимым потоком пролился с небес. Ветер неожиданным шквалом накрыл город. Стало темно. Рядом никого. Люди в смятении прятались кто где – под навесами магазинов, на остановках, в арках, под козырьками домов. И даже собака, тихо скуля, забилась под скамейку поодаль. А гром уже сотрясал тяжелый воздух, разбухший от холодных струй воды, и молнии били со всех сторон. Началась гроза, такая ранняя для апреля месяца, когда еще не растаял снег, а последние сосульки лениво капали с крыш, не желая таять и не ведая, что их ожидает. А тут гроза, и шквал воды, и ураганный ветер! Лея замерла, вжавшись в скамейку. Собака с жалостью и удивлением на нее уставилась, а неподалеку раздался грохот, и яркая вспышка ослепила лицо.

– Бежать!.. Куда?... Зачем?..

Ледяная вода просачивалась сквозь одежду, затекая под воротник, шквалистый ветер не давал ей подняться, встать, сбежать отсюда, мешал спрятаться под навесом, где город примет ее в свои объятия и спасет, и не даст замерзнуть. А молнии уже били одна за другой. Дождь нарастал. Он смывал остатки снега, остатки зимы, настаивая на весне, на смене этого надоевшего времени года, а черная туча, облокотившись о крыши домов, низвергала водопады воды.

Внезапно яркий луч света прорвался сквозь крошечное окошко в черном проеме неба и осветил лицо. Она была потрясена. Мгновение назад она лишь подумала об этом. Это было чудом! Уже готова была поверить, что это чудо сотворила она сама! Почему нет?! И откуда взялись силы? Она вскочила и посмотрела наверх, подставляя себя ледяным каплям. Холодно не было! Наоборот! Стало нестерпимо жарко! Ее сердце колотилось с бешеной силой от предвкушения чего-то, от прикосновения сумасшедшего потока, который ниспадал с небес. Сейчас она ощущала в себе всю силу разыгравшейся стихии, которая, поливая водой, пыталась сбить ее с ног, снова лупила, а в глазах замер нечеловеческий восторг. На какое-то мгновение почувствовала себя частицей этого дождя, крошечной каплей. Она была в каждой молнии, слепившей глаза испуганных горожан, которые, прижавшись друг к другу, с недоумением на нее взирали. Была громом, мощными раскатами пролетая над мокрым городом, черной тучей, которая нещадно умывала улицы и крыши домов, ветром, сносившим все на своем пути. Уже играла с молниями, жонглируя ими, а они стали совсем ручными, почуяв хозяйку и повелительницу. А стихия продолжала безумствовать! Казалось, деревья сейчас вырвет с корнем, дома повалятся, крыши пролетят над городом испуганной стайкой, а она все будет стоять, не шевелясь, с восторгом, умываясь весной, которая для нее наступила впервые. И терять ее уже не хотелось, а там – будь, что будет! В душе

пело, в душе ликовало невероятное желание нестись вслед за ветром, брызгать в людей струйками ледяной воды, сверкать огнем, бить молниями, а над головой между домами в прорехе небесной, сверкающее яркое солнце. И вместе с ним она будет светить, давая тепло и жизнь, умываясь восторгом! А, еще знала – в это мгновение город принадлежал только ей одной! Наконец, она с ним договорилась!

И тут она сорвалась с места и побежала. Это была неукротимая черная молния, которая мчалась по тротуарам, по улицам, неслась мимо замерших в заторах машин, по бесконечному зеленому полю, конца которому не было видно. Нелепо размахивала руками, прыгала, танцевала, снова неслась. А дальше бесконечный синий горизонт и солнце над головой. А дальше дикий зверь, которого она настигала, уже слыша его испуганный вой. А рядом люди. Десятки, тысячи! Они тоже что-то кричали и неслись следом в нелепом танце дикарей... Вдруг заметила, что на этой улице была не одна. Она была потрясена! Неподалеку из-под козырьков начали выскакивать какие-то парни, размахивая над головой мокрыми куртками, девчонки, с голыми пупками, мужчины, женщины. Все они черными мокрыми точками сверкали на ярком солнце, вода их заливала, но им было все равно. Заметила старичка. Тот вышел из подъезда дома, в недоумении замер, уставившись на нее. Он не прятался от дождя. Он смотрел на эту танцующую, ненормальную женщину, потом поднял глаза к черной туче, нашел в небе яркий просвет и... улыб-

нулся. Он едва стоял на своих старческих ногах, но руки его тянулись, собирая капли дождя. Вода заливала его, но он все стоял, потом собрал в ладони горсть воды, умылся ею и снова улыбнулся. А в глазах его сверкали, полные юности и восторга, счастливые огоньки. Эта весна добралась и до него.

А люди все мчались, не разбирая дороги, по лужам и газонам, уже по колено в воде, что-то громко крича, и звуки их были похожи на рев разбуженного зверя... Нет, не зверя, человека, который выполз из пещеры и посмотрел на солнце. А в глазах их блестел сумасшедший восторг. Таких было совсем немного. Остальные под козырьками, под домами, нависшими мокрыми тенями, стояли, съжившись, переминаясь с ноги на ногу. А эти неслись все дальше! Глядели друг на друга, продолжая с диким хохотом танцевать...

– Ты танцевал сегодня под дождем? – мелькнуло в ее сознании. А на ее страничке уже мысленно появлялась новая картинка, куда снова заходили люди. Сотни людей, тысячи. Они стояли без зонтов, подставляя каплям дождя мокрые лица и спины, и улыбались. Они улыбались ей... А рядом сидела мокрая собака. Всю эту дорогу она бежала следом за этой странной женщиной. Зачем это делала, почему вырвалась из своего убежища, куда, за кем?

– Еще одна рыжая бестия! – подумала Лея. А еще эти мокрые счастливые люди без зонтов с улыбками дикарей. И солнце слепило глаза...

Но гроза прошла, снова высокое небо над головой и го-

род, умытый дождем как новенький замер, сверкая мокрыми тротуарами. Зима сдалась, она ушла, уступив место весне и лету. Ушла ненадолго, пообещав вернуться. Только позже. Потом! Не сейчас!

Все это время она не задумывалась ни о чем. Словно находилась в другом измерении, в другой жизни, где думать ни о чем и не нужно. Просто жить, и нестись под черной тучей, ослепленная огненными лучами солнца. Но дождь прошел, и Лея вспомнила обо всем, словно, вернувшись на землю. Теперь медленно брела, не разбирая дороги, по мокрым тротуарам.

Так, совершенно промокшая, оказалась на незнакомой улице и теперь, не отрываясь, рассматривала большой плакат. Потом, недолго думая, стремительно направилась в открытую дверь высокого здания. Сейчас она не понимала, что с ней происходит. Знала только одно – ей повезло, она нашла то, что в этом городе искала!

– Девушка! Вы совсем промокли! – остановила ее пожилая привратница.

– Да! – с восторгом улыбнулась она на ходу, собираясь идти дальше. Но та, не оценив ее удивительную улыбку, предложила:

– Может быть, вы немного высохнете?

– Конечно! – сообразила она и остановилась, с сожалением глядя в темноту незнакомого помещения, которое ее так

манило, понимая, что в таком виде нельзя. Не положено! И лихорадочно искала выход. Уже готова была уйти, собиралась встать на улице, раздеться догола, подставить себя горячему солнцу, развесить на ветках деревьев мокрую одежду – сейчас она готова была на все, лишь бы ее впустили сюда, но женщина вдруг воскликнула:

– Куда же вы?

– Туда!?! – не поняла Лея.

– Идите за мной, – разумно произнесла она. Потом Лея долго стояла в небольшом тамбуре, а из стенок на нее приятным теплом дул мощный вентилятор.

– И как только сама не догадалась? – мелькнуло в голове. Но одежда высохла, и она снова зашла внутрь здания, купила билетик и стремительно направилась дальше.

Здесь она никогда раньше не бывала, но сейчас шла, почему-то чувствуя себя, как дома. Наконец, поднялась на второй этаж, заглянула в просторный зал, остановилась и заорожено уставилась прямо перед собой. Это был не мираж, не сказка и не плод ее больного воображения. Перед ней был мамонт, настоящий доисторический мамонт! И теперь она оторопело на него глядела, не в силах отвести взгляд. Нет, конечно, это был всего лишь муляж, вернее, остов древнего животного. Его кости были отполированы и покрыты лаком, скреплены они были обыкновенными шурупами и болтами, вся конструкция располагалась за толстым стеклом, а на нее были направлены мощные прожектора. Но все-таки это был

самый настоящий мамонт. И стоило натянуть на него толстую кожу, укутать в теплую шкуру, он стал бы таким, каким и должен быть. А эти бивни – как миллионы лет назад – колоссального размера, они были разведены в стороны, надежно защищая своего хозяина от врагов. Все туловище уходило в вышину, и ростом было с трехэтажный дом. Лея все смотрела, не отрывая глаз. Казалось, что сейчас этот колосс сорвется с деревянного постамента, шагнет в высокую траву и помчится, а стены музея раздвинутся, исчезнут, уступая место широкому лугу, который, распластавшись на многие километры, зеленым ковром расстелится перед этим благородным животным.

И вдруг ее внимание привлекло еще одно зрелище. На стене висел рисунок доисторического племени. Все эти люди или не люди вовсе, а дикари, с копьями наперевес стояли, сгрудившись в стаю, смотрели на нее. А впереди них с невероятной улыбкой замер еще один человек. Тот самый! Из ее сна. Она узнавала его. Она помнила эту улыбку. На мгновение показалось, что слышит запах его тела, чувствует разгоряченное дыхание. Его мышцы буграми проступали сквозь загорелую кожу, а в руке было зажато копье. Он стоял и смотрел на нее. Еще мгновение, и он сделает шаг, сойдет с картины и приблизится к ней. Она задрожала всем существом. Сердце бешено забилося в груди. Уже чувствовала его сильные руки. Он вел ее за собой. Он держал ее в своих ладонях, где помещалась она целиком. Здесь был ее мир. Здесь

она знала, что ей нужно делать. Она любила этого человека, улыбалась ему, а он ей. Эта сказка не была написана на картине или на листе бумаги талантливым пером. Она была настоящей, непридуманной и превращалась в жизнь. В их жизнь! Уже видела их пещеру, закрытую большой шкурой от ветра, холода и дождя, где огонь в очаге отбрасывал тени на стены жилища. Видела тот камень в руке, которым водил он по ней. А эти линии сплетались в удивительную картину. Линия, не прерываясь, уверенной рукой оставляла след на стене, в их жизни, в их судьбе. Он рисовал ее. Он выводил рукой мастера черты ее лица, все изгибы обнаженного тела, фигуры. Оставались всего лишь какие-то штрихи, и картина оживет. Вдруг, шум за пределами пещеры отвлек его. Он хватает копье и мчится прочь, и где-то далеко уже слышится его грозный рык. А огромный мамонт спасается от разъяренного племени. А рядом, в теплых шкурках, лежит завернутый комочек, крошечное существо, маленький человечек, который, широко раскрыв глаза, смотрит на нее и улыбается. И еще тепло очага. И ветер, который трепетно заглядывает в жилище, ласково шевеля ее огненные волосы...

– Мы закрываемся, – неожиданно услышала она чей-то голос. Человек стоял рядом и внимательно на нее смотрел. Он уже несколько раз успел повторить эту фразу, но она не слышала. Он никогда не видел людей, которые такими глазами разглядывали экспонаты в его музее, а потому терпеливо ждал.

– Но почему так рано? – от неожиданности вздрогнула она.

– Обычно мы работаем до восьми часов, но сегодня у нас переучет, – грустно ответил он.

– А-а-а, понятно, кости пересчитывать будете, – неожиданно вырвалось у нее.

– Простите? – удивленно уставился на нее служитель музея. Она в смущении промолчала. Но пожилой экскурсовод внимательно и серьезно на нее посмотрел и почему-то произнес:

– Нет, не кости – деньги.

Никому другому он не сказал бы такого, но этой странной девушке почему-то сказал. А она вдруг спросила:

– А в вашем музее нельзя устроиться на работу?

Он удивился, потом спросил:

– Зачем вам это? – в его глазах застыло искреннее изумление. А она горячо добавила:

– Я могу делать все, что угодно. Могу уборщицей или смотрителем в зале. Могу в гардеробной подавать одежду!

Тот продолжал на нее какое-то время смотреть, потом грустно произнес:

– Нет, милая девушка, музею больше не требуются сотрудники, скорее, наоборот. Сейчас многих будут сокращать, – помолчал немного и добавил:

– Сегодня у нас заседание, где и будет решаться вопрос, как нам жить дальше. История больше никому не нужна. Ра-

ботники музеев теперь живут хуже дикарей, – и показал на картинку, где было изображено племя доисторических людей. Она с сожалением кивнула, посмотрев на картину и снова на него. А глаза ее странно загорелись.

– Это не дикари! – серьезно возразила она. И в запале продолжила:

– А, может быть, вам просто... – воскликнула это и снова перевела взгляд на картину.

– Что? – почему-то с надеждой спросил он, глядя на странную посетительницу. Но она запнулась, ничего не ответив. Потом произнесла:

– Нет-нет! Ничего! Не обращайтесь внимания, – помолчала немного, – это я так, о своем! – и стремительно вышла из просторного зала, где совсем недавно чувствовала себя, как дома. А служитель музея, проводив ее взглядом, долго и внимательно изучал картину, словно видел ее впервые.

Наконец, она вернулась домой и в смятении бросилась на кровать. Думать не хотелось ни о чем, а что ей делать, она не знала.

– Нарисовать дождь! Эту удивительную черную грозу с яркими всполохами и солнцем в округлом окошке.

Подошла к компьютеру и за считанные минуты передала на экране свои ощущения от грозы, от ледяной воды, которая умывала город. И снова на ее страничку начали заходить люди. Великое множество людей. Снова они спорили, говорили, кричали электронными голосами. Вспоминали, когда

в последний раз подставляли лицо каплям дождя. Но, она их не видела. Даже не знала, как их зовут. Какие-то электронные клоны, копии людей, подобия живых особей со странными именами. А хотелось чего-то другого. Настоящего! Чего – она не знала, только вспоминала мамонта и еще того человека с копьем.

8

На следующее утро, проснувшись, сразу же в ужасе вспомнила обо всем. Еще один день нависал над ней, продолжая испытывать. А вереница часов готовили ей события, где она могла заблудиться во времени и пространстве, не зная, что делать и как ей быть. А пространство это находилось между небом и землей, и было его так много, что голова кружилась. Снова ветер развеивал занавеску, и мысли города врывались в распахнутое окошко, но слышать не хотелось никого.

Звонок телефона заставил ее отвлечься от этих мыслей. Жизнерадостный голос подруги возвращал ее на землю. Как обрадовалась она этому звонку! Поймала себя на мысли, что не может быть среди людей, но и не может оставаться одна. Столько времени находиться в четырех стенах – для нее было пыткой.

– Подруга, мы сейчас едем в гости! – уверенно вещала Оксана.

– Послушай, подожди, – попыталась перебить ее Лея...

– И слышать ничего не хочу! – категорически возразила Оксана. Но Лея все-таки сумела задать вопрос:

– Ты не знаешь, где можно найти работу? Любую работу!

– Зачем тебе работа? – изумилась ее собеседница. Потом подумала и произнесла:

– Работу... Сколько угодно. Кстати, сейчас мы едем в то место, где и находятся серьезные люди. Ты думаешь, мне охота торговать шляпками и панамами? – и стало понятно, что она тоже находилась в поисках счастья. И такая жизнь ее совсем не устраивала. А эта энергичная девушка знала, что делала и что говорила, и Лея целиком доверилась Оксане, впрочем, ей было все равно. Лишь бы не находиться больше дома, сходя с ума. Но задала еще один странный вопрос:

– Там будет много народу?

– Нет, не очень... Несколько человек. Зато каких... А что? – удивилась такому вопросу Оксана.

– Слава Богу, – прошептала Лея, но та ее не поняла. И невозможно было объяснить подруге, что видеть толпы этих людей она больше не может. Все было каким-то наваждением...

– У тебя все нормально? – послышался озабоченный голос подруги, – ты здорова, ты в порядке?

– Да – да, – только и ответила Лея.

– Через полчаса заеду! Собирайся! И надень приличные тряпки – там будет маленький Бомонд!

Бомонд состоял из шести человек – четыре особи мужского пола и две дамы. Когда они подъехали к этому шикарному особняку, их встретил охранник и, спросив, кто они, вежливо распахнул калитку. Нет, не калитку, а ворота, которым мог бы позавидовать Эрмитаж. В глубине двора стояли парни из охраны, одетые в красивую черную форму, а на поясе у них виднелось оружие. Словно здесь находился банк или объект специального назначения, который нужно было охранять. Повсюду, как в сказочном парке, были разбросаны дорожки, которые уводили вглубь просторного участка, в стороне виднелся открытый бассейн, за ним стеклянное сооружение, где, скорее всего, находился тренажерный зал. В другой стороне они увидели большую веранду, где при желании могли поместиться человек двадцать. Там стоял длинный стол и видны были приспособления для готовки шашлыка и прочей снеди. А вертел был такого размера, что на нем без труда мог быть зажарен целый баран. А, может, и корова... Целый мамонт! И в одежде дикарей люди прыгали бы через костер и танцевали, празднуя удачную охоту... Лея отмахнулась от этих мыслей, приходя в себя, а у Оксаны глаза загорелись. В подобном месте она не так давно жила сама. Это была ее стихия.

Девушки вошли в дом, где сразу же бросилась в глаза огромная люстра. Она, сверкая хрустальными гирляндами, уходила на высоту, к самой крыше этого четырехэтажного

дворца, а вокруг нее из мрамора извивалась округлая лестница. По ней они и поднялись наверх, провожаемые вежливым портье, а повсюду опять сновали охранники. Здесь была просторная зала. Все стены были увешены фотографиями знаменитых актрис и моделей. На других были видны фрагменты со съемочных площадок. Действие происходило то на палубе корабля, то на берегу моря, на площадях мировых столиц, в самолетах, на воздушных шарах. Только в космосе, наверное, не успел побывать хозяин дома со своей съемочной бригадой. За столом, покрытым зеленым сукном, сидела небольшая компания. Все они были одеты совсем не в простую одежду. Такие наряды стоили немислимых денег, и Лея поначалу оробела. Пока они ехали в небольших заторах и пробках, Оксана успела ей кое-что рассказать. Впрочем, стоило им встретиться – она уже все знала сама:

В этот дом Оксана ехала впервые. Один хороший приятель дал ей этот адрес, где и состоится знакомство с известным продюсером и режиссером, который ищет симпатичную женщину на роль в новом его кино. Какое кино – она не знала, да и сценарии в наше время читать было не принято, и актером быть тоже не обязательно. Главное – кино.

– Немножко эротическое, но это ничего, даже интересно, – добавила Оксана.

– Как это – «немножко»? – переспросила Лея.

– Увидим! – ответила подруга.

– Тебя это не смущает? – спросила Лея.

– Меня смущают мои шляпки и... отсутствие рядом нормального мужика. Ты еще не поняла, куда мы едем? – и она кивнула в сторону окна. А дорога становилась все уже, и скоро начали появляться окраины города, а всем известное шоссе вело их в самый респектабельный район Москвы. (Всем известный район!) И Лея почему-то успокоилась – здесь живут серьезные люди. Слава Богу, волноваться не стоит. Здесь не попросят переклеивать ценники и ярлыки. Да и кому они нужны? А людей за окошком машины становилось все меньше, и Лея совсем успокоилась, даже немного расслабилась, потом спросила:

– Зачем ты взяла меня?

– Повторяю, – энергично отозвалась Оксана, – там собираются нужные люди, серьезные мужики. Может, найдешь себе кого-нибудь, подруга, – засмеялась и добавила: – Золушка ты наша. Кстати, чем тебе не понравился тот парень? – и опять засмеялась, назвав имя мужчины, от которого Лея на днях сбежала, – хороший мальчик, культурный... Хотя, ты права, птица не нашего полета. Но сегодня будь начеку – ты меня поняла?

Оксана явно брала над ней шефство.

– Поняла! – засмеялась Лея, – я тебя поняла охотница за толстыми кошельками.

– Ответ неправильный! – возмутилась Оксана, грозно на нее посмотрев. – Дорогая, ты что?

– Ты едешь в этот дом первый раз! – не выдержала Лея. –

И людей этих увидишь впервые! Тебя это не смущает?

– Да-а-а! – протянула Оксана. – И как ты в этом городе столько лет продержалась? Ладно, оставайся рядом. Все будет хорошо!

Бомонд встречал новых гостей холодно, со снисходительными улыбками и репликами. Эти люди вяло оглядели девушек и уставились в свои карты.

– Снова карты, – подумала Лея, – снова игра.

А игра шла серьезная. Здесь люди не ставили фишки, а расплачивались наличными. Делали это легко и непринужденно, но от их количества могла бы закружиться голова. Лея никогда не видела такого количества денег, но отнеслась ко всему спокойно, сидя поодаль рядом с Оксаной и наблюдая за людьми. А те энергично, темпераментно делали ставки, хохотали, смахивая выигрыш или проигрыш со стола, и все начинали сначала. Играли в покер.

– Вот этот – Йогурты и «молочка», – восторженно прошептала Оксана, отпивая коктейль. Вела она себя уверенно, моментально сориентировалась, и теперь занимала позицию.

– Что? – переспросила Лея, – ах да, йогурты! – сообразила она – один из этих людей торговал молочными продуктами.

– Мороженое-шоколадные-батончики, – продолжала Оксана голосом экскурсовода, указывая на следующего мужчину. Но Лея уже ее не слышала. Она все знала сама. Дальше сидела жена мехового короля, за ней дама, сбжавшая от своего рыбного магната, отсудившая у того приличное состоя-

ние. За ней скромный чиновник, живший в особнячке по соседству. Особняк стоил немислимых денег, но вид у чиновника был весьма скромный, хотя и респектабельный. И он честными глазами смотрел в свои карты и стопку денег, лежавшую перед ним. И, наконец, хозяин дома.

– Как тебе Шоколадный Батончик? – спросила Оксана.

– Бери его себе! – засмеялась Лея и мельком бросила взгляд на олигарха-кондитера, который, заметив ее улыбку, тут же со словами: – я пас, – неожиданно бросил карты и направился к ним. Этой улыбке оказалось вполне достаточно. Игра прервалась, и теперь остальные в упор смотрели на девушек. А Батончик, подойдя ближе, с удовольствием рассматривал Лею.

– Не хотите присоединиться? – бросил им хозяин, приглашая к столу.

– Нет, спасибо! – отозвалась Оксана, отпивая из бокала, – предпочитаем рулетку.

– Вся наша жизнь рулетка, – засмеялся Кондитер, – не надоело вращать барабан?

Он уселся у журнального столика напротив и внимательно рассматривал Лею, не глядя на Оксану. Лея тоже на него посмотрела. Она видела, что нравится этому человеку, и ей было приятно. Перед ней сидел мужчина лет пятидесяти. Был он немного тучен, но изящная одежда скрывала недостатки его фигуры. – Впрочем, какая разница, – отмахнулась она. Лея впервые находилась в подобном обществе и в этом райо-

не Москвы. Все здесь было совсем по-другому, и ей стало интересно. И человек этот тоже был ей интересен. В его взгляде светились уверенность, внимание и такт. Стоило взглянуть на него, она уже знала, что он владеет бизнесом по продаже батончиков и мороженого, продавая свой товар по всей стране. Он ничего не производил, не имел никаких фабрик – бизнес его велся на бумаге, и на складах, куда продукты поступали из-за рубежа, а потом развозились по всей необъятной стране. Дом его находился недалеко отсюда. Это был огромный особняк, который, скорее всего, тоже состоял из шоколада, стены которого были вылеплены из сладкого мороженого, а на крыше красовалась огромная кремовая розочка. Батончик (как назвала его Оксана) был дважды разведен, и теперь пребывал в состоянии завидного, богатого жениха. Сладкого жениха. И сейчас он восторженными глазами смотрел на нее, о чем-то говоря. И речь его тоже была сладкой, как патока. Почему-то в голове промелькнуло – если вести себя правильно, вполне возможно очень скоро оказаться в его постели, а потом, ... может быть, ... когда-нибудь, ... стать королевой сладкого бизнеса, шоколадного дома и этого человека в придачу, который тоже напоминал мороженое – то ли Эскимо, то ли Пломбир. Вдруг подумала:

– Как это осязаемо, как реально и просто!

Сейчас она читала его мысли. А Кондитер давно искал себе сладкую женщину, которая по утрам улыбалась бы ему такой улыбкой!

– А как он на нее смотрит! Этот человек уже сходит с ума. Стоит ей пальцем пошевелить – и он будет принадлежать только ей! – Лея была в этом совершенно уверена.

– Зачем ей это? – вдруг мелькнуло у нее в голове. Но какой-то внутренний голос прошептал:

– Не будь душой! Любая женщина, любая Оксана была бы счастлива от такой перспективы. Это предел мечтаний для любой Золушки. Все просто! Все проблемы решатся в один момент. А дальше – достойная, жизнь. Достойная и сладкая. А этот будет восторженными глазами пялиться на тебя вечно, завидев твою улыбку. От тебя потребуется лишь немного внимания, немного обязательных супружеских обязанностей, и не забывать улыбаться – и мир падет к твоим ногам! А, может быть, удастся полюбить этого сладкого человека? Все просто! Человек-Эскимо – это твой шанс!

– Но тогда, кем станет она – леденцом на палочке? – вдруг вспомнила она мерзкие слова Казановы. Но голос из глубины сознания продолжал ей шептать:

– Почему нет!?! Какая тебе разница до какого-то спора? Стать такой же, как все. Не стоять на краю, посматривая в мутную реку, не видеть, как от тебя сбегает очередное ничтожество. Вот он, богатый, уверенный в себе человек. Почему – нет?

И она скептически вспомнила потного дикаря с копьем. А тут – реальный, настоящий, живой, богатый, а, значит, и сильный мужчина. О чем еще мечтать? Может быть, этого от

нее и хотят? Это и есть тот шанс?

А Батончик все продолжал смотреть с восхищением и даже с нежностью. Он таял, как мороженое. Лея спокойно наблюдала за ним и, молча, одними глазами улыбалась. Совсем немного, но этого было достаточно. Кондитер был словно на привязи у этой улыбки. Оксана, тем временем, выпучив глаза, заморожено следила за человеком, который запал на ее подругу. Она была потрясена. А всего-то одна улыбка... Но Оксана всего не знала и понять секрет успеха подруги не могла.

Лея, вежливо отвечая на вопросы кондитера, продолжила с интересом рассматривать остальных. Сразу же, войдя сюда, она почувствовала, как все они отличаются от тех, за стенами этого дома, этого района Москвы. У них не было проблем, мысли их были простыми и предсказуемыми. Каждый из них имел в жизни главное – деньги! Много денег! А поэтому имели они все, и никаких проблем. Как они их заработали? А неважно – как! Почему-то запретила себе копаться в их прошлом. Заработали и все, тем более, все это было давно. Уже десяток лет прошло. Ей было легко с этими людьми. Легко и просто, правда, как-то скучно. А хозяин, по имени Артур, действительно снимал кино, и сегодня ждал Оксану, которую ему рекомендовали. Все мгновенно промелькнуло в ее голове, и она успокоилась. Вот только было в его взгляде что-то неуловимое, что-то стояло за душой этого человека, но что – она не понимала. Видимо, все дело в его фильмах.

Да, разве поймешь этих творческих людей? Интересно было бы что-нибудь посмотреть из его работ. А после всего случившегося, ей требовалась передышка. Ей нужно было отвлечься, забыться, и не думать ни о чем. Не вспоминать!

Артур тем временем развернул большой экран, приглашая гостей оценить его последнюю работу. Все расселись, как в кинотеатре, он щелкнул пультом, и фильм начался. Оксана тоже с восторгом уставилась на экран. Там была красивая жизнь, красивые мужчины и женщины, красивые наряды. Шикарная яхта. Море... или океан. Снова люди. Кондитер, присев рядом, постоянно шептал ей на ушко какую-то сладкую ерунду, а Лея с удовольствием смотрела кино. Это занятие немного отвлекало, унося ее мысли далеко от говорящего города и его проблем. И она, наконец, расслабилась. Стало хорошо и спокойно.

История была простая – ревнивый муж преследовал красивицу-жену, устраивал сцены, но ничего не находил и прощал, и любил эту юную девочку, которая снова и снова ему изменяла, используя любую возможность. Но всегда возвращалась к нему – к немного обрюзгшему человеку, который был старше ее лет на двадцать или на тридцать. И снова клялась ему в любви. Это был «немножко» эротический фильм – действие происходило то на корабле, то в пабах и ресторанах, в гостиничных номерах. И режиссер использовал любой эпизод, чтобы дать возможность юной девушке сбежать от мужа и насладиться молодостью, красотой и жиз-

нюю. А тот снова ее искал, не находил и снова прощал. Но прощать было нечего – в своих «невинных» шалостях она была неуловима, и доказать он ничего не мог...

Батончик к этому времени уже громко трепетно дышал, держа Лею за руку. А та и не возражала, словно, не замечала. Лея смотрела кино. Но Оксана, увидев это, была потрясена. Ей никогда еще не удавалось увлечь мужика в этом районе с такой сумасшедшей скоростью, а ее подруге было все нипочем. Она для этого даже ничего не сделала! Но фильм продолжался.

...И тут одна обманутая жена решила за главного героя его сложный вопрос. Она предоставила ревнивцу пикантные фотографии с неопровержимыми уликами, и тот пришел в ярость. Он готов был растерзать главную героиню, уничтожить ее, стереть с лица земли. И вот большой корабль уносит их в бесконечность океана, снова любовь, и он уже готов прощать ей все. Он даже не в силах признаться в том, что знает о ее изменах. Действие стремительно развивается. Восхитительный закат на белой палубе, солнце играет лучами на их взволнованных лицах, снова шампанское, трогательные речи. Сегодня ее муж, этот богатый, сильный, уверенный в себе человек, выглядит совсем по-другому. Он что-то скрывает. Он полон желаний и сил, необузданной страсти. Девушка удивлена, почти влюблена! В своего мужа! Она никогда не видела его таким! Но он готовит сюрприз, и она чувствует это. И вот они в постели на большом диване верхней палу-

бы. В который раз во время длинной киноленты эти двое занимаются любовью. Эти двое или не эти – не важно – главное любовь! Заходящее солнце нежно ласкает обнаженные тела, легкий ветерок шевелит на подушке ее длинные волосы. Размеренный плеск волн за бортом поет волнующую песню прибоя. И, наконец, финал. Красивый финал! Неожиданно он достает кинжал и вонзает любимой в грудь. Делает это остервенело, с исступлением и яростью. И крупным планом ее глаза. И его глаза. Кровь брызжет во все стороны, а она смотрит на него, бледнея. И он тоже смотрит. Он прощается с нею. Даже сейчас он продолжает ее любить... И она тоже... Но силы ее покидают...

Лея вздрогнула. То ли от боли, которую причинил ухажер, вцепившись ей в руку, то ли от чего-то еще – она пока не понимала. В этом фильме таилась какая-то загадка, тайна. Оглянулась на подругу – Оксана сидела, заморожено глядя на экран. Она была в восторге. Это был неплохой фильм, изумительно снятый, где не было безобразных сцен насилия, только красивая музыка и красивая любовь. И «немножко» эротики. А потом – неожиданный финал! Зрители начали аплодировать, а Лея снова вздрогнула. Что-то было не так. Она смотрела в лица людей, не понимая. И вдруг прозрела – последний эпизод, он был настоящий, не придуманный, и кровь была тоже настоящей. А девушка на палубе корабля умирала на самом деле. В этом фильме не важно было показать дикий разврат или оргии, но важно было снять на-

стоящий финал, и он получился. А в глазах главной героини застыл подлинный ужас. Теперь Лея знала все – этому продюсеру нужны были актрисы лишь на одну роль. А в следующем фильме снова на одну. И так до бесконечности. Она опять уставилась на лица людей и вдруг заметила, что все они знают об этом, и дикий нечеловеческий восторг сиял в их глазах. И в глазах ее ухажера тоже. Видимо, Шоколадный Батончик любил не только сладкое, но иногда кое-что поострей и погорячей. А над головами зрителей зависло маленькое прозрачное облачко. Оно парило, как дымок от сигарет, и было бордово-черного цвета, цвета догорающих углей в ночи. Они обо всем знали, не догадывалась ни о чем только Оксана. Лея снова посмотрела в глаза шоколадному кавалеру, и ее передернуло.

Вдруг заметила еще одного человека – Казанову – дьявольского красавца, который появился неизвестно откуда и теперь сидел в этой просторной комнате, с удовольствием, исподволь поглядывая то на нее, то на Оксану.

– Что делать?

Она была в западне. Она должна была спасти глупую подругу, эту взбалмошную красавицу, которая рисковала жизнью, не догадываясь ни о чем. А люди начали постепенно разбредаться, наливать себе напитки, разговаривать. Оксана с Артуром отошли в сторону, что-то горячо обсуждая. Ей не нужно было их слышать – все было понятно и так. Сегодня будут пробы, съемки начнутся через неделю на далеких-да-

леких островах – красивые места, сказочные бухты, корабли и самолеты, переезды, перелеты, города. Красивая любовь, немного эротики и солидный гонорар. А потом известность, фотографии на обложках дорогих глянцевых журналов и совсем другая жизнь!

– Только она не вернется оттуда, – стучало в сознании Леи. – Она улетит навсегда, и жизнь ее будет красивой и яркой, как она того и хотела, только очень короткой. Ее нужно предупредить!!! И сделать это немедленно! Оксана должна узнать все прямо сейчас!!!

Вдруг почувствовала, что кто-то одернул ее за рукав и услышала:

– Пойдем-ка поговорим, красавица.

– Позвольте! – попытался вмешаться ее кавалер. Но Лея, строго посмотрев на него, четко произнесла:

– Я занята!

– Но...

– Занята, тебе же сказали, сегодня она занята, дружище. Дуэли не будет, извини, – засмеялся Казанова, и обескураженный Батончик остался один.

Они вышли на просторный балкон и какое-то время молчали. Глядя на этого человека, она не знала, о чем тот думает. Она снова не слышала его мыслей. А Казанова, отведя от нее взгляд и облокотившись о перила, смотрел куда-то вдаль. Потом мечтательно произнес, разведя руки:

– Какая красота! Умеют жить люди! В мои времена такие

дворцы могли себе позволить немногие. Единицы! А тут! Посмотри – сколько их! Какая богатая страна!

– Зачем он все это говорит, как он здесь оказался? – думала она. Но тот, словно не замечая ее, продолжал:

– И люди все уважаемые. Вон тот дом принадлежит скромному милиционеру, трудяге, полковнику. Работает в серьезном подразделении. Приносит пользу родине. Да, детка? – засмеялся он.

– Что он здесь делает? – мучительно думала она.

– А этот построил себе один политик, по совместительству уважаемый бизнесмен, – весело продолжал Казанова. – А вон тот уважаемый директор школы. Дальше поместье гаишника. Такие, с палочкой ходят – знаешь? А в-о-о-о-н там одного уважаемого чиновника, а за ним, депутата, потом, врача. Вернее, не врача, а директора районной поликлиники. А вон там проживает уважаемый человек из спорткомитета... налоговый инспектор... чиновник средней руки... Потом человек – нефтяная вышка, за ним – человек-пропан, человек-бутан! Стихи можно сочинять! И все они хозяева жизни, твои хозяева!!!

– Чего он от нее хочет? – стучало в ее сознании.

– Да кто тебе поверит? – вдруг резко обернулся он и посмотрел на нее.

– Тебе! Ты кто такая? Никто! А это все уважаемые люди! И бизнес их уважаемый, и хозяин нашего дома тоже. Человек искусства, настоящего искусства! Подлинного! – и засмеял-

ся. Его хохот дьявольским эхом разнесся в округе.

– Тебе даже твоя подружка не поверит, которая закрылась с ним в соседнем павильоне, где он сейчас раздевает ее и лапает. У него, так сказать, пробы, а свое дело он знает хорошо. Тебе не поверит никто, если ты решишься кому-то рассказать. Такое вообще мало кому может прийти в голову – это гениальный человек. Тем более, что друзья-соседи его всегда прикроют. Ну что – расскажешь все глупой девчонке?

– Конечно! – воскликнула она.

– А как же наше условие? Или ты будешь ей помогать? Соскучилась по нашей компании? Сломалась? На следующий же день! – и опять засмеялся. И тут Лея поняла все. Теперь она знала точно – это была его работа. Но деваться было некуда.

– Плевать я хотела на ваше условие. Так вашей носатой и передайте!

Уже бросилась в сторону комнаты, но рука красавчика ее остановила.

– Ты что, совсем дура? Зачем тебе это?

– Оставьте меня!

– Ты так легко играешь со своей жизнью? Ради кого? – и он с интересом на нее уставился. – Ты видела эту особу всего два раза в жизни! Она для тебя никто!

– Отпустите мою руку!

– Любой мужик готов упасть к твоим ногам, стоит тебе только захотеть. Ты это не поняла? Ты еще не поняла, какой

подарок тебе достался от Него?

– Я сказала, отпустите меня!

– Все эти людишки в соседних домах будут твоими рабами. Будут в очереди стоять за твоей чертовой улыбкой... Извини... Не чертовой... Я хотел сказать... Короче, не важно, – и он горячо продолжил:

– А что делаешь ты? Какая-то Оксана! Да-а-а, Изольда Карловна была права, ты совсем идиотка! – и Казанова продолжил восторженно на нее смотреть. Он никогда не видел таких женщин и на мгновение о чем-то пожалел.

– Зачем тебе нужна эта девка? Такие Оксаны в эту минуту тысячами гибнут по всему миру в разных притонах от дурацки своей. Они виноваты сами...

– Я ей помогу, – зло перебила Лея, вырываясь из его тщедушных объятий, желая уйти.

– Тогда, сделаем так, – внезапно сменил он тон, задумался и дружески произнес:

– Ты можешь ей не помогать и, так сказать, соблюсти статус-кво. Но, тем не менее, спасешь ее.

– Не поняла? – воскликнула Лея.

– Подумай! – и снова во взгляде этот дьявольский огонь.

Ужас сверкнул в ее красивых глазах, но собралась, взяла себя в руки и неожиданно дерзко улыбнулась. Ее собеседник отскочил, как от удара молнии. Он не выдерживал эту женщину. Он больше не мог видеть ее улыбку. А она, поняв это и смерив его взглядом, полным ненависти и презрения,

спросила:

– И все это ради ничтожного спора?

Тот прищурил глаза и галантно произнес:

– Не нужно было, красавица, называть меня старым лысым козлом! – потом неожиданно взвизгнул:

– Меня нельзя так называть! Есть вещи, которые не прощают!

– И поэтому вы нашли способ, как сделать из меня шлюху. Решили повоевать со слабой женщиной! Настоящий мужчина! Мужик! И как тебя бабы любили – такого размазную? – неожиданно перейдя на «ты».

– А, знаешь? Ты и есть старый и лысый козел! К тому же – немошный!

Он залился густой краской, но сказать ничего не смог, только заморожено смотрел в эти сверкающие глаза. Таких он действительно никогда не видел. Больше она не раздумывала ни о чем.

– Я хотела задать вам один вопрос, – уверенно произнесла Лея, подходя к Артуру. Эти двое уже вышли из отдельного кабинета-павильона, закончив пробы, которые, судя по сияющему лицу Оксаны, прошли успешно, и в этот момент договаривались о следующей встрече. Артур оторвался от ее подруги, с удивлением посмотрев на Лею. Он смотрел на нее с сомнением, скептически, понимая, о чем та хочет его спросить. Все эти хорошенькие девушки, приходя сюда, задают один и тот же вопрос. А Оксана глядела, не понимая.

– Как сняться в моем фильме? – закончил он, опередив ее.

– Да! – коротко ответила она. От такой уверенности он на мгновение замолчал. Обычно эти «актрисы» разговаривают с ним другим тоном. Но все же ответил:

– Попробуйте позвонить мне через... месяц, когда мы вернемся со съемок. Посмотрим, поговорим, у нас большая текучка кадров, – сказав эту дикую фразу, он хотел отойти в сторону.

– Нет! – вдруг ответила она.

– Что, нет? – переспросил он.

– Мне нужна роль в этом фильме. Именно в этом! И через неделю я должна ехать на съемки! – спокойно произнесла она. Такой наглости он не ожидал и замолчал, а Оксана задохнулась. Такого с ней еще не было. Артур прищурился и криво усмехнулся, а Оксана заметила этот взгляд.

– Все нормально, все хорошо! – подумала она. – Ну, я тебе покажу, подруга! – мелькнуло в ее глазах. Артур уже собирался уйти. И вдруг Лея сделала невероятную вещь. В этот момент она ощущала странный, безумный прилив энергии. А яркое солнце освещало ее хрупкую фигуру. Оно было с ней, оно согревало, обжигая спину и все ее существо, придавая невероятные силы. И Лея почувствовала эту связь. Сейчас она была словно проводник, по ее жилам бежал ток невероятного напряжения. В этот момент она была способна на все! Лея взяла Артура за рукав, резко повернула к себе и громко произнесла: – Не думаю, что вы сумеете мне

отказать, – и улыбнулась. Она ему улыбнулась! Эта улыбка сумасшедшим огнем блеснула в ее глазах и Артур оторопел. Он был ослеплен. Он замер, стоя, как истукан, глядя на эту необыкновенную женщину и ее невероятную улыбку. Это было потрясением! Сейчас его жизнь на мгновение остановилась, замерла, и он таял в удивительных, больших глазах этой женщины, уже тонул в них, растворяясь. Он был... счастлив!

Вдруг Оксана воскликнула:

– А ну-ка, отойдем в сторонку, подруга!

Но Артур почему-то, схватив ее за руку, остановил. По его лицу, как молния, пробежала гримаса невероятных страданий, словно его лишали чего-то главного, ценного, дорогого! Он пробормотал:

– Оксана,... давай в другой раз,... давай на следующий фильм.

Но Оксана гневно произнесла:

– Артур, ты мне обещал! Мы договорились! Это не по понятиям!

– По понятиям!?! – внезапно заорал он. Сейчас Артур глядел прямо на нее, потеряв на мгновение Лею... и ее улыбку. – Ты мне будешь рассказывать о понятиях?! Истеричка, вон из моего дома! Если я сказал – нет! Значит, нет! Проваливай отсюда!

И для убедительности добавил еще несколько крепких слов. Оксана в долгу не осталась и выпалила целую тира-

ду комплиментов на всем известном языке. А язык этот она знала хорошо. – Придурок! – воскликнула напоследок, сверкнув красивыми глазами. – Дебел! – и выскочила из комнаты. – Еще увидимся! – бросила на прощание Лее.

– Но, позвольте! – хотел было вмешаться в разговор Шоколадный Батончик и восстановить справедливость. Он первый сегодня обратил на нее внимание. Он должен быть первым!

– Я занята! – строго повторила Лея, глядя ему прямо в глаза. А люди в комнате с удивлением уставились на хозяина дома – давно они не видели его таким. В этот момент с балкона показалась высокая фигура Казановы. Он улыбнулся, громко произнеся:

– Хороший выбор, Артурчик! Молодец, дружище! Это будет шедевр! Особенно финал. За такую улыбку можно отдать все!

Артур снова восторженными глазами уставился на Лею.

– Пройди в ту комнату, детка, я скоро приду, – и добавил:

– Посмотрим, что ты умеешь. Сделаем несколько кадров.

Лея молча зашла в соседнее помещение, и дверь за ней закрылась. Она осталась совсем одна.

До этого мгновения все было понятно и просто, но теперь ей стало страшно. Еще минуту назад она знала, что нужно делать, но теперь растерялась. Она попала в западню, которую устроил ей это ничтожество Казанова и не находила места, от возбуждения широко раскрыв глаза, стояла и задыха-

лась. Осмотревшись, увидела небольшую киностудию, где по краям в ожидании замерли прожектора и камеры, а у дальней стены огромную кровать, которая была накрыта белоснежным покрывалом. Было светло и чисто. Чистота эта казалась стерильной, как в операционной. И тут перед ее взором промелькнули лица несчастных, которые заканчивали здесь свои жизни, ни о чем не догадываясь. В их глазах застыло выражение ужаса и боли, и бесконечного удивления, недоумения. И снова только боль, которая парализовала сознание и волю. А на белоснежном покрывале растекались ручейки крови. Это была не кровать, а место казни, место, где рождалось настоящее, истинное, как сказал Казанова, «подлинное искусство»! И у этих шедевров, разумеется, был свой зритель.

– Придет время, и гениальному режиссеру Артуру придется заглянуть в эти, искаженные ужасом, глаза, – вдруг подумала она. – Каждой из этих несчастных!.. Господи, ну почему она снова думает о ком-то еще, – мелькнуло в сознании, и она подошла к открытому окну.

Был высокий второй этаж.

– Можно попробовать перешагнуть через подоконник и прыгнуть, сняв неудобные туфли на высоком каблуке. А вон и Оксана садится в свой автомобиль. Еще можно успеть, и она уедет вместе с ней, если не переломает ноги. А если...

И вдруг дикая мысль мелькнула в ее голове:

– Если сделать шаг. Всего лишь шаг, перенестись через

подоконник, тогда... можно просто улететь. Как птица... Как самоубийца, – и представила себе этот полет вниз головой.

– Даже если бы такое было возможно! Никуда она не уедет, и Оксане ничего не сможет объяснить, да и не впустит ее обиженная подруга в свою машину.

Тут заметила еще одного человека. Или не человека. Это был Казанова. Он уверенно шагал к своему черному авто, заметив Оксану, кивнул ей, как старой знакомой, но та, зло на него посмотрев, тронулась с места. Казанова остался один, он медленно повернулся к окну, взглянул на Лею и невинно улыбнулся. Помахал рукой, послал воздушный поцелуй, сел в машину и умчался, словно его и не было вовсе. Ей стало противно, и она отвернулась, а в голову пришла мысль:

– То, что должно случиться – произойдет через неделю или месяц – не важно, когда. Но не раньше последнего съемочного дня. А, значит, время еще оставалось. Но то, что произойдет сейчас, когда войдет Артур, было для нее испытанием. «Сделаем пару кадров!» Кастинг. Пробы. А попробовать будут ее. Как десерт после сытного ужина. «Леденец на палочке» – снова вспомнила она. И как ей справиться с этим, было непонятно... Но многие женщины делают это. Сначала противно – потом привыкают. Даже входят во вкус. Им платят хорошие деньги, и они уже готовы бороться за любую возможность получить следующую роль или сняться в модном журнале. А не то же самое делают эти юные охотницы

за богатыми мужиками? Здесь был как раз их район! А не об этом думала всего пару часов назад она сама, когда Батончик таял под ее взглядом? Использовать любой шанс показать свое красивое тело, подороже его продать... Тело... А душа? – вдруг подумала она. – Душа тут не причем. Душа отходит в сторонку, стыдливо прикрывая глаза, а здесь остается лишь тело – это его роль, его тяжелая физическая работа, как в тренажерном зале. Когда-нибудь ты его оставишь здесь, бросишь навсегда. Тогда и подумаешь о душе...

Снова посмотрела в большое окно. Занавеска развевалась на легком ветру. Там, дальше, на улице сновали машины, шли редкие прохожие, летали птицы, гомоня. И так не хотелось смотреть на дверь, откуда скоро должен был появиться он. Она не знала, как ей поступить, но перешагнуть через этот подоконник не могла. Не имела права. Однажды она уже сделала шаг с того моста. Знала только одно – придется терпеть. И делать это достоверно и хорошо... «Все это только игра!» – вспомнила она, мучительно подготавливая себя к предстоящим «пробам».

То, что она увидела в следующее мгновение, заставило ее содрогнуться от ужаса. Она ждала чего угодно, только не этого. Дверь открылась, и перед ней появился Артур, а за ним видна была высокая фигура еще одного человека. Или не человека вовсе. Это был огромный ленивец Ильюшенька, который, преодолев свою лень, зачем-то приехал сюда, и, оче-

видно, тоже от нее чего-то хотел. Чего – она хорошо помнила: «Покончить с собой». И теперь с содроганием на него смотрела:

– А ведь он прав. Стоит сняться в таком фильме, зная финал и погибнуть, это будет равносильно самоубийству! Сколько же их свалилось на ее голову?!!!

Почему-то подумала, что если сейчас ее будут насиловать, истязать – в присутствии этого человека она не выдержит.

– Но почему? Какая разница? Она не понимала себя. Почему так стыдится этого большого ленивца? Он никто! Голограмма! Миф!

Снова зачем-то посмотрела в спасительное окно.

– Нет, бежать нельзя, бежать поздно, если только головой вниз!.. А, может, он того и хочет? «Не так хлопотно!» – мелькнуло в памяти. И вдруг Ильюшенька произнес фразу на французском языке. Она замерла, оторопело глядя на него, а тот продолжал что-то говорить. Не что-то! Она прекрасно его понимала. Многие годы учила этот язык, потом, пока ее не выгнали, работала переводчицей, и теперь слышала эти слова:

– Все нормально, – говорил он, – успокойтесь, все будет хорошо!

Ильюшенька смотрел в глаза Артуру, но говорил эти слова для нее. Точно, для нее!

– Чертов, француз! – воскликнул Артур, – познакомься, это мой партнер. Только что прилетел, а переводчика взять

забыл. Придурок! Придется ждать, пока придет мой человек.

И тоже улыбнулся «французу».

– Бонжур, мадам, – произнес Ильюшенька, потом поправился: – О! Пардон! Бонжур, мадмуазель!.. Месье, Пьер! – представился он и подождал, пока она протянет ему руку. Лея пришла в себя, пожала его огромную лапу и произнесла несколько приветственных слов.

– Ты знаешь этот язык? – удивился Артур. Она кивнула, и он произнес:

– Чудненько! Вот и будешь переводить. Эти чертовы французы так любят себя, что даже не заморачиваются выучить английский. А может, просто придуриваются. Считают себя центром вселенной! Я ему говорю на чистом английском, а он, собака, все понимает, но молчит. И так они все... Это переводить не надо.

И снова любезно улыбнулся Пьеру.

– Он мне писал, что хотел познакомиться с моей новой героиней. А значит с тобой.

Тут Лея подумала, что ей еще рано, стремя голову, прыгать в окно и в ожидании замерла. Дальше разговор носил деловой характер.

Пьер играл роль человека, приехавшего в Москву, чтобы познакомиться с Артуром, купить несколько его фильмов, и теперь они обсуждали детали. Раньше они общались только по электронной почте и только через переводчика. Лея

уже немного пришла в себя и аккуратно переводила. А умела она делать это хорошо. Иногда улыбалась, и эти двое таяли под ее взглядами. Заметив, что Пьер-Ильюшенька слишком внимательно на нее смотрит, стала терять нить переговоров. Теперь он зачем-то играл роль человека, который был восхищен ею, уже готов был платить за товар любые деньги. И все продолжал смотреть. Артур, заметив это, удивленно уставился на Лею, соображая. Потом запросил такую цену, что «француз» должен был отказаться, но тот равнодушно согласился:

– Дорогой, месье Артур. По рукам... Только мне нужна переводчица. Вашу девушку я возьму к себе на работу. По рукам?

Лея перевела эти слова, с надеждой посмотрев на Артура. Теперь она не сомневалась – этот Пьер, этот чертов «француз» был на ее стороне. Он пришел за ней!

В глазах Артура промелькнуло удивление и мучительное сожаление. В это мгновение он смотрел то на француза, то на эту странную девушку, которая появилась всего пару часов назад, но расставаться с ней он уже не хотел.

– Неужели он смог бы меня убить? – подумала Лея. – А в глазах этого человека застыло сомнение: – Неужели он сможет это сделать?

Но будущее было перед ней закрыто. Он снова начал мысленно считать деньги, которые были написаны на листе бумаги, лежащей перед ним. Сейчас Артура захлестнули про-

тиворечивые эмоции. Его мысли были перед глазами Леи, окрашиваясь в разные цвета. Целая гамма чувств, переживаний и красок маленьким облачком парила в воздухе над его головой. Сначала это был хорошо знакомый темно-рыжий, кирпичный оттенок, потом он превращался в кроваво-бордовый и снова в рыжий. Лея и Ильюшенька с облегчением переглянулись – тот выбрал деньги. Она робко ему улыбнулась, а облачко стало ослепительно серебряного цвета. (Артур заметил ее улыбку!)

– Нет! – тупо произнес он и замолчал. Ильюшенька с грустью уставился на стопку дисков с шедеврами Артура, отодвинув их в сторону. Но Артур продолжал молчать, глядя на Лею. Это был провал. Она понимала, что теперь ей не поможет никто. Значит придется бежать. Как? Куда? Через строй охранников? В окно?

– Я добавляю к оговоренной сумме еще 100 тысяч... ЕВРО, разумеется, – внезапно произнес ее спаситель. Лея молчала, а эти слова застряли у нее в горле.

– Что он несет?

– Он покупает меня у тебя за 100 тысяч! – спохватилась она, почему-то перейдя на ты. Глаза Артура загорелись, но снова серебряное облачко появилось над его головой. Он восторженно смотрел на Лею, а она на него, скромно потупив глаза. Так эти трое глядели друг на друга, переводя взгляды, потом Ильюшенька сдался:

– Хорошо, 150!

Она снова перевела, затаив дыхание. И вдруг Артур разумно и трезво произнес:

– Извини, дорогой. Но ты даже не видел ее топлесс. Как ты можешь говорить о деньгах?

Лея покраснела и перевела. Ильюшенька тоже покраснел и смутился. Он явно не знал, что сказать! А Артур, заметив его смущение, но поняв по-своему, продолжил:

– Ты не видел ее фигуры, ее ног. Она в длинном платье! Ты даже не можешь себе представить, что она вытворяет перед камерой! Какая она в постели!.. Переводи! Какого черта ты молчишь? – крикнул он. Лея покраснела, переведя эти дикие слова, и замерла, а Ильюшенька почему-то продолжал молчать.

– А ну-ка, детка, быстреньконими с себя все это, – и дернул ее за край одежды. Лея поневоле отшатнулась, а большой ленивец продолжал, краснея, молчать.

– Давай, давай, скидывай платье и лифчик. Остальное пока оставь. На сладкое! – все больше заводился Артурчик. Он подбежал к прожектору, включил его и направил на кровать. Потом схватил Лею за руку, протащил ее через всю комнату и бросил на покрывало. Он все больше входил во вкус. Все произошло мгновенно, и Лея не успела отреагировать. А в Артуре просыпался великий дар режиссера. Правда, облачко над ним теперь было устойчиво-коричневого цвета – сейчас он делал деньги.

– Давай же! – шепнул он ей, – я тебе отстегну за фото-сес-

сию. – Не беспокойся, детка... А в кино сниму потом. Обязательно сниму. Не волнуйся!

– А хочешь, прямо сейчас на той постели...? – вдруг воскликнул он, глядя на Ильюшеньку. – Я парня позову, покажем ее в работе?... Переводи же!.. И раздевайся!.. Ну давай же!.. Хочешь двух парней позову. Как ты предпочитаешь? – продолжал фантазировать он, а глаза его горели. Потом подошел вплотную к девушке и протянул руки, чтобы ее раздеть. И тут Ильюшенька внезапно произнес:

– Я шлюх за такие деньги не покупаю!

Артур замер и посмотрел на Лею:

– Что он сказал?

Она перевела. А Ильюшенька снова повторил, уже глядя куда-то наверх, в потолок:

– Я шлюх не покупаю!.. Меня вообще не интересуют женщины, – изрек он, чем совершенно озадачил Лею. Артур задумался, замер, потом сообразил:

– А я и не продаю шлюху, за кого ты меня принимаешь? У меня не бордель, а уважаемая киностудия! Я продаю готовую, классную модельку. Актрису. Отличную актрису для эротического кино! Для любого кино! Ты ведь это имел ввиду?...

Лея снова перевела. А Ильюшенька все продолжал молчать. И тут в голове у Леи промелькнуло:

– Если бы он хотел помочь – давно бы уже сделал это. Но он молчит. Он почему-то молчит... А может, все это чудо-

вищный розыгрыш. И этот Ильюшенька на стороне и Артура, и Казановы, и прочих из той комнаты. Да и могло ли быть иначе? – и в ужасе посмотрела в окно. А Артур тем временем, приняв какое-то решение, произнес:

– Так, давай тебя покажем в деле! – приоткрыв дверь, крикнул, чтобы ему кого-то позвали.

– Сейчас сюда придет один парень. Отличный актер! Кстати, закончил театральный, потом работал в стрип-клубе! Он тебе, малышка, понравится. Раздевайся. Впрочем, не надо, он все сделает сам.

Наконец после долгой паузы Ильюшенька заговорил. Говорил он громко, на французском языке, четко выговаривая слова. Делал это так, словно его должны были услышать где-то еще:

– Мне не нужны ваши актрисы, дорогой Артур... Переводите! – кивнул он ей, – и порно-модели не нужны... А эта девушка совсем на них не похожа!

Лея медленно, слово за словом переводила.

– И женщины меня не интересуют, месье Артур. Просто эта девушка...

Он замолчал, ожидая ее перевода.

– Мне...

Перевела и это.

– напоминает...

Все замерли, уставившись на Ильюшеньку. Тот долго молчал, мучительно соображая. Молчали и эти двое, с удивле-

нием на него взирая – Артур с недоумением, а Лея с надеждой и одновременно с ужасом. Сейчас решалась ее судьба. И вдруг тот закончил:

– ... маму!

– Маму? – не понял Артур. Все в изумлении застыли.

– Это не ваше дело, – взорвался Ильюшенька, – я должен забрать эту девушку. Вы не можете, не имеете права надругаться над ней. Я вызову вас на дуэль, мерзавец...

– Переводи же! – в нетерпении воскликнул Артурчик, не понимая. И тут Лея, сообразив, что дело принимает дурной оборот, спокойно «перевела»:

– Он передумал! Он не даст за меня ни цента, но купит твои фильмы по оговоренной цене – это хорошие деньги, подумай. Очень хорошие! А я пойду с ним. И это его последнее слово. Если не устраивает – до свидания! – спокойно произнесла она, невинно посмотрев на Ильюшеньку, чем сразила его наповал. Потом эти двое заметили, как Артур моментально сдался, прочитав еще раз на бумаге сумму за его шедевры. Цвета над его головой упокоились, приняв отчетливый коричневый тон – победили деньги. Тем более, что эта странная девушка ему больше не улыбалась.

– Ах, как она делала это совсем недавно! – на мгновение вспомнил он. Но в глазах его отражались только деньги, эти пестрые купюры. И еще сожаление. Но пересилить себя он не мог.

– ОК! Чертов француз! – воскликнул тот, посмотрел на

нее и тихо добавил:

– Когда надоешь ему, приходи ко мне. Буду тебя ждать. Поняла?... Ты меня поняла???

Тут Лея неожиданно для себя сделала рискованную вещь. Сейчас в ней проснулся какой-то бесенок, и совладать с ним она не хотела и не могла. А потому, войдя во вкус и не выдержав такого цинизма, решила отомстить. Она ослепительно улыбнулась. Сделала это с удовольствием, самозабвенно глядя на него. Сейчас в ее глазах отражалась и любовь недоступной женщины, и весна за окном, и яркое солнце над головой. Вся сила, дарованная ей на том мосту... А может, и не на мосту. Дарованная ей вместе с этой жизнью, удивительной природой, Богом и красотой, впитанной из крови и плоти хрупкой и слабой, но такой удивительной женщины, какой она почувствовала себя недавно. И теперь другой быть не хотела. Просто, не было пока рядом того дикаря, которому она подарила бы себя, и поэтому ее улыбка доставалась кому-то еще, освещая темные уголки. Молния блеснула в ее глазах. Это был последний удар. Удар был страшный. Удар был ниже пояса, и Артур даже прогнулся от чувства бессилия. Он уже готов был передумать! Он готов был сам заплатить за нее значительно больше! Но, было поздно. В такой позе истукана его и оставили в этой комнате-павильоне. Ильюшенька на прощанье дрожащими руками вынул из кармана пачки денег, бросив их на стол, забрал диски с фильмами, и они вышли наружу.

– Счастливо оставаться, дай вам Бог здоровья! – пробормотал он напоследок на чистом русском языке. Артур на него тупо уставился, но ничего не ответил. Он так и не понял, что этот «француз» прекрасно знает русский язык! Сейчас он не понимал ничего. Только пробормотал:

– Да, ... да, ... счастливо, ... пока...

Потом они уносились на такси из этого проклятого места. Дорога становилась шире, людей по сторонам все больше, воздух чище, хотя приближались они к самому центру города. Наконец, Ильюшенька расплатился с водителем, и они вышли на улицу, вздохнув полной грудью. Кошмар был позади.

9

– Простите меня! – горячо воскликнул Ильюшенька. – С моей стороны было бестактным предлагать за вас деньги. С этими людьми можно разговаривать только на их языке!

– Ничего, – ответила она, – только я не привыкла, чтобы за меня платили, тем более столько!

Он внимательно на нее посмотрел и произнес:

– Вы стоите намного дороже, только нет эквивалента этой цене.

Они снова замолчали.

– Зачем вы это сделали? Я имею в виду – помощь вашей сомнительной знакомой! – наконец, задал вопрос ее спаси-

тель. Они шли по широкой улице, глядя по сторонам.

– У меня не было другого выбора, – как-то просто ответила она. Он не стал возражать, лишь произнес:

– Если так будет продолжаться, вы будете уязвимы, и вам никто не сможет помочь, – потом громче добавил:

– Вы это понимаете?

– Да, – коротко ответила она, и, не желая продолжать этот разговор, спросила: – Откуда у вас такие деньги?

– Взял у Филлипка, – честно признался он, – они ему больше не нужны, он не знает, что с ними делать. Лежат себе и дурно пахнут, как белье, которое принесли в химчистку.

– Но он найдет другую на эту роль! – вдруг воскликнула Лея, вспомнив Артура.

– Конечно, – равнодушно согласился Ильюшенька.

– Надо что-то делать!

Он посмотрел на нее с удивлением и произнес:

– Вы не успокойтесь, пока не спасете всех людей на этой планете?

– Обязательно нужно что-то сделать, – серьезно повторила она, – он убийца!

– Да-да, нужно, конечно нужно, – вяло согласился Ильюшенька. Они долго шли куда-то, не зная, о чем говорить. Шли и молчали.

– Я хотела вас спросить, – наконец произнесла Лея, – почему такое странное условие: «Никому не помогать»? Зачем вообще нужно кому-то помогать? Вы меня не правильно по-

няли! Кто сказал, что я мать Тереза? За кого вы меня принимаете?... Зачем они все мне нужны? – и жестом показала на улицу, на людей и замерла, взглянув куда-то прямо перед собой.

– А если она сейчас туда упадет? – и взвизгнула, показав на старушку, медленно приближающуюся к канализационному люку, который был открыт. Той оставалось сделать всего несколько шагов. Лея машинально рванулась вперед, но неожиданно, сильная рука ее остановила. От этого прикосновения ей даже стало больно.

– Опять за старое! – проворчал Ильюшенька.

– Но она сейчас упадет! – воскликнула Лея от ужаса и боли, которую тот ей причинил. Огромный ленивец, отстранив девушку, заставив ее оставаться на месте, неожиданно резво подскочил к старушке и, взяв ее под руку, отвел в сторону. Пожилая женщина от страха внезапно завопила: – Караул! Хулиганы! Помогите!

Но люди вокруг не бросились ей помогать. Никто и не двинулся с места, лишь с интересом смотрели на этих двоих, не понимая. Да и как тут поможешь, если перед ними такой верзила? И зачем?...

– Помолчите, милейшая, – галантно произнес Илья, пытаюсь заглушить ее вопли, а толпа продолжала расти. И, неожиданно, вынув из кармана тысячную купюру, сунул ей под нос. – Дай вам Бог здоровья, уважаемая. Это случайно не вы обронили?

Бабка по инерции хотела было продолжать звать на помощь, и рот ее был широко открыт. Но взгляд ее уже сфокусировался, и тот открылся еще больше. Она выхватила волшебную бумажку и закивала головой: – Моя! Моя! А как же! Конечно, моя.

Широко улыбнулась, но теперь Илья, улыбнувшись в ответ, вынул из ее руки купюру и с сомнением спросил: – Вы уверены, любезная? Может быть, это она ее обронила? – и показал на Лею. Старушка, не ожидая такого, тоже посмотрела на нее. А Лея, не выдержав, начала смеяться. Тут бабуля, ничего не понимая, но с невероятной прытью снова выхватила купюру из его рук и закричала: – Точно моя! А то!

– А где вы ее обронили? – продолжал свой допрос Ильюшенька, но та уже быстрехонько от него бежала, и только башмаки ее хлюпали по лужам, разбрызгивая мутную воду и грязь.

– Придурок! – на прощанье слышалось последнее ее восклицание. А Ильюшенька медленно подошел и ногой пнул тяжелый люк, который встал на место. Силы у этого ленивца были недюжинные.

– Спасибо, – сказала она подошедшему Ильюшеньке, поняв, что он только что снова ее спас. – Если бы она помогла... А что было бы, если бы она помогла?...

– Ее проделки, – воскликнул Ильюшенька и обернулся, неподалеку у самого люка Лея увидела фигуру Королевы. Та стояла, злобно на нее смотрела, ухмыляясь. Потом развер-

нулась и неряшливой походкой направилась восвояси.

– Там где она – жди беды, – пробормотал он. Лея заметила, как этот большой человек немного обмяк и уже равнодушно смотрел в сторону убегающей, спасенной им старушки. Видимо, от такого дня он устал. А если вспомнить, сколько лет он из своей комнаты никуда не выходил, – пожалуй, подобная прогулка была подвигом. Но он снова обратился к Лее и повторил ее вопрос:

– Почему такое условие? – на секунду задумался и возмущенно добавил, косясь наверх: – А почему такая пытка мне – дать это тело с такими мозгами и оставить здесь? Среди них?! На целое столетие! Это не издевательство? И чего они от меня хотят?... Не они, а Он, – поправился Ильюшенька. Подумал немного и уже спокойно рассудительно добавил: – Он дал вам все – теперь вы можете попробовать найти для себя новую жизнь, сделать все, что угодно, все что захотите. Вы еще так молоды! Ведь это вполне естественно для человека – делать то, что он хочет. ХОЧЕТ! – со значением добавил он. – А Он вам поможет. Обязательно поможет! Уж будьте уверены! Дай ему Бог здоровья... Боже, что я несу... А условие Королевы для вас, милейшая, такое, потому что, ежели вы не научитесь проходить мимо, вам не место в этом мире.... Дай вам Бог здоровья. Вы просто долго не протянете. Такова жизнь. Вы должны привыкнуть, так сказать, адаптироваться. Раньше для вас все было просто. Но Королева в силу своего характера усложнила задачу, запретив кому-ли-

бо помогать... И тебе здоровья, дорогая Изольда Карловна, – с сарказмом пробормотал он себе под нос.

– Но условие Королевы вполне понятное и объяснимое... Иногда мне даже кажется, что она хочет вам помочь...

– А если я его нарушу? – отчаянно воскликнула она.

– Тогда вы окажетесь с нами, то есть, ... я думаю, вас сразу же пропустят в следующую комнату, и все, – грустно добавил он.

– Вы мне можете кое-что объяснить!?! – нервно произнесла она. – Со мной в последние дни что-то происходит. Почему я...

– Видите некоторые цвета, слышите голоса, музыку... А ваша улыбка! – перебил он и завороченно на нее уставился. – Я помню сотни людей, которые прошли через ту комнату, но никто из них так не улыбался! – с удовольствием признался он. – Сны пока не снятся? – улыбнулся Ильюшенька и, заметив ее испуганный взгляд, добавил:

– Скоро вам будут сниться такие сны!

– Уже! – воскликнула она.

– Уже! – задумчиво повторил он, посмотрев на нее. – Это только начало. Главное впереди!

– Что еще? – вздрогнула она.

– Ничего! Ничего страшного! Просто, сейчас вы, так сказать, находитесь между небом и землей. Вы парите над своей жизнью, и пока решается ваш вопрос, в вас просыпаются некоторые способности. Бояться нечего. Это естественно

для каждого человека. Так и должно быть... Когда-то давно люди обладали подобными способностями. Такое сегодня видят и ощущают младенцы, являясь на свет. Только рассказать не могут, а потом забывают. Но я поражен, столько всего досталось вам!? И как быстро! – воскликнул он. – Вы чудо! Вот только...

– Что!?

– Вам нужно было родиться на другой планете или хотя бы в другое время.

– А можно еще вопрос, Ильюшенька? – спросила она.

– Да... да, конечно, – с сожалением посмотрел он на нее. Видимо, ему не понравилось это обращение. Но деваться было некуда, называли его именно так, и был он именно таким, большим и ленивым Ильюшенькой. И поэтому потупил глаза. А Лея продолжала:

– Вы действительно думаете, что у меня есть только один выход? – голос ее дрогнул, и она продолжила, – на тот мост? ... А потом на столетия в вашу чертову комнату?

Ильюшенька вздрогнул: – Во-первых, не «чертову»! Это совсем разные вещи, никто вас не просит закладывать душу невесть кому... Это свободный выбор каждого... Во-вторых, – он снова замолчал, потом тихо произнес:

– В конце-концов, там не так уж плохо... А я, ... если вы, конечно, позвольте, всегда буду рядом, – закончил он, странно посмотрев на нее. Она тоже посмотрела на этого человека, но в эту минуту думала о чем-то своем и не заметила

этот взгляд. В конце концов, может же человек хоть иногда думать и о себе. Тем более, что этот жуткий испытательный срок продолжался и что ей делать, она не знала. А этот большой человек вряд ли мог ей помочь, хотя сегодня уже спас ее дважды... Только зачем? – подумала она, вспомнив его слова: «Все пустое!»

Она проводила Ильюшеньку до старинного особняка, где находился его столетний диван. Так она захотела сама. Подождала, пока тот медленно поднимется по ступенькам, обернется в последний раз, как-то странно на нее посмотрит и исчезнет за тяжелой дверью. Ей безумно не хотелось отпускать этого человека. Хотелось к кому-то прислониться, с кем-то поговорить. Она устала быть одна. Она больше так не могла.

– Жалко, что он не дикарь с копьем в руке и набедренной повязкой, – подумала она. – Было бы легко и просто, и ничего не страшно... Но, чудес не бывает.

Затем, подняв голову, бросила взгляд на окна второго этажа, увидев сквозь приоткрытую занавеску злорадное выражение Изольды Карловны. Та смотрела на нее с улыбкой и презрением, а нос ее свисал до самого подоконника, и во рту у Леи появилась неприятная горечь. Она с ужасом вспомнила сегодняшний день. Ей отчаянно захотелось заплакать, разреветься на всю улицу. Но сдержалась. Все только началось, и нужно было держать себя в руках. Девушка неожиданно показала ей язык и гордо стремительно удалилась. А спина ее долго еще чувствовала на себе этот взгляд.

– Забыла спросить – зачем он ей помог? – мелькнуло в голове. – Зачем этот ленивец покинул свою комнату и вышел в город? Впервые за сто лет! И еще – неужели его никогда не интересовали женщины?!

Но спросить было некого. Его большая фигура давно скрылась за закрытыми дверьми странного особняка, со странными комнатами, где сидели странные люди-нелюди и чего-то от нее хотели. Бега продолжались. Рыжая бестия-лошадь бежала свою дистанцию. Куда бежала? Зачем?...

Часть 2

10

Прошло несколько дней, сотни часов, миллионы секунд, мгновений, каждое из которых отдавалось в ее сознании призрачным шепотом чужих людей. Ей уже не нужно было их видеть, достаточно было знать, что они рядом. Лежа в постели, она читала их мысли по шагам за закрытым окошком, по занавескам на окнах, по огонькам из квартир домов. Эти дома разговаривали с нею, делясь историями жильцов. Стоило выйти на улицу – город начинал ей шептать свои волнения, проблемы, рассказывать новости. Каждая улица была нескончаемым рассказом о себе и людях, живших здесь уже сотни лет. Только одного она не знала – будущего. Ее сознание не могло проникнуть в эту тайну. Оно было скрыто от нее за завесой времени, преодолеть которую ей было не дано, только прожить. Прожить испытательный срок, который, казалось, не имел конца. Сейчас голова ее, как огромный компьютер, была начинена информацией обо всех людях, живущих рядом. Это был гигантский банк данных. Только поделиться этим ей было не с кем, и избавиться тоже. А еще странное условие висело над ней. Она не понимала, чего от

нее хотят. И зачем ее спасли, зачем нужна кому-то – тоже не понимала. Помнила только одно – «срок – без срока». Временами казалось, что нырнула под воду и теперь должна была задержать дыхание и не дышать целую вечность. А что потом?...

Так прошли несколько дней ее странной и такой необычной жизни. Или не жизни вовсе. А она снова и снова думала и мучилась, пытаясь себя понять:

– Почему эти люди не дают ей покоя? Почему они мучают ее? Сбежать? Куда? Находиться в четырех стенах невыносимо. Это то же, что терпеть непрерывную боль. Попытаться от нее избавиться? Но чем больше делаешь это, тем становится больнее. И невозможно закрыть уши и не слышать никого. Значит просто нужно найти тот предел. Интересно, где он, и есть ли он вообще? А если его нет, и этот навязчивый гул преследует и настигает, и не дает заснуть, мешает думать, не позволяет остановиться, оглядеться. Все становилось невыносимым. Хотелось выть, мычать, рвать на себе волосы, только бы не слышать никого. Она очень устала.

И однажды вспомнила о напитке, который ей налил божик Фимка. А еще вспомнила, как на какое-то время он приглушил ее чувства, заглушил, помог, дал отдохнуть от этого наваждения. И сейчас ей требовалась передышка. Она стремительно оделась, взяла сумочку и нырнула в этот город, как в прорубь, стараясь никого не замечать...

– Коньяк! – бросила она официанту, который вниматель-

но рассматривал эту необычную женщину. С ней явно что-то происходило, была она чем-то взволнована и вела себя странно.

– Какой коньяк? – вежливо спросил он, показав карту вин и прочих напитков. Она нервно изучила названия и вдруг задала вопрос:

– А какой коньяк пил Наполеон?

Тот уставился на нее так, словно перед ним была сумасшедшая или просто, Жозефина. Придя в себя, произнес:

– Наполеон.

– Да-да, Наполеон! Так какой он пил коньяк?

– «Наполеон» и пил, ... я так думаю, – неуверенно ответил он.

– Несите.

– Что выберете из закуски?

– Несите ваш «Наполеон»! – перебила она его. Когда он поставил перед ней бокал, она, не задумываясь, опрокинула его, поморщилась и вдруг произнесла:

– Какая гадость.

– Простите!?! – не понял официант.

– Какого года ваш «Наполеон»?

– Ну, как же, пятилетней выдержки. Самый...

– А постарее ничего нет?

Тот задумался, посмотрев в карту вин:

– Есть 12-летний. Только он стоит...

– Двухсотлетний... Мне нужен коньяк, которому 200

лет! – чем совершенно огорошила официанта.

– Конечно, гадость! – внезапно услышали они голос какого-то человека. Тот стоял неподалеку и улыбался. Одежда его была потрепанная, залатанная и кое-где откровенно просвечивала дырами. А из правого ботинка, через отверстие торчал голый большой палец. Голый, потому что, по-видимому, носки он не носил.

– И не мог Наполеон пить коньяк «Наполеон», – продолжил он. – Вы должны знать это, молодой человек, а еще должны знать, что император пил Корвуазье. Официант выпучил глаза, а человек тем временем достал из-за пазухи бутылку и поставил на стол.

– Штопор неси! – нагло произнес он.

– У нас нельзя со своими напитками, – пробормотал тот.

– Сколько стоит твой «Наполеон»? – с пониманием поинтересовался тот.

– Две... три... семь тысяч.

– Держи, – и он протянул ему две смятые, жеванные купюры достоинством 5 тысяч. – Сдачи не надо! И считай, что эту бутылку принес нам ты. А свою бурду оставь себе. Понял?

– Понял...

– Штопор неси, – повторил он.

– Вы хотите открывать коньяк... штопором?

Тот смерил его презрительным взглядом и произнес:

– Двести лет назад, юноша, не было никаких винтов, только пробка. Настоящая пробка!

– Коньяк Карвуазье! – с любовью повторил он, когда официант удалился. Это был ни кто иной, как Фимка. Бомжик Фимка.

– А-а-а! Пришел меня спаивать! – махнула она рукой, все еще ощущая во рту неприятный привкус.

– Деньги откуда? У своего олигарха стащил?

– Запомни первое, – уверенно произнес тот, не обращая внимание на ее реплику. – В ресторанах, а особенно таких, нужно заказывать коньяк только бутылками, но не бокалами. И непременно просить, чтобы открывали ее при тебе. Мне не нужно, чтобы ты отправилась на тот свет раньше времени. Ну что, не отравилась?

Лея уже понемногу отходила от выпитого суррогата. Фимка открыл штопором, который успел поднести официант, бутылку, трепетно поставил ее на стол, уставился на нее и гордо произнес:

– Корвуазье! 1811 год. Запомни второе! Тогда еще коньяка Наполеона не было и быть не могло! Это потом, когда Император распробовал напиток и назвали эту марку в его честь...

– Наливай! – в нетерпении перебила его она. Потом схватила бокал и залпом его опорожнила до самого дна.

– Ну, кто так пьет? Нет, ну вы только посмотрите на нее, коньяк 200-летней выдержки, а пьет, как бормотуху в подворотне. Ну и замашки у вас, девушка! Где вы этому научились? Нужно погреть бокал в руках, понюхать, ощутить аро-

мат, цвет... Запомни третье! Все нужно делать красиво, даже спиваться!

Но она уже его не слышала. В мозгах появилась долгожданная тишина, которой в этот момент она и наслаждалась. Абсолютная тишина! Коньяк ей помог!

После продолжительной паузы очнулась и услышала голос Фимки:

– Урок окончен. По маленькой?

– Наливай! – вяло махнула она рукой. Взяв бокал, подняла его к глазам и, прищурившись, сквозь него посмотрела на Фимку.

– Ты решил меня спoitь одной бутылкой?

Тот засмеялся.

– Почему же одной? У нас масса этого добра. В соседней комнатке, милая девушка, находится, не кто иной, как любитель Корвуазье. Тот самый его почитатель со всеми регалиями и званиями. Ему и поставляют этот замечательный коньяк. А он не жаден. Позабыл о своем величии и балует нас.

– Тоже завис? – удивилась она, – прошло уже две сотни лет.

– Да, дорогая. И надолго. А как ты думаешь? До рекорда Палыча ему, конечно, далековато, но, все равно долго еще придется ходить с могилки на могилку. Сама понимаешь – войну прощают солдатам, но не Императорам.

– Понимаю, понимаю, – произнесла она и снова выпила. – У вас там прямо цветник, ... вернее, рассадник, – и взглянула

на Фимку.

– И как ты докатился до такой жизни? – сурово спросила она, в упор на него уставившись. – На себя посмотри. Не стыдно на тот свет являться в таком виде? Как на помойку!

От таких слов он поперхнулся, но промолчал и снова налил ей бокал. Она незамедлительно выпила, продолжая сверлить его глазами. А он смотрел на нее с интересом, о чем-то думая.

– Теперь себе! – засмеялась она. Коньяк придавал ей силы и невероятное веселье.

– Можешь не предлагать, бесполезно, – улыбнулся он. А она продолжала:

– И как же ты собираешься избавиться от своей проблемы?

– Очень просто, – ответил тот, подливая в бокал и внимательно наблюдая, как она пригубила. Только теперь Лея заметила, как по его лицу пробежала тень, лоб сморщился в морщинах, глаза прищурились. Словно это он пил коньяк, а не она.

– Вот так, наливаю кому-нибудь и смотрю, как тот делает это. Осталось еще полторы тысячи бутылок.

Лея снова отпила и по лицу Фимки поняла, чего это наблюдение ему стоило. Он помнил вкус этого пойла, он ощущал его аромат, крепость. В этот момент в горле у Фимки горел неугасимый огонь выпитого когда-то давно, и сейчас его мутило уже не от самого коньяка, но от его отсутствия.

Это была настоящая ломка.

– Память, странная штука, – очнулся Фимка после очередного ее глотка. – Она не дает покоя. Гложет!

Девушка снова отпила, а Фимка громко крикнул, затряс головой и махнул рукой, сжатой в кулак: – Хорошо! Нет! Ну, хорошо же пошла, зараза!

Она чуть не подавилась от такой реакции, но ей стало весело и интересно. Это была какая-то незнакомая терапия. В какой-то момент ощутила себя садисткой, которая пила воду, а рядом находился человек, умирающий от жажды. Она отставила бокал и уставилась на него.

– Ты мне скажи! Как здоровый, взрослый, умный мужчина мог утопить себя в бочке с водкой? – воскликнула она. – Как можно было превратить себя в такое ничтожество? Мужик ты или кто?

По его лицу пробежала гримаса удивления, недоумения, а потом обиды. Он уставился на нее и хотел, было, ответить. Потом, отражаясь в ее больших глазах, увидел себя, словно в зеркале и проворчал:

– Не всегда я был таким.

Теперь в его взгляде застыли отчаяние и боль.

– Прости, – прошептала она. Но он отвернулся, и мышцы на его лице напряглись. Она даже заметила, как капля пробежала по его щеке.

– Ну, пожалуйста, извини меня, – повторила она. – Я не хотела... Я пьяна... Хочешь, я выпью всю эту чертову бу-

тылку?... Или разобью ее? А хочешь, я куплю тебе новые ботинки? Или носки? Давай тебя прилично оденем. А ну-ка быстренько вставай, – уже завелась Лея, – давай, давай, пойдем отсюда, – и потащила его за рукав к выходу. Фимка почти не сопротивлялся. Он был ниже ее ростом, и со стороны могло показаться, что взрослая дочь ведет за руку своего подвыпившего папашу. Лея мгновенно протрезвела, а он безвольно плелся следом за ней.

Они долго выбирали одежду. Лея зачем-то таскала с собой большую сумму из нерастраченных денег Оксаны, и сейчас привела его в дорогой магазин. Продавцы смотрели на эту парочку с удивлением, но этим двоим было на них наплевать. Через час Фимка выглядел, как добропорядочный господин в пиджаке и галстуке. Рубашка в полоску стройнила его полноватую фигуру, в манжетах сверкали дорогие запонки, а на ногах изящно сидели лайковые ботиночки, под которыми были, естественно, самые дорогие носки.

– Смотри! – воскликнула она, подведя его к зеркальной витрине магазина. Он замер в оцепенении, в упор разглядывая незнакомого мужчину в ее отражении. Он не верил своим глазам и как-то замялся:

– А можно...

– Можно...

Она достала из сумки бутылку с остатками коньяка, который прихватила из ресторана и протянула ему.

– Это?

– Нет! Нет! – в ужасе воскликнул он. – А... у тебя деньги еще остались? – вдруг каким-то детским голосом задал он свой вопрос. – Я малость поиздержался.

– Конечно! – воскликнула она. – Конечно, есть.

– А можно... мороженого?

– Мороженого? – переспросила она.

– Да! Купи мне, пожалуйста, мороженое. Здесь есть маленькое заведение. Осталось еще с давних времен. Меня мама иногда водила туда в детстве. А потом я сына приводил туда. Мы можем пойти в кафе-мороженое?

– Ну, конечно, – ответила она. – Пойдем, пойдем, мой хороший. Будет тебе мороженое. Будет, все будет...

– Знаешь, я был когда-то актером и играл в театре. У меня даже были две эпизодические роли в кино.

Фимка развалился в удобном кресле, перед ним стояла вазочка с остатками шоколадного мороженого и бокал с настоящим Лимонадом, а не какой-то заморской бурдой. Так он захотел сам.

– Хочу Лимонад! – капризно заявил он официанту, как только им протянули меню. А теперь он вспоминал:

– У нас был замечательный театр. Все были молоды. Все были влюблены и талантливы. Мы выходили на сцену и играли, мы жили на этой сцене. И казалось, что конца этому не будет никогда. Ведь играют же некоторые актеры до самой старости, а некоторые театры живут целые столетия. Но на-

ступили 90-е. Наш главный режиссер, он же директор, сориентировался, так сказать, почувствовал время, новую волну и продал театр. Вернее, его здание. А нас выкинул на улицу. Сейчас там ресторан, он находится там и поныне. На месте партера пьют водку и жрут, а на сцене (ее почти не изменили, только немного уменьшили) танцуют голые девки и показывают стриптиз. Вроде бы все хорошо – и здание живо, и приходят люди-зрители, только театра больше нет.

Он взял ложечку и собрал со дна остатки мороженого. Лея хотела позвать официанта, но он жестом ее остановил.

– Потом скитался по разным театрам. По городам и весям, но там происходило все то же. Люди делали деньги. Театр со своей вешалкой оказался на помойке времени. Работал на стройке, торговал тряпьем, собирал металлолом, пустые бутылки, потом... Черт его знает, что я делал потом. Да и наши ребята из театра жили так же,... те, кто не уехал отсюда. А кто заработал деньги – тот кем-то стал. Кем-то? Да никем! Никем не стал. На кой черт им эти деньги, когда раньше они были актерами, играли в театре. В театре!!! Никем. Пустой остаток жизни. Только теперь это осознаешь...

Он долго молча глядел в пустоту. Потом продолжил:

– Водка, это такая штука, дорогая, которая помогает забыть. Сама понимаешь, – кивнул на бутылку, торчащую из ее пакета. – Водка – она спасает. Надолго или навсегда – пока живешь. Потом от меня ушла жена и забрала сына. Я оставил им квартиру и стал жить у мамы. Виделись мы редко. И

правильно делали. Зато какими глазами он потом смотрел на могильную фотографию своего отца. Сын помнил того отца, который когда-то выходил на сцену и творил. Он был маленьким, но все запомнил! А водка, она помогала долгие годы не вспоминать и проданный театр, и сцену, и самого себя... Мама умерла, и я остался совсем один.

Потом Фимка долго молчал, глядя в пустоту. Вдруг его глаза загорелись:

– Но я не сдался! Я начал писать стихи! И какие стихи! Правда, они были никому не нужны, но главное, что я научился это делать! А потом... Произошла странная вещь. Иногда после выпитой рюмки являлись удивительные рифмы и образы. Словно ты достаешь их не из-за пазухи, и не вылавливаешь со дна бокала, а из далекого-далекого места, с другой планеты. Стоит протянуть руку – ты за мгновение преодолеваешь этот космический путь и прикасаешься к самому сокровенному. Это был какой-то открытый канал, связь с космосом, с далекой галактикой, с тайниками, где хранились все знания и умения человечества. Если ты художник, твоей рукой начинает овладевать неведомая сила, если композитор – неземная музыка, нота за нотой капает на клавиатуру с небес, а ты подбираешь, подхватываешь, материализуешь ее, становишься сверхпроводником!.. Ты знаешь, в чем гений Моцарта или Пушкина? Этих колоссов, которые до сих пор будоражат умы людей? Да эти ребята просто списывали! Нагло списывали! Они проторили дорожку

к тому волшебному ручейку и пили из него, наливая в свои бокалы. Уже захлебывались и снова пили! Ты знаешь, что Моцарт писал без черновиков. Только начисто! В этом и был его великий гений – протянуть руку и достать. Просто нужно найти туда путь. Все просто. И я тоже на какое-то время приложился к источнику, стоя у того ручья. Это было незабываемое время! Слово за словом рождались вереницы, сплетенные поэзией, образов, видений, полных смысла и жизни. То был восторг. За это можно было отдать все... Но однажды дверца закрылась. Сколько я ни ломился, сколько ни пил, не молился, снова пил – путь туда был закрыт... Перепил. Нельзя на пьяную голову создавать великое, вечное. За все нужно платить! А назад пути уже не было – только вперед. Поэтому снова пил...

Потом влюбился. Она нашла меня в каком-то кабаке и безоглядно пошла за мной. Была лет на тридцать моложе. Вместе мы прожили несколько месяцев. Все это время я любил ее, а она мне все наливала и наливала, я и не возражал. А когда после очередного возлияния отписал ей квартиру, сразу же оказался на помойке. Девушка оказалась непростой. Такой у нее был бизнес. И до сих пор она продолжает спаивать влюбленных дураков. Такая работа. Ничего личного – бизнес. Просто бизнес. Два года я просидел на улице, а потом эта комната. Все!

Он устал. Он сидел, молчал и смотрел куда-то вдаль.

– Жалко одного. Последние стихи так и застряли у меня

в глотке. Так их и не дописал. Все эти бутылки, которые мне еще искупать, ничто по-сравнению с этими строками. А канал для меня закрыт и по сей день...

Лея потянулась к пакету и достала бутылку. Открыла ее и прямо из горлышка отпила. Коньяк больно обжег горло, но стало легче. Фимка сморщился и крикнул. Неожиданно резко произнес:

– Завязывай с этим.

Сейчас он не был похож на того папочку, которого совсем недавно она вела из ресторана, и на разодетого франта, который щеголял обновками, и на лакомку, поедающего мороженое. Глаза его горели, он серьезно, даже гневно, смотрел на нее.

– Что? – не поняла она. – А как же ваше пари?

– Завязывай, говорю, – зло повторил он. – А пари? Все это только игра. Сам разберусь – без тебя, – помолчал немного и добавил:

– Ты мне в дочери годишься... И еще... Спасибо тебе.

– За что? – удивилась она.

– За все... Умеешь ты слушать.

Потом он заметил на себе ее трогательный, нежный, полный участия и сострадания взгляд, улыбнулся и весело произнес:

– А хочешь посмотреть еще на одного страдальца?

Он больше не мог видеть, как его жалеют. Он сказал то, что никому раньше не говорил. Но теперь, выплеснув все это

на несчастную девушку, весело смотрел, пытаясь отвлечь ее от своей непростой истории.

– Пошли, теперь я тебя гуляю! – воскликнул он. – Любишь ночью бродить по кладбищу? – и добавил с улыбкой: – Ведь-ма ты, наша! Будет весело – обещаю!

11

– Вот мы и дома! – воскликнул он, широко разведя руки в стороны и радостно улыбаясь. Они проехали через весь город, который успел погрузиться во мрак, потом нашли в заборе незаметную прореху и оказались на территории большого кладбища. Повсюду в сырой мгле мерцали фонари, отсвечивая памятники и монументы, которые зловещими тенями лежали на снегу, а Фимка весело перебегал от могилки к могилке что-то ища. Лея в ужасе поежилась, продолжая за ним наблюдать. Она замерзла, а Фимка в своем новом костюме холода и не замечал. Он пританцовывал, перелезая через низенькие ограды, похлопывал надгробья, словно с кем-то здороваясь. Потом вспомнил о ней и крикнул:

– Иди же сюда. Давай! Ну, что ты, глупая. Рано или поздно все окажется здесь! – и засмеялся. От этой фразы ей стало дурно.

– А вот и мой дружок! – воскликнул он, показывая на камень, на котором был изображен человек лет сорока.

– Заслуженный артист! Сыграл массу ролей в театре и ки-

но. Почил, так сказать, на взлете, в совсем еще юном возрасте – не было и сорока пяти.

– От чего? – спросила она.

– На него упал кран, – захохотал Фимка, но, заметив ее изумление, добавил:

– На стройке – его плохо закрепили. А Колька мимо тащил ведро с раствором.

– Кого закрепили? Какой раствор? – не поняла она.

– Раствор цемента и песка, девушка. Какой же еще? А закрепили плохо кран, как ты понимаешь! Или не понимаешь?

– А причем здесь цемент – он же был артистом. Заслуженным!

– На стройке работал наш бедолага. Последние годы, как ролей не стало, а в театрах начали гнать всякую лабудень, ушел на стройку. Принципиально ушел! Не хотел мараться! А тут этот кран так кстати. Все проблемы махом и решил... Он уже там!.. ТАМ! – и Фимка поднял указательный палец. Я имею ввиду Кольку, а не кран. Ну, ты понимаешь? – и ехидно улыбнулся. Разговаривал с он ней, как с последней дурой, но был счастлив находиться в этом месте.

– А вот еще! Посмотри! Какой персонаж! Известный аферист! Любитель брачных дел. «Разводил» богатеньких матрон на деньги, а потом сбегал. Талант, умница! ГИТИС закончил! Герой-любовник. А как играл! И Хлестакова, и Волконского! Большой талант. Титан! Монумент! Глыба! В 90-е подался в бизнес. Гениальный парень! Доигрался, красав-

чик... Одна богатенькая вдова его разыскала и наслала на него своих парней. Ну, те и постарались. Хоронили его потом всем театром... Вернее, с теми, кто о нем вспомнил и еще остался... А вот еще... Бедняга! Спился! Ранимая, тонкая душа! Не выдержал нового времени. Не стал сниматься в рекламе и прочей ерунде. Сидел себе и тихо пил. И ушел тоже тихо-тихо. Спи, Ванек, спи родной. Нежная душа была у человека.

Вот еще парень. Интересная судьба. Когда из театра поперли, не стал искать другой площадки и терять время. Быстро заработал свой первый миллион, (иностранных рублей, естественно) потом второй. Пошел на третий, но в один прекрасный день достал пистолет и застрелился. С трудом его сюда на погост и определили. Теперь, встречаемся иногда. Болтается уже десять лет. Завис, конкретно завис. Я его спрашиваю – зачем? Ну, зачем? А он отвечает: «Тошно»! Не понимаю я таких людей. Не мог немного потерпеть? Не понимаю...

Потом Фимка долго водил ее по забытым, заброшенным могилкам, продолжая что-то рассказывать. Его экскурсии не было конца. Здесь находились актеры и певцы, бандиты и самоубийцы, художники и поэты. Все они когда-то работали в одном театре. Потом их разбросала жизнь, но вновь соединила в этом печальном месте.

– Не хватает только сцены, можно было бы разбудить этих усопших и сыграть целый спектакль. Только о чем? – поду-

мала она.

– Да и зачем? – услышал Фимка ее мысли. – На кой черт сегодня что-то играть? Не к чему это. Пустое.

Потом снова уставился на могилы.

– Здесь наш уголок. Все наши, все родимые. Немного осталось в живых на земле грешной. А теперь посмотри сюда, – гордо произнес он, замолчал и уставился на маленький камень, на котором в свете ночного фонаря отсвечивала фотография.

– Узнаешь? – спросил он. На ней было видно лицо совсем еще молодого человека. Звали его Ефим Григорьевич, а ниже стояла короткая надпись: «Актер и Поэт. Вечная память тебе, дружище». Фимка был при жизни обаятельным человеком. Глаза его светились задорным огнем, за его спиной на портрете была видна кулиса, и дальше сцена, а он произносил какой-то монолог. Эту фотографию и запечатлели навсегда на каменной плите его друзья-актеры.

– Интересно, что он думает и что ощущает, стоя на собственной могиле?

Она посмотрела на него, но тот молчал.

– Интересно, если бы он знал тогда, что это мгновение навеки застынет на его плите – что он подумал, что сказал бы в своем монологе и как сыграл бы роль? – мелькнула дикая мысль в ее голове.

– Так или иначе, какая-нибудь фотография все равно окажется здесь, – философски заметил Фимка, снова прочитав

ее мысли. А она уже вслух ответила:

– Никогда больше не буду фотографироваться! – и поежилась.

– И выкину все старые, – добавила она и подумала. Тихо-тихо подумала:

– Если останусь жива! – вспомнив о своем положении.

Прислушалась и в ужасе застыла на месте:

– Что это? – закричала она.

А неподалеку раздался чей-то стон:

– Ну, когда же? Ну, сколько еще?

– Так, спокойно, тихо! – схватил ее Фимка за руку. А она уже собиралась бежать из этого гиблого места. – Привыкай. Ничего страшного. Свеженький. Видишь его? – спросил он.

– Вижу! – остоленела она.

– Видишь, видишь, – повторил он мерным голосом, успокаивая.

Там был человек, который стоял у могилы и раскачивался на легком ветру.

– Этот еще не понял. Два дня всего прошло. Вот и мерзнет здесь.

Вдруг Фимка посмотрел на нее и удивился: – Неужели видишь? Ну, ты ведьма! То есть, я хотел сказать, ты молодчина, умница! Всего-то несколько дней с нами, а уже прозрела!

– Я не с вами! – закричала она, – и оставьте меня в покое!

– Нет, нет, не с нами! – спохватился он. – Просто, научилась видеть и открыла свои большие, красивые глазища...

Но, как быстро! – поразился он. – Такое приходит намного позже! Ну, ты... Это Он тебе такое дал. Точно Он! Ты избранная! И за что Он тебя так полюбил? – изумился Фимка, – на моем веку такое впервые!

Успокоившись, произнес:

– Значит, будет еще интереснее! Пойдем! – и потащил ее за руку в дальнюю часть кладбища. Они прошли пару сотен метров, свет от фонарей сюда едва доходил, и фигуры их меркли в сумерках ночи.

– Иди сюда и не высовывайся! – прошептал он, затолкав ее в какой-то памятник, который был вылеплен в форме арки и молча уставился вдаль. Так они стояли несколько минут.

– Сейчас придет. Его время! – прошептал он.

Через несколько минут появилась большая, округлая фигура. Она медленно шла между могилами, очевидно, кого-то ища. Это был Палыч! Она узнала его. Он остановился и замер. Его тучный силуэт зловеще навис над каким-то надгробьем... И тут Лея чуть не закричала. Прямо перед Палычем возникло небольшое облако, а как на экране в объемном кино появилась фигура человека, который сидел за рулем автомобиля. Его раскачивало из стороны в сторону, он, едва держась за руль, уронил тяжелую голову, а впереди возникла яркая вспышка света. И удар! Человек за рулем пробил головой лобовое стекло. Его туловище, как тряпка, повисло, переломившись пополам, и осталось висеть – часть на капоте, а нижняя часть в салоне. Короткая судорога и человек

замер. Замер навеки!

– Видела? – восторженно прошептал Фимка. Лея молча кивнула и с ужасом продолжила смотреть на Палыча. Тот утробно замычал и пошел дальше. У другой могилы появилась в серебряном свете женщина с кухонным ножом в руке. Она размахивала им перед пьяным лицом какого-то мужчины, а потом вонзила ему в грудь по самую рукоятку. Потом был человек, который просыпался в своей постели, а рука его тянулась к стакану, стоявшему у изголовья. Он хватал его, а в нем была налита какая-то жидкость. Но рука дрогнула, и спасительное зелье разлилось по подушке. Человек отчаянно застонал. Он кусал наволочку, извивался, выл. Наконец, судорога парализовала все его тело, и он затих. Навеки, навсегда. А Палыч вдруг испустил нечеловеческий вопль:

– Пьянь. Твари! Гады! Причем тут я?! Убогие, уроды!..

Дальше следовали выражения, от которых захотелось закрыть уши, закрыть глаза, и не слышать ничего, не видеть. А он вопил на все кладбище, как раненый зверь: – При чем тут я!!! А-а-а-а!

Потом пьяный человек захлебывался в реке. У него не было сил выплыть – не хватало воздуха. И тонущее тело постепенно опускалось на самое дно, запутываясь в тине. Потом нетрезвая рука огромного детины задевала невзначай голову ребенка, и тот неловко падал, ударяясь виском о край стола. Женщины, взрослые мужчины, совсем еще юные парни и девчонки. Они падали с балконов, били друг друга насмерть,

давили машинами, стреляли, душили. Снова фигуры в судороге, а потом в параличе, не в силах избавиться от невероятной ломки. А огромная тень Палыча металась от могилы к могиле, и вой его разносился на всю округу.

Вдруг Фимка выскочил из памятника и танцующей походкой направился к нему. Его галстук развевался на ветру, он размахивал короткими ручонками, стараясь привлечь внимание. Он забрался на какую-то плиту и начал танцевать четку. Потом закричал:

– Палыч! Дорогой! Сколько тебе еще осталось? Не устал?! Ах ты, шалун эдакий! Ах проказник! Не перетрудишься там, родимый!

Тот замер и всем туловищем повернулся к нему. В глазах его застыл ужас и невероятные страдания, сменившиеся на гнев и ярость. Он был разъярен.

– Ну, ты тварь! – заорал он, – какое твое собачье дело, гаденыш. Ща я тебя!

– А костюмчик-то казенный! – захохотал Фимка, пританцовывая. – Нельзя, не положено! Зависнешь, жирный боров, по самое «мама не горюй»! – и продолжил хохотать. Палыч замер и на секунду задумался. Потом зловеще промычал:

– Тебя я не трону, алкаш. Ты не мой клиент! А вот эту стерву! Ну, ты глянь, и ее сюда приволок! Держись, шалава!

Больше Лея не помнила ничего. Только чувствовала руку Фимки, который тащил ее за собой в стремительном беге или полете. Она не понимала, что это было. И только ледяной

ветер свистел в ушах. А сзади раздавался вой озверевшего Палыча. Он, как кабан, несся за ними, а топот его копыт, то есть, ног, выбивал барабанную дробь по замерзшей земле, звучным эхом отдаваясь на многие километры. – Как слон! Как мамонт! – мелькнуло в ее голове. Но звук становился все тише и тише, пока не замолк совсем. Вдруг мимо пролетел огромный осколок гранита, Фимка рукой накрыл ее голову, и они на мгновение замерли. Кошмар был позади.

– Ненавижу урода! – услышала она Фимку. – Сколько невинного люда положил!

– Лея высвободилась из его рук, обернулась и закричала:

– Что это было?!!

– Что именно девушка имеет ввиду? – весело отозвался тот, – было там или было здесь и сейчас?

– Там... то-есть, здесь, сейчас! Что было сейчас, и как мы здесь оказались?

– А ты не поняла?

Перед их глазами раскинулось в свете прожекторов здание Университета, огромная Москва предстала в ночной красе, а внизу мерно струилась вскрывшаяся река. Они стояли на смотровой площадке и глядели вдаль – Фимка с удовольствием, а Лея с недоумением. Она моментально забыла о кошмаре на кладбище, а в голове ее продолжал шуметь ветер. Пронзительный ветер!

– Нет! Не поняла! Я не поняла! – воскликнула она.

– Дорогая, можешь себя поздравить, ты только что летела.

Лея в смятении широко открыла глаза и в ужасе посмотрела на него, потом вниз, и от высоты у нее закружилась голова. Он подхватил ее за талию и держал, пока она не пришла в себя.

– Летела? – прошептала она, наконец, очнувшись.

– Да, летела... Сигаретку дай?... Что, нет? Не куришь? Ну и ладно, и правильно. И мне бросать пора, – и радостно заорал:

– Глупая!!! Ты летела! Только что! Сама! Как ведьма! А я... просто тебе немножко помогал.

– А Палыч? – вздрогнула она.

– Жирный боров – твой Палыч. Ползать ему по этой земле и грязь жевать еще не одно столетие. Ненавижу!

– Я тебе не верю, – прошептала она.

– Не верь, – как-то легко согласился он. – А как же девушка оказалась здесь? – проворчал примирительно он. – А это не важно, как девушка здесь оказалась. Оказалась и все. Забыли, – улыбнулся он, успокаивая ее и ёрничая. – Устала, дорогая. Устала, хорошая моя. Сейчас отдохнем. Деньги остались? – нахально спросил он.

– Не знаю, – ответила она, – посмотри в сумочке, – она едва держалась на ногах. Тем временем, он по-хозяйски открыл ее сумку, вытащил нужную купюру и уверенно махнул рукой. Такси, завидев господина в приличном костюме с молодой хорошенькой девицей под ручку, мгновенно сорвалось с места и через пару секунд замерло перед ними.

– Поехали!

– Куда?

– Вперед!

– Я хочу к людям, – в полуобморочном состоянии шептала она, – к людям, я хочу к живым людям.

Больше она не слышала ничего. Ее трясло, ее знобило, а Фимка, обнимая заботливой рукой, успокаивал:

– Еще немного и будем в маленьком Раю. Там люди, настоящие люди. Поспи немного, отдохни. Вот ведь, невинная душа...

И только фонарики мелькали за окошком, весенние лужи радостно брызгались во все стороны, зазевавшиеся прохожие отпрыгивали, чертыхаясь, а они все неслись, и не хотелось думать ни о чем.

12

– Я дальше не поеду! – воскликнул водитель, в ужасе посмотрев сквозь лобовое стекло.

– Да ладно, тебе! Милейше местечко, – настаивал Фимка, – еще пару сотен метров и приехали!

– Не поеду, я сказал! Не поеду и все. Выходите!

Она очнулась, не понимая, где они. Фимка тем временем расплатился с капризным водителем, и они вышли из такси. Вокруг находились какие-то строения из старого рыжего кирпича, огороженные заборами. Неподалеку стояли бро-

шенные строительные машины, заржавевший кран и что-то еще. Промышленная зона – поняла она. А Фимка уже энергично тянул ее за собой.

– Замерзла, девочка, сейчас согреешься, сейчас будем дома. Пробравшись в темноте по каким-то задворкам, звякнув металлической дверью, они погрузились во мрак.

– Еще пару шагов, – успокаивал ее Фимка. Пара шагов оказались нескончаемым лабиринтом, который они преодолевали целую вечность. Он за руку тащил ее в полной темноте, она спотыкалась, чуть не падала, сил больше не оставалось. После бесконечного дня, после коньяка, экскурсии по кладбищу, после странного побега оттуда, она валилась с ног, до сих пор не отдавая себе отчета, что с ней приключилось. Наконец, Фимка раскрыл какую-то дверь, та дико скрипнула, и вдалеке показался крошечный огонек света. Стало теплее. Здесь, в этом странном помещении были люди, слышались голоса, смех, а запах стоял, как на помойке.

– Фимка! Старый хрыч! – радостно воскликнула какая-то женщина. – Ты куда пропал, мерзавец! Ну, паразит! Иди же сюда! Иди дорогой.

Лея застыла на месте, и пока Фимка здоровался с кем-то, осматривала помещение и его обитателей. Было жутко. Старые кирпичные стены едва отсвечивали скудным светом слабую лампочку над головами. Повсюду валялись какие-то топчаны, инструменты, старые разорванные телогрейки. Постепенно глаза ее привыкли к темноте, и она разглядела тро-

их людей. Двое сидели на ящиках, перед маленьким столиком, за которым до их прихода они играли в карты. А неподалеку на дырявой раскладушке спал какой-то человек. Он на миг повернулся, издал нечленораздельный возглас, помахал Фимке рукой, и голова его свалилась на подобие подушки. Фимка продолжил восторженно обмениваться приветствиями. Очевидно, его здесь знали хорошо.

– Снова карты, снова игра, – подумала она.

– Что за принцесса? – наконец воскликнула женщина, глядя на нее. – Ты только посмотри! А наш-то, каков! Разоделся, как барон... рубашечка, галстук... Запонки! Фимка, а где ботинки, которые я тебе подарила? Может, ты еще и носки надел?

– А-то! – гордо ответил Фимка.

– Ограбил биржевого маклера? А девушка. Не слишком ли молода для тебя, старый пьянчуга? Денег у тебя на такую красотку хватит?

– Денег, – пробормотал человек рядом с ней. – Ты еще задай милой девице циничный вопрос, сколько она стоит.

– Спокойно, – перебил его Фимка. – Нисколько она не стоит. Это моя... племянница.

И от его реплики эти двое громко захохотали. Лее стало жутко. Даже там, на кладбище ей не было так страшно, как здесь. Нависавший над головой тяжелый потолок придавливал ее к бетонному полу, окон не было совсем, только жалкий свет лампочки освещал этот склеп и людей, которые чер-

ными тенями раскачивались из стороны в сторону, громко смеясь. Их искаженные жуткими гримасами лица корчились, и она чувствовала на себе их взгляды. Сейчас они напоминали ей обитателей потустороннего, загробного мира.

– Снова мертвецы, – в ужасе подумала она. Но Фимка, услышав ее мысли, произнес:

– Дорогая, познакомься с моими приятелями. Это не то, что ты подумала. Мои близкие друзья, так сказать, боевые товарищи, сколько вместе по помойкам пройдено – Гера и Афонька, а там в некотором забытии и протрации, по причине небольшого подпития и головной боли, пребывает Пашка.

– Очень приятно, – выдавила она из себя.

– Афанасий Петрович, – вдруг галантно представился мужчина за столом.

– Петрович! – с сарказмом повторила Гера. – Вспомнил, как батюшку звали? Раскатал губища, старый козел.

– Не козел, а Петрович, и ничего я не раскатывал, – спокойно возразил тот, – между прочим, кандидат наук.

– В прошлом, – съязвила женщина.

– Кандидатов наук в прошлом не бывает! – гордо заявил он.

– Кандидат несуществующих наук, – поправил ее Фимка. – В прошлом философ, доцент. Так его теперь и называем.

– Гера Васильевна, – с достоинством произнесла женщина

и посмотрела на козла – доцента. – Тоже, между прочим, не пальцем деланная. Поварихой в пельменной сорок лет отпахала. Таких вот как ты полвека и кормила.

– А, – отмахнулся Петрович, – все это лишь еда!

– Ну, начал, – возмутилась женщина. Потом засуетилась. – Чего, стоите? Присаживайтесь. Мы только закончим! Ща, я его сделаю! – азартно добавила она.

– Это кто кого сделает? – возмутился доцент.

– Кто? Я и сделаю, – засмеялась она, сдавая карты. Играли они в очко. Перед ними на столике была разложена мелочь, и они делали ставки. Спустя какое-то время доцент постучал ладонью по карманам и грустно замер.

– Ну! Что я говорила! Давай сюда! – и сгребла все его копейки со стола. – Все что ли?

Тот на всякий случай порылся в карманах, но, не найдя ничего, спокойно устался на нее.

– Подумаешь! Всего лишь деньги.

А Фимка и Гера с улыбкой переглянулись.

– Опять продулся, Афонька! – засмеялся Фима.

– Ну и что? – спокойно возразил тот, скрывая плохое настроение, – деньги и все. Фикция, воздух!

– Ну, конечно, это мы такие меркантильные, а ты у нас святой.

– Не святой. Просто человек. Человек с мировоззрениями, а не с понятиями.

– Что же ты так расстроился? – поддела его Гера.

– Деньги ничто, пыль, грязь – их так же легко достать, как и потерять. Сдал три десятка бутылок и все.

– Их еще найти нужно, эти бутылки. А кто сегодня на лавочке в парке сидел и сачковал, пока я по урнам шарил? Доцент сидел. Кому же еще. А мамочка пахала.

Тот с достоинством возразил:

– Я не сачковал, а думал! Думал, женщина! Это ты понимаешь? Да и зачем они нужны вообще, – кивнул он на горсть монет в ее руке. – «Все, что человеку нужно – стоит немного. Или не стоит ничего». Сенека, между прочим, сказал.

– Вот ты и жрать сегодня будешь «между прочим»! – воскликнула она, – и громко засмеялась.

– Ну, совесть имейте, господа! – очнулся Пашка. – Поспать дайте!

– Так, женщина! Хватит! Давай, доставай, хлеб насущный! – зло воскликнул доцент, и его невозмутимый тон куда-то исчез. А Гера больше не подтрунивала. Она отошла и вернулась с какими то пакетами. Потом развернула газетку и начала раскладывать нехитрую трапезу. Досталось и Лее. Та с ужасом посмотрела на все это, но Гера, перехватив ее взгляд, произнесла:

– Ты не стесняйся, дочка. Все здесь не с помойки. Все куплено, все нормально.

– Стерильно! – потер руки доцент и набросился на еду.

– По маленькой? – спросила Гера. Тут же за столом возник Пашка, который только что спал, но теперь бодро сидел

рядом, а в руке его был зажат стакан. Скорее всего, с ним он и отдыхал. Гера разлила водку, посмотрела на Фимку и спросила:

– Тебе, дорогой, как всегда?

– Конечно! – уверенно ответил тот и прикрыл пустой стакан ладонью. Все выпили, а Фимку, глядя на них, передернуло. Судорога пробежала по его лицу, он схватил со стола картошку, затряс головой и запихнул ее в рот. Все начали смеяться, а Фимка, бравирюя и ерничая, закричал:

– Ну, ты мать, даешь! Где такую... купила. На углу?

А та уже хохотала, и слезы текли по ее щекам.

– Клоун! Ну, клоун! Еще по маленькой! – воскликнула она. Снова выпили. Фимка выдохнул, точно хотел задуть пылающий костер. Глаза его покраснели. Он поднял кулак и саданул им по столу, крикнул, замер и выпучил глаза. Теперь уже хохотали все, даже Лея!

– Еще по одной! – не унимался доцент. Быстро налил и опрокинул стакан. Все снова уставились на Фимку. Тот вскочил и затрясся, схватившись за голову. Потом ударил кулаком в грудь, взвыл и задыхающимся голосом прошипел:

– Вот пошла, так пошла! Ну, родимая!

Остальные снова зашлись дружным хохотом.

– Еще! – смеялся доцент. Он выпил и снова уставился на Фимку. А того уже выворачивало наизнанку. Остальные непрерывно хохотали. Смеялась и Лея, хотя знала, чего ему это стоило. Но Фимка делал все с таким удовольствием и

бравадой (по-видимому, это был его коронный номер), что удержаться не было сил. Наконец он пришел в себя. Крикнул:

– Ну, чего зачастили! А перекурить, а закусить? Давайте, налегайте. Схватил соленый огурец и впился в него зубами. Остальные последовали его примеру, продолжая всхлипывать от недавнего приступа смеха.

– Ну, клоун! Ну, насмешил! – икала Гера, давясь едой.

Спустя какое-то время Пашка с завистью взглянул на Фимку и спросил:

– Вот я не понимаю. Я в толк не возьму, как ты не выпивая ни грамма, можешь получать такой кайф? Научи! Ведь, нахалюва же! Ни копейки не истратив! Ну, Фимка, давай! В чем твой секрет?

Он все жевал и восхищенно смотрел на Фимку. А тот, снисходительно улыбаясь, молчал, качая головой. Наконец, рассудительно произнес:

– Выпьешь с мое, узнаешь!

– Вот ведь, какой. Не говорит, молчит, собака, и все.

Потом Фимка поднял руку, и все замерли. Он сам разлил по стаканам зловонный напиток, внимательно посмотрел на Лею, которая не отпила ни грамма, довольный кивнул и встал! Фимка хотел что-то сказать.

– За нее! – шепотом произнес он, кивнув в сторону Леи. Потом уставился на свой стакан, долго смотрел на него. Тот внезапно сдвинулся с места, подъехал к краю стола и свалил-

ся на бетонный пол. Раздался звук битого стекла, Фимка в последний раз громко крикнул, вытер мокрый лоб рукавом и понюхал горбушку хлеба.

– Все! – закричал он.

– Ну, фокусник! Как же я его люблю! – проворчала Гера, утирая слезы. Посмотрела на Лею. – Он мне одного старого приятеля напоминает. Тоже Фимой звали. Ефимом Григорьевичем! – с уважением и грустью произнесла она. – Помер два года назад. Вот на этой раскладушке и помер.

Лея посмотрела на раскладушку, потом перевела взгляд на Пашку, который только что на ней спал. Тот чуть не подавился.

– Чего? – нетрезво уставился он на нее.

– А ничаго! – перехватил Фимка. – Будешь пить, тоже скоро помрешь. Сроку тебе отмерено всего 2 года. Еще не поздно остановиться.

– Да хватит каркать, годы мои считать. Сколько тебя знаю, столько бормочешь всякую ерунду.

– Не каркать, а говорить, – серьезно возразил Фимка. – И не шучу я. Два года! Всего два! Вот на этой раскладушке. А мог бы еще лет десять-пятнадцать протянуть...

– Зачем? – невозмутимо пробормотал доцент. Пашка отошел от стола и молча улегся на какой-то топчан. На эту тему ему говорить не хотелось, а водка закончилась.

– Закончилась, – грустно пробормотала Гера.

– Это всего лишь водка, – крикнул Афонька, посмотрев

на Лею, и произнес:

– Что смотрите так, милое создание? Не нравится вам наша пещера?

– Пещера? – переспросила она и вдруг уверенно произнесла:

– Это не пещера.

– Да? – удивился доцент, – Почему? Мы это место давно так называем.

– Нет, – горячо возразила она, – пещера должна быть другой. Совсем не такой.

– А какой? – прищурился доцент, с интересом на нее посмотрев.

– В пещере должны жить пещерные люди, – серьезно ответила она.

– А мы кто, по-твоему, дочка? – засмеялась Гера.

– Вы?... – и замолчала, – люди. Просто люди этого города.

– Да уж, – пробормотал издали Пашка. – Это точно, мы люди. Человеки!

– Конечно, люди! – перехватил ее доцент. – Во всяком случае, себя к таким и причисляю, а остальные, там, наверху, – просто тупое алчное стадо. Бойся мещан! – громогласно провозгласил он. – Они думают, что у них есть все, а у них нет ничего, все здесь, у нас, в этой пещере! – гордо заявил он.

– Чего у тебя есть? – толкнула его Гера.

– Все! Все что нужно человеку. Остальное ерунда. Прочее – дьявольская игра, бессмыслица жалкая и пустая. А у

меня есть все! – гордо повторил он.

– У тебя даже водки не осталось, – сказала Гера, убирая пустую бутылку со стола.

– Ерунда, – махнул он рукой, – всего лишь водка!

– Вот подхватишь какую-нибудь заразу, и нечем будет заплатить врачу – тогда я на тебя посмотрю.

– Ну и что?

– Так помрешь же!

– Значит, так тому и быть. В конце-концов, это всего лишь жизнь. Игра!

– Придурок! – добродушно проворчала Гера.

– Я слышал, у тебя проблемы? – спросил Фимка Геру.

– Ты про дочь? – удивилась она. – Кто тебе сказал? Хотя, ты всегда знаешь про наши беды.

– Вот, я не понимаю! – завелся Пашка. – На кой черт она тебе нужна? Тебя поперли из квартиры, на порог не пускают, внуков видеть не дают. А ты говоришь – дочь! Какая она тебе дочь?

– Во-первых, из квартиры меня попросила не она, а ее муж-алкаш. А дочь сейчас слепнет. И если не найти эти 3 тыщи баксов, лишится зрения совсем! – в сердцах воскликнула Гера. – Да! Мне нужны эти чертовы деньги! Срочно, сегодня, сейчас, – в отчаянии добавила она.

– Нет, ну как это называется? – не унимался Пашка. – Дочь пустила ее по миру, видеть не хочет, а эта мыкается по углам и ищет, где найти такие деньжищи. Ты в своем уме?

Это нормально? Как это называть?

– Я, что, должна бросить родную дочь в такую минуту? Чтобы она ослепла? Кому она такая будет нужна? Своему алкашу? Да и негде мне жить там. Четыре человека в однокомнатной квартире! Нормально?

– Этому поступку, Пашка, определения нет, – мудро заявил доцент, – идиотизм, да и только.

– Это называется материнская любовь, – грустно возразил Фимка.

– Чего? – завелся Пашка, – какая любовь? – ее дочь предала, посадила в пещеру, а мать должна сбиться с ног и искать деньги? Бред! Ну, полный бред! Фимка, ты что? – негодовал Пашка.

– Просто, любовь к родному человеку, – тихо повторил он.

– Ты мыслишь абстрактными понятиями, дружище, – трезво изрек Афонька. – Любовь, это лишь химические процессы в наших головах... Хотя, в твоих словах есть доля истины. Любовь, необъяснимое явление. Наверное, люди не могут сегодня понять, что это такое, а наука не готова объяснить, поэтому вся твоя любовь – иллюзия, мираж. Хотя в этом что-то есть. Несомненно, есть!.. Любовь!.. А ну, пошла отсюда! – вдруг крикнул он, сняв ботинок и кинув его в угол. Лея замерла, увидев крысу, которая прошмыгнула мимо и скрылась в дыре стены. Доцент спокойным тоном продолжил: – А знаешь, Гера. Будь у меня такие деньги, отдал бы тебе, не задумываясь. Хочешь, завтра же пойду в город и

пока не найду нужные тысячи пустых бутылок – не вернусь. Миллионы бутылок! Клянусь. Для тебя сделаю все!

– Да, ладно, – засмеялся Фимка. – Ты и десятка найти не сможешь с твоим зрением и ленью.

Лея смотрела на этих людей, бросая взгляды по сторонам, где никому не нужные предметы отбрасывали нелепые тени от тусклой лампочки. Страшно в этом низком темном подвале ей больше не было. Сидела и думала, что эти, никому не нужные люди, в таком жутком месте почему-то говорят о любви. Вспомнила дом Артурчика. Там тоже были люди, они тоже смотрели фильм о любви, только была она какой-то странной, жуткой, а здесь... Просто любовь. Любовь и все. Странно! А может остаться в этой пещере? Стать такой же, как они? – и снова оглянулась.

– Найду! Спорим? Для Геры разобьюсь, но сделаю все! – серьезно убеждал доцент. А Гера пронзительно смотрела куда-то вдаль, не слушая его, наконец, пробормотала:

– Я сама их достану. Знаю, что нужно делать. Завтра в парке и раздобуду. Выхода другого нет, – и в ее глазах мелькнул злой огонек. Вдруг Пашка слез с топчана и начал надевать старую, дырявую телогрейку.

– Ты куда? – спросил Фимка. Тот, помолчав, произнес:

– Хватит молоть всякую чушь. Если делать дело, значит делать. Пойду, угоню недорогую «копейку». Отдам ее приятелям – старые связи еще остались. Сделаем, Гера, все сделаем, не бабское это дело. Если тебе нужно, значит, все бу-

дет! Не вопрос...

Все уставились на него, ничего не говоря, понимая, что из этой прогулки он может и не вернуться. Потом Гера произнесла:

– Пашенька, ты уверен? Может, не стоит? Я бабка старая, мне терять нечего...

Но Пашка уже решительно направился к выходу, задел головой лампочку, и темный склеп начал раскачиваться, мелькая причудливыми тенями.

– Пойдите! – неожиданно воскликнула Лея. Потом потянулась к сумке, и Фимка едва успел схватить ее за руку.

– Спокойно! – произнес он. – Думай, что делаешь! – и, заметив в ее глазах решимость, произнес:

– Я сам!

Нахально вынув из ее рук сумку, забрался в отделение, где находились деньги, и начал отсчитывать необходимую сумму.

– Держи, дорогая! Это тебе! От меня! – и бросил пачку купюр на стол. Лея оторопело на него смотрела. Она только что едва не нарушила то странное условие. Все остолбенели. Первым очнулась Гера. Она схватила деньги и уставилась на Фимку, потом перевела взгляд на Лею.

– Не бери в голову, деньги мои. И не благодари, – строго перебил ее Фимка. Пашка тем временем вернулся к своему топчану, сбросив с себя телогрейку, лег и проворчал:

– Сколько же водки можно было купить! Мама дорогая!

Сказал это тоном человека, который всего мгновение назад вовсе не собирался рисковать собой ради Геры, идя на преступление. Все с облегчением засмеялись.

– Дурак, ты Пашка, – проворчал Фимка. – А пить бросай! Два года осталось! Ты меня понял? Всего два!

– Да иди ты!

Гера тем временем, придя в себя, засуегилась.

– Сейчас же пойду, отнесу ей. Сейчас и побегу.

– Сейчас ее алкаш не пустит тебя на порог. А если деньги увидит, отберет и за пару недель пропьет. Завтра, дорогая, все завтра, – остановил ее Фимка. А Лея все смотрела на этих людей. Пашка, отвалившись на своем топчане, косо посматривал на Геру. Он был доволен, хотя виду не подавал. Он радовался за свою подругу по несчастью. Доцент тоже сидел и улыбался. То ли от того, что не придется ему собирать миллионы бутылок по всему городу, то ли от чего-то еще.

– Твоя правда, Фимка! – воскликнула Гера, кладя деньги под газетку на стол. (В этом подвале их прятать было не нужно – не от кого.)

– Такое нужно отметить! – воскликнула Гера. – Кто сбегает за бутылкой? – и достала из своей сумки двести рублей. Доцент тут же потупил глаза, Пашка притворился спящим. И только рука, сжимавшая стакан, торчала наготове из-под грязенького, ватного одеяла.

– Тогда играем, кто проиграет – тому бежать...

Вдруг дверь скрипнула, и из темного угла комнаты появи-

лась незнакомая девушка. Одетая она была по такой погоде странно, легкий плащик прикрывал ее от холодной весны, под которым видна была лишь летняя блузка, обтягивающая стройную фигуру, и короткая юбочка. На ногах были надеты длинные сапоги. Казалось, она случайно сюда попала, сейчас вспорхнет, как ночная бабочка, по ошибке залетевшая не в то окно, и исчезнет, растворится в холодной ночи. Но девушка неожиданно низким голосом произнесла:

– Выпить не осталось? Замерзла до ужаса!

– А вот и Машка. Тебе и бежать! На деньги.

– Нет, одна не пойду. Лениво. И почему сразу – Машка?

– Тогда пересидим до завтра. Поздно уже, – хитро сказал доцент. Машка разочарованно на них посмотрела. Тут Лея почему-то встала и произнесла:

– Пойдемте, я с вами схожу.

– Вот это дело, вот это ты молодец, – проснулся Павел. А девушки уже открыли скрипучую дверь, скрываясь в темном лабиринте подвала.

– Я ничего не вижу, – произнесла Лея. Девушка взяла ее за руку и повела за собой.

– Новенькая что-ли? – после небольшой паузы спросила она.

– Нет, не новенькая, – весело отозвалась Лея.

– С кем работаешь?

– В каком смысле? – не поняла она. – Ни с кем. Сама по себе.

– Как сама? – удивилась Машка. – Разве можно одной?...

И, почему?

– Что почему?

– Час у тебя сколько стоит?

– Нет, вы меня неправильно поняли, – засмеялась Лея. –

Я этим не занимаюсь. Я с Фимкой пришла.

– А-а-а, Фимка! – воскликнула Машка, – хороший мужик.

А зачем он тебе?

– Так, приятель, – ответила Лея.

– Чем промышляешь, если не секрет?

– Не знаю, пока не решила.

– Не знаешь? Хочешь, устрою к нам. Если без экзотики, две тысячи в час или восемь за ночь. Половину отдаем парням, половину себе. Транспорт их. Если что – всегда прикроют.

– Нет, спасибо, – ответила Лея и с искренним интересом спросила:

– Зачем вы этим занимаетесь?

Машка удивленно произнесла:

– Ну, жить как-то нужно, ребенка кормить. Я в свой Северодранск не вернусь. Сына туда матери забросила, а теперь деньги посылаю – там делать нечего – дыра. Сама что ли не знаешь?

– Можно устроиться на фирму, можно придумать что-нибудь еще – вы симпатичная девушка.

– Симпатичная. Я у шефа секретаршей работала за зар-

плату. Когда после работы ко мне являлся, копейки отстеги-вал по настроению, а приходил – когда ему было удобно, как от жены мог сбежать. А работа все та же. Только там сиди и жди милости. Симпатичная. Одна моя подруга, тоже симпатичная, попала в ансамбль. Голос у нее от Бога! Сначала была счастлива! Гастроли, поездки, концерты. Потом нача-лись корпоративы для крутых клиентов. Вечером поют, но-чью этих же зрителей и обслуживают, а деньги продюсеру. Везде одно и то же. Только здесь я знаю точно, что получу свою тысячу в час, а там ненормированный рабочий день, на-дейся на шефа, на продюсера, на дядю, на кого-то еще. Нет, это не по мне. А работа одна и та же. Кому мы еще нужны. Пока молодые – будем крутиться. Ты-то чем занимаешься?

– Пока не знаю.

– Ну, надумаешь, познакомлю со своим парнем, он при-кроет и место даст на точке. Решай, дорогая. А ты ничего – у тебя получится.

– Спасибо, – поблагодарила Лея за комплимент.

Наконец, они выбрались наверх, где яркие веселые фона-рики освещали улицу. Стало легче, и она вдохнула полной грудью.

– Нет! Пожалуй, в той пещере она не останется. Там нет окон, и не один луч солнца никогда не проникнет в темное место, в крошечный закоулок, где люди по воле случая или по прихоти судьбы доживают свои жизни. Словно, у них то-же испытательный срок, и они за что-то расплачиваются. До-

живают испытательный срок... Доживают или живут?...

Неподалеку появился освещенный ларек.

– Куда же мы? – вдруг спросила Лея, посмотрев на часы. – Уже ночь, нам никто водку не продаст. Ведь запрещено.

Машка засмеялась:

– Ты откуда такая свалилась? Вон ларек. Там и отоваримся. Пошли.

Из темноты появились две машины – одна полицейская, другая черная иномарка. Из первой вышли два человека в форме и подошли к девушкам:

– А Машка, привет! – воскликнул один из них. – Работашь?

– Нет, мальчики, закончила. Вон бутылку купим и на покой.

– Ладно, иди. А ты стой, – обратился он к Лее.

– Она со мной! – заступилась Машка.

– Сказали тебе, иди! Значит, иди, – ответил второй.

– Ну, и кто твой папочка? – спросил первый, подождав, пока Машка отойдет, с интересом уставившись на Лею.

– Нет у меня никакого папочки, – вежливо ответила она.

– Сама пришла на точку? – удивился тот.

– Сама, – не поняв, о чем идет разговор.

– Сама и плати, – проворчал первый.

– За точку нужно платить, малышка, – добавил второй.

– Мне нечем платить, – воскликнула она, вспомнив, что ее сумка осталась у Фимки. Вдруг опомнилась: – А за что

платить?

– Не понимает! – возмутился первый.

– А девочка – ничего! – воскликнул второй, приглядевшись внимательнее. – Еще не заработала? Ну, пойдём в машинку – можно и натурой... А ты хорошенькая... Новенькая?

Тут Лея все поняла. Она растерянно огляделась по сторонам, но помощи ждать было не от кого. Машка стояла поодаль у киоска и глядела на нее растерянно. Фимка находился глубоко под землей, замурованный в темную пещеру. Даже Ильюшеньки не было рядом, даже дикаря с копьем. С надеждой подняла глаза к небу, но только Луна освещала ее хрупкую фигурку рядом с этими крупными мужчинами, которые чего-то от нее хотели. Чего, было понятно по их улыбкам и взглядам, которыми они скользили по ней, уже мысленно снимая с нее одежду. А в машине виднелся еще один человек в форме. Значит, всего их будет трое. Трое, а она одна! И даже спасительного солнца не было над головой. А пока дождешься рассвета...

Вдруг произошла странная вещь. Эти двое, выпучив глаза, замерли на месте. Потом начали отходить спинами к машине, а из их искривленных ртов слышались проклятия:

– Э! Ты чего так смотришь! Ненормальная! С ума сошла! Ты кто такая? Ты что делаешь, безумная? Чего уставилась! Ведьма! А, ну ее!!! – сначала они медленно отступали, не в силах отвести глаз, потом, как по команде, развернулись

и стремительно помчались прочь. Добрались до машины, быстро запрыгнули в нее и сорвались с места. А неподалеку в другой машине медленно опустилось окно, откуда показалось лицо Казановы. Тот проводил взглядом машину полиции, сплюнул от досады, обернулся на эту странную девушку, завел мотор и тоже умчался. Но Лея этого не заметила. В этот момент она стояла посреди улицы и дико смеялась. Это была истерика. Она безумно хохотала, и на нее страшно было смотреть. Сейчас в ней открылось второе дыхание, и она была способна на все. А еще ей было невероятно весело от вида этих двух сильных, вооруженных мужчин, которые только что от нее сбежали в ужасе и недоумении. Машка неожиданно появилась рядом, держа в руках бутылку. Она все видела, ничего не понимала и с восторгом смотрела на Лею, затем пробормотала:

– Это чего было? Это ты как? Это что?

Рядом, с ее сумочкой в руках, возник Фимка. Он не мог ее бросить в трудную минуту и, почуяв неладное, явился на помощь. Но в помощи его подопечная, по-видимому, не нуждалась.

– Черт! Вот черт! Получилось! – ликовала она, снова почувствовав невероятную силу. – Нет, ну ты видел? Фимка? Ты видел, как я их? – и снова залилась громким хохотом. Фимка с восторгом смотрел на нее, а Машка с неподдельным ужасом. Тогда Фимка тихо произнес:

– Маш, знаешь, ты иди одна, мы пойдем погуляем, неси

им свою бутылку, а то они уже заждались.

И Машка растворилась в сумерках ночи.

– Да, ты настоящая ведьма! – воскликнул Фимка, любуясь ею. А Лея, постепенно приходя в себя, перестала смеяться, став серьезной и с детским любопытством спросила:

– А кто такие ведьмы?

Фимка задумался, с интересом наблюдая за ней, прищурился и ответил:

– Всего рассказывать не буду, скажу лишь одно – это девушки..., хотя девушкам может быть и не одна сотня лет..., эти девушки с удовольствием используют свои способности и силы. Ведьмы – и все тут.

– Стать ведьмой? – задумалась она, и глаза загорелись, а Фимка без труда прочитал ее мысли.

– Только добавлю – за все, дорогая, нужно платить. Свести тебя с одним человеком? Человечком! – и хитро улыбнулся, – или не человеком вовсе.

– С Ним? – робко произнесла она.

– Нет, не с Ним, с Другим. Будешь иногда выполнять некоторые его поручения. За точку нужно платить – тебе ведь только что сказали. А правила везде одни. Дальше ты обрешь бессмертие и гуляй-не-хочу, отрывайся по полной программе, никаких тебе испытательных сроков, никаких условий. Только частица твоей души всегда будет храниться в маленьком сейфе и останется там навсегда, а так... Полная свобода действий!

– Нет, – резко ответила она, метнув на него гневный взгляд. – Нет! – повторила она, представив себе нечто ужасное, сверкнула глазами и отпрянула. Только теперь Фимка почувствовал, что от взгляда этой девушки можно отлететь на значительное расстояние. Он задумался, серьезно с восхищением на нее посмотрел и произнес:

– А ведь я знал, что ты так ответишь, дочка...

– Пошли! – неожиданно позвал он, весело переменив тон.

– Куда? – так же весело отозвалась она. От ее усталости не осталось и следа.

– Провожу тебя. Негоже юной девице шляться по ночам одной!

– Я сама провожу кого угодно! – засмеялась она.

– Мадам! Простите, мадмуазель! – и подставил ей локоть, за который она тут же, смеясь, ухватилась. Он поправил галстук и галантно повел ее по мостовой. Они сделали всего несколько шагов, а Фимка уже понял, что его маленькие шажки не успевают, и вряд ли ему удастся станцевать танго на площадях города с этой удивительной, юной, длинноногой красавицей. А она словно летела, и невероятный восторг сиял в ее глазах. Фимка отскочил и ударил по консервной банке, которая с жутким грохотом покатила по асфальту. Лея догнала этот футбольный мяч, тоже пнула его, и теперь эти двое мчались, продолжая играть, а редкие прохожие с удивлением на них взирали.

– Фимка, то, что ты говорил Пашке, это правда? Про те

два года? – спустя какое-то время крикнула она издалека.

– Абсолютная! – парировал он, ударив банку ногой.

– Значит, ты знаешь будущее? – снова крикнул она.

– Да, дорогая! – отозвался он.

– А что будет со мной? – и она замедлила бег. Но Фимка продолжал нестись, легкомысленно пиная банку.

– Это не в моей компетенции, дорогая, твой вопрос пока только решается. Не знаю, – крикнул он.

– А чего хотят от меня? Что я должна сделать?

– И этого я не знаю. Это твоя судьба, твоя история – тебе ее и придумывать. – Он с такой легкостью отвечал на ее вопросы, словно говорил о погоде или просил сигарету, и Лея даже остановилась.

– Дорогая, в конце концов, все это только игра! Не бери в голову! Живи себе и ни о чем не думай, так можно сойти с ума! Лови! – и с силой пнул банку. Казалось, сейчас эта игра была важнее, чем все пустые разговоры, и она тоже с силой ее отбила, а из окна дома высунулась какая-то женщина и закричала:

– С ума посходили. А ну-ка идите отсюда. Бродяги, дикари.

Лея подняла голову и гордо заявила:

– Мы не дикари!

– А кто же вы? Дикари и есть!

– Мы человеки. Просто человеки, – и с хохотом понеслась дальше... Устав, побрела медленнее, глядя на небо и звезды.

Остановилась и задала вопрос:

– Фимка, кто такой Ильюшенька? Ты знаешь его прошлое?

– Почему ты спрашиваешь, дорогая? – и хитро улыбнулся. Но она промолчала и тогда он ответил:

– Конечно, знаю. Кстати, он просил тебе передать привет, если ты, конечно, вспомнишь о нем. Ты вспомнила. Тебе привет!

– Спасибо!.. А... как он относится к женщинам? – спросила и внимательно на него посмотрела.

– Он их ненавидит, – снова улыбнулся Фимка.

– Неужели он...

– Нет, конечно, нет. Он нормальный мужик... вернее, был таким когда-то. Только ему не повезло с женой. Попалась некая особа, которая не изменяла ему разве что с утюгом или с табуреткой. Из бедненькой мещанской семейки. Но какая красавица! Ильюшенька вытащил ее в Свет, дал все. А у той глаза и загорелись. Бойтесь мещан! – громко воскликнул Фимка. – Была младше его годков на 20. Отрывалась по полной! А он часто уезжал – теперь это называют командировкой. У отца были заводы в Сибири. Там было большое дело. А она... Да, что там говорить.

– Продолжай! – попросила она, и он удивленно на нее посмотрел. Помолчал, но снова заговорил. Говорил он медленно, тщательно подбирая слова:

– Знаешь, милая, есть такие женщины, ... их называют

кукушками,... у которых жизнь проходит только на стороне. Лучшие наряды, дорогие украшения они будут надевать, только выходя из дома, все впечатления черпать извне, ловить на себе взгляды случайных знакомых или вовсе незнакомых людей. А муж, что муж... Муж – это неинтересно.

– Но, как они создают семью, воспитывают детей?

– А никак! Им наплевать на то, что уже имеют. Брак для них – коммерческий проект, не более того, а получив желаемое, всегда будут таскаться налево. Эти кукушки не способны ничего отдавать – в этом смысл их существования – научены они только брать! За пару комплиментов, тешащих их самолюбие, готовы прыгнуть в постель к первому встречному. Они даже не осознают, насколько не интересны, занимаясь любовью. Потому что, заниматься ею нельзя – можно только любить или не любить. А им понять этого не дано! И ведут они себя в койке, как мумии... Прости за интимные подробности. И не ради денег или дорогих подарков делают это, хотя не гнушаются ничем. Главное, чтобы любили их, только их и никого другого, чтобы восхищались ими, носили на руках, перевозносили! А потом удивляются, почему любовники вскорости бросают их, получив желаемое. И не догадываются, что, любить таких, как они, нельзя, разве что, как говорится, справить нужду и идти своей дорогой... Извини за пошлость...

– Но как Ильюшенька этого не понимал? – воскликнула она.

– Влюбился, дурак, и ничего не видел. Был слеп. Стоит полюбить такую, можно заработать целую кучу комплексов и чувствовать собственную неполноценность, а потом и вообще перестать быть мужиком. Только с настоящей женщиной мужчина способен подняться высоко и...

Фимка мечтательно поднял глаза к небу:

...и полететь. Да-да, девочка моя! Именно! Полететь!

– Сказка от волшебника Фимки! – улыбнулась она. Он тоже улыбнулся, глядя на нее.

– Не веришь? Ты мне не веришь!? – снисходительно повторил он, потом стал серьезен:

– А эта особа даже не брезговала его друзьями. И когда Ильюшечка обо всем узнал, застукав ее с одним из своих старинных приятелей... Сначала хотел убить негодяя, вызвать его на дуэль. Но когда понял, что негодяев великое множество – весь московский свет – плюнул и развелся. Зачем-то оставил ей значительную часть своего состояния! Немыслимое благородство! Как-то быстро раскис, стал размазней, бросил дела, наплевал на себя, опустил и скоро помер от какой-то пустяшной болячки. Видимо, того и хотел. Здоровый, красивый, сильный мужик. Вот так!

– Ненавидит женщин, – тихо повторила она, – просто он не встретил настоящей женщины, вот и все.

Фимка посмотрел на нее, наклонив голову, и заговорщицки спросил:

– А что? Почему ты о нем спросила?

– Ничего! – и она снова подняла глаза к звездному небу.

Но он мудро заметил:

– Надеюсь, ты понимаешь, что ему уже 150 лет, и, мягко говоря, он давно уже не живет на этом свете? Помер твой Ильюшенька!

– Не твое дело! – гневно сверкнула она глазами.

– Понял. Понял и умолкаю. Девушка сходит с ума. У девушки весна, интересуется покойничками.

– Ты замолчишь, или тебе помочь? – и она уставилась на него в упор. Фимка тут же присел и отвернулся, словно в него летел булыжник. Потом робко через плечо спросил:

– Все?

– Все, – благосклонно ответила она. – Нет, не все. Интересно было бы посмотреть на эту особу.

– Жену? – улыбнулся Фимка.

– Да.

– Ты ее видела, дорогая... Это наша Королева. Изольда Карловна! Только страшенькая и старенькая, с чужой физиономией, но со своей жизнью и судьбой. Пережила его годов на 50. Стерва! Вот и встретились.

Лея, сраженная этим, молча, с удивлением на него посмотрела.

– Да уж, пути Господни неисповедимы, – добавил он и тоже посмотрел на звездное небо, которое таинственно мерцало в крошечной темноте ночи.

«Вы играли сегодня ночью с консервной банкой на улицах и площадях Москвы?»

Она вновь сидела перед компьютером и рисовала, и сочиняла страничку для тысяч и тысяч людей, которые ожидали ее новые сумасшествия. Совсем не спала. Ни спать, ни есть не хотелось, хотя не ела уже долгое время, не спала больше суток, но больше не удивлялась ничему. Все новые и новые подарки сыпались на нее с небес, под которыми уже вторую неделю она пребывала в своей необычной роли. Видимо, ей больше не требовалось ни еды, ни отдыха, а питалась она неведомой энергией, и глаза ее светились, излучая необыкновенную силу. И пока не закончилась эта длинная ночь, хотелось что-нибудь сделать. Для кого? Зачем?...

Но вот крыши домов озарились ярким солнечным светом, по улицам застучали шаги первых прохожих, несясь на работу, по делам, начиная день свой длинный, день бесконечный, который непременно закончится, а завтра начнется сначала. Но сколько этих дней оставалось у нее, она не знала, а потому жила только сегодня – сейчас. Закончив работу, посмотрела на экран и сразу же обнаружила гостей, которые ждали ее, притаившись за электронным углом. Снова вереницы сообщений поползли друг за другом, а незнакомцы и незнакомки, закутавшись в нелепые, электронные имена, уже катали

железную банку по ночным улицам Москвы. День вчерашний для них прошел, но они хотели ухватить хотя бы частичку потерянного, оставшегося во снах развлечения, и нещадно пинали нелепый электронно-железный мяч, забивая вчерашний гол.

– Маленькая территория безумия, – подумала она. – А может быть, и не хватает этим людям немного безумия, чтобы хотя бы ненадолго они забыли обо всем, оторвались от земли, поднявшись на высоту. Потом непременно вернулись, но уже немножко другими...

– Она летала!

Конечно, поверить в это она не могла, с ужасом вспоминая мгновение, когда топот копыт Палыча стучал за спиной, а они все неслись, убегая. Нет! Этого быть не могло. Да и не любила она высоты. Все это только мираж, выдумка, сказка бомжика Фимки. Тот воспользовался ее испугом, полуобморочным состоянием и наговорил всякой чепухи! Разве способен человек летать? НЕТ!!! Пора возвращаться на землю!

Оглянулась на последние свои дни и почему-то вспомнила Артурчика и его дом, и фильм, который ждал исполнительницу на главную роль. А эта вакансия, скорее всего, еще была свободной.

– Что-то нужно делать! Что? – подскочила она на месте. Сегодня ночью в ней проснулись невероятные силы, и она была способна на все! – Бежать в полицию? – и вспомнила тех двоих в форме сегодня ночью у ворот в пещеру. – Нет,

к ним она не пойдет. Но что-то необходимо сделать. Немедленно! Прямо сейчас. А условие? Плевать на условия. Она должна его остановить!

Сейчас она знала это точно, уже мысленно собираясь ехать в чертово логово.

– А план? План появится сам собой. Бояться нечего. Она должна ехать.

Эти мысли прервал громкий звонок телефона. Она сняла трубку и с удивлением услышала знакомый голос:

– Ты телевизор сегодня включала?

Это была Оксана. Странно, что она ей позвонила после того, что произошло, но та уверенно продолжала:

– Сейчас же включай! – и назвала канал. Там шли криминальные новости. Какой-то человек, сидя спиной к зрителям, что-то говорил, а лицо его было скрыто. Потом на экране возник Артурчик. Тот был в наручниках, ему пытались задавать какие-то вопросы, но он лишь коротко отвечал:

– Все вопросы к моему адвокату, – и почему-то улыбался. И снова спина этого человека и звуки его измененного голоса. Он давал интервью каналу как свидетель по делу о маньяке-режиссере, который в своих фильмах убивал главных героинь. Делал это уже несколько лет, сняв не один десяток фильмов, и теперь в передаче показывались лица красивых, жизнерадостных девушек, которые жили последние свои мгновения, а потом неожиданный финал и конец. Телевидение почему-то демонстрировало эти сцены, хотя было

известно, что кадры документальные, но пунктуально, кадр за кадром, смаковало подробности. И снова лицо Артурчика, потом спина незнакомого человека.

– Этот человек, дай ему Бог здоровья, предоставил мне материалы... – вещал голос незнакомца. – Ильюшенька! – поняла она. – Такой бред мог сказать только он один.

– Ты поняла!?! – кричала в трубку Оксана. – Ты все поняла, подруга? А я, как последняя дура, чуть не вляпалась в эту историю! Ты спасла меня! Ты слышишь! Спасла! С меня Арманьяк!

– Лучше Наполеон! – пробормотала она, но больше ее не слушала. Коротко попрощавшись, бросила трубку. Кровь прилила к лицу. Снова этот большой ленивец поднялся со своего дивана и брал на себя ее проблемы. Снова он спасал ее. Она должна его увидеть. Сейчас! Немедленно! Должна поблагодарить этого удивительного человека, ненавидевшего женщин, который по странному стечению обстоятельств вновь оказался на ее пути.

Быстро добралась до старинного особняка и встала под его окнами. Дальше не знала, как ей поступить. Позвать его прямо отсюда, пройти в подъезд и подняться на второй этаж? Нет, в ту комнату она не пойдет. Снова подняла глаза и увидела Королеву. Та презрительно на нее смотрела, и Лея отвела взгляд. Она не понимала, что ей делать. Вдруг занавеска широко раскрылась, окно распахнулось, и появилось улыба-

ющеся лицо Фимки. Он небрежно отпихнул Изольду Карловну, забрался на подоконник и уселся на нем, свесив ножки. Королева гневно на него оглянулась, но ничего не сказав, скрылась в глубине комнаты. А Лея невероятно обрадовалась этому человеку. Был он, как и вчера, в своем новом костюмчике, галстук небрежно был засунут в карман рубашки, правда, в его облике что-то изменилось. Что-то было не так.

– Туфли! – поняла она. – Коричневые лайковые туфельки, которые так хорошо смотрелись, теперь отсутствовали, а на ногах были надеты те самые старые ботинки, один из которых зиял круглой дырой, откуда торчал большой палец. Правда, носки он не снял, отчего вид его лучше не стал.

– Фимка! Ты пропил ботинки? – крикнула она, смеясь.

– Я не пью! – гордо заявил он. – И даже больше не закусываю! Решил сбросить пару килограммов! В таком-то костюме нужно соответствовать.

– А где...

– Дорогая, понимаешь... Гера обиделась. Я не мог ей отказать. Это ее подарок! Для меня ее ботинки – святое! Я два года их не снимал. Конечно, немножко порвал, но так даже лучше! Сейчас мода такая. Ты же знаешь – некоторые даже штанов не застегивают, те сваливаются до колен, а они ходят с голым задом. А у меня всего лишь дырка. Дырочка. Дырулька. Зато, какие носки! Твои носки! Это супер! Это... На несколько жизней хватит!

Замолчал и ехидно на нее посмотрел.

– Соскучилась, дорогая! Пришла навестить старика? А что, для покойничка я очень даже ничего смотрюсь.

После этих слов некоторые прохожие поднимали голову, с изумлением на него уставившись, потом на Лею. Но она не смущаясь, повернулась к ним и произнесла:

– А ведь он не шутит. Старик отдал концы еще пару лет назад.

Сверкнула глазами и засмеялась. Шоу начиналось! Прохожие в ужасе замерли и не могли отвести глаз от окон второго этажа. А Фимка, забравшись на подоконник, начал отбивать чечетку. Ему и сейчас не терпелось поработать на зрителя.

– Степ от покойничка! Чечетка с того света! Дай вам Бог, уважаемые, так танцевать, когда отправитесь в мир иной! Последняя гастроль!

Он танцевал так, словно делал это в последний раз. Он выделял такие пируэты, которым могли бы позавидовать виртуозы из лучших танцевальных ансамблей страны. Да, что там, страны, всей планеты. Это была сказка по давно забытым гастролям и концертам, по спектаклям, где зритель то плакал, то вставал с мест, аплодируя и беснуясь, снова и снова вызывая на бис. А он все танцевал. И если вспомнить, сколько ему оставалось, а не осталось ничего, свое он уже давно оттанцевал и пропил, но теперь снова выводил танцевальные рулады на подоконнике, не стыдясь и не смущаясь никого. Он порхал в этом маленьком проеме окна, летал в

остатке дней своих, которые ему по воле случая подарили, оставили по наследию времен далеких, грешных, которые он должен был искупать. А он танцевал! Потом замер и расклялся. Он был счастлив, даже получил несколько робких аплодисментов. Снова поклонился. И снова. Он жаждал продолжения, он хотел танцевать на бис!

– Бис! – крикнула она, продолжая смеяться. – Bravo! Бис!

Он сделал еще несколько па, свалился с подоконника в комнату, вскоре его счастливое лицо вновь появилось в проеме окна.

– Ну как?

– Молодец! – похвалила Лея и строго произнесла:

– Илью позови!

– Ты хотела сказать Ильюшеньку? Нашего старого ленивца? – театрально изумился он.

– Нет! – четко повторила она. – Я сказала Илью!

– Не нужно никого звать, – услышала она голос за спиной. – Пойдемте отсюда!

Ильюшенька стоял совершенно смущенный и робко глядел на собравшихся прохожих. А те с интересом уставились на эту парочку. Тогда он взял ее за руку и потащил за собой.

– Пойдемте же! – прошептал он.

– Не забудь, что ей много пить нельзя! – вдруг истерично закричал возмущенный папаша-Фимка, чем совершенно смутил ее кавалера. – Когда она выпьет, начинает приставать к мужикам! И чтобы в десять домой! Ты меня поняла? Ты

слышишь меня?

Ильюшенька залился густой краской и обернулся, желая замолчать наглеца, но тот продолжал:

– А где цветы? Где конфетки? Что это за кавалер такой – на свидание идет с пустыми руками!?! Дочка, сначала лучше познакомься, а потом прыгай к нему в постель! Может, он нас не стоит!?! В десять домой! Слышишь, что я тебе сказал, в десять!

– В одиннадцать, папочка! – повернулась она и грозно на него посмотрела. – И ни минутой раньше! А если что-нибудь скажешь еще – мороженого не получишь! Вопросы есть?

– Нет! – Фимка стоял и широко улыбался, примирительно помахивая ладонью с растопыренными пальцами. Он с удовольствием наблюдал за этой девушкой и был искренне рад видеть ее снова. Внезапно чья-то рука схватила его за шиворот и втащила вглубь комнаты. Та же рука дернула занавеску и плотно ее зашторила. Прохожие, поняв, что все самое интересное позади, вспомнили о своих делах и отправились восвояси. А наша парочка уже скрылась, затерявшись в толпе, уходя подальше от этого места.

Какое-то время они шли молча наконец, Лея произнесла:

– Я хотела поблагодарить вас за то, что вы сделали. Я имею в виду Артура.

– Всего лишь выполнил свое обещание, – сухо ответил тот.

– А если бы я вас не просила об этом?

– Вы должны понять – я не мессия и не герой, я не способен перевернуть этот мир. Не хочу и не собираюсь этого делать. Вы же знаете, сколько всего происходит и в вашем городе и повсюду.

– Тогда зачем вы помогли мне? Мы виделись всего лишь раз! – спросила она, и Ильюшенька смутился.

– Мне не составило большого труда занять место его компаньона с именем Пьер и сыграть эту роль, – уклончиво ответил он.

– Вы не ответили на мой вопрос, – улыбнулась она.

Ильюшенька неожиданно спросил:

– А зачем вы спрашивали Фимку о моем прошлом? Какое это имеет значение для вас?

– Он рассказал вам об этом? – возмущенно спросила она.

– Нам не нужно ничего рассказывать. Мы и так все знаем.

Она задумалась, немного помолчав.

– Наверное, хотела понять вас, – просто и честно ответила она.

– Зачем?

Лея не ответила, а он долго молчал, о чем-то думая. Она не знала о чем, но ничего не говорила.

– Это было давно, и сейчас не имеет никакого значения, – наконец пробормотал он. – Тем более что история долгая, стоит ли ворошить прошлое?

– Стоит! Мы никуда не торопимся! – сверкнула она глазами. Он посмотрел на нее, не в силах отвести взгляд, и в душе

его что-то перевернулось. Целая гамма чувств, переживаний отразились на его лице. Он смотрел на нее, не отрываясь, о чем-то думая, потом горячо заговорил:

– Извольте... Постараюсь быть кратким...

Она впервые видела его таким. Этот спокойный, флегматичный человек сейчас совсем не напоминал того ленивого Ильюшеньку, который столетие просидел на своем диване.

– Когда-то давно... очень давно... видите ли... как вам это объяснить... я верил в любовь, – наконец сказал он. – Знаете, как это бывает? Встретился, увидел девушку, влюбился. Тогда мне было около сорока, но до этого мгновения никогда не испытывал ничего подобного. Жизнь заиграла новыми красками. Захотел для нее горы свернуть. Все делал по-другому, стал другим человеком, сильным, уверенным в себе. Не слушая никого, женился, и несколько лет был счастлив!.. Часто приходилось уезжать по делам, но всегда, возвращаясь, летел к ней, мечтая о скорой встрече. А она, как оказалось позже, только и ждала следующего моего отъезда. Лишь потом понял, что это была не любовь, а страсть. Это совсем разные вещи. Страсть проходит, любовь остается навеки. А еще самолюбие. Ты думаешь, что любишь, а на самом деле любишь только самого себя. А когда узнаешь, что тебе изменили. Тебе?! Как такое возможно!? Не думаю, что любил ее когда-то. Просто был слеп. Ослеплен! Иногда столетия не хватает, чтобы понять это. Короткий бессмысленный эпизод в жизни. Но тогда, есть ли она вообще – эта

любовь? А если нет – зачем все это! А мадам здесь не причем. Она вела себя естественно соответственно воспитанию, культуре, среде, из которой вышла.

– Вы ее оправдываете?

– Нет! – зло воскликнул он. – Она просто животное, но не она виновата. Мой отец говорил правильную вещь, но я его не слушал – избегай мещан! И он оказался прав.

– Мещан? – непонимающе воскликнула она.

– Да, было такое сословие, где люди жили исключительно ради денег и благополучия. Для них огромное значение имело – в каком доме ты живешь, что ешь, во что одет, в каком ресторане встречаешься с друзьями. Сколько нужно бросить денег цыганам, а сколько банкнот сжечь на глазах у остальных. Они могли часами говорить о еде, свезти в свой дом из лучших ресторанов Москвы осетров, икры и всякой заморской снеди, потом выпить дорогой водки и мордой в салат, забыв обо всем. Это просто животные. Отцы их семейств ничего не производили, имея лавки и торговые ряды, спекулировали чужим трудом. Там, у себя за конторкой могли удавиться не за рубль, а за копейку, но выехав за границу, миллионы швырять на ветер, прожигая жизнь и проигрывая ее в казино. Помните, как говорил о них Чехов? – «Плоть мещанская, выросшая на розгах, у рейнского погребца, на подачках. Победить ее трудно, ужасно трудно»... На все в жизни они навесили ярлыки. А, значит, все у них имело цену. Их жены и дети, дочери, которые еще совсем юны, но

уже готовятся лечь под старый мешок с деньгами и загубить свою жизнь, все они жили по одному закону – дороже себя продать. А, поэтому, женщины в этом сословии, появившись на свет с ценником в определенном месте, уже при рождении имели свой прейскурант цен. Проститутки ведут себя намного честнее. Они, хотя бы, называют это работой и берут за нее деньги. А у этих все скрыто под масками пародий на хорошие манеры, а на самом деле это обыкновенный обман и дурной тон.

– Разве у дворян не было тяги к роскоши, к безудержному веселью и балам, к любовницам, дуэлям? – спросила Лея.

– Это совсем другое! Культура. Наверное, в этом все дело. Делали они все тоже, но совсем по-другому. Они сохраняли в себе эту культуру. В них был некий стержень, на котором держались и страсти, и пороки, свойственные каждому человеку. Даже на дуэли они дрались по-другому, и умирали. А потому и армия была настоящей, и общество здоровым. Только в одном случае общество здорово – если им управляют дворяне. Бойтесь мещан! Прав был мой отец. Если мещане захватят власть, общество рухнет. Оно погрязнет в разврате, роскоши и нищете. Одни будут бриллиантами украшать свои клозеты, другие от нищеты и голода влачить жалкое существование, не в силах выбраться из нужды. Мещане – они, как термиты, пожирающие остов ствола дерева, корни которого еще живы, крона склоняется, отбрасывая тень на многие десятки метров, давая прохладу и тень, еще

плоды свисают с многолетних ветвей, давая урожай, но дерево, посаженное сотни лет назад благородными руками, обречено! Разве люди, в короткий срок сколотившие состояния на примитивных спекуляциях, будут строить больницы или театры, консерватории, университеты? Это невозможно по своей сути. Зато миллионы будут тратить на забавы, подобные тараканьим бегам. Будут создавать целые тараканьи ипподромы, украшенные золотом и серебром. Устраивать соревнования, созывая всю Москву. Да, что там – международные бега. Будут выкупать друг у друга за баснословные деньги, за миллионы, лидеров гонки, не думая, что это всего лишь тараканы! Будут создавать целые команды рыжих усатых спортсменов. А вот на балет денег не дадут и на оперу тоже. Не интересен им балет! И книгу в руки не возьмут. Но кафе-шантан спонсируют и пачки купюр будут совать в чулки голым девицам, шлепая их по обнаженным ягодицам, а потом мордой в салат. В конце 19 века это сословие заполонило все пространство вокруг, заставив жить по новым законам и правилам. Помните, как в одной всем известной пьесе предприимчивые люди готовы были срубить Вишневым сад, разделив его на участки и квадратные метры земли. А старинный дворянский род уже загнивал на корню. Тогда все только начиналось, и если бы им дали волю, общество превратилось бы в стадо тупых, алчных рабов, преклоняющихся перед этими новыми русскими. Вот так!

Он перевел дух и теперь смотрел куда-то вдаль времен,

заглядывая на глубину сознания, и мысли его витали в далеком прошлом. В этот момент он не видел никого, а глаза его были устремлены сквозь стены домов, сквозь толпы людей, проходящих мимо. Наконец, он посмотрел на Лею, сконцентрировался и тихо произнес:

– Конечно, это было давно. Сословие мещан ушло в прошлое. Их больше нет, да и дворян тоже нет. Я не знаю, как вы живете сегодня. Слышал только, что 70 лет власть принадлежала народу. А значит никому! Это абсурд, я в этом абсолютно убежден, а поэтому не выходил и не собираюсь выходить в ваш город и в вашу жизнь. Вы хотели меня понять? Извольте! Все пустое.

Пока он говорил, Лея неотрывно следила за выражением его лица, которое постоянно менялось. Оно было то устрашающе гневным, то наивным и трогательным, как у ребенка. Его глаза были полны боли и тоски по жизни прошедшей, по тому, к чему равнодушным он не был. И в какое-то мгновение Лея поневоле залюбовалась. Он был невероятно красив в своей откровенной исповеди. Какая-то невиданная сила скрывалась в душе этого тонкого, ранимого, интеллигентного человека.

– Сегодня таких не встретишь, – подумала она. Он был удивительно красив. А еще она абсолютно его понимала. Но вот он замолк, и снова маска равнодушия и апатии появилась на его лице.

– Но, спустя столько лет, вы снова вышли сюда? Зачем? –

воскликнула она.

– Да! – он остановился, замер и уставился на нее. – Зачем я это сделал? – пробормотал он, снова на нее посмотрев и почему-то смутившись.

– А давайте я покажу вам мой город! – воскликнула она.

– Зачем? – вяло спросил он. – Чем вы хотите меня удивить? Кремлем, магазином Елисеева, Храмом Христа Спасителя, Галереей Третьякова? Я тысячи раз видел все это.

– Нет! Я покажу вам город, где вы еще никогда не были! Пойдемте же! – схватила она его за руку и потащила за собой, стремительно ведя по знакомым улицам. Тот послушно поплелся следом, изредка поглядывая по сторонам, но интереса не проявлял.

– Впрочем, даже не выходя из своей комнаты, вы видите все, ведь стены для вас не помеха и, скорее всего, знаете этот город лучше меня! Фима сказал, что вам даже известно будущее?

– Да-да, будущее, – вяло повторил он.

– Хотела спросить, как вы живете с тем, что знаете все об этих людях, слышите голоса, читаете мысли? Это так тяжело! Как вы это терпите? Как удастся вам скрываться в своей комнате?

– Очень просто – нужно научиться не обращать внимания на прочих и замкнуться в себе. Внимание – великая штука. Если вы замечаете все вокруг, значит внимание рассеянное и подвластно любым ощущениям, идущим извне... Но, с дру-

гой стороны, если вы не можете сконцентрироваться на желаемом, а остальное отбросить прочь, – это великий Дар. Он дан лишь немногим избранным. Вы все видите, не остаетесь равнодушными и с этим живете. Но это не для меня.

– Не скучно?

– Нет, мне не скучно наедине с собой. Мне есть, что сказать самому себе. Человек – существо самодостаточное. В нем заложено все, что нужно для жизни. Зачем же кто-то еще?

– Чем вы занимаетесь?

– Думаю, ... размышляю, ... у меня есть некоторые идеи. Конечно, претворить их в жизнь мне уже не удастся, зато я могу мыслить, чувствовать, существовать, делать некоторые умозаключения. Кроме того, я вынужденно наблюдаю за людьми, которые проходят через нашу комнату. Это большой труд не брать на себя их проблемы, тяготы.

– Думаю! – вспомнила она «доцента» из подвала-пещеры. Тот тоже думал, пока Гера собирала пустые бутылки!

И вслух произнесла:

– Думали!? Целых сто лет!?

– Ну, ... в общем-то, ... да.

И тут ее осенило:

– А, может быть, от вас того и хотят, чтобы вы больше не думали, а что-нибудь сделали?

– Что? – рассеянно пробормотал он. – Не знаю я, чего от меня хотят! Не знаю...

– Вот и я не знаю! – вдруг вспомнила она.

– Так-то, Лея, дай вам Бог здоровья.

– Ильюшенька! – вдруг воскликнула она.

– Что!?! – очнулся он и недовольно на нее посмотрел. – А не могли бы вы больше меня так не величать? – в отчаянии спросил он.

– Могла бы! Конечно же, могла бы! А не могли бы вы больше мне этого не говорить? В конце концов, странно желать человеку здоровья, который находится в таком положении!

– Да-да! Вы правы! Вы совершенно правы! Простите!

Потом энергично произнес:

– Показывайте ваш город. Извольте. Я готов!

– Смотрите! Просто смотрите! – весело отозвалась она, махнув рукой.

– Город – это люди! Совсем другие люди, которых вы знали когда-то давно, и живут они другой жизнью, мыслят по-другому. Неужели вам это не интересно!?

– Слишком быстро!

– Что быстро? – не поняла она.

– Двигаются они слишком быстро. Но почему они так спешат? Только иностранцы и приезжие идут, озираясь по сторонам. А эти куда-то торопятся! Зачем? Куда?... Слишком угрюмые... И потом, не кажется ли вам, Лея, что все они озабочены только одним?

– Немножко кажется.

– Немножко!?! И еще, я хотел вас спросить, что такое баб-

ки, бабло, тугрики и капуста? Помимо рублей у вас имеется еще несколько видов национальной валюты? – серьезно спросил он, внимательно разглядывая людей. Он действительно видел их впервые, и ничего о них не знал. Она только сейчас это поняла, подивившись его способности замыкаться в самом себе. На целое столетие! Но промолчала.

– Покажите мне в вашем городе то, что заслуживает внимания, – продолжал он, словно очнувшись от долгой спячки. – Как вам это объяснить? Что-нибудь настоящее! Стоящее!

– Что вы называете стоящим?

Он задумался.

– Покажите то место, где сквозь мостовую пробивается цветок... или хотя бы трава... Вы помните историю Третьякова? Это семейство долгие годы создавало коллекцию картин, а потом безвозмездно подарило ее городу. А Рябушинский, а Савва Мамонтов, а Морозов? Происходило ли нечто подобное в вашем городе за последнее время?

– Наверное,... да. Кстати о дворянах, насколько я помню, Третьяков не был дворянином, а когда царь в благодарность хотел наградить его этим званием, тот отказался. А Савва Морозов и вовсе вышел из крепостных. Значит, не только дворяне были способны на высокие, бескорыстные поступки?

– Есть исключения! Это были интеллигентные, высокообразованные семейства. Они были дворянами в душе. Им не

нужны были ни титулы, ни звания. А знаете ли вы, что великий меценат Бахрушин, завещавший свои коллекции Историческому музею, отказался от дворянства?... Дворянин – это не титул, а способ существования! Состояние души!

– Осторожно! – воскликнула она, с силой дернув его за рукав, и Ильюшенька, человек огромных размеров, споткнувшись о бордюр, растянулся на асфальте. Мгновение назад он случайно ступил на проезжую часть, громко говоря и размахивая руками, а машина, проезжавшая мимо, дико сигналила, его чуть не сбила.

– Что это? – воскликнул он в недоумении, поднимаясь.

– Простите, я забыла вам рассказать о правилах на дороге. Это проезжая часть, а он ехал на зеленый свет. Он прав!

– Прав!? Он прав? – изумился Ильюшенька. – А что было бы с человеком... с нормальным человеком на моем месте, если бы вы его не одернули? Он мог погибнуть. Я ведь краем глаза видел, как этот кучер только что тронулся с места. Он прекрасно видел меня. Почему он не остановился? Это – дело его чести? Что я ему сделал, чем провинился перед ним? Я всего лишь случайно оказался на его пути. Случайно! Ведь это так естественно – остановиться. Это вопрос обыкновенной вежливости! – негодовал он.

– Простите меня! – повторила Лея, отряхивая его. Потом засмеялась.

– С почином вас! Русская поговорка – не зевай!

Они уже шли дальше, а Ильюшенька все больше горячил-

ся:

– Вы сказали – зеленый свет. Но почему этот проехал на красный! Почему? Правила писаны не для всех? Что подумают остальные – если можно ему, почему нельзя мне? Ведь я совершенно прав! И вы не сможете меня переубедить!.. А почему все остановились?

– Перекрыли дорогу. Видимо, едет кто-то из...

– Понимаю. Я вас понимаю. А как они занимают свои посты?

– Их избирает народ.

– Народ. Сначала их избирает народ, а потом они этому народу закрывают дороги и не дают проехать. Я вас правильно понимаю? Добавить что-то еще?! – пробормотал он.

– Нет!

– Нет, – задумался он. – Все-таки, монархия – лучшая форма правления, чтобы мне не говорили. Если ты не калиф на час, а на столетия, подумаешь, что будут говорить о тебе в народе.

Вдруг его внимание привлекло неожиданное зрелище:

– Что это за дикие люди? – удивился он. На дороге замерли две машины, в одной из которых сидела девушка, закрыв дверцы и окна, а из другой выскочили несколько человек. Это были мужчины, все они были низенького роста. Они с яростью набросились на свою обидчицу, которая их немного подрезала, и в которую те сзади въехали, оставив пустяшную царапину на своем бампере. Теперь обступили ее ма-

шину, громко крича обидные слова, пинали ногами дверцу и требовали ее открыть. А рядом по дороге ехали машины, по тротуару сновали пешеходы, все мельком смотрели на это зрелище, но двигались вперед по своим делам. Ильюшенька внезапно подошел к одному из них и произнес:

– Уважаемый, дай вам Бог здоровья, зачем вы это делаете?

Тот посмотрел на него снизу вверх и произнес:

– Дорогой, вали отсюда!

– Вали? – непонимающе оглянулся он на Лею. Но та не успела перевести. – Давай, давай! Иди, куда шел.

И те снова принялись пинать машину девушки, что-то громко выкрикивая.

– А вам не кажется, что вы не уважительно ведете себя по отношению к женщине? – снова спросил он.

– Тебе что сказали иди, и чтобы тебя здесь не видели!

Стайка низкорослых уже окружила его со всех сторон, и один из них ударил его сзади коленом. Ильюшенька, не ожидая такого, замер, не зная, что ему делать.

– Бей его, – дальше шла брань на непереводаимом языке. Ильюшенька недоуменно выдерживал удары, словно не чувствуя их. Иногда махал рукой, но не попадал. Они были очень маленькими и юркими. Почувствовав удар сзади по голове, обернулся. Позади него стоял человек с битой в руках. Тот был очень удивлен. После такого удара любой бы упал в беспамятстве, но это огромный человек почему-то стоял и спокойно с удивлением на него смотрел.

– Валим отсюда! – крикнул тот. И ватага низкорослых хулиганов кинулась к машине. Они завели мотор и уже хотели ретироваться. Ильюшенька, покраснев, затрясся всем телом. На лице его замерла чудовищная гримаса. Он в мгновение, перемахнув расстояние, отделяющее его от машины обидчиков, схватился на ее порог между колесами и сделал легкий рывок.

– Дай вам Бог здоровья, уважаемые! – яростно воскликнул он. Машина легко поднялась на двух колесах, накренилась и зависла под большим углом, удерживаемая руками гиганта. Небольшое усилие, и она окажется перевернутой, распластанная, на своей крыше. Лея в ужасе отпрянула. Она была потрясена такой невиданной силой и яростью этого человека.

– Но почему он ждет? Почему не заканчивает свое дело? – мелькнуло у нее в голове. Неожиданно Ильюшенька обмяк, руки его безвольно выпустили свою жертву. Машина грохнулась, подпрыгивая и визжа сигнализацией на всю улицу. Из нее выбрались испуганные хулиганы и бросились наутек. Ильюшенька, вяло отряхнув руки, развернулся и пошел к Лее. А она уже тащила его подальше от этого места. Вдалеке послышалась полицейская сирена, но все это оставалось далеко позади.

– Вы скоро станете завсегдатаем канала «Криминальные новости», – наконец произнесла она.

– Кто эти дикие люди? – скептически спросил он.

– Это гости столицы, – невинно ответила она.

– Но почему они не ведут себя как гости? Почему так обращаются с женщиной и нападают на противника в численном преимуществе? Это бесчестно!

– Наверно, у них такие обычаи, – отмахнулась Лея. Сейчас она почему-то совсем не жалела этого человека, который, как оказалось, с легкостью мог постоять и за себя, и за другого. Но она так хотела показать ему совсем другой город, только не знала, с чего начать. А он с грустной улыбкой, видимо, читая ее мысли, внимательно посмотрел ей в глаза и произнес:

– Вы обещали показать мне ваш город – извольте! Я жду!

Он отомстил ей за Ильюшеньку. А ей было очень обидно, и она с досадой воскликнула:

– Но почему вы не замечаете, сколько в этом городе замечательных людей – актеров, врачей, учителей, ученых?...

Но он ее спокойно перебил, холодно ответив:

– Ни один врач не захочет лечить больного, узнав, что тому нечем платить. Даже если тот умирать будет – не станет. Ни один актер не станет из любви к искусству создавать великое, вечное. Только за гонорар. А потому и искусство это будет столь же великим. Учитель не будет учить детей, ученый создавать величайшие открытия. Их просто сочтут ненормальными, если они станут делать это из любви к профессии и к людям. Не обижайтесь, Лея. Я говорю вам то, что вижу. Конечно, есть исключения. Но мы долго будем бродить

по закоулкам вашего города, ища таких людей.

– Конечно же, найдем, – горячо воскликнула она. – Непременно найдем.

– Но где, когда!? – возразил он. – Кстати, вы знаете, кто сидел за рулем той машины, которая в меня чуть не врезалась? Известный артист. Снимается в вашем современном кино. Только мышцы у него, как у Геракла, а играет он или убийц, или жандармов. А в свободное время носится по улицам, употребив некоторое количество горячительных напитков и прочей дряни, возомнив себя мессией, великой звездой. Не расстраивайтесь, милая девушка, но все это мне что-то напоминает. И ни один из этих людей ничего достойного не сделает и не создаст.

Люди из «пещеры», – вспомнила она, но говорить о них не стала, а он сделал вид, что не услышал ее мыслей. И тут ее осенило:

– Пойдемте за мной! Пойдемте, я покажу вам кое-что еще.

Они спустились по лестнице, и перед ними возникли двери Метро. Он хотел открыть одну из них и пройти дальше. Здесь он никогда раньше не бывал, но без интереса заглядывал вглубь просторного подземелья. Лея его остановила:

– Подождите! Я давно заметила. Это такая игра! Это двери Метро. Метро, это огромная пещера, где ездят поезда. Они соединяют все районы Москвы. Люди ныряют туда, а поднимаются где-то далеко-далеко отсюда. Но дело не в этом. Это дверь! – повторила она. – Не спешите! А у этой

двери есть удивительный закон – стоит ее придержать – следующий человек сделает то же самое. Точно сделает! Я наблюдала – все это действительно так! Не верите?

– Отчего же? – холодно произнес он, уставившись на людей, которые толкали двери, безжалостно их отпускали, и те, как из катапульты, обрушивалась на следующего, а потом эти люди безоглядно мчались дальше. Ильюшенька скептически на нее посмотрел, спрятав улыбку. Лея от досады замерла. Сегодня ей не везло, сегодня был не ее день. Вдруг произошла странная вещь. Какой-то парень, завидев позади себя симпатичную девушку, открыл злосчастную дверь, придержал ее, подождав, пока та пройдет. А следом шла вереница людей. Илья с интересом замер. А девушка, словно по инерции повторила это движение. За ней шли люди – старые и молодые, дети, их родители, знакомые и незнакомые, но все они делали одно и то же – вежливо, не глядя назад, придерживали дверь. Так продолжалось достаточно долго. Ильюшенька поднял брови, а Лея с восторгом произнесла:

– Это мое открытие. Я сделала его давно, но до сих пор оно работает.

– Необъяснимая вещь, – пробормотал он.

Они еще некоторое время стояли и наблюдали. Все повторялось снова и снова, пока не возникла небольшая пауза. А затем все с начала. Двери лупили, двери нещадно колотили людей, идущих друг за другом. Но всегда находился тот первый, который приостанавливал ее, смотрел назад и бережно

передавал идущему следом.

– И это еще не все! – воскликнула она. – Необъяснимый закон действует на протяжении всего маршрута следования любого человека, заходящего сюда. Люди разбегаются по разным веткам, станциям, по всему городу, но где-то хранится информация о том, как они сюда зашли. Одни придерживали эту волшебную дверь, другие нет! Что же будет с каждым из них на выходе? То же самое! Кто не бросил в лицо человеку эту дверь, тому непременно повезет, и ее придержат. Все возвращается. Удивительный закон! Хотите, проверим?... Илья!? Хотите?

Тот все это время с удивлением следил за людьми, на мгновение потеряв ее из виду, потом очнулся, с благодарностью на нее посмотрел, услышав свое имя. Свое нормальное имя. И она заметила, как улыбка засияла на лице этого большого ребенка, который, казалось, уже готов был играть в ее игры.

– Хочу! – воскликнул он. – Только, я вам не верю! И как вы собираетесь это сделать? Будете преследовать одного из них?

– Все просто. Идите за мной и открывайте свою дверь.

– Как мне с ней поступить?

– Как хотите! – засмеялась она, – только помните – все возвращается! – и первая бросилась в толпу людей. Она подала дверь какому-то мужчине, который с благодарностью на нее посмотрел, придержав ее следующему, и стала ждать

своего спутника. А тот, подойдя к двери и, завидев, что за ним идет женщина с коляской, открыл ее, помог той проехать. Потом шла старушка. Он и ей придержал дверь, зная, что у той не хватит сил сделать нужное движение. Шли люди, пожилые, молодые, всякие, разные, но он уже, забыв обо всем, стоял, как привратник и, подпирая ладонью прозрачный пластик, держал дверь, пока не услышал голос Леи:

– Достаточно! Илья, достаточно! Ваша миссия выполнена! – и со смехом кинулась в пропасть метро, зияющую перед ними, с интересом наблюдая за этим неуклюжим человеком, который пытался кого-то не задеть, не толкнуть, не раздавить. (Людей в метро было великое множество.) Наблюдала за тем, как он, нелепо подняв руки, протискивался в тесный створ турникета. Ступив на эскалатор, одна его нога поехала вперед, а другая осталась на месте. Оказавшись в нелепом шпагате, он грохнулся на ступеньки, но, улыбаясь, невозмутимо встал. Наблюдала за тем, с каким удивлением взирал он на лепнину и статуи, на освещение станции.

– Сколько свечей зажгли, ну надо же. Как ярко! А какие люстры!

Наконец, они протиснулись в вагон. Там была невообразимая давка, и Лея немного отстала. Его толкали со всех сторон, он этого не замечал, только искал ее глазами, но не находил. Он был на голову выше остальных, а со всех сторон его сжимали незнакомые люди. Лея на следующей остановке пробралась поближе, и когда на нее надавила толпа входя-

щих, она поневоле оказалась прижатой к этому человеку. Он смутился, не зная, как реагировать, а это хрупкое существо прикасалось к нему всем своим телом, и ее тепло передалось ему. И вдруг он почувствовал, как бьется ее сердце, а она его. Заметив, как пассажиры нещадно давят со всех сторон, он, словно, обнял ее, заключив в кольцо своих сильных рук, и больше не отпускал. Теперь она чувствовала только эти руки и тепло его дыхания. Он взглянул на нее. Лея больше не улыбалась, серьезно на него смотрела, широко раскрыв глаза. Руки, сильные руки, и тепло незнакомого мужчины. Он был, как гора, к которой она поневоле прислонилась. Сейчас он защищал ее от ветров и бурь, от всех невзгод, готовых обрушиться на ее хрупкое существо. Вокруг больше не было никого – ни людей, ни стука колес о железные рельсы, не слышались названия остановок, шума открывающихся дверей... Вспомнила того дикаря. Нет, не дикаря – человека из какой-то далекой-далекой жизни. У него тоже были сильные руки, он тоже напоминал скалу или гору, за которой хотелось спрятаться и ни о чем не думать. Потом забраться на самый край, оглядеться и сделать этот шаг. И... полететь! Полететь? Разве это возможно? Именно с такой горы можно научиться летать, теперь она в этом была совершенно уверена. Но только вместе с ним! Как жалко, что он не тот дикарь с копьем в руке и набедренной повязкой на теле! – снова подумала она. А вагон мерно покачивался, унося их в бесконечность лабиринта странной пещеры, под названием – Метро, и они

в тесном объятии чувствовали, что этот короткий миг – целая вечность...

Люди куда-то исчезли, а эти двое все продолжали стоять, глядя друг на друга. Она первой опомнилась, аккуратно выскободившись из его рук, а он, немного смутившись, произнес:

– Приехали?

– Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны, – услышали они равнодушный голос диктора.

– Приехали, – ответила она и бросила на него робкий взгляд. Он стоял совершенно обемкураженный, глядя на нее.

– Вы забыли о нашем эксперименте! – воскликнула она смеясь и потащила его за собой. Снова эскалатор, снова ноги его разъезжаются, но он уже увереннее на них стоит, он, словно, учится ходить и держится все крепче. Поднявшись, Лея захотела идти к выходу, но он как-то замер и пробормотал:

– Безысходность! Полная безысходность.

Она остановилась, проследив за его взглядом, и поняла. Глаза его были устремлены к дверям, на которых было написано: «Нет выхода».

– Тупик! – произнес он. – Стоило ли так долго ехать и держать кому-то дверь? Вот и ответ.

Она засмеялась:

– Нам не сюда. Идемте же!

Но он все оборачивался на эту надпись, которая произве-

ла на него неизгладимое впечатление.

– Нет выхода, – зло бормотал он. – Тупик! Западня!

– Илья!

– Да!?! – вздрогнул он.

– Это всего лишь дверь с дурацкой надписью! А теперь смотрите! Смотрите внимательно! – и она пристроилась за людьми в том месте, где на дверях было написано заветное слово: – «Выход». Снова прозрачные пластиковые двери болтаются из стороны в сторону. Снова они нещадно колотят, безжалостно бьют людей. Но приходит ее черед, какая-то женщина аккуратно придерживает ей дверь и пропускает, а она повторяет это движение. Лея уже там, за прозрачной стеной стоит и улыбается, и машет ему рукой. Ильюшенька потрясен, он тоже направляется к выходу. А двери мечутся волчком, сметая людей, перемалывая их в фарш, затягивая на выход. Но вот его черед. Какой-то мужчина с силой ее останавливает, проходит вперед и ждет этого большого человека. Ильюшенька опешил, он с радостью и неподдельным восторгом смотрит на Лею, которая застыла где-то в глубине перехода и машет ему рукой. Она победила! Она открыла ему удивительный закон! В это мгновение он невероятно за нее рад. Он чувствует ее победу. Неожиданно тяжелая пластиковая дверь бьет его прямо по лбу. Ильюшенька чуть не падает, он удивлен. Постепенно собирается с мыслями и вспоминает – пока он стоял перед злосчастной дверью и ликовал, какой-то юркий паренек, обогнав его, проскочил

в эту дверь, с силой ее качнул и исчез. Видимо, он получил свой пинок при входе в Метро и теперь мстительно передавал его кому-то еще. А Ильюшенька уже выходил в подземный переход, где его встречала Лея. А она стояла и смеялась:

– Есть такая русская поговорка: «Не зевай», – воскликнула она, и снова засмеялась. Завидев ее смех и удивительную улыбку, он спорить не стал. Закон, так закон. Все получилось, все правильно, все работает.

– Мы еще будем кататься на Метро? – почему-то спросил он, идя с ней рядом. Они уже поднялись наверх, и весеннее солнце осветило их фигуры.

– Зачем? – спросила она.

– Не знаю!

– Если хочется кого-то обнять, можно сделать это где угодно, – прошептала она, чем совершенно его смутила. А, может быть, в толчее и шуме ему это только показалось. А, может, шаловливый ветерок наваял ему эти слова? Но читать ее мысли он не стал. Почему не стал?...

– Мне нравится ваш город!

– Да?! – удивилась она, вспомнив, сколько шишек и синяков тот оставил на нем сегодня.

– Знаете почему? В нем живете Вы!

14

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спросила Короле-

ва, глядя на нее свысока. Она появилась неожиданно, нагло присела за ее столик и смотрела на Лею. От неожиданности та даже вздрогнула. Лея уже два дня не находила себе места, снова и снова вспоминая неуклюжего, большого человека, который оказался сущим ребенком, и постоянно думала о нем. Тогда, после их встречи, она опять проводила Ильюшеньку до места его заключения, молча попрощалась, проводив его взглядом до самых дверей, словно отвечала за него и вернулась в свой город, который продолжал ее одолевать. Потом бесцельно проводила время, слоняясь по улицам, но уже на все смотрела другими глазами. Глазами того человека, который так нелепо знакомился с ее городом. Эти воспоминания не давали покоя. Почему-то больше не преследовали мысли чужих людей, их проблемы, радости, беды. Она словно воспользовалась его советом, всецело сконцентрировав внимание на своих мыслях. Вот и сейчас сидела в маленьком кафе, где по такой теплой погоде уже выставили столики на улицу, и радостное солнце, согревая, не давало замерзнуть. Весна полноправно вступила в город, умыв тротуары от снега, растопила сосульки на крышах домов и уходить не собиралась. А она все сидела и думала – чего от него хотят? Что нужно сделать этому большому человеку, чтобы он стал свободным? И что нужно сделать ей для того, чтобы закончить этот бесконечный испытательный срок. Королева появилась неожиданно и, задав свой вопрос, зло на нее уставилась.

– Я вас не понимаю!?! – очнулась Лея, завидев ее.

– Не понимаешь? Что же, объясню. Тебе в голову не приходит, что изволишь проводить время с чужим мужем!

– Он вам не муж, – произнесла она, покраснев. – Уже больше ста лет, как он свободен.

– Немыслимое хамство! И это она говорит мне! Потрясающе! Чтобы у меня из-под носа уводили мужа, пусть даже, бывшего! Наглость невероятная! У меня!!! И кто? Оборванка, которая от своей тупости и инфантильности не способна ни на что! Даже, когда ей выдали на руки все козыри, она шляется по подворотням и занимается ерундой.

– Это мое дело! – спокойно возразила Лея.

– И мое тоже! И муж мой. А не задумывалась ли ты, почему он столько лет сидит в той комнате и не способен поднять с места свой ленивый зад?

– Почему вы так о нем говорите? – удивилась Лея.

– А вот это уже не твое дело, ничтожество! Ты кем себя возомнила? Ты еще не поняла, что, пока я буду рядом, он и шагу не ступит в сторону, только будет пялиться на меня, вспоминая самые счастливые годы жизни. Он до сих пор любит меня, ты этого еще не поняла? – говорила она, глядя куда-то вдаль, забыв о Лее. – Он столько лет меня ждал, потом пристроился рядом, прилип, как пиявка, и теперь будет со мной вечно, пока я снова его не брошу. Но даже в следующую жизнь поплетется следом без оглядки. Кто такая ты, а кто я? Только настоящая женщина способна привязать му-

жика так, чтобы он, как раб, воцарился над ней вечно. Больше ста лет любил и таскался следом. Даже ад ему покажется Раем, если я буду там. Ты думаешь, он замечает, как я выгляжу? Перед его глазами до сих пор стоит образ ослепительной красавицы, которой он и мизинца не стоил. Ты знаешь, какие у меня были мужики? А этот, просто ничтожество!..

Замолчала, уставилась на Лею, заметив, что та внимательно ее разглядывает.

– Что? – осеклась Королева.

Еще недавно Лея перебила бы эту наглую Королеву, но теперь почему-то сидела и внимательно на нее смотрела, о чем-то думая. Изольда Карловна попыталась прочесть ее мысли, захотела ее понять. Слышала, но не понимала совершенно ничего.

– Что? – снова повторила она. Вдруг услышала:

– Вы и сейчас очень красивы, Изольда Карловна!

– Издеваешься! – взорвалась Королева, – хочешь сказать, что я уродина!?

– Нет-нет! Вы действительно очень красивы, – мягко заговорила девушка, – насколько может быть красивой женщина в вашем возрасте. Как вам это объяснить... Дело даже не во внешности. В каждом человеке есть внутренняя красота, глубоко скрытая в душе. Когда вы думаете о чем-то, принимаете решения, когда размышляете, вы светитесь изнутри. У вас гордая осанка, умный, пронзительный взгляд. Вы уверены в себе. Поневоле, можно залюбоваться. Не каж-

дая женщина, прожив столько лет, способна вести себя так. Особенно это заметно, когда вы хотите сделать что-то хорошее, доброе. Отдать частичку себя...

– Что? – прошептала Королева, – что ты бормочешь? Что за бред?

– А Ильюшеньке вы несомненно нужны! Очень нужны. Я уверена, что все это правда, он помнит вас и... наверное сохранил что-то в своей душе. И остальным людям вы тоже нужны, они советуются, считаются с вашим мнением, уважают!

Теперь Королева не понимала совершенно ничего, а эта нахалка сидела и смотрела на нее внимательно, с неподдельным интересом. По уродливому лицу Королевы пробежала тень изумления. На мгновение она задумалась, Лее даже показалось, что она чем-то напугана. Это был страх перед неожиданной новостью, которую ей сообщили, и к которой она оказалась не готова. С ней никогда так не разговаривали! Она впервые за свою долгую жизнь, или не жизнь вовсе, задумалась об этом. А Лея все сидела и смотрела. Нет, она не читала ее мысли. Эти люди из странной комнаты были для нее недосыгаемы, но она чувствовала ее, понимала, и ей стало жалко эту женщину с обезображенным лицом. Но та, заметив ее взгляд, вдруг очнулась, зло произнесла:

– Ты все врешь, нахалка! Ты не поверила ни одному моему слову! И не знаешь, как он любил меня. Как просыпался и влюбленными глазами на меня смотрел. Ночи напро-

лет не спал, ожидая, когда же я проснусь! Несколько лет не спал! Целую вечность. И в нетерпении ждал, когда снизойду до него и брошу кость, на которую он набросится, как голодный пес, как дворняжка. Потом будет жевать ее, обглаживать, шептать слова любви! А ты терпи и слушай! Я и терпела, но он любил и сейчас любит! Тебе это не дано понять! Ты никто!

– Вы совершенно правы! Я никто! Я песчинка на мостовой, которую каждый может растоптать ногами. Но дело не во мне. Зачем вы пришли, зачем говорите мне об этом? Если он вас любит, беспокоиться не о чем, согласитесь!?

Тут Изольда Карловна, покраснев, вспыхнула:

– Не твое дело! Ты больше не посмеешь к нему подходить. Ты меня поняла? Не посмеешь!

– А если он придет сам!?! – спокойно произнесла Лея, глядя ей прямо в глаза. От этих слов Королева побелела.

– Издеваешься!?! – заорала она. Изольда Карловна не привыкла, чтобы ей перечили. И не понимала, откуда у этой странной девушки такая уверенность... и наглость! Но, взяв себя в руки, тоже спокойно произнесла:

– Ты не знаешь, девочка, с кем имеешь дело, – потом улыбнулась. – Думаешь, что у тебя в голове мозги? Ты с кем играешь? Я тебя уничтожу... В два счета отправлю на тот свет. И сделаю это прямо сейчас! Смотри!

Она повернулась к дороге и уставилась на проезжую часть, что-то разглядывая.

– Видишь в-о-о-н ту мамашку с коляской, которая подходит к переходу. А там горит светофорчик! Потом зажжется зеленый свет, и она пойдет через дорогу. А дальше... Дальше появится псих, который подъедет к этой курице и собьет ее... Нет, не ее. Так не интересно. А вот колясочку ее и собьет. А там лежит маленький кулечек, крохотное живое существо, которому всего несколько месяцев от роду, маленький засранец, которого она бесконечно любит. А псих уже рядом. Что же ты ждешь? Иди, спасай его. Давай, избранная, иди, помогай! Давай, дорогая! – и захохотала на все кафе, а Лея всем телом вжалась в стул. Вдруг произнесла:

– Вы лукавите, Изольда Карловна, ничего не произойдет, – но Королева на нее спокойно, снисходительно посмотрела:

– Произойдет. Еще как произойдет, милая. И прямо сейчас. Только ты уже не успеешь! Значит, это будет на твоей совести!

Лея в ужасе уставилась на дорогу. Загорелся зеленый свет, а женщина с коляской ступила на проезжую часть. Но машины остановились. Они замерли, и никто не собирался ехать ей навстречу.

– Королева обманула! – мелькнуло у нее в сознании. – Она ничего не может. Да и возможно ли такое?

Вдруг услышала:

– Возможно! Еще как возможно!

И тут Лея в ужасе увидела, как вдалеке появилась маши-

на, которая ехала посередине проезжей части, обходя по разделительной полосе остальных. Она не тормозила и продолжала мчаться дальше. А женщина уже подходила к середине дороги, ничего не замечая. Еще мгновение, и они столкнутся! Еще доля секунды и страшная машина черной зверюгой вонзится в коляску, разнесет ее в клочья! Лея содолгнулась, захотела закрыть глаза, но услышала:

– Я сказала – смотри!

Женщина на дороге замерла. Нет, она не заметила опасности, а из коляски появилась крошечная ручонка, которая тянулась к ней. Она тоже протянула руку и улыбнулась. Это была улыбка человека, который сейчас не замечал никого, кроме любимого ребенка, а в глазах ее застыли восторг и нежность к родному существу. И тут машина, дико сигналив, на полном ходу пролетела мимо, едва не задев коляску. Всего несколько сантиметров не хватило ей до цели. Женщина оцепенела, а из-под колес на коляску обрушился шквал мутной грязной воды.

– Ну, как? Для начала неплохо? – воскликнула Королева, глядя ей прямо в глаза. Лея от испуга замерла. Она не знала, что делать. Она была, как под гипнозом, а Королева сказала:

– Продолжим... Вон тот, в зеленой кепке – следующий претендент. Сейчас снова будет зеленый цвет, и он пойдет через дорогу. Ваша дорога – территория смерти! Что будет дальше, знаешь сама. Больше я не шучу, иди, спасай, спасательница.

Лея оторопело смотрела на человека в зеленой кепке. Она еще могла успеть, у нее еще оставалось время.

– Только за одну такую кепку давить его нужно. Давить, убогого, – ворчала Королева. Лея вскочила с места, уже не думая ни о чем, собираясь бежать, как увидела знакомую фигуру. Это он! Фимка!

Тот подошел к человеку в зеленой кепке, достал сигарету и попросил его прикурить. Лея замерла. А светофор уже уверенно светился зеленым цветом. Человек ступил на дорогу, желая идти дальше, но Фимка ловко подхватил его под руку, и сумасшедшая машина промчалась мимо, едва его не задев. Человек в кепке замахал руками и бросился обнимать Фимку. Он благодарил его за спасение. Фимка что-то ему сказал, тот с радостью протянул ему кепку, он взял ее, обнял незнакомца и направился в сторону кафе, нахлобучив ее на затылок. А Королева, крикнув от досады, засопела. Фимка тем временем приблизился и весело произнес:

– Развлекаетесь, девочки? И чем это вам, уважаемая Изольда Карловна не понравилась кепочка? По-моему, отличная вещица! А цвет-то какой? Да Лея? Да, моя хорошая?

Королева гневно сверкнула глазами, перевела взгляд на Лею и произнесла:

– Ты меня поняла? Еще раз тебя увижу рядом с ним!..

Встала и отправилась восвояси. А Лея от испуга и перенесенного шока вцепилась в спинку стула.

– Разборки? Мальчика не поделили? – засмеялся он. – Ты

ее не бойся. Это она так, пугает. И ничего подобного не делает, не ее тема. Брать на себя такое не каждому дано... Ну, что ты? – проворчал он и обнял ее за плечи, а она уткнулась в него и зарыдала.

– Вот дура! Вот неугомонная душа. Спасала зеленую кепку. Спасительница! И как ты останешься здесь без меня?

– Ты куда собрался? – отпрянула она, услышав эти слова.

– Никуда, ... никуда не собрался. Не собрался и все, – пробормотал он, задумчиво глядя вдаль. Снял кепку, бросил ее в урну и произнес:

– А Карловна права! Кепка дрянь... Да, милая? Дрянь? Ну? Не молчи! Или не дрянь? Достать ее? Ну же? – тормозил он ее.

– Дрянь, – улыбнулась она, вытирая слезы.

– Ну, вот так-то, – довольный проворчал он.

– А Королеву не слушай, врет она все. Сама же, полвека назад отправившись на тот свет, и разыскала Ильюшеньку. Когда ей стукнуло сорок, а юный возраст прошел, красота поблекла, поизносилась. Только тогда и поняла, что никому не интересна. А еще с ужасом поняла, что нужна была только одному человеку, но и того уже давно на свете нет. Красавица испугалась, стало страшно. А впереди еще полжизни – целых сорок лет. Нет бы успокоиться, искупить старые грешки – взялась за новое, возомнив себя Королевой голубых кровей, и начала пить чужую кровь. А потом разыскала его в нашей комнате и присоседилась. Вот так!.. Я толь-

ко одного не могу понять, зачем тебе этот большой ленивец, дочка?

– Не твое дело!

– Ты не горячись, но этот человек..., как тебе объяснить? Он никогда не сможет... Не смейся!!! Не сможет летать! Так и будет висеть на твоей шее якорем. Есть такие люди, которым это не дано! Не дано и все!

– Опять сказки от поэта Фимки? – улыбнулась она.

– Если хочешь спросить о любви, спроси у поэта, – возразил он с улыбкой. – Любовь – это полет. Недаром говорят – «Они летели на крыльях любви». Это так просто! Это естественно для каждого человека!

– Добрый сказочник, поэт и актер, который мечтает, витая в облаках!

– Нет! Но говорю о любви. Когда-нибудь ты вспомнишь мои слова, девочка. А пока – живи себе и радуйся. Жизнь удивительная штука, а у тебя она только начинается...

Посмотрев на дорогу, воскликнул:

– Далеко ли ушла наша красавица? Пойдем-ка ее догоним!

– Зачем? – вздрогнула Лея.

– Увидишь!

Королева стояла посреди улицы, о чем-то сосредоточенно размышляя, а Фимка и Лея замерли в некотором отдалении, не сводя с нее глаз. Та их не замечала, только уставилась в

землю, что-то чертя по асфальту острым сапожком. А сапог этот напоминал ее нос, он тоже был длинным, изогнутым с острием на конце. А она все стояла и думала.

Ее внимание привлек свадебный кортеж, который остановился неподалеку. Оттуда высыпали нарядные люди. Они встали на бульваре, доставая бутылки с Шампанским и с грохотом открывая их. Веселье и шипучий напиток переливались через края. А в центре праздничной толпы стояли жених и невеста. Нет – новоиспеченные муж и жена, которые уже успели заехать в ЗАГС, выполнить почетные формальности и теперь носились в компании гостей по городу, останавливаясь в разных местах. Фотографировались, снова пили, забирались в машины, мчались дальше, опять вываливались на улицу, продолжая безудержно веселиться. Невеста была удивительно красива. Ее нежное личико светилось от счастья, одета она была в нежное воздушное платье, вернее, в наряд, который едва прикрывал ее юное тело, просвечиваясь и привлекая внимание к стройной фигурке. А позади, как и полагается, развевалась длинная фата. Это был сказочный цветок, который только успел распуститься, и теперь ждал принца, который придет и нежными руками его сорвет. Потом пригубит, вдохнет его аромат и растворится в божественном поцелуе. Принц держал ее за руку, не выпуская. Принц ценил каждое мгновение, которое выпало ему, и был счастлив и за нее, и за себя. Снова крики, залпы открываемых бутылок, шумные тосты и поцелуи.

Королева, впившись взглядом, следила за невестой. В ее глазах застыла безумная зависть, злоба и обида, словно у нее что-то отобрали. Словно это она должна была стоять на месте этой принцессы и быть настоящей Королевой, какой и подобает ей быть. Но на лице ее морщины, уродливый длинный нос и старость, навалившаяся на спину и плечи, а кривые ноги, подпирающее это уродство, уже в нетерпении переминались с одной на другую.

– Сейчас будет цирк! – в восторге потер руки Фимка. – Сейчас она такое устроит!

Тут молодожены, взявшись за руки, сорвались с места, отбежали от толпы и замерли в изящной позе влюбленных. Лицо девушки сияло от счастья и выпитого шампанского, глаза ее мужа светились восторгом и жадной неутоленной любви. Эти двое в предвкушении вечера и ночи, и счастливого дня, который для них наступил или только начинался, незабываемого дня, который в памяти останется навеки и засияет где-то высоко маленькой ослепительной звездочкой в крошечной темноте космической ночи, напоминали маленьких детей. Они позировали, не стесняясь своего счастья, наслаждались юностью и красотой, а солнечные лучи и вспышки фотоаппаратов освещали их радостные лица. Фотография сделана, пора возвращаться к веселой, разряженной толпе гостей и ехать дальше. И вдруг на бегу по какому-то странному стечению обстоятельств белая фата, эта нежная спутница, символ невинности и чистоты, цепляется за скамейку и

слетает с головы. В тот же миг по какому-то невероятному совпадению длинная прозрачная юбка цепляется за каблук, рвется на части и слетает со стройных ног. Королева злорадно смотрит на невесту. Она впилась в нее взглядом и не отпускает! Какой конфуз! Какая нелепица! Свадьба испорчена! В глазах ее сияет ядовитый восторг! А гости дружным хохотом встречают полуобнаженную невесту. Она растеряна! Она краснеет. Ее избранник сходит с ума. Королева тоже сходит с ума и улыбается кривым ртом, показывая редкие зубы. Уже хохочет дьявольским гоготом.

Но происходит невероятное. Красавица-невеста одним легким движением избавляется от белоснежной накидки – верхней части ее одеяния, отбрасывая все это в сторону, и теперь на ней остаются лишь крошечные трусики, словно изящная набедренная повязка, прикрывающая ее маленький секрет, и больше ничего! Ее прекрасная фигура отликает белизной, красотой и юностью. Ее грудь оголена. Она позирует, совсем не смущаясь, и делает это, как настоящая принцесса, как королева, а толпа взрывается диким восторгом и аплодисментами! Толпа ликует! Юное раздетое божество!

– Молодец! – с восторгом шепчет Фимка, – умница!

Случайные прохожие останавливаются, замирают, открыв рты, и тоже начинают хлопать. Люди достают телефоны и фотоаппараты, все снимая и снимая этот маленький невинный праздник. Они аплодируют Божественной красоте. Смеются, ликуют! Кто-то сотрясает бутылкой Шампанского, та с гро-

хотом открывается, и шлейф белой пены, как фата, обрамляет юное существо. Девушка тоже смеется! Она смахивает брызги Шампанского, потом прыгает на руки к своему возлюбленному, и тот с драгоценной ношей уже мчится к машине кортежа. Двери захлопываются, тонированные стекла опускаются, а гром аплодисментов несется вдогонку. Все это должно было достаться счастливчику позже, потом, не сейчас! Но, раз уж так случилось – почему бы и нет? А из машины появляется смущенный водитель в белой рубашке и черной бабочке. Он разводит руками и медленно вразвалочку подходит к толпе гостей. Теперь эти аплодисменты достаются и ему. Праздник удался! И трогательная тишина...

Королева оцепенело смотрит на людей, она возмущена, она ничего не понимает, в ярости разворачивается и уходит прочь.

– Раззадорила ты ее, красавица! – хохочет Фимка. – Ну, ты молодец! Умница! Давно я ее не видел такой! Пошли! Пошли же! Самое интересное впереди, – и тащит ее за руку. У маленького кафе Королева приостановилась и со злостью уставилась на лица людей, сидящих на улице за столиками. Они что-то пили, разговаривали, смеялись. По большей части публика состояла из молодых. Здесь было много влюбленных парочек, которые лениво наслаждались теплым солнечным днем и приятным обществом. А Изольда Карловна, уже сосредоточившись, выбирала жертву.

Это она должна находиться на месте этих женщин! Это на

нее в восхищении должны быть устремлены взоры этих особей мужского пола. Когда-то стоило ей только появиться в обществе, все они, позабыв о своих уродинах, глядели только на нее с восторгом и трепетом! И сейчас ее лицо перекосило от злобы. А еще ей не давал покоя недавний разговор. У нее уводить мужа! У НЕЕ! И кто!?

– Что она хочет сделать? – прошептала Лея. Они стояли в отдалении у соседнего дома.

– Сейчас увидишь! – ответил Фимка. – Это ее любимая фишка!

Вдруг несколько молодых женщин полезли в сумки или карманы и вытащили телефоны. А те уже светились какими-то сообщениями.

– Что? Что там? – снова не выдержала Лея. И, как по команде, женщины развернулись, со всего маху ударив по щеке своего спутника. Мужчины в изумлении замерли, а те одновременно встали. Одна даже плеснула вино из бокала мужчине напротив, еще одна бросила букет рассыпавшихся роз в лицо кавалеру. Потом женщины гордо и, не оборачиваясь, удалились.

– Эсемеська! – захохотал Фимка. А Лея уже мысленно прочитала ее текст по лицу одной из женщин:

«Твой мужик уже второй месяц спит со мной! Отдай его мне! Отдай!»

Лея посмотрела на Королеву. Холодная улыбка застыла на ее лице. Тонкие губы сжались, нос вздернулся. Королева

перевела дух и отвернулась. Но, словно, вспомнив о чем-то, вновь сморщилась, а глаза ее засверкали. Загорелись, забегали, словно ища новую жертву. Нашла! И теперь неотрывно следила за ней. А шикарная дама уже выходила из роскошного особняка, направляясь к своей машине.

Это она должна сидеть в этой машине! Это ее красивую и молодую, в дорогих бриллиантах, в восхитительных нарядах сейчас где-то должен ждать настоящий мужчина! Мужик! Богатый, сильный, знаменитый! Умный, красивый!

И снова лицо ее покрылось морщинами, рот перекосило от злобы. А женщина, ничего не подозревая, села в машину, завела мотор, достала губную помаду и тронулась с места. Пока она красила губы, успела проехать всего несколько метров, как помада выпала из ее рук, машину тряхнуло, и громкий взрыв огласил улицу. А из-под колес в разные стороны полетели обрывки рваных покрышек. Женщина в ужасе выскочила на тротуар, а ноги ее ступили в огромные осколки битого стекла. Словно здесь разбили бутылку, которая была величиной с автобус. Королева засопела, прищурилась, довольно покачала головой, достала сигарету и с удовольствием затянулась. Потом широким жестом вынула ее изо рта, протянула руку в сторону и смахнула пепел, словно стряхивая плохое настроение. Подтянулась, подобралась, вздернула подбородок и гордо направилась восвояси. День удался!

Хорошо, что она не успела заметить, как через мгновение сразу две новенькие иномарки притормозили рядом. Оттуда

выскочили мужчины – судя по их авто – богатые, сильные, успешные, может быть, даже знаменитые, и бесспорно умные и симпатичные. Они моментально предложили красотке помощь и окружили вниманием, которая та благосклонно приняла.

– Жалко! – проронила Лея.

– Кого? – удивился Фимка.

– Ее! – кивнула в сторону исчезнувшей Королевы.

– Да?

– Да. ДА! Очень жалко. Как ей плохо.

– Ты не ведьма – ты святая! – улыбнулся Фимка, прищурив глаза. А Лея покраснела, вспомнив о чем-то, на мгновение задумалась и произнесла:

– Все равно... Все равно, я его не отдам!

– Брось ты!

– Ревнуешь, старый пьянчужка?

– Да!

15

Прошло еще несколько дней. Лея мучительно проводила время, не находя, чем себя занять. Хотелось сделать что-то настоящее, значительное, как сказал Ильюшенька, стоящее, но что – она не знала. Больше не тяготилась взглядом сверху, хотя, постоянно ощущала на себе это пристальное внимание. Нет, она не привыкла и не смирилась с таким по-

ложением, но приняла, как данность, как правило большой игры, и теперь бродила по городу, сидела на скамеечках в скверах, не пряталась от людей в надоевшей квартире, знала только одно – она должна что-то сделать. Вечером возвращалась домой и наблюдала за тем, как люди переписываются на ее страничке. Зачем это делают, тоже не понимала. Почему они не ведут себя так на улице? Там проносятся мимо, не замечая друг друга, а здесь достают самое сокровенное и, доверяя это паутине сети, снова прячутся за странными именами.

– И почему они так боятся самих себя?

Совсем не спала. Сон остался в прошлом, в какой-то дружкой, забытой жизни, а теперь была жизнь эта... Жизнь или не жизнь?... Проходила ночь, наступало утро, и она снова выходила из квартиры, бесцельно шагая куда-то, внимательно оглядывая город и людей. Такое состояние напоминало невестомость. А еще, все ее мысли были обращены к большому, удивительному человеку, который снова и снова являлся в ее памяти в нелепом облики. Зачем он ей нужен? Почему она постоянно думает о нем? Но образ этого человека, словно, преследовал ее, возникая перед глазами. Вот и сейчас, увидев вдалеке случайного прохожего, подумала, что тот очень похож на Ильюшеньку... Нет, на Илью... На Ильюшеньку! И на того и на другого сразу. Выглядел он нелепо, в небрежно смятом белом костюме. В таких ходят по набережной моря, празднично проводя время на курорте, где люди никуда не то-

ропятся, глазают по сторонам, ища себе пару на вечер, или просто осматривают достопримечательности и незнакомые места. Вот и этот озирался, словно кого-то искал и совсем не вписывался в серую толпу стремительно несущихся людей, едва не сбивающих друг друга с ног.

– Похож! Почему похож? Потому что был он на голову выше остальных. Потому что он никуда не торопился... Потому что она все время думала о нем, черт побери! Только зачем?! А этот совсем незнакомый ей человек...

И вдруг она громко засмеялась. Она хохотала так, что остановиться не могла. А человек этот с недоумением и обидой уставившись на нее, замер. Он не знал, что ему делать! А она все продолжала смеяться. Это был Ильюшенька. Настоящий, живой, насколько может быть живым человек в его положении, в белом костюме, с нелепо повязанным галстуком, в огромных сандалиях желтого цвета. Кто же еще мог появиться в таком наряде в это время года на улицах Москвы? А в руках он держал коробку конфет и букет цветов.

– Зачем все это? – и она снова залилась громким хохотом.

– Простите? – изумился он, подойдя. Но она уже остановиться не могла. Ильюшенька, действительно, выглядел очень комично. В этом белом пиджачке он был словно с другой планеты. Он покраснел, огляделся, не понимая, над чем она смеется, и гневно сверкнул глазами.

– Стойте! Стойте! – закричала она, выхватывая цветы и коробку конфет, которые тот собирался бросить оземь. – Ну,

зачем же так?

– Как? – зло пробормотал он.

– На свидание собрались? Кому все это?

– Вам!

Впрочем, задавать этот вопрос было лишним. К кому же еще мог отправиться на встречу этот странный человек?

– Мне!?! Фимка надоумил? – хитро прищурилась она. Он промолчал. Лея больше не смеялась, пронзительно на него смотрела своими большими глазами.

– Конфеты, цветы. Мне! Все это мне! Ну-у-у, спасибо! Значит, действительно, свидание!.. В ресторан поведете, или как?!

– Нет...

– Нет! Значит, в ресторан не поведете!?! А почему, позвольте спросить?

– Перестаньте! – воскликнул он, пытаясь отобрать у нее букет.

– Ну, уж нет! Это все мне! Что же вы, любезнейший, сначала дарите, а потом отбираете?... Так, почему не в ресторан?... А потому что Фимка сказал, что там я выпью и начну приставать к мужчинам! Так?

Он продолжал молчать.

– Какая прелесть! И вы ему поверили? Конечно, я именно такая женщина, которая вешается на первого встречного... за букетик цветов, коробочку шоколадных конфет и еще... пару комплиментов. Так кажется?

– Первого встречного? Зачем вы так? – наконец, он пришел в себя и теперь серьезно на нее смотрел. Смотрел с интересом, по-отечески, как смотрят на расшалившегося ребенка. Не дождавшись ответа, произнес:

– Я прекрасно знаю, что вы совсем другая, иначе бы не пришел.

– А зачем пришли? – вдруг тихо спросила она. Тут он смутился и пробормотал:

– Не знаю...

Теперь он долго смотрел в ее глаза и она тоже. Они глядели, не отрываясь, словно опять оказались в тесном вагоне метро, где были совершенно одни. И на этой улице они тоже были одни, не замечая толпы людей. Так продолжалось довольно долго. Впрочем, они не помнили, сколько это продолжалось. Лея опомнилась первая:

– Я очень рада, что вы пришли... Знаете, если бы вы и сегодня не появились, я бы...

– Что?

– Сошла с ума! Сама отправилась бы вас искать!

– Зачем?

– Не знаю!

– По-моему, мы оба сходим с ума, вам не кажется? Одно-го уже давно нет на этом свете, другая... У нас нет будущего, милая девушка, только эта улица и короткое мгновение жизни... да и то какой-то странной.

– У кого-то в жизни нет даже этого мгновения. Пролетают,

пробегают, все мимо и мимо, и все куда-то не туда... Я очень рада видеть вас, Илья!.. Илья!.. Такое короткое имя и такое большое! Как скала! – и она мечтательно закатила глаза. – Терпеть не могу эти конфеты!

Но Илья уже начинал привыкать к ее сумасбродству.

– Отлично! Превосходно! – он забрал у нее конфеты, подошел к какой-то старушке и произнес: – Матушка, не извольте принять от меня в дар эту коробку. Матушка шарахнулась от него, как от прокаженного. – Чего это? Зачем это? Сейчас полицию позову!

Смотрела она на коробку так, словно там лежала бомба.

– Не извольте беспокоиться, просто эта особа их терпеть не может! – и показал на Лею, которая стояла рядом и улыбалась. – Впрочем, как знаете.

Услышав такие слова, старушка мгновенно успокоилась, и коробка оказалась в ее руках.

– А может, и цветы для твоей пружереды тоже дурно пахнут?

– Дурно! Еще как дурно! – уже заводился Илья.

– Нет, любезная! Пахнут они, то, что надо. Замечательно пахнут! – воскликнула Лея, и лицо ее утонуло в шикарном букете роз.

– Спасибо, дорогой, – ответила она, краем глаза глядя на старушку, которая продолжала стоять, ожидая чего-то еще. – Пойдем! – и потащила его за собой.

– Дай тебе Бог здоровья, дорогой! – услышали они на про-

щанье голос старушки. Лея прыснула, а Илья покраснел. Потом, правда, тоже снисходительно улыбнулся.

– И вам здоровья, любезная, – оглянулся он.

Спустя какое-то время Лея произнесла: – Вы хотели, чтобы я показала в моем городе что-то настоящее, стоящее? А теперь очередь ваша – сделайте что-то настоящее вы.

Ее глаза светились задорными огоньками, и это настроение передалось ему.

– Полноте, вздор все это!.. Пойдемте, я приглашаю вас в ресторан.

– Нет!

– Почему, нет?

– Вы хотите есть?

– Честно говоря, я не делал этого уже лет сто.

– Я тоже... Я тоже не хочу есть!

– Тогда, чего же вы хотите?

Она посмотрела не него и горячо заговорила, словно долго готовила эту речь:

– Я знаю! Я точно знаю, что от нас хотят одного и того же. Я долго думала об этом! Насколько преступно посягать на свою жизнь, настолько же порочно, имея совершенное тело, разум, так бездарно ими распорядиться. Это равносильно самоубийству, только медленно. Это великий грех... Вы должны что-то сделать! Илья! Вы слышите меня! Вы обязаны сделать ЭТО!

– Что же?... Исккупаться в Неглинке, переплыть Москву

реку во льдах, пройти по верхнему пролету вашего любимого моста или доказать теорему Ферма?

– Неглинку давно закатали в асфальт, а теорема Ферма уже доказана.

– Да что вы? Не прошло и трех сотен лет! – попытался отшутиться он. – Тем более... Тем более, если все уже доказано, чего же еще желать? – но, заметив ее серьезный взгляд, произнес: – Что я должен сделать?

– Полететь! – неожиданно для себя воскликнула она.

– Полететь? – нахмурился он. – Нет. Это не для меня.

– Я не в том смысле! Как вам объяснить?... Пойдемте!

– Снова в метро? Снова в вашу любимую пещеру?

– В пещеру, но совсем другую.

И стремительно повела его за собой. Сейчас каждое мгновение имело для нее важное значение. Она старалась успеть, не растерять, довести его до того удивительного места, где, может быть, и скрываются ответы на их вопросы. – А если он не поймет? Если он будет над ней смеяться? – мелькнуло у нее в голове.

Женщина у входа в музей сразу же ее узнала и улыбнулась:

– Сегодня нет дождя?

– К сожалению, нет, – ответила Лея и тоже улыбнулась.

Купив билеты, уже нетерпеливо потащила его за собой.

– Вас здесь хорошо знают!.. Вы тут, как у себя дома! – удивлялся Ильюшенька.

– Да-да, дома. В каком-то смысле вы правы, – и, не оста-

навливаясь, вела его по лестнице на второй этаж. Перед ними появился мамонт – ее старый знакомый. Он занимал почетное место и ждал ее. Конечно же, ее! Так ей казалось. Сейчас она, забыв обо всем, молча смотрела по сторонам, растворяясь в просторном зале, трепетно осматривая знакомые экспонаты. Казалось, что даже воздух в этом зале другой, и полной грудью вдыхала забытый аромат лесов, полей и рек. Мысленно взбиралась на холм, видневшийся на заднем фоне картины. И снова этот мамонт.

– Почему – забытый!?! – вдруг мелькнуло у нее в голове. Опомившись, нашла взглядом Ильюшеньку. Тот, замерев, стоял перед картиной, на которой было нарисовано племя доисторических людей, не в силах отвести взгляд. Мимо проходили люди, говорили, смеялись, снова шли дальше, а этот стоял, словно истукан, и широко открытыми глазами продолжал смотреть. Лея вдруг подумала, что если бы он вел себя, как остальные, – бросила, оставила бы этого человека здесь, забыв о нем навсегда. Но он внимательно продолжал рассматривать полотно. Ильюшенька совершенно о ней забыл, не замечал никого, и только восторженными глазами смотрел прямо перед собой.

– У этого человека с ней одна группа крови! – подумала Лея. Ее отвлек знакомый служитель музея. Тот остановился рядом, с интересом наблюдая то за ней, то за ее странным спутником. Видимо, давно не было таких посетителей. Наконец произнес:

– Здравствуйте, милая девушка. Снова к нам?

Она поздоровалась.

– А знаете, я вас вспоминал!

– Да?

– Да-да! Удивительная вещь. Бывают же такие совпадения! Когда в прошлый раз вы ушли, я заметил одну странную вещь, – и он показал на картину, – посмотрите на эту дикарку!.. Она удивительным образом похожа, ... извините, на вас!

– Действительно похожа! – воскликнул Ильюшенька.

– Всего лишь плод воображения художника! Случайность! Это же картина! Вымысел! – снисходительно улыбнулась Лея.

– Не совсем так! Я хотел вам рассказать, что эти люди, точные копии тех, других, живших миллионы лет назад. Есть такие художники, которые по человеческим останкам – костям, черепам могут в точности воссоздать внешность человека. И люди на этой картине настоящие.

– У вас есть кости этих людей? – поинтересовался Ильюшенька.

– Конечно! Они в этом же зале. Но, прежде, чем вы посмотрите кости, давайте я вам расскажу кое-что о людях, – показав на двоих из племени. Снова улыбающееся лицо огромного дикаря в набедренной повязке, и лицо девушки рядом с ним, которую он держал за руку. Она, действительно, была поразительно похожа на Лею. – И как она в прошлый раз

этого не заметила? – подумала девушка.

– Эти двое принадлежали к одному племени, – продолжал экскурсовод. – Их переломанные кости были найдены в одном месте. И это было не захоронение. Они лежали в нелепых позах, а найдены были под высокой скалой, которая нависала над равниной. Конечно, прошло уже много времени – миллионы лет, но рельеф той местности с тех пор почти не изменился. У нашего художника даже возникла мысль, что они были то ли сброшены со скалы, то ли упали оттуда.

– Здесь есть небольшое несоответствие, – возразила Лея. – Возраст человеческой цивилизации – десятки тысяч лет, но никак не миллионы!

Работник музея хитро усмехнулся:

– Кто вам это сказал? Впрочем, понятно, кто сказал, тот, кто придерживается теории Дарвина. Все подобные гипотезы находятся в одном русле. Но наука идет вперед. Скоро появятся новые данные, которые будут опровергать все! Они будут говорить о том, что человечеству миллионы лет. Сотни миллионов. Долгие годы эта тема в ученых кругах была запретной – кому-то это было нужно – так было всегда! И, тем не менее, время идет. А посему, эти люди могли потягаться силой даже с мамонтами, которые исчезли 65 миллионов лет назад. Вот так!

– А как же Дарвин? – спросила Лея.

– А что, Дарвин? На некотором этапе кому-то было выгодно проводить в жизнь подобную теорию создания человека.

– А как же та обезьяна, которая взяла в руки палку и превратилась в человека?! – не унималась она.

Экскурсовод снова улыбнулся.

– А может, все было совсем наоборот? Обезьяны, это не праотцы, а люди, которые изволили от лени и апатии бросить свою палку. То есть – деградировали и превратились в обезьян.

– Тогда, кто же создал человека? – спросила Лея.

– А вы не знаете? – удивился Ильюшенька.

– Деградировали! – прошептала Лея.

– Да-да! Есть масса удивительных фактов. Возьмем хотя бы наблюдения за обществом всего каких-то полтора столетия назад. Для сравнения – сколько сегодня в наших школах изучают иностранных языков?

– Один. Максимум два! – ответила Лея.

– Вы шутите!?! – удивился ее спутник.

– А 150 лет назад крестьянские детки в церковно-приходской школе учили...

– Четыре языка! Минимум четыре! – перебил его Ильюшенька.

– Совершенно верно! Один из которых был латынью. Вы представляете?! Латынью! А математика! Какие знания давались раньше, а какие сейчас? С розгами или без них. В старинных допотопных школах, без калькуляторов и компьютеров ученики получали знания, которые доступны сегодня лишь в институтах! В высших учебных заведениях! А как

они сдавали экзамены! А мы сегодня – ставим крестики, нолики, единички, отмечая нужный ответ!

– Как такое возможно? – удивился Ильюшенька. – Это же не рулетка и не пасьянс!?

– Мы развиваемся по странной модели, – продолжил экскурсовод. – Мы восхищаемся сооружениями, которые были созданы тысячи, миллионы лет назад, но сегодня не имеем технологий, чтобы добиться подобных результатов! И с каждым веком, с каждым годом, продолжаем это движение... Или падение... А эти! – и он показал на картину, – миллионы лет назад! Взгляните! Кто знает, что они знали и умели. Может быть, даже летать?!..

Экскурсовод еще долго говорил, но они его уже не слышали, внимательно разглядывая людей на картине, одна из которых внешностью удивительно напоминала Лею. Только была она совершенно голая, а ее рыжие волосы, отливая солнечным светом, развевались на легком ветру. Лее снова нестерпимо стало тесно в ее одежде, но она вовремя остановилась...

– Вот такая история. А история – очень интересная вещь! – снова услышали они голос экскурсовода. – Так вы будете осматривать их кости? – и показал на двух, улыбающихся с картины, первобытных людей.

– Нет! – не сговариваясь, хором ответили они и быстро попрощались.

Потом молча брели по улице, пока наконец не сели на ска-

мейке в наибольшем сквере неподалеку от музея. Ильюшенька долго смотрел куда-то вдаль, наконец, произнес:

– Потрясающе! Какое-то удивительное чувство свободы. Даже небо там выше, чем здесь. Совсем другое небо, и трава другая, и солнце!.. Этим дикарям можно позавидовать!

– Это не дикари.

– Кто же они?

– Люди.

– Люди... Пусть будет так... Люди!.. Может, это мы дикари?

– Понравилась картина?

– Да!.. Но дело в том, что это не ваш город, не ваше время. Все это было в далеком прошлом, и людей этих давно уже нет в живых, остались только кости. Вам же сказали – кости! Не более того!

– А мы есть?

– Мы? Не знаю.

– Посмотрите на себя, на меня. Я есть?

– Вы удивительное существо, которое живет по каким-то своим законам. Откуда в вас столько сил? За что вы держитесь?

– Не знаю...

– Да, странная, чудесная картина... Если бы оказаться там, среди них, было бы очень просто сделать что-то настоящее, значительное, большое... А теперь.

– Что, теперь?

– Ничего... теперь ничего... Да и зачем? Пустое...

– Вы не должны так говорить! – гневно воскликнула она, – всегда есть выход! Каждое время дожидается своих героев, оно нуждается в них! Во все времена людям давалась возможность что-то сделать, сказать! Нужно только – захотеть!

– Бросьте!

– Нет, не брошу! Понравилось столетие сидеть на одном месте, бессмысленно прожигая время?

– Чего же вы от меня хотите? Что я должен сделать?

– Не знаю... Раздеться догола, взять в руку копье, убить мамонта... Не знаю!

– Да-да, милая девушка. Мамонта. Именно, мамонта – кого же еще... Посмотрите туда! – и он показал на небо, по которому проплывали небольшие облака.

– Да, красиво. Очень красиво! – с восторгом произнесла она, подняв голову.

– Эх! Забраться бы вон на то облачко, улечься, закутаться в его белую перину, посмотреть на мир сверху. Ничего не знать, ни о чем не думать.

– И захрапеть! Как на диване!

– На диване, – очнулся он. – Хорошая идея! – И вдруг прямо на ее глазах облако начало менять форму, оно было, словно вылеплено из теста, и уже начало вращаться, деформироваться, превращаясь в маленький пушистый диванчик, который даже цвет изменил, став голубым.

– Ну как? – улыбнулся он.

– Это сделали вы? – опешила она.

– В этом нет ничего сложного. Человеку дано многое. Человек способен почти на все... Как вы сказали – «стоит только захотеть». Теперь попробуйте вы!

Она уставилась на облачко, и вдруг оно стало на глазах белеть, вытягиваться, пока не превратилось в рыбу. В белую рыбу!

– Потрясающе! Это сделала я!.. А знаете, однажды, когда была гроза, мне показалось, что я в огромной черной туче проделала отверстие. А потом я управляла молниями. Мне это только показалось, но все было так достоверно... А однажды мне привиделось, что я летала...

– Ведьма! – засмеялся он.

– Ведьма? – расстроено повторила она. – Почему?

– Шучу. Вы удивительное существо, только пока не знаете, на что способны. Такое часто бывает. У вас все впереди!

– А у вас? У вас тоже все впереди!

– Ну, что вы, милое дитя!

– Не нужно строить из себя древнего старца. Вам это не идет!..

– Вы забыли, сколько мне лет!? – усмехнулся он.

– А знаете ли, господин старец, что на вид вам не дашь и сорока!? А вы знаете, что женщины на вас смотрят с удовольствием? И если бы не этот чудовищный костюм и желтые сандалии...

– Вы так считаете? – смутился он, глядя на свою обувь.

– Да-да! Именно! Так я считаю! Вы были бы неотразимы.

Казанова мог бы позавидовать.

– Что же, мне надеть на себя... набедренную повязку?

– Почему бы и нет?

– С удовольствием смотрят женщины... А как смотрите вы?

Она улыбнулась, но промолчала.

– Сегодня вас провожаю я! – уверенно тряхнул головой Илья.

Они еще долго бродили по городу, о чем-то говорили, смеялись, спорили, и им было как-то необычно хорошо вдвоем. Словно не было той комнаты, не было моста и ее проклятия, испытательного срока тоже не было, который висел над обоими. А, может, все это только сказка, выдумка, дикий розыгрыш? Впрочем, сейчас их это совершенно не интересовало. Остановившись у ее дома, она повернулась к нему и произнесла:

– Пришли, – и улыбнулась. Он тоже улыбнулся. Долго они стояли так и молчали. Она не предложила подняться и выпить чашечку чая, он не стремился проводить ее до дверей. Эти двое просто улыбались, и этой улыбки было вполне достаточно. Так иногда бывает. Оба знали это, понимали, а потому благодарны были друг другу за эту улыбку.

– До завтра? – наконец, прервал молчание он.

– Да! – отозвалась она и скрылась в подъезде, стремительно взлетев на свой этаж.

«До завтра» – гулко стучало в ее сознании. И почему люди непременно заканчивают это «сегодня», чтобы потом ожидать эфемерного «завтра», где все можно будет повторить, продолжить, начать сначала или потерять. А между «сегодня» и «завтра» непременно будет разлучница-ночь. Кто ее придумал? Зачем она нужна? Тоже очень короткий, но испытательный срок? Он испытывает на прочность, истязает, не дает заснуть. Впрочем, спать не хотелось вовсе. А если для кого-то это «завтра» не наступит? Но вот еще одна бессонная ночь позади, и наступает утро.

«До завтра», – радостно стучало в ее сердце, звонко отдаваясь в висках, билось в потревоженном сознании. «До завтра», – эхом отражалось от вчерашнего дня, от стен, окон домов, отголосков памяти. Какое это точное время и место для встречи – «До завтра»... Сейчас она не сомневалась, что стоит только выйти на улицу, шагнуть в город, и этот большой человек ее снова найдет. Куда бы она ни пошла, где бы ни остановилась, заходила бы в вагоны метро или ехала в автобусах, он легко ее разыщет, и они на какое-то время снова будут вместе... Пока не забрезжит вдали новое «завтра». А наступит ли оно для них?... Не важно! Главное, что есть это сегодня, сейчас! Оно сверкает, отражаясь яркими лучами солнца от утренней мостовой, летит по небу крошечны-

ми облачками, отдается шагами прохожих и торопит их увидеться вновь. А потому она, словно с завязанными глазами, неслась безоглядно вперед, ожидая, когда же он окликнет ее, позовет, появится в немыслимом наряде и закроет своей огромной фигурой всю улицу, весь город, и даже солнце спрячется за его спиной. А она снова будет стоять и улыбаться, и хохотать, не в силах сдержать себя, разглядывая этого удивительного человека, каких сегодня не бывает и быть не может. А существует ли он?... Да! И сейчас она шла на встречу с ним...

Лея совсем не удивилась, только приятная дрожь пробежала по телу, когда за ее спиной притормозила машина, послышался звук открывающейся двери, и сильные руки увлекли ее за собой. Она упала на заднее сиденье, дверь закрылась, и они быстро помчались по улицам города. А на нее с переднего сидения смотрело улыбающееся лицо... Артурчика! А за локоть ее крепко держал человек, похожий на одного из его охранников.

– Здравствуй, детка! Думала, больше не увидимся? – услышала она его голос. – Не смотри ей в глаза! – бросил он охраннику. – Ты понял меня, ей нельзя смотреть в глаза. Красавчик сказал, что она ведьма!

– Откуда вы здесь? Вы сбежали из тюрьмы? – очнулась она.

– Глупая! Кто же меня посадит! Сажают таких как ты, еще всяких негодяев, а таких как я отпускают... под залог! – и он

дикого захохотал. Мужчина, державший ее за руку, поднес к ее лицу платок, пропитанный какой-то жидкостью, и она провалилась в пустоту. Больше не помнила ничего. Нет, помнила! Помнила, как бежит по зеленому полю совершенно голая, и только короткая повязка на бедрах, она смеется, оборачивается, а ее нагоняет огромный человек. Он тоже в одежде дикаря – почти безо всего, в руках нет копья, он хохочет, потом в прыжке настигает, и они кубарем сваливаются на высокую зеленую траву, сминая ее своими телами. А дикарь этот, или не дикарь, а человек, невероятно похож на Ильюшеньку... Нет! На Илью! Тот смотрит на нее, его глаза всего в каких-то сантиметрах от ее лица, и улыбается... Нет, не Илья!.. Это лицо Артура, искаженное злорадной гримасой!

– Очнулась, красотка!?! Очнулась! Очень хорошо. Ты же хотела сниматься в моем фильме!?! Так что же? Бегай тут за тобой по всему городу, уговаривай! Предложение остается в силе! Декорации готовы! Приступим!

Она постепенно приходит в себя, с трудом фокусируя взгляд, осматривается по сторонам. Болит все тело, оно словно парализовано. Трудно пошевелить даже пальцами. Ужасная тяжесть в голове. Ее притащили в знакомый павильон, где щерились яркие прожектора и камеры, и бросили на знакомую кровать. Это и была та сцена, где должно будет произойти основное действие. В комнате кроме Артурчика никого, он выставляет свет, направляя прожектора, а на ее запястьях маленькие блестящие наручники, которые тонень-

кой прочной цепью прикованы к изголовью кровати. Эта цепочка блестящей змейкой извивается по белоснежной простыне, давая ей метра два свободы. Свободы – равной двум метрам! С ужасом замечает, что на ней странная одежда. Она чувствует ее прикосновение, от чего становится тошно – уж лучше совсем безо всего. Есть такая одежда, которая не одевает, а раздевает, снимает кожу, выворачивает наизнанку, превращая в существо, идущее на пытку, а инструменты пыточной на столике неподалеку. Все стерильно, все сияет белизной и ярким светом операционной, все готово к началу съемок удивительного кино. Артурчик замечает ее взгляд.

– Понравилась работа моего костюмера? Тебе это очень к лицу... И к другим частям тела! – он смеется.

– Сейчас придет мой ассистент и начнем!

Через мгновение дверь открывается и появляется Казанова. Он серьезен. Спокойно проходит по комнате, садится поодаль, глядя на нее. Оценивает ее наряд. Нет, смотрит ей прямо в глаза, ничего не боясь. Сейчас он не боится ее взгляда, зная, что она в западне и никуда не денется.

– Сценарий прочитай! – бросает он Артурчику.

– Сценарий? – переспрашивает тот.

– Да, сценарий! – повторяет Казанова.

– Смеешься? Зачем тебе сценарий? Сегодня, вопреки правилам, мы будем снимать с последнего эпизода. Начнем с главного! С кульминации!

– Не понял? – переспрашивает Казанова.

– Приготовил тебе сюрприз! А сценарий финала прост – например, можно воспользоваться этим изящным инструментом, – и он берет в руки длинный скальпель, – если уметь с ним правильно обращаться, можно доставить массу удовольствия главной героине, помочь, так сказать, вжиться в роль. Этот крошечный прибор, как удивительная кисть, которая способна оставить чудесный рисунок на нежном теле. Несколько мазков, штрихов, и на ее спине или груди расцветет божественный цветок – роза или тюльпан, лилия. Может быть, – хризантема. Ты какие любишь?

Казанова молчит. Лея в ужасе понимает, что у нее нет сил бороться. Она в полубморочном состоянии, она на цепи. Артурчик тем временем продолжает:

– К сожалению, краска будет только одного тона – красного. И почему кровь не бывает разных цветов? Например, голубой! Голубая кровь – это восхитительно! Представь – из вены на руке вытекает синяя кровь, потом она ручейками устремляется, попадая на живот, откуда из крошечных надрезов уже бьют фонтаны черной крови, а из груди каплями вытекает желтая... нет белая. Да, именно! Белая! Символ женщины и материнства! Ноги покрыты зелеными узорами, все это перемешивается, переплетается в божественном рисунке, подчеркивая красоту и гармонию женского тела. А из сердца хлещет та самая кровь, красная, или алая, которая будет подводить последнюю черту нашей композиции. Сюрреализм! Сальвадор Дали нервно разбивает свою палитру. У

него никогда не было таких красок. И ничего подобного он написать не мог. А я могу. МОГУ!!!.. А вот еще!

Лея пытается пошевелить рукой. Наконец ей удается прикрыться от глаз этих двоих, и она обнимает себя за плечи. Артурчик кладет скальпель и берет в руки длинные острые щипцы или ножницы... Что-то говорит. Она его уже не слушает, и Казанова тоже. Он чем-то озадачен. Лея отводит взгляд от этих двоих и смотрит вдаль, сквозь стол с инструментами, сквозь людей, сквозь стены. Понимает, что ей не вырваться отсюда. Это конец! Вдруг в голове мелькнуло:

– Испытательный срок! Если сейчас он закончится, значит – это ее судьба.

В это мгновение она отчетливо ощущала на себе взгляд сверху, который преследовал ее не один день. Все последнее время. Целую вечность этот взгляд словно вел ее за руку, помогал, не давая оступиться, следил за ней. А теперь на нее снова смотрят, но помочь не могут... Или не хотят? Она находится здесь, и эти люди рядом, надеяться не на кого, а еще эта цепочка. Свобода длиной в 2 метра и одно из орудий пыток, а дальше конец... Что же, не по своей вине она оказалась здесь! – и Лея перевела взгляд в открытое окно, где ярко светило солнце. – Нет ее вины в том, что она снова попала сюда, а раньше помогала подруге. Помогала? Это и есть кара за ее поступок? Помогала? Теперь все понятно! Значит, так тому и быть! Если справедливость такова, избавления нет. Это ее судьба – за нее уже все решили!

Вдруг посмотрела на Казанову, почувствовав, как тот, сверля взглядом, читал ее мысли. Он с восхищением смотрел на эту женщину, на совсем еще молодую девушку, одетую в безобразный, откровенный наряд, и о чем-то думал. О чем – она не знала.

– ...а можно и просто придушить! – закончил речь Артурчик и снова засмеялся. – Начнем? – и в его глазах зажглись дьявольские огоньки.

– Мы так не договаривались, – вдруг спокойно произнес Казанова.

– Что? Не понял!?

– Мы говорили о съемках фильма, но никак о его финале.

– Какая разница? – не понял Артурчик, – начнем с конца! А потом попросим девушку сняться в начале... если, конечно, она не очень устанет! Ты же говорил, что она ведьма. А ведьмы бессмертны, значит, материала хватит не на один фильм! – и засмеялся от собственной шутки. Казанова тоже засмеялся.

– Конца не будет, – вдруг спокойно возразил он.

– Не понял? – удивился Артурчик.

– Не люблю насилие. Убого это, дружище, посягать на женскую красоту да еще так по-варварски. Женщина должна сама отдавать себя в порыве страсти. В этом и есть красота и смысл. А вытягивать кишки и наматывать их на руку – это убожество. А ты говоришь – Сальвадор Дали. Его сейчас стошнит от твоей затеи. Когда мы с ним в последний раз го-

ворили о женской красоте...

– Ты знал Сальвадора Дали? Не придумывай, Казанова...
Давай-ка начнем работать.

– Нет.

– Что нет?

– Сейчас ты ее освободишь, а там будет видно.

– Сейчас я ее придушу и дело с концом. Она меня в Бутырку закатала на пару с ее дружкой. Ты забыл, во что мне обошлось выйти оттуда? Кстати, ты обещал познакомить меня с этим «французом». Не забудь, – и направился к кровати, где сидела Лея. Вдруг, широко расправив руки, со всего маха грохнулся на пол от подножки, которую ему поставил Казанова. Удивленно озираясь, повернул голову и попытался встать. Но Казанова пристально на него уставился и Артурчик захрипел:

– Ты что?... Ты что делаешь?

Он держался рукой за горло, словно его душили. Он распластался на спине, как большой неповоротливый жук и не мог перевернуться, не мог встать, только нелепо шевелил лапами и клешнями, то есть, конечностями. Казанова, тем временем, не обращая внимания на Артурчика, взял со столика ключ от наручников и бросил Лее. Та, в миг расстегнув блестящий браслет, вернула их Казанове. Он защелкнул их на запястьях у Артурчика, коротко ей сказав:

– Одевайся!

К этому времени она уже успела прийти в себя, быстро

нашла глазами свою одежду, висевшую у окна на стуле, и бросилась к ней. Яростно сорвала с себя, соскоблила все это уродство, оказавшись совершенно голой. Сделав это, глубоко вздохнула и замерла. Сейчас она не осознавала, что стоит без одежды, и Казанова удивленно на нее уставился. Потом уже внимательно, с любопытством пристально смотрел, не в силах отвернуться. По лицу его пробежала дрожь. Его перекосило, он мучительно созерцал и не мог отвести глаз. Сейчас он был словно на привязи, на коротенькой цепочке, которая сковывала его свободу. Все происходило лишь одно короткое мгновение. Лея зачем-то бросила взгляд в открытое окно, часто дышала, словно очищаясь от этой одежды, от безобразной сцены, которую только что пережила. Глядела туда, подняв глаза, разыскала солнце, которое заиграло по ее обнаженной фигуре. Это солнце освещало ее так, что казалось – все прожектора померкли, и только божественный контур неземной красоты женщины ослепительными золотыми искрами обрамлял ее фигуру. Казанова потрясенный, не шелохнулся, Артурчик притих и тоже краем глаза наблюдал за ней. Очнувшись, она схватила со стула одежду и стремительно начала одеваться, не обращая внимания на этих двоих, словно их здесь и не было. Для нее сейчас нагота была настолько естественна, как для младенца, который не так давно явился на свет, но еще не научился прятаться и стыдиться, или как для дикарки доисторического племени, которая став взрослой, удивительно красивой, так и не научи-

лась или просто не захотела скрывать себя от глаз других. Ведь если есть красота – зачем ее скрывать? Для одних женщин есть дар – раздеваться, для других – одеваться. Что же – каждому свое. Наконец посмотрела на Казанову.

– Пошли! – пришел он в себя.

– Пошли, – просто ответила она ему.

– Я тебя найду, ведьма! Тебя и твоего дружка-придурка... И с тобой, красавчик, повидаемся. Мало не покажется! – прошипел Аотур.

– Заткнись и тихо сиди. Через 10 минут можешь звать своих братков. Ты меня понял?... Я не слышу, ты понял меня или нет? – и Казанова снова уставился на него, от чего тот прилип спиной к полу.

– Слышу, слышу, – с трудом прошипел он.

– Вот и хорошо! – и уверенно пнул ногой дверь, увлекая Лею за собой. Люди в зале и дальше на этажах, которые попадались навстречу, вежливо, с уважением кивали ему головой, тот махал в ответ рукой, ведя девушку прочь из этого дома. Наконец, они оказались в его машине, а через мгновение, преодолев открывшиеся ворота, вырвались на трассу. Только здесь Лея, широко открыв глаза, поняла, как ей было страшно. Страшно, противно и больно от того, что пришлось пережить. Казанова молча достал фляжку, протянул ей, и она лихорадочно сделала большой глоток виски. Кошмар был позади...

– Послушай, кто ты такая!? – они сидели за столиком в кафе, и Казанова гневно говорил, глядя ей прямо в лицо. – И откуда ты свалилась на наши головы!?

Она посмотрела на него и ответила: – Ведьма! Кажется, так вы представили меня вашим друзьям.

– Издеваешься? Какая ты ведьма? Ты видела хотя бы одну из них? Ты можешь себе представить, какие они, как живут, развлекаются, что вытворяют в постели... Ведьма! – усмехнулся он. – Ты не ведьма,... но ты чертовски красива!.. Нет, ты уродина! У тебя тощие ноги, рыжие волосы, одеваешься ты невесть как, а грудь... В век высоких технологий! Неужели нельзя заплатить немного денег и сделать себе шикарный... А нос. Да ты просто уродина!.. Но, ты дьявольски красива... Бред какой-то... Послушай, чего ты от меня хочешь?

– Я? – она молча смотрела на него и улыбалась, а он с трудом робко заглядывал в ее большие глаза, уже тонул в них, не выдерживая этого взгляда.

– Чего ты ко мне привязалась?

– Зачем вы мне помогли? – вдруг спросила она.

– Не хватало еще повесить на себя убийство! Не моя тема. Тут залог не возьмут – у нас такие номера не проходят, – отмахнулся он. – Скажи,... а я тебе совсем не нравлюсь?... Ну, как мужчина?

Она продолжила на него молча смотреть.

– Знаешь – это наглость. Меня любили более 2 тысяч женщин. А тут какая-то...

– А вы? – внезапно спросила она.

– Что я? – не понял он.

– Вы их любили?

– Я?... Конечно! А как же! Еще как любил! Все силы отдавал!

– Две тысячи женщин, и вы всех любили, – задумчиво произнесла Лея, – две тысячи! Но это значит – ни одной.

– Что ты имеешь в виду?

– Очень просто. Нельзя любить столько женщин. Любовь одна – а вы разделили ее на 2 тысячи частей.

– Бред какой-то. Не понимаю... Не важно! Послушай!.. Будь со мной!

– Нет! – улыбнулась она.

– Почему?

– Потому!.. Кажется я люблю другого, – просто ответила она и снова улыбнулась, глядя куда-то вдаль.

– Другого?... Как такое возможно? Может быть, Ильюшеньку – этого дегенерата с лицом интеллигента?

– Зачем вам это знать?

– Я прав?... Ты извращенка или сумасшедшая? Как можно любить этого... и не любить меня?

Он схватил ее за руку и горячо заговорил:

– Знаешь. Знаешь, рыжая бестия! Ты воистину ведьма! Ты единственная, кто меня отвергла. Нагло, откровенно отвергла! Меня!.. Когда я тебя впервые увидел на том мосту, со мной что-то произошло. Как тебе объяснить? Много лет

назад меня бросили в это немощное тельце и заставили в нем жить. Лишили самого главного. А потом появилась ты! За последние полтора столетия ты первая, кого я по-настоящему... хочу. Ты вернешь меня к жизни! Я снова стану мужчиной! Молодым, красивым! Я потрясающий любовник. Ты даже не представляешь, как будешь счастлива! А мне ты дашь неведомую силу. Это какое-то провидение!.. Что?

– Нет.

– Нет?... Мне говорят нет!?! Проклятие! Мне влюбиться в какую-то... Такое со мной впервые! А может, от меня и хотят, чтобы я нашел такую, как ты, и переспал с ней? Ведь не зря же я тебя так хочу.

– А может, от вас хотят, чтобы вы наконец полюбили?

– А я о чем говорю?

– Вы путаете понятия.

– Какие?

– Полюбить и переспать. Это не одно и то же.

– Чушь какая-то, что ты несешь? Не понимаю... А может...

Тут он внезапно оторвался от стула и подлетел на полметра вверх, потом вернулся на свой стул, который под ним с грохотом развалился, и оказался на полу. Рядом стоял Ильюшенька. Нет! Рядом стоял Илья! Он, как скала, нависал над ним и тяжело дышал. Наконец гневно произнес:

– Ты что с ней сделал, извращенец?

– Забыл правила приличий? – из под стола заверещал Ка-

занова, – с ума сошел? Я на полвека старше тебя, сопляк! Если что-то не нравится – вызывай на дуэль! К барьеру, мерзавец! Через платок! В пяти шагах! К барьеру!

С этими словами Казанова попытался встать, но получив кулаком по голове, снова рухнул оземь. Илья поднял его и, как мешок, усадил на стуле рядом. Официант подбежал но, взглянув на раскрасневшегося Илью, робко перевел взгляд на Лею.

– Все хорошо, – ответила она. Ильюшенька бросил на стол купюру, тот взял ее, забрал сломанный стул и ретировался.

– Что этот негодяй с вами сделал? – в запале повторил свой вопрос Илья. – Что они от вас хотели?

– Ничего! – воскликнула Лея, встала и наклонилась к Казанове. Тот сидел, а голова его свисала, безвольно наклоненная к плечу. Он не приходил в себя.

– Ничего страшного! Все хорошо! – повторила она.

– Действительно, все хорошо?

– Да! Да, Илья! Все хорошо!.. Вы его убили!??

– Это невозможно! Два раза не умирают. Просто валяет дурака, – и он прыснул ему в лицо воды, вынув из вазы цветы, стоящие на столике. Казанова дернул головой, открыл глаза и уставился на Лею. Он быстро приходил в себя.

– А все-таки ты ведьма! Во всяком случае, быстро учишься. Далек пойдешь... Ладно, господа, гуляйте, наслаждайтесь, так сказать, жизнью, не буду вам мешать. А над моим предложением ты все-таки подумай. Хорошо?... Да?... Хо-

рошо?...

– Нет, – тихо произнесла она и улыбнулась. Илья хотел было продолжить расправу, но тот быстро ретировался.

– С вами все в порядке?

– Да.

– Я не успел...

– Все хорошо.

– Что они с вами сделали? – в третий раз задал он свой вопрос.

– Ничего... Показали сценарий.

– И что?

– Он мне не понравился.

– И все?

– Да.

Потом они долго сидели и молчали. Илья был взволнован и с тревогой за ней наблюдал. Она с трудом скрывала свое настроение. Не хотелось вспоминать сегодняшнее утро – Илья не должен знать ничего, ему это ни к чему. Вдруг спросила:

– А почему вы не вызвали его на дуэль?

– Не знаю... Становлюсь современным человеком.

– Зачем?

– Время заразительно. Оно меняет людей.

– Есть такие люди, которые меняют время, и оно им подвластно.

– Конечно, вы правы. Есть, конечно же, есть. Во всяком

случае, должны быть.

– У каждого времени есть свои герои.

– Вы знаете сегодня их имена?

Она промолчала.

– Это закон толпы, закон стада. Здесь действуют иные правила. Посмотрите на этих, едущих в своих машинах. Еще несколько минут назад некто пропускал женщину, придерживая ей дверь в подъезде, в магазине, в метро, а теперь, оказавшись на дороге, ее же и подрезает. За сантиметры свободного пути готов убить. Он стал другим человеком. И не большинство устанавливает эти правила. К сожалению, лидерами этой гонки становятся ничтожества и быдло. А причина одна – жадность. Еще недавно в вашем обществе люди были никем... то есть были равны. А потом все изменилось. Пришлось научиться работать локтями, пробивать себе дорогу. Кто в этом преуспел, тот и показывает сегодня пример.

– Жадность? – переспросила Лея, – древняя восточная мудрость – «жадность от бедности».

– Конечно! А вы как думали – посмотрите на ваших богачеев – за десять-двадцать лет сколотивших гигантские состояния. Смогли они забыть о бедности? Нет! Она в их крови на всю жизнь.

– Так, что же делать – распускать кулаки или вызывать на дуэль?

– Есть два пути – уподобляться толпе или восстать. Третьего не дано.

– Что выбираете вы?

– Я не герой... Хотя... Простите, вы совершенно правы, я был бестактен.

– Но, отойдя в сторонку, и зная, что я вас не вижу, что бы вы сделали с Казановой?

– Сказать правду?

– Да.

– Еще вчера вызвал бы на дуэль.

– А сегодня?

– Я хотел вам кое-что рассказать. Я долго думал о нашем вчерашнем разговоре...

Продолжить ему не дали. К их столику быстро направлялся какой-то человек. Это был Фимка. Он подскочил, энергично схватил Илью за руку и затряс ее.

– Ильюшенька! – радостно воскликнул он. – Поздравляю! Ты дал по морде! Казанове! – и снова в восхищении пожал ему руку.

Илья покраснел, а Лея рассмеялась:

– Если ты не оставишь его в покое, тоже самое он сделает с тобой!

– Нет, ну вы только посмотрите, – продолжал Фимка. – Встал с дивана! Поднял свое ленивое тело... тельце... И дал по морде. И кто? Наш Ильюшенька! Сто лет сидел на одном месте, а тут...

Илья в гневе вскочил, а Фимка, рассмеявшись на весь зал и махнув на прощанье рукой, помчался к выходу.

– В морду! Ну, ты посмотри! Ну, каков! Фрейзер! Чисто, Фрейзер – иначе и не назовешь! В морду! – слышалось издалека. А Лея продолжала смеяться, но, заметив его взгляд, серьезно посмотрела ему в глаза и тихо произнесла:

– Вы что-то хотели сказать?... Я слушаю...

Какое-то время он приходил в себя, собираясь с мыслями. Было видно, что этот разговор имел для него большое значение. Потом произнес:

– Да, хотел. Я хотел вам сказать. Все дело в том, что...

Но тут прямо перед ними появилась фигура Филлипка. Лея не видела его с того самого дня, как Казанова привез ее в тот странный особняк, но сразу же его узнала. Филлипок схватил Ильюшеньку за руку, горячо пожал и произнес:

– Дал в морду! Молодец! Мужчина! Мужик! Добро пожаловать в клуб под названием – 21 век! – и посмотрев на Лею, неожиданно произнес:

– Остров купи.

– Остров?... Какой остров?... Ах, остров? – вспомнила она, – ваше пари. Да-да, я понимаю.

– Да, остров! Ну что, купишь?

– Я подумаю? – улыбнулась она.

– Я не шучу!

– Рублей двести у меня найдется! Хватит?

– Деньги, не твоя забота! Решим вопрос. Ну, что?

– Нет!

– Нет! – в сердцах повторил Илья. Он вскочил со стула и

уже готов был растерзать Филлипка. Но, посмотрев на Лею, сдержался.

– Никогда не принимай скоропалительных решений. Ну что, купишь?

– Нет!

– А нужно было ответить – я подумаю.

– Хорошо, я подумаю, – согласилась она, поглядывая на Илью, понимая, что надолго того не хватит.

– Вот и хорошо. Вот это правильно. Переговоры переносятся. Покедова! – Потом снова повернулся к Илье, произнеся:

– Дал в морду! Вот это да! Кличко!!! Натурально, Кличко!!! Все! Давайте, ребята!.. В морду! – и исчез в дверях кафе. Илья опять долго приходил в себя. Он молчал, о чем-то думая. Лея его не торопила, ни о чем не спрашивала. Наконец произнесла:

– Такое впечатление, что это не город, где живут 20 миллионов, а деревушка с одной улицей, одним кафе, куда ходят одни и те же люди... Вы хотели мне о чем-то рассказать?

– Да уж. Не удивлюсь, если сейчас здесь появятся...

Над его головой послышалось резкое восклицание:

– Докатился! Допрыгался, ваше сиятельство! Потомственный дворянин в седьмом колене. Представитель древнего княжеского рода! Наследник многомиллионного состояния. Владелец пятнадцати тысяч душ, домов, заводов! А морды бьет, как подзаборный мужик! Папа был бы в востор-

ге, увидев тебя таким!.. Сидеть!

Ильюшенька хотел было встать, но Королева так на него зашипела, что он замер на месте. Хорошо, что в кафе никого не было, кроме официантов. Но эти были не в счет...

– И все из-за какой-то девки!

– И вам доброе утро, Изольда Карловна! – вежливо поздоровалась Лея, – сегодня замечательно выглядите! – весело добавила она. Королева возмущенно на нее уставилась, но при Ильюшеньке отвечать ничего не стала, сдержав себя.

– Казанова чем тебе не угодил? Изящный, воспитанный, высокообразованный господин. А какой мужчина! А ты? Не понимаешь, как смешон!?! Посмотри на себя. Во что ты одет? Как ты выглядишь? Опустился! Шляешься по подворотням, бросаешься на людей, попадаешь под машины. Дошел до того, что как простолоудин, едешь в метро... Ты ничтожество! Забыл, каким был со мной? Сколько лет я пыталась сделать из тебя настоящего мужика. Плюешь на себя, вспомни отца! Уважаемого человека! Настоящего дворянина! Видел бы он тебя сейчас... Мухаммед Али! – и она зло посмотрела на Лею, собираясь уйти.

– А тебя я предупреждала, дрянь. Допрыгаешься. Доиграешься! Свое получишь!

– И вам хорошего дня, Изольда Карловна! – вежливо попрощалась Лея. Королева ушла, а она внимательно смотрела на Ильюшеньку. Все это время он сидел и молчал, уставившись в стол. Он даже не пытался возразить женщине, к

которой не имел отношения уже целую сотню лет. И сейчас продолжал молчать. Потом пробормотал:

– Кто следующий? – и оглядел пустое кафе.

– Пожалуй, сегодня вас провожаю я, – прошептала Лея.

– Я хотел...

– Не стоит. В другой раз. Давайте не сегодня, – перебила она его и встала. Сейчас ей не хотелось слушать его, а он больше и не пытался ничего сказать.

– Пожалуй, еще не одно столетие вам понадобится для того, чтобы... стать свободным.

Больше не проронила ни слова. Так они молча добрались до старинного особняка, где он проводил свою ничемную жизнь рядом со странными людьми, и они попрощались. Расставшись, оба с облегчением вздохнули. Сказать друг другу было нечего. Она напоследок посмотрела ему вслед. Но Ильюшенька, не оборачиваясь, скрылся за широкой дверью.

Уже хотела уйти, но еще одно событие привлекло ее внимание. Когда они появились на этой улице, дверь подъезда была открыта, а мадам-консьерж в старинной одежде подметала коврик, лежащий у порога. Она пропустила расстроенного Ильюшеньку, поздоровалась, и дверь за ней закрылась. В это мгновение на улице появился знакомый автомобиль. Лея уже видела эту машину сегодня утром, она ехала в ней, одурманенная и беспомощная. Снова за ней? – мелькнуло у нее в голове. Из машины выскочили двое – Артурчик и его

охранник. Они уверенно поднялись по ступенькам особняка и открыли дверь, скрывшись в глубине подъезда.

– Нет, не за ней! За Ильей! – поняла она. – Артурчик хотел отомстить ему тоже! Значит, Казанова сообщил ему адрес. Лея не знала, что и думать. Она даже не знала – находится ли Ильюшенька в опасности. «Два раза умереть невозможно». В любом случае, теперь попасть в ту странную квартиру на втором этаже этим двоим ничего не стоило. И почему на входе посадили ветхую старушку? Даже в таком месте непорядок. Больше она не успела ни о чем подумать. Дверь широко раскрылась, оттуда пулей вылетел огромный охранник, а следом за ним Артурчик. Эти двое, перемахнув через ступеньки высокого крыльца, плюхнулись на мостовую. В промежутке снова появилась хрупкая фигура женщины-консьержа. Она посмотрела на них, поняла, что второй попытки проникновения на ее территорию не будет, снова подмела коврик и закрыла за собой дверь. А эти двое с трудом поднялись с земли, медленно обошли особняк, задирая головы, но ничего не обнаружив, сели в машину и уехали...

Господи, как они ей надоели! – думала она, возвращаясь домой. И все от нее чего-то хотят. Больше она не могла видеть этих людей-нелюдей. Казанову со своей любовью, Королеву, распираемую злобой, даже Фимку, у которого торчал большой палец из ботинка. (Уж лучше бы вовсе снял обувь и ходил босиком.) Особенно ее бесил этот большой несурраз-

ный человек, который из-за женщины, угробив свою жизнь, растоптал самого себя, сто лет просидел на диване, сегодня с кулаками набросился на Казанову, а теперь снова безвольно молчаливо терпел все ту же женщину, не в силах постоять за себя. Неужели хамство непобедимо? Неужели он не сможет ничего сделать, найти что-то настоящее, стоящее, и вечно будет преклоняться перед убожеством жизни этой. Но почему человек не может быть самим собой, не может или не хочет найти себя, сделать то, что он должен, что хочет? ХОЧЕТ!!! Нет! Пожалуй, этот не хочет ничего. Скоро он станет таким же, как все эти люди вокруг. Уж лучше пусть остается на своем диване. И теперь она пыталась забыть о сегодняшнем дне и об этих людях.

«Ты сделал сегодня то, что ХОТЕЛ?» – светилось на экране монитора. – «А ХОТЕЛ ли ты сегодня чего-нибудь настоящего, стоящего? Если да, – что заслуживало того, чтобы быть НАСТОЯЩИМ?»

Тысячи людей снова появлялись на ее страничке, давно ожидая ее. Тысячи писем летели друг за дружкой.

Стоящее... Настоящее... Хотел... Хотел... Хотел... А чего хотела она? И от этой мысли становилось дурно. Так просидела перед компьютером очень долго. Ночью позвонила Оксана.

– Привет подруга. Не поздно?

– Нет. Наоборот! – обрадовалась Лея. Как давно она не слышала ее голос и не разговаривала с нормальными

людьми. Артурчик был не в счет. А подруга тем временем продолжала. Ей не терпелось поделиться новостями.

– Во-первых, я нашла мужика. Классного, богатого и даже молодого. Ему нет и пятидесяти. Я снова в том районе! – жизнерадостно вещал ее голос.

– Поздравляю! – только и успела ответить Лея.

– Во-вторых, как ты понимаешь, мне больше не придется торговать этими ужасными шляпами и панамками. Мой герой не потерпит этого, и магазин я продаю!

– Поздравляю! – повторила Лея.

– В-третьих... Ах, да! Чуть не забыла! Вчера звонил Артурчик. Он ищет тебя. А еще, ему нужен какой-то француз. Твой телефон я ему не дала – если нужно – найдешь его сама. Хотя, он не лучшая компания. А что за француз, подруга? Ты связалась с французом? Дорогая, времена иностранцев прошли. Сейчас у них кризис, они обмельчали, едут за деньгами к нам. Так что подумай! Ты меня слышишь? Гони всех французиков к...

И добавила пару крепких словечек.

– Да! Измельчали. Ты права. Но, это было – в-четвертых – а что в-третьих? – спросила Лея.

– В третьих? А я и забыла, что было в-третьих... Ах, да! Реклама мне больше не нужна. Ну, сама понимаешь! Магазина больше не будет.

– Тебе вернуть деньги? – спросила она, с ужасом вспомнив, что почти все истратила.

– Какая ерунда, не бери в голову, забудь про эти копейки... О! Пришел! Ну, давай, не пропадай, подруга. Пока, пока, пока... Пойду ублажать своего мачо! Привет, дорогая! – и Оксана повесила трубку.

Вот и поговорила с нормальным человеком. А еще поняла, что снова оказалась без средств, вспомнив о деньгах. Через пару недель нужно платить за квартиру, на что-то жить, как-то жить... Удивительное чувство свободы! – подумала она, вынимая из сумочки остатки денег. Там лежали несколько тысяч и какая-то мелочь. Существование! Жить или существовать? Если ты не можешь придумать себе жизнь, остается только существовать! А кто живет? Казанова? Ильюшенька? Королева? Может быть, Артурчик? Или Оксана? Оксана теперь «живет» с мачо. Это единственное, что она знала точно. Больше ни про себя, ни про остальных не знала ничего... Нет, знала!!! Дикарь! Его подруга! Эти двое жили! Правда, миллионы лет назад – какой ужас!.. Тогда, что же делать?!!!

17

Утром раздался телефонный звонок. С удивлением обнаружив на экране незнакомый номер, она не хотела подходить. Но все же ответила.

– Здравствуй, милая девочка! – вещал жизнерадостный голос. – Здравствуй, дорогая!

Сначала она не поняла, кто звонит.

– Не узнала? Богатым буду! – засмеялись в ответ.

– Фимка?

– Он самый!

Лея хотела сказать, чтобы ее оставили в покое, но не успела. Фимка жизнерадостно продолжал:

– Общий сбор! Попрошу на выход.

– Какой сбор? – не поняла она.

– Общий. А, поскольку ты приписана к нашей палате, сообщая о мероприятиях на сегодняшний день.

– Фимка...

– И не вздумай возражать. В конце концов, хотя бы иногда нужно участвовать в общественной жизни коллектива. А коллеги давно заждались!

– Что я должна сделать?

– Вот! Правильный вопрос. Выходи – все объясню по дороге!

Она быстро собралась и спустилась на улицу. – Как они ей надоели!

Видеть никого из этих призраков она больше не хотела и не могла. – А может, отпроситься? А может, послать подальше всю эту компанию и Фимку в том числе. Но, увидев его, засмеялась. Смотреть без улыбки на него было невозможно. Фимка стоял посреди двора, где в большой луже купались воробьи, почуявшие скорое лето, ноги его по щиколотку тонули в грязно-мутной воде и были босы, а брюки закатаны до

колен. Фимка с диким восторгом смотрел на весенних птиц и брызгался во все стороны, и топал, и плюхался, а воробьи, совсем не боясь, продолжали свое купанье. Сейчас он напоминал одну из этих птиц. И казалось, будь эта лужа размером больше, забрался бы в нее целиком.

– Так лучше? – спросил он, показывая свои ноги.

– Я не то имела ввиду. То есть, ... я не о том подумала, – робко начала она. Но уже громче добавила: – В конце концов, хватит меня подслушивать! Где твои ботинки? Быстро надевай, простудишься!

– Понимаешь, дорогая... Гера...

– Я уже слышала. Обидится твоя Гера.

– Вот! Слышала! Ну, я и подумал – есть компромиссный вариант. Отвернись!

Она отвернулась.

– Так устраивает?

Лея повернулась и увидела на его ногах два разных ботинка. Один – без дырки – подарок Геры, другой, шикарный лайковый – подарок ее.

– Годится? – спросил он.

– Ну что с тобой поделаешь? Годится! Так и быть!

– Тогда пойдем.

И они направились пешком в сторону центра.

– Откуда ты узнал номер моего телефона?

– Ну, знаешь...

– Хорошо, но почему не определился твой?

– Дорогая, у нас не проходной двор. Ежели каждый начнет названивать... Короче, номер этот не для простых смертных. Так понятно?

– Понятно. А что за общий сбор?

– Вот! У нас ЧП! Рассказываю!.. Как ты помнишь – мы играем. То есть, много времени проводим за картами. Любимое времяпровождение. И играем мы не на что-нибудь, а на интерес.

– Ну и?

– Обычно выигрывал Филлипок – этот шулер с огромным опытом и везением. Но вчера...

– Что?

– Что! Вчера невесть откуда вернулся Казанова. Совершенно измученный, огорченный, немножко побитый, и начал выигрывать. За всю ночь так ни разу не проиграл. Где он был – рассказывать не буду, кто его так взбесил и кто побил, тем более – все знаешь сама. А, как говорится, не везет в любви – повезет в картах. Короче, обыграл он всех! А дальше начинается самое интересное! Карточные долги полагаются отдавать! Сегодня и будет расплата по счетам! Цирк!

– В каком смысле?

– Играем-то мы не на деньги, на кой черт они нам нужны, а играем на желания. И чего только не приходится выполнять! А желания выказывает победитель. Казанова перед игрой поставил следующие условия. Оглашаю регламент мероприятий, – и Фимка перевел дух.

– Итак, Палыч. С этим все просто. Палыч, это человек, который за свою убогую бессмысленную жизнь не выпил ни единой рюмки. Видимо, беспокоился о здоровье, хотел долго прожить. Казанова и назначил ему проигрыш – бутылка.

– И Палыч выпил целую бутылку коньяка?

– Щдас! Побегу я для него за коньяком, чтобы он подавился. Купил ему шкалик водки в ночном магазине... Тот выпил рюмку и... Короче, оказался Палыч слабаком, как я и предполагал. Не боец! Огромный боров до сих пор мертвецки пьян. С этим покончено. Дальше... А дальше – Королева. Казанова оказался не простым парнем. Он поставил ей условие практически невыполнимое. Если она проиграет – должна попросить прощения.

– У кого?

– У кого угодно. Но сделать это нужно искренне, по-настоящему! Ну, ты понимаешь!

– А что тут сложного?

– Т-а-а-а-к! Ни черта ты не понимаешь? Что значит для человека, который никогда не делал этого, решиться на подобное? Для нее это высшая кара!

– Не понимаю.

– Дура. Впрочем, таким, как ты, понять это не дано... За дуру извини. И наконец, Филлипок. Человек, который не проигрывал до вчерашнего дня в своей жизни ни единого раза.

– Что же досталось Филлипку?

– Вот! Филлипку, который в своем матрасе держит миллиарды иноземных вражеских рублей, (годовой бюджет целой страны) и не желает с ними расставаться, досталось условие очень простое – пожертвовать некоторую сумму, несколько миллионов на благотворительность. То есть, подарить.

– Ну и что? У него миллиарды! И потратить ему их уже не удастся.

– Да, дорогая. Тебе и этого не понять. Для Филлипка, который за рубль готов удавиться, выполнить такое равносильно самоубийству! Ты знаешь, на что он всегда играет? Исключительно на деньги. Только, когда выигрывает, а выигрывает он всегда, – заставляет нас эти суммы забирать. Отдать или подарить не может, а отделяться от них как-то нужно! Таким вот способом и избавляется.

– Так вот откуда у вас деньги?

– Вот оттуда. Нам проще – мы швыряем их на ветер. А он... И сегодня впервые в жизни он должен не потратить, а пожертвовать! Несколько миллионов! Слово-то какое – пожертвовать! А наш Казанова оказался парень не промах – попал в яблочко! Вот так!

– Это все?

– Да!

– А ты, а... Ильюшенька?

– Ильюшенька пренебрегает нашей компанией и почти никогда не играет, а я...

Он хитро на нее посмотрел:

– А я уже свой фант отыграл.

– Как?

– Мне досталось легкое условие, – и он мгновение помолчал, – Привести тебя.

– Меня?

– Да.

– Это Казанова тебе такое поручил?

– Да, Казанова. А что с меня взять еще?

– Зачем?

– Кто его знает?... Соскучился, – засмеялся Фимка, – не знаю. Ты перебалаламутила весь наш маленький террариум. Теперь уже я ничего не понимаю.

– Фимка, ты же проиграл меня! Как ты мог? – и она остановилась.

– Милая, здесь нет ничего ужасного. Просто будешь зрителем, и все! А я буду рядом. Хорошо?

– Ну, хорошо. Конечно. Хорошо... А зачем вы играете? – вдруг спросила Лея. Фимка задумался.

– Что нам еще остается? В конце концов, все это только игра. Не наигрался в жизни, продолжаешь это делать там. А что еще?

– Нет, ничего... не знаю.

Показался знакомый особняк, и они умолкли. Двери подъезда открылись, и оттуда появились Казанова и Королева, а следом с двумя дипломатами шагал Филлипок. Королева о чем-то темпераментно говорила красавчику, но Лея ее

не слышала. Они подошли поближе и Фимка спросил:

– Готовы? Мы ничего не пропустили? А где Ильюшенька?

– Разлегся на диване твой Ильюшенька, – проворчал Филлипок. – Сказал, что его это не касается.

– Понятно, – улыбнулся Фимка, – старый ленивец занял излюбленное местечко. Еще на сотню лет.

– Привел свою ведьму? – воскликнула Королева, зло посмотрев на Лею. – А без зрителей нельзя обойтись?

– Это к нему! – воскликнул Фимка, – кивнув на Казанову, – я только сделал свое дело.

– Так! Еще раз! Чего вы от меня хотите? – перебила Королева, – куда мне идти, что делать?

– Вон, за углом небольшой сквер, – произнес Казанова, – туда и пойдем, всего несколько шагов Изольда Карловна! – вежливо добавил он и подмигнул Лее. И компания из четырех человек двинулась вслед за ним.

– А нельзя обойтись без этого дурацкого шоу! – воскликнула Королева. – Устроили цирк.

Она продолжала что-то темпераментно говорить, но Лея уже ее не слышала. Ее догнал Филлипок, отпихнул Фимку, пристроившись рядом:

– Ну как?

– Что?

– Как что? – возмутился он, – остров купи! Мы же договаривались! Забыла?

– Ах, остров...

– Не ах, а купи. Остров купи. Слышишь, что я тебе говорю. Ну купи остров.

– Зачем? – не выдержала она.

– Как зачем? Заработаешь. Я тебе помогу. Тебя все равно скоро из квартиры попросят! А так появятся деньги, будет свой остров.

– Тяжело? – спросила она, показывая на его ношу.

– А ты как думала? А знаешь, как тяжело они мне доставались?... Ну, купи. Слышишь, настырная, что тебе стоит? А я, наконец, освобожусь от этого хлама.

– Вот как вы заговорили? – удивилась она.

– Я всегда так говорил. Деньги по своей сути – ничто. Это фантики, эквивалент удовольствия и низменных желаний. Но для ничтожных людишек они главное, основное. И они абсолютно зависимы от них. Даже не понимают главного – «То, что действительно необходимо человеку, – стоит немного или не стоит ничего.»

– Знаю. Сенека сказал.

– Правильно! Но они совершенно слепы и этого не знают.

– Тогда зачем эти деньги вам?

– Законный вопрос! Когда получается у этих ничтожеств их отобрать – ты чувствуешь себя властелином мира. А деньги – всего лишь мусор, инструмент.

– И вы желаете этого мне?

– Не надоело зависеть от всех? Деньги – хлам! Дело не в них. Купишь остров – купишь свое будущее, уедешь и живи,

как дикарка! Как обезьяна. Питайся своими бананами.

– Я подумаю...

– Подумаю, – проворчал он, – думай, но не долго. Совесть имей! Поговорим еще...

– Изольда Карловна, это не честно. Карточные долги нужно отдавать, – услышали они голос Фимки. Компания остановилась у скамейки в сквере, Филлипок бережно поставил на нее дипломаты, а Королева уселась и теперь смотрела куда-то в сторону. И молчала.

– Карточные долги – святое! – воскликнул Филлипок. – Это закон. Если единожды его нарушить, все летит к чертям! Вся наша жизнь – игра, и у нее должны быть правила... и законы! А этот главный!

– Что вы хотите? – злобно спросила Королева.

– Всего лишь попросить прощения, извиниться и все, – вежливо отозвался Казанова.

– Перед кем? – уже почти кричала она.

– Да хоть перед ним! – воскликнул Фимка, показывая на приближающегося человека.

– За что???

– За то, ... что вы поставили ему подножку.

– А я...

Все бросились на скамейку напротив, оставив Королеву в одиночестве. Тем временем человек интеллигентного вида, читая на ходу газету, поравнялся с ней и внезапно растянулся на земле, сбитый с ног сильным ударом женского сапога.

Он лежал и с ужасом озирался по сторонам. Потом встал на четвереньки и посмотрел на нее.

– Что? Что это такое? Это вы?

– Королева покраснела, в первое мгновение на ее лице застыло выражение удовольствия, которое постепенно сменилось растерянностью. А остальные издали неотрывно за ней следили и ждали. По лицу Королевы побежала судорога. Рот искривился, глаза прищурились. Теперь она зло смотрела на мужчину, который успел встать, изумленно на нее взирая.

– Что это было? – снова спросил он. – Вы что делаете?

И тут она выдавила:

– Ну, ... извини...

Возглас получился какой-то писклявый, и был едва слышен.

Долгая пауза повисла в воздухе.

– Как извини? – не понял мужчина, – вы нарочно это сделали?

Она помолчала, потом зло прошипела:

– Тебе что сказано – извини, – и уже шепотом добавила: –

Катись отсюда.

– Но, я не понимаю? – изумленно произнес мужчина.

– Так, а ну пшел вон отсюда! – не выдержала Королева. –

Скотина!

В испуге оглянулась на остальных, взвизгнула и заорала уже на всю улицу:

– Я извинилась, придурок! Я только что извинилась! Все это видели. Тебе мало?... Ах, тебе мало? Да я...

– Сумасшедшая, – воскликнул мужчина и быстро засеменял прочь, прихрамывая на одну ногу.

– Фальстарт! – воскликнул хохоча Фимка, когда тот удался. – Незачет! Не считается.

– Как не считается? – в отчаянии воскликнула Королева. Потом беспомощно оглядела зрителей, но те были непреклонны.

– Не считается, Изольда Карловна, – подвел черту Казанова. – Давайте-ка повторим. Спокойно соберемся с мыслями, возьмем себя в руки и попробуем еще раз.

– Разик! Еще разик!!! – добавил Фимка. Он был в восторге.

– А ты молчи! – прикрикнула на него Королева. Она вскочила со скамейки и нервно зашагала по тротуару, заложив руки за спину. На нее было страшно смотреть. Какая-то женщина, проходя мимо, изумленно на нее взглянула. Королева развернулась и прошипела:

– Чего пялишься, уродина.

– Ничего-ничего, красавица! – ответила женщина, улыбнулась и пошла дальше. Королева густо покраснела, но промолчала.

– Нет, не могу. Не буду! – призналась она.

– Так нельзя, это не по правилам, – произнес Казанова.

Она снова начала выписывать круги по мостовой.

– Извиниться, – воскликнул Фимка, – это же так просто. Легче не бывает. Давайте, уважаемая. Отвесите кому-нибудь подзатыльник, а потом извинитесь, пожалейте его. Ему же больно. Будьте человеком!

– Заткнись!

– Молчу-молчу.

Она захотела подойти к какому-то прохожему, но остановилась, замерла, и тот прошел мимо, не удостоив ее вниманием.

– Давайте же. Смелее! – подбадривал Филлипок.

– Я не могу! – взвизгнула она. – Казанова – ты мерзкий тип! Это наглость! Ты о чем думал, когда такое условие мне ставил? Мне – кристально чистому человеку, который в своей жизни и мухи не обидел. И мне просить прощения?

Она растерянно села на скамейку и, тяжело дыша, затихла. Лицо ее было перекошено невероятными страданиями. Так она какое-то время сидела, пока к ней не подошел случайный прохожий:

– Бабушка, вам плохо, вам помочь?

– Мне?... Да! Да, мне очень плохо! Мне нужна помощь! – вцепилась она в него.

– Что я могу для вас сделать?

– Можно... я дам вам по морде? – мягко спросила она.

– Простите?

– Ну, пожалуйста. Всего один разок. Вы же сказали, что можете помочь – значит... получайте по морде. Один раз.

Нет – два! Два – лучше!

– Я не понимаю.

– Идиот, тебе и не надо ничего понимать. Сначала получишь, а потом я перед тобой извинюсь... Куда пошел, придурок? Я что сказала – извинюсь... Ах, скотина. Значит, не извинюсь, значит, просто так получай, – и кинулась на него с кулаками. Молодой мужчина, поняв, что имеет дело с сумасшедшей, бросился прочь. Фимка и Филлипок уже хохотали, не в силах остановиться, а Казанова спокойно, невозмутимо за ней наблюдал.

– Не принимается! – кричал Фимка. – Повторить! Не верю!!! Еще разок! Еще!

Королева уже завелась и теперь на полном серьезе начала бросаться на людей:

– Можно я тебе дам по морде? Не хочешь? А тебе? Или тебе? Немножко! Чуть-чуть! Я извинюсь. Правда извинюсь. А тебе, малохольный, надеть авоську на твою лысую башку. Нет? Почему? С ней ты будешь замечательно смотреться. А тебе, пацан? Эй, лахудра, иди-ка сюда, поправлю твою прическу. Зачем? Так будет намного лучше! Не поняла? Ты не поняла? Потому что дура. Иди, объясню!

Она уже рычала, а люди в ужасе шарахались в стороны. Бросилась на скамейку, хлопнув по ней обеими руками. От такого удара ей стало больно. Тогда она, заскочив на нее с ногами, острыми носками, каблуками начала нещадно ее колотить и топтать. И орать:

– Ну, извини!.. Извини... Дрянь такая... Я тебе покажу!
Извини!!!

– Репетиция! – вскричал Фимка, – Генеральный прогон!..
Не верю!!! Я не верю!!! – и снова захохотал.

От скамейки начали отскакивать щепки, люди, проходящие мимо, смотрели на нее с изумлением, но обезумевшая Королева их не замечала, продолжая крушить скамейку.

– Хватит уже! Сумасшедшие! Что вы творите! – и с этими словами Лея кинулась к Изольде Карловне. Та по инерции хотела ее оттолкнуть, растоптать, уничтожить, начала кричать еще громче, но Лея нашла в себе силы, стащила ее со скамейки и крепко прижала к себе, схватив за руки и не отпуская.

– Все хорошо. Слышите. Все в порядке. Они идиоты. Просто идиоты. Нужно успокоиться. Все будет хорошо.

Королева как-то обмякла и безвольно повисла на ее руках. Лея аккуратно усадила ее на скамейку и обняла.

– Что она вам сделала? – оглянулась она на мужчин, которые уже подошли и внимательно смотрели то на нее, то на Королеву. И вдруг Изольда Карловна расплакалась. Фимка стал серьезен и произнес:

– Не получается? А в жизни вашей, уважаемая, все получалось?...

– Это жестоко, Фимка, неужели ты не понимаешь? – воскликнула Лея.

– А с остальными не жестоко? А когда она тебе свое усло-

вие выставляла, у нее все получалось? Жестоко не было?

– Условие!?! – очнулась Королева, удивленно посмотрев на Лею, утирая слезы, словно увидела ее впервые. – Да-да условие, – пробормотала она, – ну, извини, детка. Это я так, не со зла...

Все замолчали и уставились на нее.

– Что вы сказали, Изольда Карловна? – после короткой паузы шепотом спросил Казанова. Мужчины стояли, с изумлением за ней наблюдая. Та уже пришла в себя и теперь зло на них глядела.

– Я не ослышался? – переспросил Фимка, – извини???

Детка???

– Засчитано! – торжественно объявил Филлипок! – Возражений нет?

– Нет! – подвел черту Казанова. – Возражений нет!

Королева со словами: – Хватит нежностей! – отстранила от себя Лею и посмотрела на остальных. – Ну, я покажу вам, засранцы. – и тихо спокойно добавила. – Ненавижу!.. Поиграем. Еще как поиграем! Уж будьте уверены!

– Конечно, поиграем! И не раз! – повторил Филлипок. – А обижаться не стоит, уважаемая. Чего вы так завелись, это всего лишь игра!

– Очередь Филлипка! – торжественно произнес Казанова. – Готов?

– Как тебе сказать? – почесал затылок Филлипок. – В принципе, готов.

– Начинаем! – скомандовал Фимка. Он был в восторге и с радостью ждал продолжения. Все уставились на Филлипка, и тот направился к своим дипломатам, открыл один из них, где показались пачки денег, аккуратно перевязанные резиночками. Теперь Филлипок смотрел на них, не отрываясь. Он был словно под гипнозом. Он не мог отвести от них взгляд. Остальные тоже пристально уставились туда и замороженно смотрели. Вдруг услышали:

– Почему деньги?

Перед ними стоял паренек лет пятнадцати. Он с интересом взял одну пачку, покрутил ее в руках, словно это была жвачка или еще какая-нибудь мелочь, а не куча денег, и повторил вопрос:

– Почему ваши фантики?

– Фантики? – не понял Филлипок, потом выхватил у него пачку и положил на место. Захлопнул перед его носом крышку и произнес:

– Не продается!

– Да? – удивился парень. – Ну, как знаете, – и пошел дальше.

Теперь Филлипок сидел, вжавшись в скамейку, и размышлял. По лицу его потекла капля пота, глаза были сосредоточенными, злыми.

– Ну, что будем делать? – спросил Казанова.

– Как будем жертвовать? – поинтересовался Фимка. – Давай, начинай, люди ждут.

– Ага! Сейчас! Вот так возьму и два миллиона начну раздавать. Подарю! Я что сумасшедший?

– Можно перевести по безналу, – произнес Фимка, – можно оставить на скамейке и отойти. В чем проблема?

– Деньги нужно зарабатывать – это тяжелый труд, а я их просто так раздаю? Что они такого сделали, чем заслужили? Кто они такие? Убогие! А я их тяжелым трудом зарабатывал, а теперь, значит, буду раздавать. Эти люди не заслуживают таких денег, – уже кричал он. – Пусть работают, пусть носом землю роют. Подарить! Два миллиона! Ха!

– Как же быть? – спокойно поинтересовался Казанова.

– За такие деньги нужно бороться, грызть булыжник на мостовой, пальцы стирать в кровь, а я их подарю. Развею по ветру! Сейчас!

Неожиданно вскочил, схватил чемоданы и кинулся к спасительному особняку.

– Куда? Стой! Так не по правилам! Стой, кому говорят! – летело вдогонку. Но он, подбежав к подъезду, остановился, повернулся и произнес:

– Оставайтесь здесь.

Все в недоумении проводили его взглядом, посмотрели на закрывающуюся дверь и стали ждать. Через пару минут на крыше двухэтажного особняка появилась его фигура. Он открыл один из дипломатов, достал толстую пачку денег, любовно вынул одну купюру, подержал и бросил вниз. Он провожал ее взглядом так, словно готов был отправиться вслед

за ней. Погода была безветренной, и та, как бабочка, плавно спланировала, упав прямо в лужу. Все с интересом на нее посмотрели. Потом снова и снова Филлипок доставал по одной зеленой бумажке и бросал вниз, но толку никакого. Люди равнодушно проходили мимо, не замечая.

– Не жадничай! – крикнул Фимка. – Давай целую пачку!

– Ага! Щас! Целую пачку! Размечтался! – отозвался Филлипок, но достал уже несколько купюр и пустил их в свободный полет. Их постигла та же участь. Люди продолжали идти, не замечая, а зеленые бумажки сиротливо валялись на мостовой, и никому они были не нужны. Вдруг какой-то мальчик лет пяти, сидя коляске, протянул руку, поймал одну и с восторгом отдал ее маме.

– Что это? А ну-ка брось сейчас же! – воскликнула она, и рассмотрев, добавила: – Всякую дрянь подбирать!

Выкинув ее, пошла дальше. Филлипок не выдержав такого, с силой размахнулся и бросил целую пачку денег вниз. Те разлетелись в разные стороны и зеленой стайкой, переворачиваясь и кувыркаясь, устремились к земле. Они падали к ногам прохожих, попадали им в лица, те отмахивались, не глядя и не понимая, но кое-кто уже начинал приостанавливаться, замирая на месте. Где-то они уже видели это. Где? Точно не под ногами. И было это очень знакомым. Волшебные зеленые бумажки – что же они им напоминают? Вдруг один наклонился и схватил купюру, другой с интересом остановился рядом, огляделся, взглянул на крышу, и заметил

Филлипка.

– Думал, настоящая? Смотри! – сказал он первому и показал наверх. Человек с купюрой в руках тоже увидел Филлипка, отбросил зеленый фантик и покрутил у виска:

– Сумасшедший? – крикнул он тому, – Псих?

– А я все-таки возьму, – ответил кто-то рядом, – как настоящие, внуку подарю.

– И я, пожалуй, возьму, почему бы и нет? – произнесла пожилая дама.

– Еще? – крикнул Филлипок.

– Спасибо! Не надо! Оставь свои фантики себе, – кричали люди, – В детстве не наигрался?

Филлипок со злости раскрыл сразу же несколько пачек и швырнул их вниз.

– Не наигрался, – рявкнул он.

И вдруг какой-то человек начал бегать по улице, лихорадочно их собирая. Делал он это молча, сосредоточенно, ни на кого не глядя. Сейчас он вытягивал лотерейный билет. Главное – успеть, главное оказаться первым, пока эти тупицы стоят и не понимают.

– Эй! Парень! Ты чего? А ну-ка стой! Куда тебе столько?

И тут началось. Теперь все бегали, наклонялись, подбирая заветные бумажки, больше не разглядывая, клали их в карман. Народу собиралось все больше. Некоторые с недоумением подходили, не понимая, смотрели на ползающих, бегающих, прыгающих людей, потом стремительно бросались в

эту кучу-малу и делали то же самое. А Филлипок все бросал и бросал. Филлипок входил во вкус. Поражало одно – люди делали это совершенно молча. Не сговариваясь, делали одно и то же, и были поразительно друг на друга похожи. Иногда кто-то вскрикивал, если его случайно толкали, но умолкал, продолжая сосредоточенно шарить руками по мостовой. Людей становилось все больше. Уже сотня, уже другая. Начиналась давка.

Филлипок теперь работал, не покладая рук, он лихорадочно срывал резинки и виртуозно, как фокусник, подбрасывал пачки денег, которые рассыпались, зеленой стайкой устремляясь вниз. Лес рук поднимался над головами, кто-то еще пытался найти их на земле, наклонялся, падал, сбиваемый с ног, но продолжал ползать. А молчание превращалось в какой-то рык, в стон, в протяжный гул. Не было слов, и только злое моечание зависло в воздухе. На небольшой улице, зажатой со всех сторон старинными домами, уже собралось около тысячи, и теперь они напоминали сплошной ковер из тел, воздетых рук, голов, а Филлипок все продолжал бросать.

Лея обернулась, с беспокойством посмотрев на Фимку, но тот стоял, с удовольствием и азартом наблюдая. Королева сузила глаза и тоже пристально смотрела. Очевидно, это зрелище ей было по вкусу. Она уже забыла о недавнем своем мученическом поступке и теперь получала искреннее удовольствие. Чем быстрее собиралась толпа, тем больше зверели люди, они прыгали, кричали от боли и азарта, толкались,

наступая друг на друга, кто-то падал, с трудом отползая в сторону, не в силах встать, но поднимался и вновь бросался туда. Некоторые, у кого уже не хватало сил, забирались в лужи, вылавливая оттуда заветные бумажки. Были они ужасно перепачканы грязью. Казанова спокойно посмотрел на Лею и спросил:

– Нравится?

– Нет, – коротко ответила она.

– Отвратительно, – произнес Казанова, – посмотрите, как ведут себя женщины. Они просто ужасны! Какая гадость!

– Не пора ли их остановить? – произнесла она.

– Думаю, теперь это невозможно. Посмотрите туда, – и кивнул в сторону крыши. – Его уже не удержишь.

Она перевела взгляд на Филлипка. Тот на мгновение перестал швырять деньги и теперь смотрел. Смотрел внимательно, не отводя глаз. Он возвышался над беснующейся толпой, казался исполином, огромной тенью нависая над людьми. Теперь она понимала его слова. Сейчас он чувствовал себя «властелином мира».

Толпа продолжала бесноваться. Люди совершенно озверели. Они стеной толпились у особняка, кричали что было мочи, безжалостно наступали на поверженных врагов, и ловили заветные фантики. Лея снова заметила ту интеллигентного вида женщину с ребенком, которая поначалу выкинула купюру, приняв ее за фантик. Теперь она, оставив коляску неподалеку, была рядом с толпой и пыталась в нее запрыг-

нуть. Падала, но поднималась и снова шла на приступ. Иногда ей удавалось схватить летящую купюру, она прятала ее и вновь шла на штурм. Вдруг какой-то рослый мужчина, вывалившись из толпы, не устоял и, задев коляску, повалился вместе с ней на землю. Но поднимать ее не стал и снова бросился в бой. А ребенок выпал из нее, и, плача, ползал по земле. Лея бросилась к нему, усадила в коляску, потом увидела мамашу, которая была неподалеку. Ее снова вытолкнули из толпы, и теперь она ползала в луже, доставая оттуда деньги. Снова и снова погружала руки в мутную вязкую топь и вынимала их. О ребенке на какое-то время она забыла.

– Ну что же вы? Встаньте. Поднимитесь с колен! – воскликнула Лея, бросившись к ней.

– Подняться? – очнулась женщина. С беспокойством посмотрела на малыша, потом устало произнесла:

– Милая девушка, я работаю в библиотеке. Мой ребенок болен. А вы знаете, сколько стоит только одно лекарство – половина моей зарплаты. А вы говорите – встаньте с колен.

– Но ведь грязно. Вы вся перепачканная! Как же так можно?

– Грязно. Да, грязно. Кто же виноват, что эти деньги лежат в грязи? Отойдите, не мешайте. Если можете, поддержите сына. Я заплачу. Не пачкайтесь. Я все сделаю сама. Потом поделим на двоих...

А толпа уже сходила с ума. Здесь собрались тысячи, десятки тысяч, и теперь они издавали ужасающие звуки. Толь-

ко толпа может быть способна на такое. Гармония толпы! Теперь это были не отдельные люди, а единый мощный организм, который напоминал ревущего зверя, а зеленый дождь продолжал сыпаться с небес.

Лея, везя перед собой коляску, бросилась к Казанове.

– Его нужно остановить!

– Пора прекращать этот цирк, – поддержал ее Фимка. Он был серьезен и с жалостью и омерзением смотрел на толпу.

– Зачем?! – равнодушно произнес Казанова. – Впрочем, как хотите.

Королева хранила молчание, холодно презрительно осматривая толпу.

– Ну, идите же, снимите его с крыши! – снова закричала Лея.

– Как? – произнес Казанова. – Взгляни туда.

Тут она с ужасом поняла, что подойти к двери особняка уже невозможно. Тысячи тел черной массой закрывали все пространство вокруг.

– Что же делать?... Мужики вы или нет? – вдруг воскликнула она.

– Где здесь мужики? – очнулась Изольда Карловна, – эти что ли? Ты ошиблась, деточка.

Казанова покосился на нее, но ничего не сказал. Фимка тоже промолчал, не обращая на нее внимания, думая, что можно сделать.

– Тогда я сама. Держите коляску!

И кинулась в толпу людей. Ее сдавили со всех сторон разгоряченные тела. Сейчас она чувствовала, словно ее тяжелым прессом сжимают со всех сторон, что люди рядом выше ее ростом и начала задыхаться. Ее уже затирали вниз к мостовой. Стоит упасть – подняться уже не удастся – подумала она. Вдруг заметила на себе чей-то взгляд. Знакомые глаза. Они пристально на нее смотрели с высоты второго этажа. Ильюшенька! Потом увидела, как он, заскочив на подоконник, ловко оттолкнулся и прыгнул вниз. Через мгновение люди рядом куда-то исчезли. В толпе образовался узкий коридор. Огромный человек схватил ее, прижал к себе одной рукой, а другой, раздвигая черную толпу, пробивал дорогу. Все продолжалось несколько секунд, которые показались ей вечностью.

– Оставайтесь здесь! – приказал он, вытащив ее из толпы. Снял пиджак, сунув ей в руки, и снова бросился к стене особняка. Подойти к двери было невозможно. Он схватился за старинную лепнину, подтянулся, потом перехватывая руками, преодолел пару метров и повис в воздухе, болтая ногами. Ступить было некуда. Он висел, а до второго этажа оставалось еще столько же. Дома в старину строили высокие. Кажалось, уже невозможно, цепляясь одними руками, одними пальцами за крошечные уступы, двинуться с места, и теперь он неминуемо должен был рухнуть на землю. Королева пристально за ним следила. Остальные тоже неотрывно глядели на него.

– Делаем ставки, господа! – воскликнул Казанова. – Двести тысяч на то, что он не дойдет и до второго этажа. Ну, давайте же!!! Кто еще!?!... Ставлю пятьсот тысяч!

– Заткнись! – вдруг перебила его Изольда Карловна. Она прищурилась и теперь пронзительно смотрела на Ильюшеньку. А тот должен был неминуемо грохнуться оземь.

– Не надейтесь, уважаемая, – воскликнул Фимка, – до второго этажа доползет точно. Но Королева промолчала. Вдруг Ильюшенька начал раскачиваться из стороны в сторону, потом оторвался, пролетел какое-то расстояние, схватился за трубу, в которую по праздникам ставят флаг. Та немного прогнулась, но выдержала. Теперь он смог дотянуться до подоконника второго этажа. Легко подтянулся и запрыгнул. Лея облегченно вздохнула, но с ужасом заметила, что окно закрыто! Что дальше? Оставалось еще столько же, но теперь придется ползти по стене, где лепнины не было. Правда, рядом с окном виднелся огрызок водосточной трубы. Нижняя часть ее отсутствовала, оставалась та верхняя ее часть, которая вела на крышу. Он, не задумываясь, схватился за нее и полез дальше. Уже метр, уже второй. Труба угрожающе задрожала. Все притихли, затаив дыхание. Теперь Ильюшенька висел между вторым этажом и крышей, до которой оставалось еще метра два. Самые тяжелые метры впереди. Он замер, пытаясь сообразить, выдержит ли труба.

– Говорил же ленивцу, учись летать! А он... – воскликнул Фимка.

– Прилюдно запрещено, забыл что ли? – возразил ему Казанова.

– Ну, хотя бы сделал вид, что держится. . .

В этот момент гигант неожиданно сделал усилие и подтянулся. Водосточная труба, которой было, наверное, столько же лет, сколько этому старинному зданию, снова завибрировала, задрожала, оторвалась и полетела вниз, с грохотом упав на мостовую. Все охнули. Ильюшенька теперь висел, цепляясь буквально за воздух, нет, за самые края кирпичей, касаясь их самыми кончиками пальцев. Еще немного и он упадет. Неминуемо упадет!

– Миллион! Даю миллион! – не выдержал Казанова.

– Заткнись! – снова рявкнула Королева. Теперь она следила за каждым его движением, сжав кулаки. И не понятно было, чего она желает больше. А проползти этот последний метр было уже невозможно – огромному человеку, с его ростом и весом, хватаясь лишь за сантиметры, выступающие из стены. Он висел, а ноги его беспомощно болтались. Он, словно, обнимал эту стену, а она холодным безразличием не принимала его. Она готовилась оттолкнуть этого человека, который осмелился так нагло себя вести, и с семиметровой высоты швырнуть его на тротуар.

– Нет! Не сможет! – прошептал Фимка.

И вдруг большой ленивец, собрал все свои силы, мышцы его напряглись, шея набухла, лицо налилось кровью, он сделал рывок, одними пальцами оттолкнувшись от злосчастной

стены, и пролетел оставшееся расстояние. Это было невероятным! Он сотворил чудо. Наверное, целых сто лет безвольного сидения в этом доме он готовился к такому прыжку! Теперь он цеплялся за самый край выступа крыши. Легко подтянулся и через мгновение уже был наверху. Он сделал это!

– Он сделал это! – воскликнул Фимка.

А Королева, которая все время на него смотрела, вдруг прошептала:

– Таким я не видела его никогда! – потом перевела взгляд на Лею, – таким он никогда не был!!!

Филлипок к этому времени уже почти закончил свое жертвенное дело и, увидев рядом разъяренного Ильюшеньку, швырнул вниз последние пачки денег.

– Все! – воскликнул он, потирая руки, потом добавил:

– А давай-ка... сходим и притащим еще, – азартно воскликнул он. – Гулять, так гулять! Ради такого дела не жалко! Поможешь?

– Пошел отсюда, – зарычал гигант. Вдруг добавил, – дай тебе Бог здоровья!

От этого восклицания Филлипок отскочил в сторону, потом произнес:

– Пожалуй, ты прав. Оставим до следующего раза. Покедова! – и отправился к чердачному люку, исчезнув в черном проеме.

А внизу все только начиналось. Люди, поняв, что больше с небес не прольется зеленый дождь, продолжили, толпясь,

собирать с земли остатки денег. Они ползали в лужах, наступали, уже бросались друг на друга, стервенели все больше и больше прямо на глазах. Вдруг кто-то прыгнул на соседа и выхватил грязную купюру из его рук. Остальные, увидев это, тут же последовали примеру. И теперь толпа тел, еще недавно вождеденно поднимающих руки, превратилась в огромную кучу-малу, где люди, уже не стыдясь и не понимая, что творят, забирались в чужие карманы, в сумки и кошельки, били друг друга, душили...

– Остановитесь! – не выдержала Лея, – что вы делаете?

– А что? Пять минут позора, зато потом обеспеченная жизнь... А вам не кажется, что они делают то же, что делали последние 20 лет? – невозмутимо произнес Казанова. – Сначала грабили государство, которое позволило им это, а потом, когда все разобрали, начали грабить друг друга...

– Так сказать, перераспределяясь средства, – воскликнул Филлипок, появившийся неизвестно откуда. – Обыкновенный закон рынка.

– Они убьют друг друга! – закричала Лея.

– И победит сильнейший! Закон рынка. А я что говорю? – довольно закончил Филлипок. – Вот вам идеальная рыночная модель! Так было во всех в цивилизованных государствах с рыночной экономикой...

– Замолчи! – сверкнула глазами Лея, и он отлетел на несколько метров.

– Потише, красавица! Глазами она своими зыркает...

– Ну придумайте же что-нибудь! Фимка? Ну давай же, – не слышала она его. А толпа все продолжала бесноваться, часть людей, кто были послабее – старики, женщины, слабые и немощные в бессилии отползали, спасаясь бегством, а молодые и крепкие продолжали бойню. Успела ретироваться и мамочка, забрав коляску с сыном.

Вдруг в считанные секунды небо потемнело и налилось свинцовой синевой. Сразу же с нескольких сторон появились огромные тучи, которые зловеще наступали на город. Уже солнце исчезло, не в силах пробиться сквозь эту завесу. Шквалистый ветер рванул что было сил, и маленький проем голубого неба, стремительно уменьшаясь в размерах, исчез совсем. Лея изумленно подняла глаза, не понимая, а Фимка произнес:

– Кажется, этот уже придумал! – и показал на крышу. Там виднелась гигантская фигура человека, который теперь совсем не напоминал того Ильюшеньку с дивана, где просидел целое столетие. Он пристально смотрел вверх, и глаза его горели. Тучи тем временем сомкнулись над головами и превратились в плотное черное полотно. Оно угрожающе медленно начало опускаться все ниже, уже касаясь высотных домов, и вдруг с небес хлынула вода. Нет, она упала. И это был не дождь, это были не капли – шквал воды, ураган воды, который мощным потоком накрывал центр города. Словно разверзлась черная пропасть, и черная вода ударила с черных небес. Ильюшенька стоял весь мокрый, продолжая смотреть

наверх. Люди на улице, внезапно замерли, прекратив бойню, и тоже с удивлением уставились в небо. А небо это было теперь прямо над их головами, словно мокрая ночь явилась с небес, превращая улицу в крошечный ад. Сейчас они забыли обо всем, не прятались и не бежали, но застыли в ужасе и недоумении. Такого в их жизни не было никогда. Такого и быть не могло! Лее стало жутко, хотя она знала, откуда этот кошмар и кто это делает. Вдруг пришла в голову мысль, она посмотрела на небо, и сверкающие молнии одна за другой начали пробиваться сквозь крошечную мглу, яркие всполохи слепить глаза, падая все ближе и ближе. Стало светлее. Эти молнии были словно игрушечные, и она снова легко жонглировала ими, а те падали не по прихоти своей, но по ее желанию, никого не задевая и не губя. То была яркая зарница, которая ослепительными стрелами пробивала тучу, рассыпаясь то там, то здесь. Лея снова взглянула на крышу, увидев в ярком свете глаза великана. Он с восторгом на нее смотрел. Он продолжал низвергать с высоты водопады воды, но эти блестящие искорки были ему не подвластны! Подчинялись они только ей одной, и он понял это, любуясь ею. А она им. Его белая рубашка прилипла к телу, могучие мышцы буграми проступали сквозь тонкую ткань рубашки. Сейчас этот человек казался великаном, исполином на высокой горе, атлантом, подпирающим черное небо. Он был... И тут она поняла, кого он ей напоминает! Его! Дикого человека из далекого-далекого племени, который держал в руках копье

и улыбался. И этот сейчас тоже улыбался, а лицо его в свете блистательных всполохов светилось, как маяк во время грозы и шторма, указывая заблудшим путь.

Прямо перед собой Лея увидела совершенно промокшее лицо Королевы. Она стояла в каких-то сантиметрах от нее, уставившись ей в глаза, а с нее ручьями стекала вода:

– А знаешь что? – воскликнула она. – Забирай его себе!.. Теперь он твой! – больше не добавила ни слова, отвернувшись. Люди на улице стояли мокрой толпой, глядя наверх. Нет, не толпой! Не было в их глазах ужаса. Не было жалко на них смотреть. Они, словно обретя свои лица, стали такими разными – старыми и молодыми, женщинами и мужчинами, каждый с опытом прожитых лет, со своей судьбой, и с глазами, восторженно глядящими на небо. Такого они еще не видели никогда...

– Хватит! – услышала она испуганный возглас Казановы.

– Что? – не поняла Лея.

– Заканчивай. Он этого не любит.

– Кто? – не поняла она. Посмотрела на крышу. Илья, не оборачиваясь, быстро шел к чердачному люку и вскоре исчез.

– Я не понимаю?

– А тебе и не надо ничего понимать. Много на себя берете. Он сказал – заканчивайте, значит заканчивайте, – трусливо добавил красавец. Он стоял мокрый, жалкий и смотрел наверх.

– Но я никого не вижу!?

– А тебе и не нужно никого видеть!

Она растерянно оглянулась, заметила Илью, который из дверей особняка уже бежал к ней. Как она была счастлива его видеть.

– Ну, еще немножко! Последний разик! – неожиданно воскликнула она и несколько раскатов грома приснули ослепительными зарницами.

– С ума сошла? – испуганно воскликнул Казанова, шаркнувшись в сторону.

– Ты с кем играешь, дочка? – засмеялся Фимка. – Заканчивай, дорогая. Как ребенок! Ей Богу!

– Все! Достаточно! – сказал Илья, взяв у нее из рук пиджак и накинув ей на плечи.

– Поиграли и хватит! – довольно проворчал Филлипок. – А ничего так поиграли! Очень даже ничего!.. Мда!

Небо начало стремительно светлеть. Оно, низвергая водопады воды, словно прохудилось, уступая место теплу и свету, становясь прозрачным, а редкие капли еще падали с небес. Люди озирались, люди смотрели друг на друга, лица их были мокрыми, умытыми, и светились улыбками и восторгом. Ноги смело наступали в огромные лужи, уверенно топчя зеленые фантики, которые так и не успели подобрать. О них просто забыли. Так не хотелось в этот миг смотреть под ноги, когда после чудесной грозы вновь появлялось яркое солнце. И это был не восход из-за тучи, из-за горы или горизонта – то

было дивное явление, чудный рассвет, и его встречали. Кто-то начал аплодировать. Солнцу! А совсем недавно казалось, что оно не появится никогда. Но вот оно в ослепительных лучах утопило крошечную мглу и теперь согревало их мокрые тела и сердца.

– Все! Самое интересное позади. Покедова! – бросил Филлип и скрылся в подъезде особняка. Остальные тоже последовали за ним. На улице, которую теперь медленно, задумчиво покидали люди, остались только эти двое, которые не знали, куда им идти, чего желать, что делать. Знали только одно – расставаться сейчас они не могли.

Так какое-то время молча смотрели друг на друга. Потом одновременно повернули головы и заметили в окне на втором этаже фигуру Королевы. Та стояла, скрестив руки на груди, и о чем-то думала. О чем, они не знали. Может быть, знал Илья, но он молчал. Потом взял Лею за руку и повел в тот самый сквер. Какое-то время они шли молча. Он произнес:

– Прошу прощения, но вы из-за меня совершенно промокли.

Он остановился, продолжая держать ее за руку, глядя ей прямо в глаза. Она тоже неотрывно на него смотрела, вдруг попросила:

– А можно еще?

– Что?

– Еще несколько капель этого дождя.

– Можно! – воскликнул он, и теплые капли посыпались на нее, согревая. Холодно не было. Снова показалось, что она совершенно голая, что стоит на широком зеленом лугу, нежное солнце светит в окошко маленькой тучи, а сильный загорелый человек держит ее за руку и улыбается... Нет, этот не улыбался, сейчас он серьезно на нее смотрел, и захотелось спрятаться, забраться в эти большие ладони, где будет уютно и тепло. Лея спросила:

– Помните... вчера вы хотели мне что-то рассказать?

– Да...

Он задумался, сейчас мысли его были где-то далеко-далеко, и только теплые руки оставались с ней. Наконец, заговорил:

– Я кажется понял... Находясь здесь и живя в этом удивительном мире, делать что-либо можно по двум причинам – со страха или из совести. Можно бояться, что останешься в нищете, что украдешь от беспросветности жизни этой, и тебя посадят в острог, что пройдешь путь свой бессмысленно, бесславно, и к концу окажешься никем,... или от великого стыда будешь смотреть на себя откуда-то сверху, больше не бояться, а если и бояться, то лишь самого себя и совести своей, которая всевидящим оком преследует дела твои и мысли и не дает покоя, не дает оступиться, толкая на безумные безрассудные поступки! В этом безумии и есть великий смысл!

Он замолчал. Она прикоснулась губами к его губам. Закрыла глаза, а теплый дождь все продолжал капать на спину

и плечи, и на мгновение ей показалось, что они летят. Так вот о чем говорил Фимка! Такого с ней не было никогда. Это было удивительное ощущение свободы, невесомости, а сильные руки крепко держали ее, не выпуская, не давая упасть с этой высоты и разбиться...

И все-таки они рухнули на землю. Нет. Они никуда не улетали. Лея открыла глаза. Он с болью на нее посмотрел, потом воскликнул:

– Это невозможно!

– Почему? – прошептала она.

– Потому что мы живем в разных мирах. В двух измерениях. У меня нет будущего, а у вас впереди длинная прекрасная жизнь.

– Но мы здесь. Вы держите меня за руку. Я чувствую ваше дыхание, тепло. Неужели этого мало?

– Нет. Я не могу этого сделать. Мое время прошло. Прощайте...

Он ушел. Ушел, не оборачиваясь, а она долго смотрела ему вслед.

– Разбились. Те двое с картины – почему они разбились? Не умели летать? Чего-то испугались? Испугались себя...

Оглянулась. Теперь этот город принадлежал только ей одной. Больше в нем не осталось никого. Огромный, мокрый, пустынный город... Дома, тротуары, дороги... А там река... А дальше мост... Снова мост?... НЕТ!!!

Часть 3

18

Была темная ночь, и только яркая Луна сияла в вышине. Прошла неделя и другая с тех пор, как она в последний раз видела этих людей-призраков из старинного особняка в самом центре Москвы. Больше ее никто не беспокоил, не искал с ней встреч и не преследовал. О ней словно забыли, бросив в этом огромном городе на произвол судьбы, а судьба эта и не собиралась испытывать ее на прочность, даря новые сюрпризы. Теперь Лея была наедине с собой. Иногда казалось, что исчез тот пронзительный взгляд, который так долго не давал ей покоя. Он скрылся за горизонтом, исчезнув из ее жизни навсегда.

– Испытательный срок... Он закончился? – иногда спрашивала она себя. Но чувствовала, что это не так. Все было лишь короткой передышкой. Короткой или длинной – этого она не знала. За тот последний месяц она очень устала, но теперь в ее сознании поселилась пустота, и девушка благодарна была судьбе за такой подарок. Упивалась внезапно наступившей тишиной, словно оказалась заброшенной в далекий уголок галактики, где только редкие метеориты иной раз

пролетят мимо, весело прочертив огненную тропику, и снова исчезнут в кромешной темноте ночи. Иногда человеку нужно побыть наедине с собой. Только она не была одна, потому что в этом безумном одиноком мире находилось существо, которого она знала всю свою жизнь, доверяя ему. Ей было с ним интересно. А существом этим была она сама. Больше ей не нужен был никто. Во всяком случае, так ей казалось. В последние дни она начала избегать прогулок в дневное время, когда яркое солнце сияло, празднуя скорое тепло и лето, и наступление самых долгих дней в году. С нетерпением дожидалась сумерек и только тогда выходила на улицу. Совсем не боялась. Бояться было некого в этом пустынном городе, который, казалось, тоже оставил ее и забыл. Она не нужна была никому. Иногда приходила в пещеру – так она называла уголок музея, где находились удивительная картина и останки мамонта. Теперь она, словно, жила в этом музее. Но даже когда покидала его, девушка, удивительно на нее похожая, оставалась там. Они действительно были очень похожи, только лицо дикарки светилось от счастья, а Лея была словно копией, блеклым отражением, тенью, оказавшейся по эту сторону рамы полотна. Потом возвращалась домой, а с последними лучами солнца вновь покидала квартиру, выходя на улицу. Вот и сейчас брела по городу, никого не замечая.

И все-таки она снова оказалась там. Ноги сами привели ее на тот злосчастный мост, с которого все и началось. Только дойдя до середины его длинного пролета, поняла, куда при-

шла. Оглянулась, посмотрела на воду. Луна в полную силу сияла за спиной, а на поверхности реки лежало яркое отражение от моста и ее крошечная тень. Она колыхалась на мелких волнах, и была, словно, живая.

– А может так и должно быть, – вдруг подумала она. – Может быть, человек создан для того, чтобы быть одним. Тысячи, миллионы, миллиарды одиноких сердец, бьющихся в постылом теле. Вот и эта, желтая красавица, спокойно сияет в вышине. Она тоже совершенно одна. Луна. Одинокая Луна...

«В час последнего беспамятства...», – пробормотала она, потом повторила эти слова, желая продолжить. Посмотрела на Луну, словно ища подсказки. С ужасом поняла, что дальше не помнит. Цветаева! Любимая Цветаева! Как она могла забыть? Мучительно захотелось прочесть знакомые строки...

«В час последнего беспамятства...», – снова и снова повторяла она, терзая память, но словно пелена застилала сознание. Вспомнить она не могла.

Беспамятства!.. Последнего беспамятства!.. В час! Нет, она не уйдет отсюда, пока не дочитает стихотворение до конца. Теперь для нее это было смыслом жизни. Она должна была вспомнить эти строки. Ведь не зря же они были написаны для таких, как она, с надеждой взирающих на Луну. Вцепилась в перила, до боли сжав пальцы. Но не помнила совершенно ничего. Снова оглянулась. Спросить было некого. Те-

перь она будет прикована к этому парапету навечно. Зачем? Ради чего? Безумие! Но в этот момент ей почему-то необходимы были именно эти строки. Как воздух, необходимы. Беспомощно с надеждой оглянулась, и неподалеку заметила какого-то пожилого человека. Он был высокого роста в черном пальто, застегнутом на все пуговицы. Человек тоже глядел на воду, перевесившись через перила. Потом, подняв голову, перевел взгляд на Луну.

– Еще один лунатик! – подумала она и крикнула:

– Вы не помните, что там было дальше? «В час последнего беспамятства...»?

Человек в пальто повернулся к ней, сначала удивился, потом улыбнулся и спокойно произнес:

– Цветаева?

– Да! Да! Вы помните?

Тот на секунду задумался.

– «Оплетавшие – останутся.

Дальше – высь.

В час последнего беспамятства

Не очнись.

У лунатика и гения

Нет друзей.

В час последнего прозрения

Не прозрей...

Продолжать? – крикнул он.

– Нет! Спасибо! Не нужно! Большое спасибо! – с восторгом воскликнула Лея. Дальше она помнила сама. А человек теперь с интересом на нее смотрел. Он сделал несколько шагов навстречу, остановившись в некотором отдалении. Помолчав немного, и произнес:

– А вот еще. Тоже ваша любимая Цветаева:

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, –
Как будто Лунная Соната
Нам сразу путь пересекла...

Теперь очередь ваша! – весело воскликнул он.

– Про Луну?

– Конечно. Посмотрите, как она великолепна! Сегодня у нее праздник – полнолуние. Никто и ничто не лишает ее счастья греться в солнечных лучах.

– Сейчас... сейчас! – обрадовалась она. Ей было как-то удивительно хорошо с этим человеком. Он серьезно на нее смотрел, но искорки светились в этих глазах. Он был словно с другой планеты. Был тем единственным человеком, который по случайности забрел в ее пустынный город, и отпустить его она не хотела.

– Ну, хорошо. Давайте снова я, – перебил он ее мысли.

Своим лучом, лучом бледно-зеленым,
Она ласкает, странно так волнуя,
И душу побуждает к долгим стонам
Влияньем рокового поцелуя.

А Лея, в нетерпении перебив его, продолжила:

Своим ущербом, смертью двухнедельной,
И новым полновластным воссияньем,
Она твердит о грусти не бесцельной,
О том, что свет нас ждет за умираньем.

Бальмонт, – улыбнулся он, кивнув головой, и закончил:

Но нас маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула в бледной дали,
Красавица тоски беспеременной,
Верховная владычица печали!

А вот еще, – продолжил он.

Луна уже плывет медлительно и низко.
Она задумалась, – так, прежде чем уснуть,
В подушках утонув, мечтает одалиска,
Задумчивой рукой свою лаская грудь.

– Бодлер, – заморожено прошептала она. А странный человек все продолжал:

Ей сладко умирать и млеть от наслажденья
Средь облачных лавин, на мягкой их спине,
И все глядеть, глядеть на белые виденья,
Что, как цветы, встают в лазурной глубине...

Она с восторгом смотрела на этого удивительного человека, голос его успокаивал, дарил надежду. Он был нежным шелестом, сладким дурманом. Голова ее начинала кружиться, и волшебные слова являлись в темноте под дивным сверкающим образом красавицы Луны...

Когда ж из глаз ее слеза истомы праздной
На этот грустный шар падет росой алмазной,
Отверженный поэт, бессонный друг ночей,

Тот сгусток лунного мерцающего света
Подхватит на ладонь и спрячет в сердце где-то
Подальше от чужих, от солнечных лучей.

На мгновение она почувствовала состояние, подобное невесомости. Уже парила над мостом, над рекой, сверкающей яркими желтыми отблесками, словно Луна рассыпалась на миллионы крошечных осколков, которые брызнули в разные стороны и теперь мерно покачивались на спокойной поверхности воды. А голос незнакомца продолжал звучать, обволакивая и успокаивая:

Зыбким светом облекла
Долы и кусты,
В мир забвенья унесла
Чувства и мечты.

Успокоила во мне
Дум смятенных рой,
Верным другом в вышине
Встала надо мной.

Эхо жизни прожитой
Вновь тревожит грудь,
Меж весельем и тоской
Одинок мой путь.

О, шуми, шуми, вода!
Буду ль счастлив вновь?
Все исчезло без следа –
Радость и любовь.

– Гете, – прошептала она, и приятная томная нега разлилась по всему телу. Это был дивный сон. Она очень устала, так давно не спала, и теперь ее глаза закрывались сами собой, а волшебные слова, словно сказочные ноты, музыкальные фразы, нежные аккорды звучали, обволакивая. Она открывала глаза, любуясь сумраком, мерным течением реки под мостом, набережной, уже не летела, но раскачивалась на волшебных качелях, а дивный голос все продолжал звучать:

Счастлив, кто бежал людей,
Злобы не тая,
Кто обрел в кругу друзей
Радость бытия!

Все, о чем мы в вихре дум
И не вспомним днем,
Наполняет праздный ум
В сумраке ночном.

Взгляд ее снова упал на спокойное течение реки. Та струилась, унося в прошлое всю ее жизнь, странную и никчемную, и так захотелось раствориться в этой ночи, в сверкающей воде. Сейчас она была частицей этого неба и Луны, отблесков фонариков на набережной, пьянящей свежестью воздуха и этих слов, строк, мерцавших в тишине. А причудливая тень рисовала отражение моста и ее крошечной фигурки, которая колыхалась на воде, словно живая. Только она одна, этот пустынный мост и волшебные слова, строки, звуки музыки. Только она одна и ее крошечная тень...

Кровь ударила в голову, и Лея лихорадочно вцепилась в перила. На воде была только одна тень, а рядом с ней в этом странном отражении не было никого. Перевела взгляд на незнакомца. Теперь он молчал, улыбался и пристально на нее смотрел. С ужасом поняла, что за последнее время это был первый человек, которого она не слышала, не понимала.

Она не могла прочитать его мысли. Человека? Кто он? Это ОН!?

Человек в черном пальто долго молчал, как-то странно на нее глядя.

– Нет, не Он, – наконец вымолвил тот.

– Другой! – поняла она.

– Почему вы все говорите или думаете лишь о Нем?

Он пристально сверлил ее взглядом, улыбка не сходила с его уст, и оторвать глаз она не могла. Пожалуй, впервые за этот месяц она испытала ужас. Не страх, а ужас. Не было так страшно, когда по ночам бродила по городу одна, когда оказалась в ловушке у Артура, не испугалась даже там, в странной комнате на втором этаже, но сейчас... А тот спокойно продолжал:

– Что Он может дать вам кроме страданий и боли?

Она оцепенела. Ее волю парализовало. Она чувствовала удивительную, магическую силу этого человека. Была словно под гипнозом.

– Что? – повторил он. – Муки и страдания в поисках счастья, вечные сомнения? А этот страшный вопрос – «зачем»? Этот взгляд, который нагло преследует сверху и не дает покоя, не дает сделать то, что ты хочешь. Истинно хочешь. Совесть, которая якорем висит на шее. Снова сомнения и муки. «Зачем»??? – бьется в твоих висках. Один, как идиот пытается не отвечать на этот вопрос. Потому что..., да потому что он просто идиот. Другой отвечает, тут же понимая, что

ответа на него нет и лезет в петлю, третий тупо терпит эту бессмыслицу до глубокой старости. Так отчего же не стать четвертым? Отбросить всю ерунду и предаться веселью, познать радость бытия, вкусить все прелести, которые даны его брэнному телу, возвысить душу свою. Все это лишь игра, девочка моя. Только игра. Так зачем же эти муки?... Пойдемте со мной, – уже громче произнес он.

– Нет, – прошептала она. Сил у нее не было даже отвечать на его вопросы, она держалась за перила, едва не падая. А еще с ужасом понимала, что этот человек... прекрасен. Он был как Луна над головой, как ветерок, нежно ласкающий ее, он был сказочно красив, глаза его светились улыбкой, и был он очень убедителен... И был он совершенно прав!

– Куда?... Зачем?... только и успела прошептать она.

– Со мной. Я подарю вам счастье. Вы достойны его. Вы созданы для того, чтобы не предаваться убожеству, рабству и бессмысленности жизни этой, но подняться на недостижимую высоту и делать лишь то, что желаешь. Люди, если они не рабы и не животные, должны делать лишь то что ХОТЯТ, не прогибаясь под чувством бессмысленного долга.

– Нет, – снова прошептала она, чувствуя, что сил не осталось. Еще несколько слов, и она оторвется от перил и помчится за этим удивительным человеком, куда бы он ее ни позвал. Противиться было невозможно.

– Я научу вас летать, я подарю вам эту планету или Луну, другие планеты и звезды, если вы захотите. Вы должны

стать свободной, дитя мое. Такие, как вы, недостойны стоять в рабской очереди на бойню, преклоняясь ложным принципам и морали.

– Чего вы хотите?

– Сделайте свой выбор – вечные мучения или вечное блаженство? Просто доверьтесь мне. Вы больше не будете одиноки. Миллионы следуют за мной. ЭТИ – наиболее сильные. Остальные трава, поленья, их бросают в топку паровоза, который слепо мчится по рельсам, не ведая, что там тупик, а затем обрыв. Идите со мной и просто будьте собой.

– Я не смогу,

– Вы уже почти сделали это. Вы оставили постылый свет и предпочли ночь – не правда ли? Вам больно смотреть на яркое солнце, но теперь вы восхищаетесь сиянием Луны в темноте. И это созерцание потрясает. Отбросьте ложный стыд и просто доверьтесь мне и самой себе! Ваша судьба в ваших руках. И мир падет к вашим ногам. Вы останетесь вечно молодой, красивой. Будете жить вечно. Ваш испытательный срок закончится в ту же минуту – прямо сейчас! Вот вам моя рука...

Лее показалось, что она теряет сознание. Она не могла двинуться с места, но и не могла оторвать от него своего взгляда. Теперь он стоял прямо перед ней, а за ее спиной была черная вода, а над головой яркая Луна и больше ничего...

Вдруг вдалеке на пустынном мосту появилась какая-то машина, которая стремительно приближалась. Человек

удивленно повернул голову. Лея замерла. Та остановилась неподалеку, и из нее вышли два человека, а третий, который был за рулем, остался в салоне. Фимка и Илья стояли рядом, глядя на этих двоих. Долго стояли, не отводя глаз, и молчали. Человек рядом с Леей улыбнулся, и веселые огоньки сверкнули в его глазах. Наконец Фимка произнес.

– Уважаемый, оставьте ее в покое.

Долгая пауза повисла в воздухе. Потом Илья подбежал, схватил ее за руку и потащил за собой, словно выдернул из пылающего костра.

– Остановитесь! Она идет со мной, – услышали они властный голос. Илья, словно парализованный, замер. Теперь эти трое смотрели на ее собеседника. Наконец он произнес:

– Кого я вижу? Старые знакомые! Пришли спасать? От кого? Зачем? От своего убожества? А с вами, уважаемый артист-бродяжка, я говорить не хочу. Вы не смогли достойно прожить свою жизнь, но идете кого-то спасать? Смешно! Вы даже не смогли воспользоваться великим даром, который снизошел на вас свыше. Вы никто, утопив свой талант, великий дар на дне стакана! Смешно!.. А вы, любезнейший. Мало того, что не смогли удержать достойную, редкой красоты женщину, не смогли быть рядом с ней кавалером, мужчиной! Потом даже не убили своего обидчика! Не убили изменницу. И поделом вам. Вы просто не достойны ее. Улеглись на диване и покончили с собой от бессилия и слабости, дав сломить себя ничтожной, детской болезнью. Смешно! Но судьба вновь

дает ему шанс. Последний! Юное создание, это чудо говорит, что любит его! Что же делает он? Отвергает ее? Снова на диван? Да кто ты такой, чтобы с ней так обращаться!? И вы, господа, думаете, что она пойдет за вами?... Она уйдет со мной. Да, девочка моя? Смелее! Ну же! – громко и весело сказал он, и Лея сделала шаг в его сторону.

– Она должна решить все сама, – вмешался Фимка. – Это должен быть ее свободный выбор. Вы превышаете полномочия, уважаемый! Пусть решает сама!

– Так решайте же! – засмеялся человек в черном пальто. Потом он перевел взгляд на третьего, который вышел из машины и теперь стоял неподалеку, робко переминаясь с ноги на ногу. Это был Казанова.

– Кого я вижу. И вы, милая девушка, хотите довериться этим людям? Кажется, совсем недавно вы, господин женский угодник, хотели воспользоваться услугами моего подопечного и надругаться над нею?

– Артур? Ваш подопечный? – в ужасе воскликнула Лея.

– Что в этом удивительного? Я люблю талантливых людей.

– Но он убийца!

– Он гений! Он создает прекрасное! А не то же самое делаете вы, люди, с прекрасными бабочками, когда ловите их, еще живых накалываете на иглы, а потом дарите эти гербарии своим детям? Бедные бабочки. Но какая красота! Только нанизанная на иглу. А детям нравится. Потому что они такие же как и вы. Как и господин Артур. А как радуетесь, когда

в ресторане вам на заказ готовят изысканное блюдо, и вот уже восхитительный молочный поросенок, фаршированный яблоками, сливами, грибами и прочей снедью, является перед вами? А из ноздрей у него торчит пучок сельдерея. Красота! Несомненно, красота! Но ведь ему всего 4 месяца от роду. Ребенок! Совсем еще малыш. А попробуйте-ка, господа, вынуть свои кишки и вместо них набросать туда яблок. Тоже красота. Даже мамонта, и того вы не оставили в покое. Несчастный почил миллионы лет назад. Так нет же. Выкапываете его кости, шлифуете, полируете, покрываете лаком, скрепляете их и выставляете на всеобщее обозрение. Красота!.. А вы говорите Артур!

– Но он убивает молодых женщин.

– Заметьте, красивых молодых женщин. Женщин во цвете лет! Подбирает их с помойке, где им и место, где все равно они закончат жизнь свою от СПИДа или от руки сумасшедшего клиента, и сохраняет навеки их красоту. Он творит красоту. Он делает то, что хочет! А значит, имеет на это право. Эти женщины – отработанный материал, дрова в топке, а красота останется навсегда. Вы меня понимаете? Лея, это несложная наука. Она дастся вам легко. Идемте же. Эти призраки, бездарно прожившие свои жизни, недостойны вас. Они ничтожества. Пойдемте! – уже громче произнес он, направляясь к ней.

– Она должна сделать выбор сама! – зло прервал Илья.

– Да, уважаемый! – подтвердил Казанова. – Только сама!

Она имеет на это право.

Теперь эти четверо смотрели на нее, и Лея почувствовала себя раздавленной под тяжестью этих взглядов – знакомый веселый, но теперь серьезный – Фимки, страстный – Казановы, злой, устрашающий взгляд Ильи и спокойный, мудрый этого удивительного человека. Вспомнила, как под Луной, посередине ночи он читал ее любимые стихи, и волшебные качели вновь начали убаюкивать, раскачиваясь, а голова кружиться. Она смотрела и не могла оторвать от него взгляда. Снова услышала его бархатный голос:

Оплетавшие – останутся.

Дальше – высь.

В час последнего беспамьятства

Не очнись.

Лея слушала и вспоминала. Уже помнила каждую строчку, каждую букву любимого стихотворения, а он все продолжал:

У лунатика и гения

Нет друзей.

В час последнего прозрения

Не прозрей.

И снова качели, снова она поднимается и летит над мостом, устремляясь в вышину. Уже растворяется в ночном

воздухе, а нежный ветерок шевелит ее всклокоченные волосы... Рыжие волосы... А он все читает:

Я – глаза твои. Совиное
Око крыш.
Буду звать тебя по имени –
Не расслышь.

Она сделала шаг ему навстречу. Потом еще и еще. Снова почувствовала удивительное состояние невесомости... Вдруг опустилась на землю, и словно прозрела. И откуда взялись силы. Словно сбросила с себя дурман. Сейчас она ощущала невероятный прилив энергии, а далекий горизонт начинал освещаться кровавым рассветом. Скоро взойдет солнце. Оно яркими пронзительными лучами осветит ее лицо, отбросит длинную тень на мостовую, на реку, на весь этот город, и она из крошечной точки, фигурки превратится в исполина. И не нужно больше ничего. Девушка оглянулась на своих защитников, эти трое стояли за ее спиной, пронзительно на нее глядя. Они ничем не могли ей помочь, и поэтому молча ждали. В эту минуту Лея была совершенно одна, а напротив стоял сильный, уверенный в себе, человек, он улыбался и тоже глядел на нее и терпеливо ждал. И тут она воскликнула, словно разрубив утренний воздух одним движением руки или слова:

Я – душа твоя: Урания:

В боги – дверь.
В час последнего слияния
Не проверь!

Произнеся эти последние, так любимые ею слова, добавила:

– Такое можно написать только стоя рядом с Ним! Только слыша Его шепот!

Человек в черном пальто удивился, потом спросил:

– Кто вам это сказал? – и засмеялся. – А если вы ошиблись?

Лея долго на него смотрела, но в этом взгляде больше не было и тени сомнения.

– Я вам не верю, – громко произнесла она. – Я не иду за вами! Прощайте! – и повернулась, чтобы уйти.

– До свидания, милое создание. До скорой встречи!

Лея повернулась:

– Нет! Если это мой свободный выбор, тогда прощайте! – и глаза ее сверкнули в первых лучах утреннего солнца. Посмотрела на него в последний раз.

– Хорошо. Вы останетесь в этом мире. Но я даю вам шанс... И если вы передумаете... Если этот мир, этот город, люди вокруг, улицы и площади, ваш дом, друзья, жизнь ваша станут... сущим АДОМ! – громко выкрикнул он, – в этом случае вспомните обо мне.

Он повернулся и пошел прочь, четко отбивая удары по

мостовой. Шаг и второй, десятый, сотый. Не дойдя до конца моста, исчез совсем, растворившись в утреннем тумане, словно его и не было вовсе. А в ее сознании все звенели последние слова:

– Станут адом... станут сущим адом... адом...

– Прощайте! – прошептала она и посмотрела вдаль. Там уже сияло солнце, и думать больше не хотелось ни о чем.

«Оплетавшие – останутся. Дальше – высь», – мелькнуло напоследок в голове.

19

Она мельком бросила взгляд на троицу, которая выстроилась у машины и, ничего не сказав, побрела прочь. Она была потрясена, сердце бешено колотилось. Сейчас, как никогда, ей нужно было побыть одной. Одной под лучами восходящего солнца. Оно слепило глаза, и девушка все быстрее уходила с этого злополучного моста, а рыжие волосы развевались на сильном ветру. Услышав шум мотора, поняла, что ее догоняют. Ускорила шаг. Уже почти бежала. Но ее догнали. Из машины выпрыгнул Фимка, бросившись наперерез, а эти двое, развернувшись, уехали.

– Не надо. Не сейчас, – только и успела произнести она, но Фимка замер перед ней, воскликнув:

– Сейчас, милая. Именно сейчас. Пойдем.

– Куда? – почти кричала она, сурово на него глядя.

– К нам!

– Нет! Оставьте меня в покое.

– Да!

– Уйди! – и она попыталась бежать. Уже сорвалась с места и неслась без оглядки.

– Сейчас. Или ты себе этого никогда не простишь.

Лея остановилась. Повернувшись, спросила:

– Почему?

Фимка широко улыбнулся и ответил:

– Потому что у меня сегодня день рождения! Я приглашаю! – и сделал несколько пируэтов своей любимой чечетки.

– Да?

– Да! У Фимки сегодня день рождения! А отмечать его в компании параноиков он не хочет.

Лея задумалась...

– Пойдем в другое место. Я не могу. Только не туда...

– На кладбище? В бомжатник? – засмеялся он. – Ну уж нет. У меня есть дом. Какой-никакой, но дом. А день рождения – семейный праздник! Туда и пойдем. Но сначала немного погуляем! А на этих... Не обращай внимания. Идем! – энергично добавил он, протянув ей руку. – Идем же! Ну, дикарка. И побило же тебя за этот месяц. Пошли, милая. Сегодня праздник. Все будет хорошо. И ничему не удивляйся, – приговаривал он, ведя ее за руку, как маленькую девочку. А солнце уже поднялось над крышами домов, ярко осветив их лица. Неожиданно Фимка остановился и воскликнул:

– Хочу мороженого!

– У меня нет денег!.. То есть, я оставила их дома, – соврала она.

– Хочу мороженого! – капризно повторил он.

– Извини, дорогой. Сегодня не получится.

– Сегодня мой день. Как раз сегодня получится все. Моя очередь, теперь тебя гуляю я.

– Фимка, а как летают? – спросила она его. Они брели по Парку Культуры, глядя на аттракционы. Был теплый майский день, и масса народа отдыхала, катаясь на каруселях, качелях, взмывала в небеса на чудо-лодочках, радостно смеясь, и атмосфера праздника напоминала им о дне рождении Фимки. Они уже успели посетить кафе-мороженое, пройти через центр города и наконец забежали сюда. Сейчас Лея стояла, разглядывая аттракцион, который то уносил людей в небеса, то возвращал их на землю.

– Как летают? – переспросил Фимка, – очень просто, дорогая, – тоже посмотрев наверх. А волшебная тележка уже с невероятной скоростью летела к земле.

– Ты же мне не веришь!.. Да, милая? Не веришь?

– Не верю.

– Так зачем же рассказывать?

– Хорошо! Верю!

– Врунья!

– И тем не менее.

– А если – «тем не менее» – летают люди следующим обра-

зов. Во-первых, если учишься, никогда не забирайся на высоту. Это закон! Начинать нужно непременно с земли. Прямо отсюда. Оттуда летать учатся самоубийцы. А потом попадают к нам, – Фимка засмеялся, – и начинают нагло врать, что они, понимаешь, не прыгали с крыши, а учились летать. Разные случаи бывают. Один сказал, что набросил на себя петлю, потому что хотел почесать шею, а потом случайно задохнулся. А еще один – наглotalся таблеток, от которых и откинулся, потому что принял их за леденцы. Находятся разные умники – всех за дураков считают.

– И все-таки, как люди летают?

– Да! Летают! – вспомнил он. – Технология проста. Правило второе. Не нужно размахивать крыльями, воображая себя курицей. Все равно ничего не получится. Крылья у тебя здесь! – и он постучал по лбу. – И наконец правило третье... Третье, – повторил он и задумался. – Берешь и летишь!

– Издеваешься?

– Нет, действительно все просто. Берешь и летишь. Только нужно верить. Будешь верить – полетишь.

– Этого недостаточно.

– Согласен. Молодец. Есть некоторые приемы. У каждого они свои. Открою тебе один из них. Представь себе, что ты стоишь на земле, крепко вцепившись в нее ступнями, и ни неба, ни земли больше нет.

– Как это?

– Очень просто! Нет ни верха, ни низа. Отбрось эти два

понятия, и ты окажешься в невесомости. Давай. Пробуй!.. – и он стал терпеливо ждать. – Ну как, голова кружится?

– Немного.

– Вот! Немного. Это шаг первый. Теперь второй! Стартуешь. То есть – там, где у тебя раньше был верх, теперь будет низ. И наоборот. Посмотри-ка на небо. Там низ. Ну, смотри же... Страшно?

– Ой!.. Да!

– Что почувствовала?

– Чуть не упала!!!

– Куда?

– Туда! – и она показала на небо.

– Туда!? Чуть не упала???

– Да!

– Стоя крепко на своих двоих, чуть не упала. И куда? На небо? Да?

– Да!

– Ну ты даешь? Я же пошутил! – и снова засмеялся. – Сама подумай, как можно упасть на небо? А ты поверила! – и захохотал еще громче.

– Вот, негодник! – воскликнула Лея, совсем не обидевшись. Но Фимка утер слезы и произнес:

– Я снова пошутил. Не верь старому дураку. А летать? Что летать? Всему свое время. Берешь и летишь, все просто, только нужно верить. И не забирайся на крыши и мосты. Поняла?

– Да!

Хочешь Коньяк?

– Да!

Фимка взял ее за руку и потащил за собой, приговаривая:

– Пойдем! Сегодня даже я выпью. Сегодня можно. Празд-

ник! У Фимки День рождения, – уже кричал он на весь парк. – У Фимки праздник! Пойдем дорогая. Пойдем!

– У меня нет для тебя подарка! – вдруг вспомнила она.

– Сегодня мой подарок – это Ты. Больше мне не нужен никто...

Потом стал серьезен:

– Только ничему не удивляйся. Сегодня день сюрпризов.

Хорошо?

– Хорошо.

Они уже подходили к знакомому особняку, и Лее стало не по себе. Она не хотела идти дальше. Она не могла этого сделать. Не могла видеть большого человека, который находился там, быть с ним рядом... Но и без него тоже не могла. Пыталась забыть его, выбросить из памяти, из жизни, но все было тщетно.

– Сходи к нему на могилу, – вдруг услышала она жуткие слова и отшатнулась.

– Сходи-сходи, иногда помогает!.. Пойдем, – жестче добавил он. – Ничего страшного. Привыкай. Жизнь – штука сложная. И ничему не удивляйся. Хорошо?

– Чему? – вздрогнула она.

– Ничему! – весело воскликнул он, открывая дверь и пропуская ее вперед.

– Куда? – услышала она строгий голос консьержки.

– Свои, – коротко бросил Фимка и повел ее наверх. Каждая ступенька тяжело отдавалась глухими шагами. Дверь открылась. Сейчас она снова увидит его. Как ей не смотреть в его сторону, как не замечать?

То, что она увидела в следующее мгновение, заставило ее содрогнуться. На диване, в отдалении, на том самом диване, где раньше находился Ильюшенька, сидела... Оксана. Вид ее был ужасен, лицо заплаканным, глаза потухшими, пустыми. Краска была размазана по лицу.

– Ты? Что ты здесь делаешь?

Оксана, завидев ее, бросилась к ней, прижалась, обхватив обеими руками. Потом отпрянула.

– А ты здесь откуда? – поразилась подруга.

– Я?... Так, проходила мимо, – ответила Лея. Сейчас она не замечала никого. Только несчастное лицо Оксаны стояло перед ее глазами. Она подвела подругу к дивану, который был свободен, усадила. Ильюшенька был где-то рядом. У стола или у окна. Не важно, где был сейчас Ильюшенька! Черт с ним!

– Что случилось? Что с тобой произошло? – повторила она. Оксана, шмыгнув носом, произнесла:

– Мой мачо... Мой идиот... оказался слишком ревнив... Представляешь, – начала она свой рассказ, – позвонил мне

один старый приятель. Так – ничего особенного. Парень, как парень. У меня с ним было-то всего-то несколько раз. Ну, вот. Я спустилась в кафе выпить с ним чашечку кофе... А этот... Проследил.

– И что?

– Посмотри на шею! – воскликнула она. – Когда теперь это пройдет?

– Он тебя... задушил? – ужаснулась Лея.

– Да!.. Вцепился в горло, как вампир. Как псих!!! Посмотри, какая краснота! У меня даже нет крема! Дай зеркало. У тебя есть зеркало?

Лея открыла сумочку и достала маленькое зеркальце. Та выхватила его и начала внимательно себя осматривать.

– Ну, ничего... Ничего, – бормотала она. – Могло быть и хуже... Только два синячка, а так не страшно.

– Дай косметичку! – она достала тени, помаду, расческу и начала приводить себя в порядок, говоря без остановки, а Лея недоуменно слушала.

– Вообще-то, мужик он ничего. Мачо!!! Мой Мачо!!! Ну, я тебе говорила. У него бизнес – то ли автомобили, то ли запчасти. Не важно. У нас дом! Я тебя приглашу. Четыре этажа. Бассейн. Зимний! Даже у моего предыдущего не было такого. Две тысячи квадратов особняк! Четыре спальни, восемь санузлов! Не знаю, зачем столько, но все равно класс. Можно ванну принимать восемь раз в день и каждый раз в новом месте. Ну там, солярий, джакузи, еще всякая ерунда!

Короче... Две тысячи метров...

Глаза подруги радостно горели, и Лея с ужасом продолжала ее слушать.

– ...Он на мне уже почти женился. Очень скоро свадьба. Хотим в тот же день повенчаться. С бабушкой уже договорились. Но это не важно. Главное, не будет брачного контракта, сама понимаешь. Мне всего двадцать восемь, а ему полтинник... А какой вид из окна! А какой участок! Летом поедem в Грецию. У нас там свой остров. Представляешь – свой. Своя яхта! И все это мое!.. Ну как? Красотка? – и она в последний раз заглянула в зеркальце.

– Что это? – глаза ее округлились. Она потрогала шею и не могла отвести глаз. Потом задрожала всем телом. – Что это!? Боже! Он же меня... Подруга! Он меня..., – и бросилась к Лее, громко рыдая. А из-за стола раздался смех Казановы:

– Глупость человеческая не имеет границ. Женская глупость! Великая это вещь. Тоже ведь грех!

А Филлипок добавил:

– Женская глупость? Что за грех? Так ерунда. Грешок. Недолго пробудет с нами, красотка. Что с нее возьмешь?

– С этой? – переспросила Королева, – с этой ничего!

Оксана немного успокоилась, села на диван, устало глядя в одну точку, не отрываясь. Иногда всхлипывала. Лея обернулась. Наконец заметила Илью. Тот стоял у окна спиной ко всем. Как ей захотелось в эту же минуту исчезнуть, раствориться, сбежать. Фимка тут же подошел и произнес:

– Пойдем.

Он открыл заветную дверь, ту самую, за которой находился просторный зал или перрон. Там был целый мир, где помещались тысячи, может быть, миллионы людей, там гулял волшебный ветер, и она заворожено заглянула через его плечо.

– Пошли-пошли, – повторил Фимка. Лея робко переступила через порог, и какой-то человек, сидя у двери за столом, встал, улыбнулся и спросил ее:

– Вы готовы?

Лея вздрогнула, а Фимка, крепко держа ее за руку, сказал привратнику:

– Мы всего на пару минут. Можно?

– Не полагается, – возразил привратник.

– Ну, ты же меня знаешь. Туда и обратно. А девушка на экскурсию попросилась. Хорошо?

Тот не успел ничего возразить, как Фимка дружески хлопнул его по плечу.

– Конечно, можно! Спасибо, старина! Я знал, что ты согласишься. Тем более в такой день.

– Да-да. Поздравляю, – примирительно ответил тот. Хотел что-то добавить, но Фимка уже тащил ее дальше, а дверь, откуда они появились, закрылась.

Страшно не было. Наверное, это было то место, откуда не возвращаются. Но ей стало безумно интересно и так необычно, что, забыв обо всем, она смотрела по сторонам, а Фим-

ка стремительно тащил ее за собой. Огромное пространство обрамляла бесконечная стена, в которой находились двери. Тысячи дверей! Некоторые из них были полуоткрыты, и Лея видела каких-то людей. За этими дверьми находились такие же комнаты, как и та, из которой они сюда попали, – поняла она. – Люди были разными, разного возраста, цвета кожи. Одеты они были в странные наряды. Казалось, все они были из разных стран, континентов, даже из разного времени. Те, которые находились здесь, на этом открытом пространстве, были взволнованы, и все куда-то шли. Не было хаоса. Каждый знал, куда ему идти и что делать. Каждый знал свое расписание на этом странном перроне. У каждого было свое направление и час.

– Куда мы идем? – наконец спросила она.

– Сейчас увидишь! – воскликнул Фимка и открыл какую-то дверь. Они зашли в просторную комнату, и он громко спросил:

– Месье! Не помешаем?

– А Ефим? Заходи! – ответили ему почему-то по-французски.

– Мы на минутку.

– Кто эта очаровательная мадмуазель? Почему ты не представлял нам ее раньше?

Лея растерялась. В комнате находились несколько человек в старинных военных мундирах. Все они были ей знакомы. Еще в школе, изучая ту эпоху, она видела портреты этих

великих людей. А разговаривал с Фимкой человек, изображенный на Коньяке Корвуазье, который теперь носил имя Наполеона. И еще ее поразило то, что каждый из них разговаривал на своем языке, но они прекрасно понимали друг друга. Это было абсолютное понимание.

– Представь нас, будь любезен! – воскликнул Император.

– Его высочество желает познакомиться с тобой, Лея!

Мадмуазель Лея, ваше сиятельство.

– Какое удивительное имя! Какое милое лицо.

Она улыбнулась.

– Только за одну такую улыбку можно полюбить вашу страну, а не нападать на нее. Мадмуазель, где вы были раньше?

– Спасибо за комплимент! – ответила она по-французски. – Рада познакомиться с вами. Не каждый может об этом даже мечтать. Для меня это большая честь!

– О! Мадмуазель! У вас прекрасный французский! Я польщен!

– Рада говорить на языке, на котором разговаривал сам Император! – с восторгом воскликнула она.

– Да-да. На языке. Впрочем, теперь язык не имеет никакого значения. Теперь мы понимает друг друга без слов, – и кивнул на Фимку. А тот добавил:

– И больше не воюем!

– М-да! В этом месте начинаешь на все смотреть другими глазами... А знаете что? Заходите к нам еще, – пригласил

он девушку. – Не стесняйтесь. Заходите чаще. По-соседски! По-свойски. Мы будем очень рады!

– Она не отсюда, – произнес Фимка.

– Нет? – удивился Император и брови его поднялись кверху. Неужели...

– У нее испытательный срок, – кивнул Фимка.

– Вы чудо! Вы избранная. Такого удостаиваются лишь немногие смертные. Вы Ангел! Это для меня большая честь быть представленным вам. Позвольте? – взял ее руку и поднес к губам. Император поцеловал ей руку. Этот поцелуй сквозь столетия согрел ее, отозвавшись в душе невероятным трепетом. Он долго держал ее, не выпуская и глядя в глаза. Этот, низкого роста человек в военной форме, глядел на нее с восторгом, он любовался, а она ему улыбалась. Она могла сделать только это, но больше ничего и не требовалось. Император был счастлив. Этот достойный человек, прошедший в своей западне около 200 лет, казалось, забыл обо всем, и теперь с радостью созерцал чудо, случайно запорхнувшее в его скромную казарму. Отпустив ее руку, поклонился.

– Ах да! У вас сегодня праздник! – вспомнил он. – Большое событие! Такое нужно отметить!

Он щелкнул пальцами, и его товарищ, достав бутылку, лихо открыл ее. Шампанское брызнуло во все стороны. Лее протянули полный бокал. Она смутилась, а Император засмеялся.

– Не каждый день можно увидеть такое чудо, как вы, мад-

муазель, но и не каждый день можно разыскать Шампанское дома Периньон от самой Мадам Клико. Даже в этом славном городе! Не правда ли? За вас, красавица! За вашу улыбку!

Люди в форме выпили и бросили бокалы оземь. Лея тоже отпила божественный напиток. Император произнес.

– Итак, сегодня праздник! Вам от нашего стола скромный подарок! – и в его руках появился ящик с бутылками, на котором стояло знакомое название «Корвуазье».

– Спасибо, ваше сиятельство, – ответил Фимка и поклонился, – воистину королевский подарок... Ну... Не будем вас более задерживать. Пора бы и честь знать! Прощайте, месье!

Люди в военной форме смотрели на Фимку благосклонно, с удовольствием и симпатией. Видимо, его здесь любили.

– Уходите? Нам будет не хватать ваших стихов, – сказал Император.

– Нет. Нет, не сегодня. Не теперь! В другой раз! – воскликнул Фимка.

– Что же, в другой, так в другой... Месье! – скомандовал он, и военные подтянулись.

– Сегодня нас ждет Пер-Лашез!

Повернулся к гостям, попрощался и отдал последнюю команду: – За мной!

Люди в военной форме подошли окну и, ступив на подоконник, моментально исчезли. Они словно растворились. Лея бросилась следом и у окна замерла, глядя вдаль. Это был

совсем другой город, и она знала его. Всегда мечтала попасть сюда, и теперь Париж во всем великолепии представал перед ее глазами.

– Как такое возможно? Мы в минуте ходьбы от вашей комнаты. От нашей Москвы! – воскликнула она.

– В этом здании и в этом месте пересекаются пространство и время, где все сходится в единой точке. Все меняется. Даже подъезд, куда ты вошла сегодня, для каждого свой. Ведь не могут же тысячи и тысячи ходить через нашу комнату. Проходной двор какой-то получится. Вот так! А в эту минуту ты действительно находишься в Париже!

Лея с восторгом продолжала смотреть в окно.

– А куда они делись? Тут пятый или шестой этаж!

Фимка промолчал, а ей показалось, что в свете ярких солнечных лучей где-то далеко в вышине промелькнули четыре крошечные тени, четыре фигурки, исчезнув в бесконечной дали навсегда.

– Пер-Лашез! – вспомнила она. – Старинное кладбище!

– Сегодня они поминают павших у стен Парижа, и похороненных в этом печальном месте. И так каждый день в течение 200 лет. Это – люди чести. Они выполняют свой долг до конца, сколько бы столетий им не понадобилось. Они должны попрощаться с каждым убиенным, отдав ему честь! Такое условие!

– Как Палыч?

Фимка засмеялся. Потом стал серьезен.

– Сломался Палыч. Не выдержал.

– Что с ним?

– Не смог. Бойся Палыча. Встретишь – беги. Подался Палыч к Другому... Вот так...

От этих слов ее передернуло. Но Фимка, радостно схватив со стола ящик с Коньяком и со словами: – За мной! – пинком ноги открыл дверь и выскочил наружу. Лея в последний раз посмотрела в окно и последовала за ним. Аудиенция была закончена.

– Руку не мой! – услышала она.

– Что?

– Эту руку больше никогда не мой! – смеялся Фимка. – Будешь всем рассказывать, как ее целовал сам Император.

Они уже возвращались назад, и поток людей устремился навстречу, как Фимка остановился и посмотрел на молодую женщину. Она медленно брела, держа в руках маленький предмет. Лея присмотрелась. То был крошечный медальон. Он был раскрыт, и в нем виднелась фотография. Женщина смотрела на нее и улыбалась. Фимка мягко спросил:

– Можно посмотреть?

– Да-да, конечно! – ответила женщина, протянув ему медальон.

– Какой красавец! – воскликнул Фимка и показал Лее. Там была фотография трех людей – женщины, крошечного ребенка и мужчины. Они улыбались, уверенно заглядывая в свое будущее и не думали ни о чем.

– Сколько сегодня вашему малышу?

– Уже пять лет. Через два годика в школу... А может быть, и через год отдадим. Он так быстро развивается, такой умница! Да, отдадим через год.

Потом замерла, печально улыбнулась и поправила себя:

– Муж отдаст, – и снова замолчала.

– Он у вас молодец, взрослый сильный мужчина, у него все получится... Не беспокойтесь!.. Прихватили с собой на память? – улыбнулся Фимка, возвращая медальон.

– Да! – воскликнула женщина и трепетно взяла его из рук Фимки.

– Муж мне на рождение сына подарил.

– Придется оставить, – вздохнул Фимка. – С собой забрать не получится.

– Я знаю. Знаю. Хотела взглянуть в последний раз.

– Вы итак их видите. Стоит только оглянуться.

– Да, вижу. Конечно, вижу.

– Ну, удачи вам! Еще увидимся! – воскликнул на прощанье Фимка.

– Спасибо! – ответила женщина и побрела дальше.

– Такая молодая! – прошептала Лея.

– Да, молодая! – вздохнул Фимка, – авария. Лобовое столкновение.

– Ужас! – вздрогнула она.

А Фимка не унимался. Теперь он подскочил к какой-то старушке в инвалидной коляске. Та уверенно ее катила, что

было сил, толкая тяжелые колеса жилистыми руками.

– Ну что, милая! Дошкандыбала? Доплелась? – весело окликнул он ее.

– Да, родимый. Замучилась уже.

– Ну ничего. Немного осталось! – смеялся Фимка.

– Немного! Немного! – проворчала старушка, – потом спросила:

– Куда тебе столько выпивки? Не хватило? С собой решил прихватить?

– Нет! – смеялся Фимка, – с собой не возьму, грешным делом здесь напоследок и выпью. В последний разок.

– Разок! – пробормотала старушка. – Давай уже, хватит! Пора за ум браться! Большой уже мальчик!

– Ладно, старая, не ворчи, – ответил он. – Давай! Увидимся еще!

– Увидимся! Увидимся! – и она покатила дальше.

– Куда они все? – спросила Лея.

– Сдавать костюмчики... Ну, то есть свое барахло – тела.

– Тела? – ужаснулась Лея.

– Ну да. Теперь они свободны и пойдут дальше...

– Куда? – прошептала она.

– Дальше! – тихо повторил он. – А тебе я хотел сказать, – помолчал минуту и медленно заговорил, – все у тебя получится. Все будет хорошо. – Фимка говорил мягко, словно убаюкивал.

– Он не зря тебя выбрал. Он знал, кого выбирать! Ты не

такая, как остальные. И все у тебя будет. И любовь будет, и детки. Такие, как ты, созданы для любви. А ведь больше ничего и не нужно Больше ничего нет! Ты меня понимаешь? Остальное – игра! Просто игра! Есть только любовь. Небо есть, солнце! А еще стихи... Я их так и не дописал... Значит в другой жизни. Не страшно. Допишу еще!

Опустив ящик с коньяком на землю, стоял и шептал что-то себе под нос.

– Обязательно допишу. Эх, сколько времени попусту потрачено. Знать бы раньше... Рождаемся, и все с чистого листа. Почему бы нам память не оставить эту? Почему все так странно? Все с самого начала... Нет! Не сначала. Все остается здесь! – и он ткнул пальцем в лоб. – Все можно вспомнить и шагать дальше... нужно только захотеть...

– Фимка, ты что? – воскликнула Лея. Он очнулся, через силу улыбнулся, схватил с земли ящик и начал отбивать четку. Люди вокруг начали смеяться, аплодировать, и Фимка в обнимку со своим подарком продолжал танцевать. Танцевать на БИС!

Снова знакомая дверь, снова люди-нелюди. Все они сидели, занимая места за столом, и смотрели на Фимку. Тот усадил Лею на свободный стул, выставил на стол бутылки.

– Чего сидим? Кого ждем? Наливайте! Смелее! Филлипок, банку!

Филлипок начал открывать бутылки и разливать коньяк в заранее приготовленные фужеры. Остальные чинно сидели

и молча смотрели на именинника. А тот прошел в дальний угол комнаты, взял со стула пиджак, подаренный Леей, надел его, невозмутимо стащил ботинок – подарок Геры, отшвырнув его в сторону, натянул вместо него лайковый, полюбился собой, оставшись очень довольным. Теперь он был при параде и вернулся к столу. Люди, сидящие здесь, приосанились, подтянулись. Они с каким-то уважением, внимательно смотрели на Фимку и их настроение передалось Лее. Видимо, так и отмечали дни рождения в этом странном месте люди, давно окончившие свой жизненный путь.

– Готово! – воскликнул Филлипок и замолчал. Молчали Казанова и Королева, молчал Ильюшенька. Он задумчиво смотрел на Фимку, о чем-то сосредоточенно думая. Притихла Оксана, которая сидела рядом с Леей. Наступила торжественная минута. На столе не было еды или закусок, не было праздничного торта. Только бокалы, в том месте, где еще недавно разворачивались карточные бои.

Нет! Еще была свеча и маленький кусочек хлеба! – заметила Лея. Кусочек ржаного хлеба, который лежал рядом с именинником. Фимка достал спички и зажег свечу.

– Поскольку сегодня день моего рождения, мой праздник, говорить буду я! – начал он свою речь.

– Сегодня я поздравляю себя с этим знаковым событием. В такие минуты принято подводить черту. Что же! Я готов!.. Было все! И работа и семья! Были стихи и премьеры! Была короткая жизнь... Бессмысленные годы. Но все это в да-

леком прошлом, а то что можно забрать с собой, останется здесь навсегда, – и он приложил руку к сердцу. Лее стало не по себе. Жизнерадостный веселый Фимка теперь был серьезен, как никогда. Он не предавался меланхолии, но каждое слово вынимал из-за пазухи, трезво обдумывая, не сотрясал воздух шутками и прочей ерундой и говорил праздничную речь.

– Как мы живем?! Рождаемся и словно попадаем на стадион с длинными беговыми дорожками. А вдалеке на финише виднеется огромный праздничный торт с кремовыми розочками, с шоколадом, фруктами, мармеладом и всякой всячиной. И вот начинается бег. Все толкаются локтями, ставят подножки, норовят толкнуть в спину, наступить, затоптать. И еще замечаешь, что эти люди на беговых дорожках находятся на разных расстояниях от своей сладкой цели. Кто-то на полпути, кто-то в шаге от нее, а некоторые избранные уже забрались и сидят верхом, пожирая его. Они перепачканы кремом, корчат невероятные рожицы, со смехом и презрением глядя на остальных. А некоторые находятся на таком расстоянии, что жизни не хватит добежать. Таких большинство! Но все равно несутся сломя головы, не думая ни о чем. И глядя на этих... спортсменов – любителей сладкого, невольно рождается мысль – а стоит ли туда бежать. А может, нужно остановиться, оглянуться, посмотреть по сторонам и мчаться совсем в другую сторону или просто пойти размеренно, осмысленно, не толкаясь и не наступая, и ты увидишь, как

прекрасен этот мир. И тогда, может быть, поднимешься над этим стадионом и поймешь, что жизнь – не беговая дорожка, а нечто другое, и полетишь, и сделаешь это быстрее других. Что-нибудь после себя оставишь. Хотя бы сделаешь попытку...

Почему-то стало грустно. Лея посмотрела на остальных. Те тоже были серьезны и внимательно его слушали.

– Хватит пустых слов! Не оглядываясь больше назад, хочу пожелать себе достойно прожить отведенный мне срок – годы или столетия, снова и снова возвращаясь сюда, пока эта земля принимает меня и носит! Что еще добавить?... Простите, если что-то было не так, – и он потрянул головой. – Все!.. Давайте! – громко воскликнул он, и все встали. Почему-то не чокаясь, выпили. Лея тоже пригубила волшебный напиток. Ей стало жутко. В эту минуту она не понимала, что происходит! Широко открытыми глазами смотрела на остальных. Все выпили и поставили фужеры на стол, сев на свои места, и только Фимка продолжал стоять, держа в руках коньяк. Он внимательно рассматривал прозрачный, хрустальный фужер, о чем-то думая.

– Пей! – воскликнул Филлипок, – сегодня можно! Сегодня твой день!

Фимка поднес фужер к лицу, посмотрел на коньяк сквозь прозрачный хрусталь, погрел в ладонях, понюхал. Лея впервые видела, как Фимка получает от этого удовольствие. Он с восхищением трезво смотрел на божественный напиток, го-

Товясь выпить.

– Фимка! Давай! – воскликнул Казанова.

– Давай, старый трезвенник! – поддержал его Филлипок.

– Ну что же вы, Ефим Григорьевич? – отозвалась Королева, – смелее!

Фимка в последний раз взглянул на фужер, поднес его к губам, неожиданно поставил на стол, улыбнулся и воскликнул:

– Не в этой жизни! – и положил на него кусочек ржаного хлеба. Лея в ужасе вздрогнула. Она смотрела на горящую свечу, на фужер с коньяком, прикрытый корочкой хлеба. Стало жутко. И тут она поняла все.

– Не вздумай реветь! – засмеялся Фимка, глядя на нее, – Не реветь я сказал! В мой праздник! Налейте ей еще! Давай-те, друзья, пейте... Помните, как там у Пушкина? – уже почти кричал он.

Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Прощайте! – и он выскочил из комнаты. Оттуда послышался возглас привратника:

– Вы готовы?

– Да! Готов! А ты не видишь? Еще как готов... Стой! Еще одну секундочку.

Дверь открылась, и Фимка вновь появился на пороге. Он подскочил на месте, и ногами быстро засучил по паркету, а лайковые ботиночки начали отбивать барабанную дробь. Фимка напоследок танцевал! Потом замер, оглядел всех, махнул рукой:

– Все! Теперь все!

Больше его не видели. Дверь громко захлопнулась, и в комнате воцарилась тишина. Лея едва сдерживала себя, остальные молча сидели, задумчиво глядя на свои фужеры. Вдруг из-за двери послышалось:

– Ну что, родимые. Жаждались? Всем пррривет! А ты откуда здесь? Ну, здравствуй, дорогой! Какие люди!!! Посмотри, какая красotka! Ну ты прелесть, просто блеск! Пойдем, пройдемся напоследок! И у тебя сегодня праздник? У всех праздник, господа!.. Гуляем! День рожденья...

Его голос таял в нарастающем шуме. И вот уже сильный ветер зашуршал за дверью, снося и низвергая все на своем пути. И снова тишина... Кромешная тишина...

– Прощальная гастроль! – послышался голос Филлипка. Лея больше ничего не слышала, она сорвалась с места и выскочила из комнаты. Быстро сбежала по ступенькам. Зачем-то обернулась, но не увидела никого. За ней никто не шел. Впрочем, это ее не удивило. В той комнате она больше не нужна была никому.

Неслась по городу, никого не замечая. Она должна была

успеть. Солнце уже начинало садиться, и скоро наступят сумерки. Она должна попасть туда именно сегодня! У ворот кладбища остановилась и достала деньги. На всю оставшуюся сумму купила охапку тюльпанов и прошла внутрь. До закрытия оставалось полчаса. Сначала не могла разыскать Фимкину могилу. Тогда была ночь, а теперь в ярком свете солнечных лучей все выглядело совсем по-другому. Снова и снова кружила между могилами, пока не набрела на знакомое место. Здесь Фимка танцевал чечетку, здесь были похоронены его друзья, а вот и его могила. Последнее пристанище. Вдруг заметила, что у его скромной плиты находятся два человека – пожилая женщина и молодой человек лет тридцати. Они стояли и молча смотрели на его фотографию. Лея замерла. Кто мог прийти к нему сюда? – недоумевала она. Потом в голове промелькнуло – его бывшая жена и сын. Сначала не поняла, потому что представляла их совсем другими. В рассказах Фимки они оставались молодыми, а его сын был совсем еще ребенком. Но это было так давно. Лея стояла, нервно сжимая цветы, и терпеливо ждала. Женщина наклонилась, поправила маленькой лопаткой только что посаженную рассаду и встала, на прощанье оглядев могилу. Молодой человек, что-то вынув из сумки, подержал в руках, словно прощаясь, потом взглянул на фотографию отца и положил эту вещь на плиту. Они еще немного молча постояли, потом женщина взяла сына под руку, и эти двое направились к выходу.

Лея осталась совсем одна. Вокруг не было никого, скоро кладбище должно было закрыться, и редкие посетители уже успели разойтись. Подошла к могилке, положила цветы, потом взглянула на странный предмет, с удивлением обнаружив, что это книга. Трепетно взяла ее в руки. Сборник стихов! Начала листать. Ощувив на себе чей-то взгляд, обернулась. Перед ней возник образ Фимки. Он светился в зарождающихся сумерках, переливаясь серебряным светом.

– Положи на место! Не твое! – он ехидно улыбался, но было видно, что рад снова видеть девушку.

– Как вы мне все надоели! Не дают спокойно умереть!.. А за цветы спасибо! – и засмеялся.

– Фимка! – удивленно прошептала она. – Фимка!

– Да, Фимка! Кто же еще! Фимка и есть! – и, посмотрев на книгу, произнес:

– А стихи я все-таки дописал. То есть мой мальчик. Разыскал незавершенное и закончил. Дописал-таки! Моя кровь! И как дописал! А сколько еще всего наваял! Настоящий поэт! Теперь со спокойной душой можно и на покой... Ну что, дорогая, плакать будем?

– Будем, – прошептала она.

– Будем, – довольно проворчал он. – Конечно, будем! Бедолага! Нечего тут с мертвецами разговаривать! Иди-ка ты, девочка,... живи! У тебя все еще впереди! Иди, сражайся! Фимку не забывай, но сюда больше не приходи. Нечего тебе здесь делать! И еще... Забудь ты этого... Выбрось из головы.

Не стоит он тебя! Парень он ничего, только...

– Что? – тихо спросила она.

Фимка широко улыбнулся, глядя куда-то вдаль. Потом перевел взгляд на нее и повторил уже громче:

– Я говорю, парень он нормальный. Вот только...

– Что? – уже громче спросила она.

А Фимка уже кричал на все кладбище что было сил:

– Никогда ему не полететь, вот что!!! Слишком тяжел для этого! И для тебя тоже! Якорь на шее!.. Якорь и все тут. Не полетит он, и ты с ним рядом будешь, как травинка на ветру, к земле клониться. А тебе нужно воспарить над этим миром и стать свободной! Понимаешь? Свободной! А этот, – и он пальцем указал на кого-то за ее спиной. Она нервно оглянулась. Там показалась большая фигура... Ильи. Она быстро приближалась.

– А этого... гони взащей! – продолжал ёрничать Фимка. – А ну его совсем. Не боец! Не воин! Якорь и все тут... Слушайте! Как вы мне все надоели! Не кладбище, а проходной двор. Даже здесь не дают покоя!

Лея смотрела то на Фимку, то на бегущего Илью. А тот стремительно приближался.

– Что вы от меня хотите? – зло воскликнула она, глядя на гиганта.

– Прощай! – Фимка начал таять, а его изображение исчезать, растворяясь в серебристой прозрачной дымке. Теперь он, растопырив пальцы, махал ей рукой и улыбался.

– Прощай!!! – кричал он. – А этого гони-и-и! Ну его совсем!!! Ну его! Гони-и-и-и!!!

Она неотрывно следила за мерцанием серебряного облака, в котором еще видна была фигура Фимки. Вдруг почувствовала, как большая рука обхватила ее за талию. С ужасом ощутила, что отрывается от земли, повисая в воздухе. Дико закричала. Стало страшно, но она поднималась все выше и выше, уже парила над могилами, а сильная рука, что было силы, прижимала ее к мощному телу.

– Отпусти меня!

– Нет!

– Отпусти меня, мы упадем!

– Нет!!

– Я боюсь высоты!

– Я тоже!!!

– Вот дураки! Ей Богу! Как дети! – уже хохотал Фимка, размахивая руками.

– Дураки и все тут!.. Слава Богу! Наконец! Свершилось! Он сделал ЭТО! – и с этими словами Фимка исчез совсем. Теперь уже навсегда.

20

– Ну все! Хватит! – взмолилась она, зажмурив глаза. – Ты сделал это, ты доказал! Теперь спускайся вниз!

– Вниз? – прогремел мощный голос за ее спиной. – Ну уж

нет! Я еще даже не начинал!

– Я боюсь высоты!

– Бойся!

И мощным рывком они вознеслись над землей, оставив внизу улицы и площади, тротуары и дороги, длинные вереницы машин, кладбище и старый особняк в самом центре Москвы. Город теперь казался крошечным пятнышком на испещренной карте земли, а они продолжали свое восхождение. Лея боялась открыть глаза. Невероятный страх сковал все тело. И только большая теплая рука крепко прижимала ее, не давая упасть, не давая сорваться с этой скалы и неминуемо разбиться. Ветер шумел в ушах, но холодно не было. Было нестерпимо жарко. А тело гиганта теперь было для нее теми волшебными качелями, на которых она раскачивалась на невероятной высоте. И вдруг почувствовала, как бьется его сердце. Оно колотилось с бешеной скоростью, напоминая раскаты грома. Лея крепко ухватилась за его руку и открыла глаза.

Это было невероятным. Солнце, которое уже собиралось свалиться за горизонт, снова было в зените. С сумасшедшей скоростью они летели вслед за ним и уже догоняли. Они догоняли солнце, которое радостно слепило им глаза и улыбалось. Как долго оно ждало их на этой призрачной высоте. Как долго готовило к этой встрече!

Летите! – шептала им пропасть, разверзнувшаяся далеко внизу.

Летите! – звала бездна, распростертая над головами. Бояться больше нечего! Сейчас они были центром вселенной, а центр притяжения находился здесь, на этой высоте, на млечном следовании их стремительного пути. И только звезды мерцали в вышине. Облака белыми медузами проплывали далеко внизу, а над головой было высокое голубое небо, там дальше красавица Луна, галактика, вселенная. Все выстроилось перед этими двоими в торжественном параде, любуясь ими. Да и кем еще было любоваться на такой высоте, где находились только они одни. Даже птицы не рискнули подняться сюда, побоявшись ледяным холодом опалить себе крылья. А этим было все нипочем. Холодно не было. Наоборот, было невероятно жарко. Она снова посмотрела на землю. Там во всем своем великолепии распластались реки и озера, бесконечные поля и луга. Уже не было видно городов и дорог, следов цивилизации. Исчезло время, исчезли расстояния. Теперь красавица – голубая планета представляла пред ними в своем первозданном виде, какой и была миллионы лет назад. Миллионы лет!!! А значит, где-то там внизу раскинулся бескрайний зеленый луг, дальше высокий холм с отвесной скалой, где в пещерах жило удивительное племя и мамонты бродили неподалеку, купаясь в холодной реке и ища себе корм. А те двое – он и она, держась за руки, сейчас, наверное, были на самой верхушке горы и любовались закатом. Вот они возьмутся за руки, сделают шаг и... полетят!

Вдруг с ужасом подумала:

– А если упадут? А потом их кости соберут и отнесут в музей!!! Нет, не упадут, непременно полетят. Теперь она верила в это абсолютно точно. Снова почувствовала горячее тело Ильи, и еще крепче вцепилась ему в руку. Потом возникло непреодолимое желание оторваться, расправить крылья и полететь рядом, почувствовать восторг невероятной гонки на недостижимой высоте. И еще подумала – разве можно бояться высоты? Если ты низко, если ползаешь по Земле, тебе страшно, но стоит забраться так высоко, бояться нечего. А если тебя обнимает эта сильная рука, тем более...

Они уже пролетели тысячи километров, и теперь бесконечный океан закрывал все пространство вокруг. Он был синим, спокойным, словно приглашал спуститься, окунуться в теплые волны и сменить восторг одной стихии на другую. Сорваться с небес, стремительной стрелой вонзиться в сверкающую волну и мчаться, преодолевая мили водного пути. Вода будет бить в лицо, смывая остатки городского дурмана, которым за долгие годы пропитались их тела. Там, наверху, его сдувал сумасшедший ветер, а теперь соленая вода растворяет остатки запахов цивилизации, и умытые, чистые, они выползут на берег и, как дикие звери, помчатся по горячему песку, по зеленой траве, утопая в дикой роще зарослей. Вдруг увидела, как они начали стремительно спускаться на маленький клочок земли, затерявшийся в водной пустыни, где вокруг совсем никого. И на этом острове тоже никого. А, куда не посмотри, бескрайний океан.

Он выпустил ее из рук, как крошечного птенца, и она легко опустилась на колени, утонув в мягком теплом песке. Сел рядом. Провел рукой по ее волосам. Она пристально на него смотрела. Не боялась. Наконец, она была рядом с этим удивительным человеком, и больше ей не нужен был никто. И думать тоже не хотелось ни о чем. С восторгом смотрела ему в глаза и улыбалась. Улыбалась так, как доселе никому и никогда в жизни. Даже та, вчерашняя улыбка, была слепой пародией на этот восторг, а сердце бешено колотилось. И улыбка эта теперь принадлежала только ему одному. Сколько она берегла ее, сколько хранила, вынашивая с нерастраченной болью в сердце, сколько ждала, и наконец ей было кому ее отдать. Он протянул руку, привлек ее к себе. Лихорадочно начал срывать с нее одежду. Она помогала, словно боясь опоздать, боясь потерять этот волшебный миг, который затаился, маленьким облачком зависнув во времени. И время остановилось, уступив благосклонно, вожделенно и с радостью этим двоим. Наконец она ухватила за это короткое мгновение, и не выпускала, а этот сильный человек не отпускал ее.

Есть мгновения, которых ждешь долгие годы, может быть, столетия, жизни не хватает, и уже начинаешь новую жить, мечешься, мечтаешь, снова ищешь. Наконец находишь, но оно неуловимо ускользает. Почему? Может быть, боишься чего-то, проходишь мимо, не замечаешь. Но если ты его нашел, нужно бороться до конца. Этот миг! Он так прекрасен

и мимолетен. Он может за считанные секунды раствориться, исчезнув навеки. Но если тебе повезло, если ты вцепился в него, стирай себе руки в кровь, борись, и тогда этот крошечный кусочек времени, этот бесценный отрезок, этот горячий комочек счастья может превратиться в бесконечно долгую жизнь. Главное не думать ни о чем, держаться за него, и за эту теплую руку, и просто любить. А больше ничего и нет... Только миг... Миг длиною в целую жизнь...

Она смотрела на него, на прекрасное тело, которое в мокром песке напоминало гигантскую обнаженную статую, и любовалась. Он тоже смотрел в ее глаза и не мог оторваться. Он любил ее, и она тоже его любила, как совсем не бывает в жизни. В той жизни... И уже не верилось, что та жизнь была...

Вдруг вскочила, стремительно пробежала несколько шагов и бросилась в океан, а тот благосклонно принял ее, ласково накрыв теплой волною. Сейчас ей захотелось снова на короткое мгновение побыть одной. Только одной, где вокруг водная стихия и больше никого. Побыть одной, зная, что, на берегу ее ждет человек, которого она бесконечно любит. И он тоже любит. Но сейчас пусть ждет. Он ждал ее столько лет, не знал, что такое бывает, уже не верил ни во что, но теперь, глядя на это обнаженное чудо, которое то исчезало на глубине, то появлялось в пенных волнах океана, смотрел и любовался. И не хотел сделать шаг в ее сторону, словно понимая. Он подарил ей и небо над головой, и солнце, безум-

ный полет над облаками, и волшебный океан, а теперь смотрел, как она с ним играет, и томная нега разливалась по всему телу. Разве такое может быть? Разве там, в далекой жизни, это было возможно? Нет!

– Иди сюда! Ну! Иди же! – наконец позвала она. Ее мокрые рыжие волосы прилипали к груди и плечам. Волны нежно накатывали, лаская. Сейчас она напоминала фею или какое-то неземное существо. Глаза светились от счастья, соленые капли искрились на ее теле, переливаясь в лучах яркого солнца. Она была удивительно красива, как бывает красива женщина, которая любит. А она любила, и он тоже любил...

Наконец они оторвались друг от друга, выползли на берег и улеглись на горячем песке.

– Я голодна! – неожиданно воскликнула она.

– Да? – удивился он, потом добавил, – я тоже. Мы снова становимся людьми, – пробормотал он.

– Разве мы не были ими раньше?

– Нет. Я нет. Очень долго. Целое столетие. Может быть, даже больше.

– А сейчас?

Он смотрел на нее с восторгом и нежностью.

– Сейчас появляются желания. Простые и естественные. Как все оказалось просто, – и задумался. Потом очнулся.

– Я сейчас.

Он вскочил и бросился к высокой пальме, с которой свисали какие-то плоды. Кокосовые орехи! – поняла она. Он

ухватился за крепкий ствол и начал трясти его, что было сил. А сил у этого огромного человека хватило бы, чтобы вырвать с корнем дерево, раздробив его в щепки. Тяжелые плоды посыпались, падая ему на плечи и голову. Но он, не обращая внимания, продолжал трясти несчастную пальму, а та, поняв, что этот дикий человек не остановится, отдала ему весь урожай спелых плодов. Он выбрал один, самый крупный орех, легко разбил его о ствол на две половинки. Разыскав острый камень, начал вырезать кусочки мякоти, а белый сок тек по его рукам. Лея заморожено смотрела. Где-то она уже видела такое. Может быть, в ее снах, которые не давали покоя в последнее время. Потом Илья вернулся, встал на колени и подал ей половинку ореха, как прекрасную чашу, из которой она напилась божественного нектара. Этот сок напоминал молоко. Он был белым и сладким на вкус. Ничего прекраснее в своей жизни она не пробовала. Он снова вскочил и через несколько минут вернулся с огромной охапкой бананов, с двумя ананасами и какими-то плодами, похожими на желтые сливы. Они ели эти спелые плоды, пили сок, жевали кокосовую стружку.

Встав на колени, она подползла к нему и начала поливать его остатками этого сока. Руки нежно растирали его тело, которое в ярких солнечных лучах сверкало на солнце, а она смеялась. Он снова привлек ее к себе. И совершенно счастливые, мокрые от соленой воды, от сладкого напитка, от дивного дурмана вновь соединились, сливаясь с пляжем и мор-

ской водой, с небом над головой, и снова любили друг друга.

Очнувшись, опять пили божественный нектар, и напиться не могли. Наконец улеглись на горячий песок и долго смотрели на небо. Там летели крошечные барашки. Они были маленькими и белыми. Вдруг Лея заметила, как один из них превратился в сердечко, а через мгновение уже Илья читал белые буквы на небесной доске, которые чертили волшебным мелом удивительные слова. Они появлялись и растворялись, сменяясь в белые пушистые комочки, и снова мчались наперегонки.

– А если кто-то увидит? – спросила Лея. Она лежала спиной на его груди, и ей было удивительно хорошо. Она хотела навечно остаться здесь и смотреть на небо, чувствуя тепло родного тела, и читать слова, которые плыли в вышине.

– Никто не увидит, – ответил он. – Некому.

Лея повернулась к нему и начала на его груди рисовать струйками песка, который потом смахнула, и долго, молча, на него смотрела.

– Хочешь одеться? – спросил он.

– Нет, – ответила она. – Никого же нет?

– Да. Кроме тебя и меня никого. Остров необитаем.

– Тогда зачем одежда?... Зачем она нужна? – снова спросила она и, прищурившись от яркого солнца, улыбнулась, глядя ему в глаза.

– Я тебе нравлюсь?

Он помолчал. Он не знал, какие найти слова.

– Ты прекрасна. Я никогда не думал, что женщина может быть так удивительно красива, – и провел рукой по ее плечу, по шее, по ее щеке. Потом начал рисовать замысловатый рисунок на ее белоснежной гладкой коже, и каждое прикосновение отдавалось сладостной мукой. Она таяла от этих рук, от тепла и нежности, на которую был способен этот большой сильный человек, растворяясь в сладкой неге. То был дивный сон, волшебный полет. Она вновь парила над пляжем, над зелеными пальмами с сочными плодами, над синевой воды, а нежный ветерок шевелил ее волосы. И чувствовала сейчас только эти руки. Он вновь привлек ее к себе, и долго не выпускал. Он любил ее так, как делают это дикие звери. А он и был сейчас тем зверем, который столетие провел в долгой спячке, в одиночной ледяной берлоге без воздуха и воды, без надежды на будущее, без любви. Но теперь выбрался наружу и, огласив пространство мощным звериным рыком, увидел яркий солнечный луч в вышине, увидел ее, и сбросил сонный дурман. А она уже ни о чем не думала, не помнила и не ведала ничего, только чувствовала себя тигрицей или пантерой, которая так долго неслась по бескрайним просторам, стгорая от одиночества и тоски, от жажды и голода. Но вот он настиг ее, и теперь она пила из его рук волшебный бальзам. Пила этот божественный напиток снова и снова! Пьянела, но насытиться не могла. Ее рыжая грива развевалась на ветру, и только шум набегающих волн и крики чаек...

– Давай останемся здесь! – спустя какое-то время прошеп-

тала она.

– Давай! – Он лежал на спине и опять смотрел в небо. Потом глаза его начали закрываться, и Лея с удивлением заметила, что он засыпает! Он не спал уже сотню лет, давно разучился делать это, но теперь спал сном младенца. Лея провела рукой по его щеке, он улыбнулся, но сейчас был где-то далеко-далеко, а его мощная грудь, то поднималась, то опускалась от мерного дыхания.

– Человек. Снова человек, – прошептала она. – И желания у него снова человеческие. Как давно он им не был...

Она легла рядом, прижав его руку к своим губам, посмотрела на небо.

– И почему мужчина после... сразу же засыпает? Как странно!? Как удивительно!? Хотя, он не делал этого уже целое столетие. Пусть поспит! – вздохнула она, и снова начала разглядывать белые облака, которые медленно летели по небу. Вдруг одно из них ей что-то напомнило. Там отчетливо виднелась фигурка сказочного человечка. Он висел в вышине и... Он махал рукой. Широко растопырив пальцы, он махал ей рукой!

– Вот негодник! – улыбнулась Лея. – Даже здесь он ее разыскал. И ей стало удивительно хорошо и спокойно. Она помахала в ответ и «негодник», скромно потупив глаза, растворился в голубоватой дымке. Потом она прикрыла глаза и погрузилась в сон. В волшебный сон, который наконец принял и ее в свои объятия.

– Я снова человек? – напоследок подумала она...

– Ты женщина! – услышала она чей-то шепот. А может это ей только показалось?...

– О! Нудийский пляжик! Неплохо устроились! – услышала она, просыпаясь. Над ней стоял Филлипок и нагло ее разглядывал.

– Вы не могли бы... смотреть в другую сторону? – смутилась она, садясь на песке, сплетая руки на коленях.

– А кого стесняться? – удивился он, – здесь никого нет... кроме меня... Да и меня уже давно нет! – засмеялся он.

– И все-таки!

– Не бери в голову, девочка! Все свои!

Огляделся по сторонам, проворчав:

– Какая жара! Даже кондиционера нет! – и начал раздеваться. Оставшись в длинных семейных трусах, вновь посмотрел на нее:

– Ну что?

– Что?

– Остров купишь?

– Вы мне надоели!.. Да! Куплю! Этот!

– Можно и этот! Я уже провел маркетинговое исследование. Документы готовы!

Филлипок стоял в одних трусах, а в руках держал портфель. Потом достал оттуда какие-то бумаги и начал читать:

– Слушай меня! Этот остров стоит 4 миллиона заморских

фантиков. Продается он муниципалитетом одного островного государства.

– Какого государства?

– Тебе не все равно?

– Абсолютно все равно!

– Я тоже так думаю! Все острова одинаковые. Не перебивай!.. Слушай дальше. Когда они узнали, что покупатель русский, добавили к этой сумме еще один нолик. Получилось сорок миллионов.

– Почему?

– Потому что покупатель – русский! Не понимаешь? Потому что, для контингента, который скупает острова, все равно, сколько там будет нулей! Ну, они же русские! Понимаешь?

– Да, – ответила она, не понимая.

– В нескольких километрах находится еще один остров. Он под другой юрисдикцией и стоит всего пять миллионов. Могу предложить его.

– Нет!

– Что нет?

– Хочу именно этот!

– Правильно, моя девочка. Так и нужно! Ни в чем себе не отказывай! По рукам?

– Да!

– Давай деньги! – серьезно произнес он.

– Я забыла кошелек дома! – улыбнулась она.

– Это серьезное дело, а ты шутишь! – воскликнул он и почесался от укуса какой-то букашки.

– Деньги давай! – повторил он.

– Вы серьезно?

Она немного помолчала и тогда он добавил:

– Значит так. Мы проводим одну финансовую операцию, и через два дня нужная сумма будет у тебя в кармане. Нужно подписать кое-какие бумаги.

Он достал еще несколько документов, протянув ей ручку.

Она с беспокойством посмотрела на Илью. Тот спал и, по-видимому, ему снился какой-то сон. Казалось, что он бежит куда-то, может быть, снова летит, его грудь ровно вздымалась и опускалась, а веки дергались.

– Но сначала я тебе расскажу, что это за блестящая операция...

– Можно говорить тише? – спросила она.

– Что? Тише? – удивился он.

– Да! Тише! И если можно, не смотреть на меня так.

– Как?

– Никак! Никак на меня не смотреть! – воскликнула она.

Он отвернулся и темпераментно продолжил:

– Значит так! Мы в одном банке берем некоторую сумму.

Они на этот короткий срок становятся нашим инвесторами, а потом...

– Еще тише!

– Что? Тише?... Ах, да... А потом, они подставляют кре-

дитное плечо, равное двумстам... Ты понимаешь?

– Что?

– Я говорю двумстам!

– Ну и что?

– Это же очень хорошее плечо! И комиссия их составит всего пять процентов.

– А можно быстрее?

– Быстрее нельзя. Все произойдет ровно через два дня.

– Можно говорить быстрее и короче, и делать это немного тише?

– Тьфу! Вот глупая... А дальше! Дальше на рынке произойдут события, которые создадут некоторую волатильность. Простым смертным эту информацию знать не дано! А я знаю и воспользуюсь этим! Мы будем продавать. В назначенный день, час и минуту возникнет большая свеча, равная тремстам пунктам! Рынок сойдет с ума! Никто не будет знать, что делать! Начнется паника! А мы будем продавать и продавать, а на пике закроем позицию...

Она снова с беспокойством посмотрела на Илью, тот что-то пробормотал, повернувшись на бок. Она взяла его руку, он, не просыпаясь, крепко ухватился за нее и снова что-то прошептал. Она залюбовалась им...

– Ты слушаешь меня или нет!? – воскликнул Филлипок.

– Я же просила, будьте человеком, можно говорить тише?

Он спит!

– Человеком? – удивился он. – Спит!? Тебе не интересно!

Да тебе... просто не интересно! – обиделся Филлипок.

– Мне очень интересно, но я... ничего не понимаю, – призналась она.

– А тебе и не нужно ничего понимать. Я все сделаю сам!

– Хорошо!

– А потом...

– Через два дня этот остров будет наш. Я уже поняла.

– Не ваш, а твой... И все-таки, оцени комбинацию! Это сделка века! О тебе будут писать во всех газетах, тебе будут завидовать. Всякие Соросы – жалкие менялы по-сравнению с тобой. Это самая блестящая сделка за последнее столетие! И ее проведу я!.. И ты. Вопросы есть?

– Да!

– Какие?

– Нельзя ли не смотреть на меня так!?

– Тьфу! Все. Подписывай!

– Где?

– Здесь... здесь... и здесь...

Он вынул из ее рук бумаги и напоследок произнес:

– А ты ничего. Миленькая. Тебе нагота идет!

– Не про вашу честь, уважаемый!

– Если бы я был Казановой, давно бы уже...

– Что? – не выдержала она.

– Что? – воскликнул, проснувшийся Илья.

– Нет, нет! Ничего! Отдыхайте, ребята! Это я так, проходил мимо. Покедова! – и он побрел по пляжу, в одной руды

ке неся портфель, а в другой одежду, которая волочилась за ним по песку. Наконец скрылся за сопкой. Эти двое проводили его взглядами, и Лея, взяв руку Ильи, поднесла ее к губам. Потом сказала:

– Ты спал. Спал, как ребенок. Большой ребенок!

– Чего он от тебя хотел?

– Кто?

– Он.

– Тебе показалось. Здесь никого не было. Только ты и я!

И быть никого не могло. Это же необитаемый остров.

– А эти?!

– Кто!? – воскликнула Лея. Вдруг увидела, как вдалеке из-за холма появились два человека. Нет, не человека! Это были Казанова и Королева. Красавчик держал ее под руку, помогая старой даме не упасть, не увязнуть в зыбком песке. На мгновение они замерли, косо посмотрев на этих двоих, и скрылись. А над головами снова возникло маленькое облачко, которое удивительным образом напоминало Фимку и махало им рукой. Потом и оно исчезло.

– И это называется необитаемый остров? – произнес Илья.

– Это называется – проходной двор! – ответила она и засмеялась. Больше они не видели никого. Никого и ничего, только друг друга. И так много-много времени, минут и секунд, мгновений, долгих часов и дней, которые принадлежали теперь только им двоим...

На чудесном острове они прожили две недели, и каждый день равнялся целой жизни. У них появились новые занятия, и теперь с радостью делали все новые открытия. Сначала придумали себе жилье. В первый же день Илья собрал огромный ворох ветвей пальм, которых здесь было великое множество, и начал строить небольшой шалаш. Он возился с ним до самого вечера. С невероятным усердием учился вязать упрямые ветви, скрепляя их между собой. Сначала ничего не получалось, все разваливалось, казалось, он сейчас зарычит от злости. Он уже готов был разорвать эти неподатливые ветви, но снова брал себя в руки, продолжая строительство. Лея молча наблюдала за ним, ничего не говоря. Сейчас этот большой сильный человек напоминал ей ребенка, которому подарили игру, а он не знал, как в нее играть. Но с третьей или с пятой неудавшейся попытки, его сооружение начало принимать очертания, похожие на маленький уютный домик, а он продолжал трудиться, теперь с удовольствием поглядывая на свою работу. Несколько раз заползал внутрь, что-то проверял. Наконец выбрался, мощным телом облокотился на его зеленую стену, сооружение заскрипело, зашаталось, но выдержало. Пока он строил, Лея успела пройтись по пляжу и неподалеку обнаружила скалу, нависающую над океаном. А у ее основания – небольшой уютный грот.

Когда она сообщила Илье о своей находке, тот с неудовольствием оторвался от своих дел, пошел за ней и скептически осмотрел маленькую пещеру. Потом воскликнул:

– Здесь темно и сыро... Здесь холодно! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе жить в таком месте? Только в нашем доме! – громко добавил он.

– К тому же... тебе не надоело в городе жить в каменном жилище?

– Надоело! Ты прав! – улыбнулась она.

– Конечно, прав! – довольно проворчал он.

– Хорошо, мой господин! – воскликнула она. Но в таком случае одеваться мы будем в одежду, которую сошью я!

– Одежду? Сошьешь? – удивился он. – Кто-то собирался ходить голышом? Тебе это очень идет!

– Спасибо, – оценила она комплимент, – но если станет холодно? Если пойдет дождь?

– У нас есть одежда! – воскликнул он.

– Одежда? Не надоело ходить в городской одежде?

– Надоело! Ты права! – улыбнулся он.

– Конечно, права! – осталась довольна она. И каждый занялся своим делом.

И наконец, когда горячее солнце начало клониться к горизонту, он позвал ее, демонстрируя свое творение. Первое в их жизни жилище!

– И откуда он все умеет? – удивлялась она, глядя на Илью, показывая ему свою работу. Лея разыскала на острове ку-

старник с прочными стеблями и несколько часов подряд плела из них одежду. Получилась ткань, напоминавшую кольчугу – зеленую сеточку с мелкими отверстиями. Уже успела надеть ее на себя и теперь облачала Илью. Сейчас эти два человека напоминали туземцев или дикарей. Когда он заметил на ней обнову, сначала удивился, потом стал любоваться. Ее фигуре невероятно шел этот зеленый наряд. Он мягко облегал ее стройное изящное тело, и ему захотелось схватить за край, потянуть на себя, рвануть что было силы, разорвать на части. Но, вовремя остановившись, спросил, показывая на отверстия в ткани:

– Ты специально их оставила и не заплела?

– Да! – ответила она.

– Тебе нравится?

– Да! – ответил он. – Покажешь потом, как это снимается?

– Хорошо! – ответила она и улыбнулась.

Одеждой они остались очень довольны. А вечером долго молча сидели на берегу и смотрели на заходящее солнце. А когда ночью заползли в небольшое отверстие в стене шалаша, улеглись на огромный мягкий топчан из ветвей и посмотрели вверх, с восторгом обнаружили, что сквозь щели в потолке мерцают звезды.

– Ты специально оставил их и не закрыл? – спросила она, показывая на потолок.

– Да! – ответил он.

День сменяла ночь, солнце то появлялось из-за горизон-

та, то скатывалось с призрачной высоты, уступая небо Луне и звездам. А эти двое, забыв обо всем – о далекой жизни, о городе, который они так стремительно покинули, о странном доме в самом центре Москвы, о комнате на втором этаже, теперь посвящали себя только друг другу и острову, который был покрыт мягким теплым песком и омывался со всех сторон ласковыми волнами. Больше им не нужен был никто. Они снова научились спать, с удовольствием ели заморские плоды, которых здесь было великое множество, пили из холодной речушки прозрачную чистую воду. Снова и снова придумывали себе все новые занятия. И все у них получалось. Правда, через несколько дней случилась сильная буря, и их крошечный шалаш был снесен ураганным ветром, тогда и пригодился маленький грот. А спустя какое-то время, изнасилась и их одежда. Но они не расстроились – Илья построил дом больше и крепче, а Лея придумала новую одежду, разыскав какие-то прочные кустарники и научившись их накрепко сплести. А еще им было как-то удивительно хорошо, было совсем не скучно. Казалось, что теперь у них в жизни есть все...

Однажды, когда они сидели на своем любимом пляже, провожая солнце, которое уже готовилось скрыться за горизонтом, Илья произнес:

– Как на той картине, помнишь? Такое же высокое небо над головой. словно миллионы лет назад... А хочешь, я убью мамонта?

– Зачем? Ты так кровожаден? К тому же, здесь их нет!

– Не важно! Все равно найду и убью его, и сделаю это для тебя. Ты же этого хочешь! Все будет, как миллионы лет назад! Как и должно быть! Говорят, женщина – хранительница очага, а мужчина – носитель войны.

– Это не правильно. Так не должно быть. И дело не в очаге или войнах. Женщина – источник любви, а мужчина – хранитель знаний, искусств, наук... Так будет лучше. Так было когда-то очень и очень давно!

– А как же твоя любимая Цветаева?

– Миллионы лет назад она еще не родилась.

– Миллионы лет женщина любила, потом устала, и начала писать стихи?

– Глупый! Она возвысилась!

– А может быть, просто не было того, кто был достоин этой великой любви? – спросил он.

– А может, своими стихами она тоже любила! – отвечала она.

– Неужели стихи пишут лишь от чувства дикого одиночества?

– Не знаю. Наверное. Но находясь на этом острове вдвоем, нам этого не дано понять, – прошептала она, улыбнувшись.

– Не понять! – тоже улыбнулся он.

– А хочешь, мы останемся здесь? – вдруг спросил он.

– Да, – серьезно ответила она.

– Останемся надолго!?

– Навсегда!

– Навсегда?

– Да!

– Ты способна на это?

– Да!!!

Он задумался.

– А если нас прогонят отсюда? Ведь на этой планете не осталось и клочка земли, который кому-нибудь не принадлежал.

– Не прогонят! – уверенно ответила она... Но даже если прогонят, мы найдем себе другой. Ведь если у человека нет дома, значит его дом везде.

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю... Мне так кажется.

– Ты родишь мне ребенка?

– У нас будет много детей,... если ты этого захочешь.

– Да. Захочу. Не знаю, что со мной происходит, но верю, что впереди нас ждет долгая, счастливая жизнь. Ведь, не бывает так, чтобы людям наконец повезло, они нашли друг друга, и все закончилось. Все только начинается. Но...

– Что?

– Мне нужно вернуться... Ненадолго.

– Туда?

– Да. Мне нужно решить этот вопрос. Придется просить разрешения. Но это не займет много времени... Хочешь, я оставлю тебя здесь и скоро приду к тебе, а ты будешь меня

ждать. Будешь?

– Да!.. То есть, нет! Я отправлюсь с тобой! Только с тобой. Я не могу больше ждать! Не могу и не хочу!

– Я тоже!

– Тогда вперед!?

– Что? Прямо сейчас? – вздрогнул он, посмотрев ей в глаза, с сожалением оглядел пустынный пляж, их дом, скалу неподалеку, океан и огромное солнце, которое лежало на кромке спокойного океана и беспечно слепило глаза.

– ДА!!! – радостно ответила она. – Мы улетим, чтобы вернуться сюда как можно быстрее и сделаем это прямо сейчас! ДА!!!

22

«Вы сегодня летали?»

Она снова сидела перед компьютером и сочиняла и рисовала, а множество людей, несметное количество электронных копий, виртуальных теней, словно толпились, за ее спиной, подсматривая. Они писали сообщения, общались, спорили, кричали, насколько хватало электронных сил. Их было очень много. Она так давно не подходила к компьютеру и не знала, что ее маленькая страничка, этот крошечный виртуальный мир живет теперь собственной жизнью, и тысячи, может быть, миллионы людей, заглядывали в гости к ней.

«Вы сегодня летали?»

Красовалась новая надпись, и волшебная картинка появлялась на холодном экране монитора.

– Что такое летать? – неслось ей в ответ. – Как это сделать?

– Летать? – отвечала она, – очень просто. Летать – значит любить! «Вы сегодня любили?» – еще одна надпись появилась во весь экран.

– А что такое любить? – спрашивали тысячи голосов.

– Любить? Это значит летать! Все просто! Очень и очень просто.

Она была счастлива. Она бесконечно любила этих людей. Не видела, но чувствовала их электронное дыхание, их удивительное внимание друг к другу и к самим себе. Их виртуальное тепло. Была счастлива, и в это мгновение отдавала им себя целиком. Чувствовала, что встреча эта последняя, и прощалась с ними, зная, что, скорее всего, уже не увидит их никогда. А любила, потому что скоро, очень скоро он вернется, постучит в ее дверь, и они умчатся отсюда навеки, туда, где всегда яркое солнце, высокое небо, теплый океан и никого вокруг. И даже электронные провода не дотянутся своими длинными щупальцами. Только они вдвоем!

Уходя, он улыбнулся:

– Я скоро.

– Но это может занять какое-то время? Может быть, день-два?

– Там нет времени, вернее оно есть, но идет совсем по-другому. Для кого-то медленно, для кого-то проходит целая

вечность, но здесь пролетит всего лишь час. Тебя это не коснется, скоро буду, я туда и обратно! Ушел!!! – слышны были его слова уже на лестничной площадке, и она осталась одна. Ненадолго, но одна. И сейчас упивалась этим одиночеством, зная, что очень скоро откроется дверь и войдет он! Теперь уже навсегда! А потому любила каждого, кто ломился в ее электронную дверцу.

«Вы сегодня летали?»

«Вы сегодня любили?»

А издалека слышались голоса: – А как? А зачем? Я тоже так хочу! И я! Дайте мне крылья, и я полечу! Я ХОЧУ!..

Наконец закончила водить по экрану электронным карандашом, закрыла электронную палитру и долго еще сидела, глядя на экран. Потом подумала:

– Наверное, он уже дошагал туда и скоро вернется. Очень скоро он будет здесь.

Вдруг в голове мелькнуло:

– Нужно собраться. В дорогу обычно люди собираются. А отправлялась она в очень долгий путь! Что с собой забрать?

Начала лихорадочно выдвигать ящики стола, осматривая полки. Везде были разбросаны какие-то вещи – часы, калькулятор, заколки, пепельница, никчемные сувениры, рамка на стене... Рамка была почему-то пустой. Только сейчас заметила, что в ее квартире висела рамка без фотографии. Зачем? Когда ей пришла в голову такая мысль? Уже не помнила. Потом начала вынимать какие-то бумаги, их был целый

ворох! Документы, два ее диплома, инструкция к телевизору, фотография мужчины... Того, который бросил ее два месяца назад. Порвала ее безжалостно, с восторгом, разбросав мелкие клочки на полу. Кредитный договор...

С яростью схватила и эту бумагу, захотев ее уничтожить. Потом огляделась. Шкаф с тряпками! Тряпки! Как это верно! Только теперь поняла, почему умные люди называли это не одеждой, а именно тряпками. Очень точное определение. Взять что-нибудь с собой? Нет! Потом носилась по квартире, перебегая из коридора на кухню, снова в комнату.

Холодильник с ужасом на нее смотрел. Он не понимал эту сумасшедшую. Разве человек может так себя вести? Главными и основными вещами у женщины в жизни должны быть: телефон и телевизор, соковыжималка и миксер, косметика, калькулятор, мужчина, (впрочем это не обязательно), одежда и обувь! Деньги!!! Еда!!! И конечно же холодильник, а как же без него? А эта презрительно оглядывается по сторонам, словно собирается все уничтожить! Сжечь! Она обезумела! Ненормальная! Уезжает на курорт и ничего с собой не берет!!! В ее глазах безумный восторг, зачем-то кинулась к окну, широко его раскрыла, теплое лето ворвалось в комнату, а солнце, подмигнув ей, скрылось за горизонтом. Как солнце может подмигнуть?! Потом зачем-то развела руки в стороны и устояла на небо. Сейчас она сделает шаг и упадет! Точно упадет! А кто будет платить кредит за квартиру? Кто будет работать, покупать продукты, класть их в холодильник,

ублажать мужа,... если он конечно есть. Впрочем это не самое главное... Кто будет каждый день уходить на работу, вечером возвращаться, а завтра все сначала. А эта, не думая ни о чем, танцует себе, глядя на заходящее солнце...

Так думал холодильник, и был он совершенно прав!

Внезапно Лея посмотрела на часы. Grimаса недоумения застыла на ее лице – прошло несколько часов. За это время можно было сходить туда, вернуться обратно, проведя в том доме не один час. Потом успокоилась:

– Ничего. Еще немного. Нужно ждать! Просто нужно ждать. Скоро он придет!

Он не пришел ни сегодня вечером, ни ночью. Теперь она без устали следила за предметом, который неумолимо отсчитывал время, а он все не шел. Как давно она не смотрела на часы, как долго они ей были не нужны, и время для нее не имело никакого значения, но теперь каждая минута отдавалась в груди мучительной болью. Каким жестоким может быть это время и ненавистный прибор, который так громко тикает, что кажется, лопаются барабанные перепонки. Как мучительна неизвестность, умноженная на долгие часы.

Часы! Есть мгновения, за которые ты готов отдать все! Уже хочешь, чтобы время остановилось! Наверное, тогда ты живешь, ты бессмертен! Но есть ненавистные отрезки жизни, минуты и секунды, дни, когда с ненавистью смотришь на часы, с желанием, чтобы они летели быстрее. Наверное, тогда ты умираешь! – мелькнуло у нее в голове. – Какая это

удивительная штука – время!

Но вот наступило утро, и стало быстрее светать. Всю ночь она боялась выйти из дома.

– А если он придет? Если он ее не застанет?

Боялась темноты. Такое с ней было впервые. Сейчас она не представляла, как совсем недавно могла бродить по ночному городу одна. Потом поняла – бояться было нечего. Тогда она не нужна была никому, но теперь... Теперь ей было для кого себя беречь. А он все не шел! Утро. Первое утро за последние недели, которое она встречала одна.

– Нужно ждать! Он обязательно придет! Просто нужно ждать!

Пошел еще один час, прошел дугой! Наконец, не выдержала и выбежала на улицу. Хорошо, что знала, куда идти. Не помнила, как пролетела длинные километры пути. Воспользоваться транспортом почему-то в голову не пришло. Наконец показался знакомый особняк в самом центре Москвы. Он жизнерадостно лениво нежился в лучах утреннего солнца и словно приглашал войти и подняться на второй этаж. Слава Богу, через мгновение она увидит его! Сейчас кошмар закончится! Лея, не думая, схватилась за массивную ручку, распахнула тяжелую дверь, но суровый окрик ее одернул:

– Куда?

– Мне нужно! – упрямо воскликнула она.

– Куда? – уже жестче послышался голос консьержки.

– Я должна пройти. Пустите меня, мне очень нужно! – и

попыталась обойти внезапно возникшую преграду.

– Куда? – в третий раз услышала она глухой окрик. Консьержка была неумолимой. Эта старушка невероятной силы сейчас преграждала ей путь, и пройти мимо было невозможно. Тут Лея пронзительно на нее посмотрела, и словно искры брызнули из глаз. Та отлетела на несколько метров, но не упала, примирительно проворчав:

– Так бы и сказала, что «свои». А то – «мне надо», «пустите», «должна»...

– Простите меня, – взмолилась Лея, видя, как та возвращается к своему столику, держась за старческий бок.

– Я не хотела, – и поправилась, – «Свои».

– Ну вот! Свои! То-то же! Проходи! – проворчала старушечка, и Лея кинулась наверх. Не успела добежать до второго этажа, как заветная дверь открылась, а оттуда появился Филиппок. Завидев ее, он широко улыбнулся, и Лея замерла.

– Где он? – только и успела произнести девушка.

– Стоп, стоп. Туда без приглашения нельзя.

– Так пригласите!?

– Не сейчас. Пойдем, пройдемся!.. К тому же Ильюшенька сейчас занят. Его нет. Он на аудиенции. У них переговоры. Ну, сама понимаешь. Пойдем, красавица, – и вывел ее на улицу. Лея хотела что-то спросить, но Филиппок перебил:

– Это займет какое-то время. Ничего страшного, придется подождать.

Он взял ее под руку и повел по улице.

– Я выполнил свое обещание. Теперь ты очень богата. А вот и документы на остров. Все готово... Ты меня слышишь?... Ты меня понимаешь?...

Но Лея, не замечая его, задрала голову, пыталась заглянуть в окно второго этажа. Там виднелась какая-то фигура, но кто это был, она разглядеть не могла.

– Да тебе не интересно! Тебе просто не интересно! – воскликнул с обидой Филлипок.

– Мне очень интересно! – очнулась она. – Спасибо!.. Остров... Богатая... Документы...

– Так! Слушай меня внимательно, – произнес он. – Здесь карточка, где лежит твой капитал, это документы на остров. Немедленно отправляйся туда...

– Как, туда?

– Как? Как попала туда в прошлый раз. Перелетела и все!

– Я не могу...

– У тебя получится... В конце концов, купи билет на самолет, а дальше огородами. Здесь координаты острова, точный его адрес и название.

– Я не могу, – зло повторила она, – без него я не полечу.

– Начинается!

Филлипок недовольно помолчал, и уже мягче добавил:

– Ты будешь его ждать, а он к тебе скоро вернется. Непременно вернется! Просто немного нужно подождать. Там тепло, там милейшее местечко. А хочешь, я отправлюсь с тобой... Ну, чтобы скрасить минутку-другую. Прекрасно про-

ведем время!

Она сверкнула глазами.

– Хорошо, хорошо... Хочешь Казанову попрошу. Он тебе понравится. Славный малый. Любимчик женщин! Правда, он теперь не боец, но ничего. Будет нянчиться с тобой, пока этот не явится... Что?... Нет?... Так!.. Чего ты хочешь? – теперь он зло на нее смотрел. – Ты должна немедленно туда лететь. Ты меня понимаешь? Иначе, какой в этом был смысл? Зачем я все это делал? Для кого?

– Без него я никуда не полечу! – жестко произнесла она. Филлипок хотел вспылить, но взял себя в руки. Потом спокойно добавил:

– Все равно тебе очень скоро придется это сделать. Не будь дурой! Не теряй время! Покедова! – и оставил ее посреди улицы, быстро удалившись.

Лея растерялась, и теперь недоуменно смотрела на папку с никчемными бумагами, бросила ее в сумку, тут же о ней позабыв. Она осталась совершенно одна. Снова одна. Как она отвыкла от этого. Резко повернулась, желая перейти на другую сторону улицы, и мчаться домой.

– Домой! В любую минуту он может вернуться! Нужно срочно бежать домой!

Светофор убедительно помигал ей зеленым огоньком, и она сделала шаг, но в ужасе отскочила назад. А мимо пролетела машина, которая ее чуть не сбила. Знакомая машина! Лея присмотрелась. Она ее узнала. Снова Артур! Снова он

преследует ее! Придется быть осторожной. Теперь она должна себя беречь!

В подъезде на ее этаже стоял незнакомый мужчина. Как он проник сюда, минуя консьержа, было непонятно. Он стоял у ее двери и внимательно ее разглядывал. Лея, не думая ни о чем, бросилась к нему:

– Вы от него?

Человек, подумав, ответил:

– Можно сказать и так.

– Вы принесли новости от Ильи? Где он? Что с ним?

– Пойдемте!

Она с радостью пошла за ним. Пошла, потому что абсолютно доверяла этому человеку, она не слышала его мыслей, не чувствовала его. Значит, он был одним из тех, кто находился в том старинном особняке. Может быть, даже в комнате, где был Илья.

– Новенький! – подумала она.

Человек молча проводил ее к машине, и они тронулись с места. Лея ничего не понимала, но вопросов не задавала. Скоро все должно проясниться. Наконец, они подъехали к большому особняку в самом центре Москвы. Нет, не к тому... Совсем другому. Вышли из машины. Тяжелая дверь, коридоры, комнаты, лифт, снова длинные коридоры, наконец казенный кабинет и решетки на окнах.

– Присаживайтесь! – произнес он и сел за стол. Лея удивленно на него посмотрела.

– Слушаю вас? – произнес он.

– Не поняла?

– Вы не хотите мне ничего рассказать?

– Нет!?

– Я так и думал... Но придется... Вы не понимаете, в какую историю попали и что вам за это светит?

– Позвольте?!

– Я так и думал... Меня больше интересует, кто за вами стоит? Ответьте на этот вопрос, и разговор пойдет намного легче.

Она изумленно на него посмотрела.

– Не думаете ли вы, что я поверю, будто вы сделали все это сами? Молодая симпатичная девушка с гуманитарным образованием, без опыта работы в финансовых структурах, и такое!

– Что я сделала?

Он прищурил глаза и спокойно продолжил:

– Удивительная способность не отвечать на вопросы следователя. Что же, объясню.

Дальше он говорил, а она с ужасом на него смотрела.

– Во-первых, вы использовали инсайдерскую информацию, которую могут знать лишь немногие смертные. Может быть, всего несколько человек на планете были посвящены в это. И все они работают в уважаемых структурах. А откуда произошла утечка, нам непонятно... Во-вторых вы незаконно, по подложным поручительствам от лица умершего чело-

века, получили кредит, а в третьих не заплатили налог. Налог, конечно, вы оплатить успеете, но неужели вы думаете, что вам просто так дадут заработать такие деньги?

– Какие деньги?

– А вы не знаете? – засмеялся он. – Подобные операции, милая девушка, отслеживаются. Это вопрос национальной безопасности. Мало ли, на какие цели вы захотите истратить эти средства в наше непростое время. И еще... Скажем проще, рынок давно поделен, и никто не смеет подходить на короткое расстояние к элите. А поэтому мне нужна информация – кто за вами стоит?... Кстати, кто такой Илья?

– Никто! – громко воскликнула она, пронзительно на него глядя, и он откинулся на спинку стула.

– На меня не нужно так смотреть! – воскликнул он. – Уж не думаете ли вы, что я поверю в то, что юная, симпатичная девушка сделала все сама?

Он встал и начал ходить за ее спиной. Его шаги гулко отдавались в просторной, почти пустой комнате.

– Давайте поступим так – вы поможете следствию, а я попробую смягчить вашу участь.

– Помогу? – пробормотала она.

– Конечно! Поможете! И в вашей ситуации это наиболее правильное решение... Чистосердечное признание дает вам шанс. Небольшой, но шанс... Молчите?...

Он горячо заговорил:

– Да поймите же вы, ваша жизнь в опасности. Она теперь

не стоит ничего! Мне искренне вас жаль. Вы ввязались в очень взрослую, мужскую игру. Вас уже разыскивают серьезные структуры из «дружественных» нам государств. Им тоже хочется знать, какие силы стоят за этой сделкой! Вы представляете, что эти ребята сделают с таким свидетелем, как вы? Вы пешка в чужой игре. Хорошо, что мы остановили поток информации и не предали это огласке. О вас пока знают немногие. Единицы! Все еще можно замять. Мы сможем вам помочь, но нам важно знать вашего хозяина.

– У меня нет хозяина! Я не собака!

Он засмеялся, глядя ей в глаза. Потом произнес:

– Вы мне нравитесь! Вам на себя совершенно наплевать? Не думаю. Вы так доверяете вашим людям? Допустим. Значит следствию вы помочь не хотите.

– Помочь, – снова мелькнуло у нее в голове. А человек начал нервно ходить по комнате, бормоча:

– Теряем время!.. Время!..

Вдруг остановился, подошел к ней вплотную, подвинул стул и сел напротив. Пристально посмотрел ей в глаза.

– Впрочем, есть еще один вариант! – и он задумался. – Вы переводите 50 процентов на некоторый счет, ... который я вам скажу, и я дам вам возможность и время уехать из страны... Вы меня понимаете?

– Куда?

– Это меня не касается. Хоть на необитаемый остров! В любом случае, следующий следователь по этому делу вас уже

не побеспокоит. Он просто вас не найдет. А дальше все будет зависеть от вас и ваших хозяев. Устраивает?... Таким образом, мы поможем друг другу, – сказал он. – Так сказать, решим дело полюбовно.

– Поможем! – снова повторила она. Потом коротко ответила:

– Мне нужно подумать.

– Подумайте... Конечно, подумайте! Посоветуйтесь! Я понимаю. Не вам решать такой вопрос. Только не долго. Даю вам срок до завтра. А потом... Потом будет поздно. Так и объясните своему хозяину, я не могу долго держать эту информацию закрытой. Как понимаете, за мной, так же, как и за вами, стоят серьезные люди... Все! Подпишите! – и протянул ей бумагу.

– Что это?

– Подписка о невыезде.

Лея вздрогнула. Потом пристально на него посмотрела и спросила:

– А если я улечу?

Он улыбнулся.

– Это невозможно! Во всех аэропортах, на вокзалах, на всех станциях будет информация о вас. Все пограничные пункты будут оповещены. Мне даже не нужно вас задерживать. Явитесь сами! Вы свободны... Пока свободны.

Лея тоже улыбнулась.

– А если я просто...

– Что?

– Нет-нет, ничего. Это я так, о своем.

– О своем, – повторил он. – Итак, до завтра! Утром я за вами заеду. Будьте дома. И не играйте со мной, это в ваших интересах. Все!

Лея выскочила на улицу и глубоко вздохнула полной грудью. Потом долго смотрела на солнце, которое было уже высоко, освещая далекий остров, где еще вчера они были так счастливы вдвоем. А может быть, сейчас там глубокая ночь? Но тогда очень скоро это солнце непременно дойдет до него и осветит, согреет их шалаш на берегу, заиграет на ветвях деревьев... Она очнулась от этого волшебного видения. Достала из сумки бумаги, которые ей оставил Филлипок. Там были документы на землю (остров), банковская карточка и выписка из ее счета. Лея присмотрелась внимательнее. На бумаге была напечатана итоговая цифра в иностранной валюте. Была она очень длинной. Лея начала считать нули. Их было ровно десять!

– Идиот! – прошептала она.

И снова часы неумолимо отсчитывали время. Снова стрелка летела, и этот жуткий звук отдавался в ее ушах.словно с каждой секундой от нее отламывали по кусочку. Отрывали по крохам секунды, потом минуты, часы, которые оставались до утра, а потом... Она понимала, что верить этому человеку нельзя. Даже если он ее отпустит, найдется дру-

гой, который будет мучить ее, пока не заберет все. Нужно отдать эти проклятые деньги! Отдать и все! Зачем они ей нужны? Но неизвестно, что с ней сделают потом. Взрослая, мужская игра! – вспомнила она. – Она не должна с ним больше встречаться! И улететь отсюда одна тоже не могла. Даже если бы сумела, без Ильи все теряло смысл. И тот остров уже таял в ее сознании. Спасти ее могло только одно – он должен вернуться до утра.

Очень устала. Снова и снова глядела на ненавистные часы, подходила к раскрытому окну, заглядывая в зияющую под окнами темноту, ходила по комнате, а сил не оставалось. Безумно хотелось спать. Почему? Такого с ней не было давно.

– Если Илья не придет до утра, она должна отсюда уйти. Уйти навсегда. Куда? Не важно. К нему! И почему она послушалась Филлипика и не прошла в ту комнату вчера? Так мучилась она очень долго. Потом с ужасом подскочила, подняв тяжелую голову, и посмотрела на часы. Она ничего не понимала. Солнце ярко светило в окно. Она уснула. Она проспала. Илья так и не вернулся. Бросилась к окну и посмотрела вниз. В это мгновение во двор въехала знакомая машина. Лея схватила сумку и кинулась к двери.

– Здравствуйте, – поздоровался с ней вчерашний знакомый. – Вы уже готовы? Пойдемте! – воскликнул он. Они спускались на лифте, и время летело невероятно медленно.

– Да, я вас ждала! – вдруг воскликнула Лея и улыбнулась.

– В двух словах – что вы решили? Вы передали вашим людям наш разговор?

– Конечно! И у меня для вас хорошие новости. Сейчас мы едем к вам в офис?

– Офис?! – переспросил он, засмеявшись. – Да, в офис!.. Кстати, вы не хотите нас познакомить? – спросил он. – Было бы проще разговаривать непосредственно с хозяином.

– Мне поручили передать вам информацию, а если возникнут вопросы, я соединю вас по телефону, и вы сможете обсудить детали, – снова улыбнулась она.

– Приятно работать с деловыми людьми.

Они уже подходили к его машине, и мужчина захотел галантно за ней поухаживать.

– Спасибо! Я сама! – воскликнула Лея и направилась к передней двери. Он кивнул ей, сел на место водителя, завел мотор и стал ждать, пока она займет место рядом с ним.

Она бежала так, что обгоняла машины, едущие по дороге. За считанные секунды преодолевала сотни метров пути. Неслась и не оглядывалась. Ее спутник сначала ничего не понял, потом бросился следом, но сообразив, что упустил ее, снова заскочил в машину и кинулся в погоню. А она все летела, едва не сбивая прохожих, возникающих на ее пути. Наконец обернулась. Увидела, что ее догоняют, и перебежала на противоположную сторону улицы. Он резко развернулся через сплошную линию разметки и вновь устремился за ней. Петляя, она бежала дальше, а люди с удивлением на нее

смотрели. Уже сбросила туфли, и, держа их в руках, продолжала стремительно убегать.

– Разве так можно? Дикарка! Так не бегают по городу! Так носятся дикие звери по полям и лесам.

Спустя какое-то время вновь обернулась. Показалось, что теперь не одна, а две машины настигали ее. Первая – ее преследователя, а вторая... Снова знакомая машина! Артурчик! Он опять был рядом, он снова ее догонял. Лея, чуть не падая под колеса, вновь перебежала через проезжую часть. Вдруг послышался страшный грохот. Она резко обернулась. Посередине улицы замерли две машины. По-видимому, охранник Артурчика при резком развороте не справился с управлением, его занесло, и на полной скорости он въехал в другую машину. В машину ее преследователя! Мужчины моментально выскочили и, не теряя времени, бросились за ней, но Лея, больше не оглядываясь, забежала в какой-то переулок и через мгновение, попав на другую улицу, смешалась с толпой людей. Потом нырнула в Метро и через пару остановок выскочила наверх. Только тогда поняла, что оторвалась – за ней никто не гнался. Но по инерции продолжила стремительно мчаться по городу. Оставалось еще пару кварталов, и она будет у цели. Она снова увидит его!

– Ну что? – услышала она чей-то голос. – Доигралась? Добегалась? Я что тебе говорил?

Это был Филлипок. Он остановил ее, схватив за руку и теперь спокойно на нее смотрел.

– Оставьте меня в покое! – оттолкнула его она.

– Стой! Куда пошла? – закричал он. Лея остановилась.

– Я тебе помогу. Я перевезу тебя через границу, дам документы, короче, вытащу. А хочешь прямо сейчас, с этого места мы вдвоем...

– Вы мне надоели! – крикнула она и стремительно пошла.

Теперь он почти бежал следом и кричал:

– Ты совсем дура? За тобой гонится весь город! Тебе конец. Кроме меня тебе не поможет никто.

– Мне не надо помогать!.. Где Илья? – вдруг остановилась она. – Я спрашиваю, где он?

– Я... не знаю... Не видел... Он на переговорах...

– Вы врете. Ведите меня к нему!

– Я не могу... Я не знаю, где он... Послушай, – вдруг закричал он. – Ты ненормальная? Я сделал для тебя все! Теперь ты самая богатая женщина на планете! Я купил тебе остров. Тебя ждет счастливая, безбедная жизнь. А ты...

Она снова остановилась.

– Зачем вы это делаете?

– А ты не понимаешь?... Наше пари.

– Я уже купила ваш чертов остров!

– Этого недостаточно! Теперь ты должна туда улететь. Такое правило. Зачем я все это делал? Я помог тебе – теперь помоги мне! Ну, помоги же!

– Помочь?

– Я не то хотел сказать, – поправился он, – тебе просто

нужно туда улететь. Посидишь немного, пощелкаешь свои кокосы, позагораешь. Трудно что ли? Небольшой отпуск. А меня тем временем пропустят на следующий уровень, и все. Ну, настырная, давай!

Теперь они стояли и молча друг на друга смотрели. Наконец Филлипок снова заговорил:

– Я очень устал. Я больше так не могу. Я хочу уйти отсюда. Если мне не дают заниматься делом всей моей жизни – делать мне здесь нечего.

– Но от вас требуется так немного! Вам всего лишь нужно выкинуть, отказаться от бумажного хлама, оставить его здесь и все! Вам проще, чем остальным! Почему вы это не сделаете?

– Почему!?! – вдруг заорал он, а люди, идущие мимо, с удивлением и интересом на него уставились. – А ты не понимаешь? Я кровью и потом зарабатывал эти деньги! Хлам!!! Я достиг самых вершин! У меня в кармане несколько миллиардов, а теперь я должен положить все это на скамеечке в парке и любоваться, как бездельники будут тянуть туда свои ленивые ручки! НЕТ!!! Этого не будет! НЕТ!!!

Он чуть не плакал. Потом замер, помолчал и тихо закончил:

– Да иди ты... на остров, – и медленно побрел прочь. Лея отвернулась и тоже быстро пошла своей дорогой. Оставалось совсем немного. Вдруг увидела знакомое лицо. Вздрогнула. Люди быстро шагали по улице, торопясь по своим делам, а

этот стоял, сплетя руки на груди, улыбался и смотрел на нее. Это был тот самый знаток поэзии со злополучного моста. Она сразу же его узнала. Забыть это лицо она не могла. Лея поравнялась с ним. Он улыбался, выжидаяще на нее глядя. Она спокойно посмотрела ему в глаза, и прошла мимо. Чего стоило ей это спокойствие, знал только он один. Но небольшой особняк уже показался в конце улицы, и теперь ей помешать не мог никто.

Сделала несколько шагов и, преодолевая ступеньки, прикоснулась к заветной двери. Сердце бешено колотилось. Мысленно приготовила пароль и вошла в подъезд.

– Куда? – услышала она незнакомый голос. Перед ней стоял огромный детина в форме охранника и нагло на нее смотрел.

– Свои! – воскликнула она.

– Какие свои? К кому идете?

– Туда! – удивилась она.

– Туда? – усмехнулся он. – А он тебя ждет? – Ну, проходи! – почему-то перешел он на «ты» и снова улыбнулся. Она, не глядя на него, стремительно поднялась наверх, толкнула дверь, но та оказалась заперта. С удивлением обнаружила звонок. Раньше его не было. Позвонила. Дверь открыл незнакомый мужчина. Он был в красном атласном халате, с распахнутой волосатой грудью и голыми ногами.

– Ах, какая лапочка! – воскликнул он. – Ты ко мне?

– Нет! – воскликнула она, протискиваясь мимо его огром-

ного живота в комнату.

– Куда? – не понял мужчина и бросился за ней.

Лея остановилась и замерла. Это была совсем другая квартира. Она стояла в шикарной прихожей, дальше виднелась комната, а рядом была кухня. Как и полагается в приличных домах. Но здесь?

– Ну, проходи, дорогая! – воскликнул мужчина и схватил ее за талию. Она резко отстранилась и кинулась в комнату. Здесь была шикарная обстановка. Очевидно, это была гостиная, где никого не было, а в конце виднелась открытая дверь.

– Ух, какая приткая! – послышалось за спиной, но она бежала дальше. Вторая комната тоже была пустой, но вдали была видна еще одна дверь. В этом старинном здании квартира была построена анфиладой. Везде стояли изящные вещи, дорогая мебель, но, не замечая ничего, она бежала дальше.

– Вот нетерпеливая! – слышался хохот ей вдогонку.

Наконец последняя комната. Там стояла огромная кровать, а на ней лежала голая девица. Толстяк семенил где-то позади, он отстал, но теперь нагнал ее и встал рядом.

– Подружка твоя? – спросил он девицу.

– Нет! Первый раз вижу! – лениво ответила та.

– Куда вы его дели? – воскликнула Лея.

– Кого? – удивился мужчина. Потом добавил:

– Еще кого-то ждем?

– Я спрашиваю, где он?

– Кто?

– Илья?

– А зачем нам Илья? – спросил мужчина и взял ее за руку. – Нам не нужен никакой Илья! Присоединяйся, детка.

И легонько подтолкнул ее на кровать. От этого прикосновения она упала, но тут же вскочила, оказавшись в его железных объятьях. Он крепко ее держал, от него пахло потом, дорогим одеколоном и спиртным, глаза горели, и вырваться она не могла.

– Шустрая! – закричал он. – Люблю таких. Ну давай, чего стесняешься?

И попытался стащить с нее легкий плащ. Она вырвалась, но снова оказалась в его крепких руках. У нее не было сил сопротивляться. Она, что было сил, со злобой на него посмотрела, но это не возымело никакого действия. Он только заводился все больше. А девица на кровати с интересом за ними наблюдала и молчала.

– Ну все, хватит строить из себя...

Она не могла вырваться из его железных объятий! Тогда вцепилась зубами ему в руку. Толстяк громко заорал и на мгновение ослабил хватку. Она вырвалась и стремительно побежала к выходу, а он неся за ней, словно разъяренный кабан, и что-то орал. Вот и входная дверь. Она быстро ее открыла. Слава Богу, толстяк не запер ее на замок. И выско-чила в подъезд. Пулей спустилась вниз, а охранник воскликнул:

– Все что ли? Быстро работаешь!

Она уже открыла дверь и кинулась на улицу.

– Почему берешь? – неслось вдогонку, – телефончик оставь! Эй!..

В ужасе отбежала от дома и замерла. Она не понимала ничего. Она была в панике. Кинулась к знакомому окну. Там отчетливо виднелась чья-то фигура. Это была Королева. Она узнала ее. Как такое возможно? Окно было закрыто, а Изольда Карловна стояла и улыбалась. Лея закричала, что было сил, но та продолжала на нее молча смотреть. Тогда Лея снова кинулась в подъезд.

– Куда? – захохотал охранник. – Ну и работка у тебя!

Но она его не слышала, взлетела на второй этаж и начала колотить в закрытую дверь, которая снова открылась.

– Куда вы его дели? – закричала она что было сил.

– Ну ты дрянь! Посмотри, что ты сделала! Ну я тебя сейчас...

Он попытался схватить ее за одежду и втащить в квартиру, но девушка вырвалась и снова помчалась вниз. А охранник уже заходился диким хохотом. Выскочив на улицу, снова бросилась к окну. Королева продолжала стоять и смотреть на нее. Тогда она схватила камень, который случайно оказался под ногами, и швырнула в окно. Оно отскочило от крепкого пластика и упало на землю. Дальше Лея не помнила ничего. Она кричала на всю улицу, носилась из стороны в сторону, забегала в подъезд, возвращалась, снова и снова бро-

сала камни, пыталась забраться по отвесной стене, падала, поднималась, кричала...

Вдруг заметила Оксану. Та появилась, распахнула окно, но жилистая рука Королевы ее оттолкнула, и та исчезла.

– Где он? – закричала Лея. А Королева продолжала улыбаться и молча на нее смотреть.

– Где он? – снова и снова повторяла она эти слова. Вдруг услышала, как раздался звук мощной сирены. Потом подъехала машина с красным крестом, оттуда выскочили два человека в белых халатах. Они ловко заломили ей руки за спину и хотели уже бросить в машину, но Королева воскликнула:

– Стоять!

– Чего? – не понял один санитар.

– Ничего! Стой и молчи, пока я говорю. Отпустил ее быстро!.. Кому сказала!

Санитары, как по команде, ослабили хватку, и Королева снова устояла на девушку.

– Где он? – повторила Лея.

– А ты не знаешь? – с улыбкой спросила Королева.

– Я не понимаю?

– Там, – и махнула рукой в сторону двери, которая вела в зал, где гулял волшебный ветер.

– Почему? Как такое возможно?... А когда он вернется?

– Никогда! Оттуда не возвращаются, – спокойно ответила Королева.

– Вы врете!

– Нет, не вру! – потом гневно заговорила:

– А ты не поняла, что сделала с ним? Ты думала, я так просто тебе его отдам? За кого меня принимаешь? Когда этот ненормальный носился по улицам, катался на Метро, покупал цветы и шоколадки, я молчала. Когда он избил Казанову, еще оставался шанс. Но когда он полез из-за тебя на крышу, залил весь город водой, тогда и поняла, что осталось ему немного. И все это сделала ты! ТЫ!!! Этого ты хотела? Так получи!

– Это невозможно! – прошептала девушка.

Королева замолчала и теперь с ненавистью с высоты второго этажа смотрела на девушку. Долго стояла и сверлила ее взглядом, ничего не говоря. Наконец произнесла:

– Кстати, твой испытательный срок окончен... Тебя простили... А теперь иди! Живи! Ты свободна!

– Куда? – не поняла Лея.

– Туда! – показала Королева на машину и на людей, которые тут же схватили ее за руки, бросили в салон, надели смирительную рубашку и вкололи какой-то укол.

– Свободна! – прошептала она и потеряла сознание...

23

Когда Лея очнулась, увидела перед собой человека в белом халате. Посмотрела по сторонам – просторная комната, белые стены, кровать, умывальник, тумбочка, закрытая

дверь и большое окно с толстой решеткой, сквозь которое светило яркое солнце. Снова перевела взгляд на человека в халате.

– Пришли в себя? Очень хорошо. Как вы себя чувствуете? – мягко спросил он, улыбнувшись.

– Слава Богу! – мелькнуло в голове. – Это не особняк Артурчика и не кабинет следователя. А перед ней врач! Просто врач. Но, что она здесь делает, и почему на окнах решетки?

Лея медленно приходила в себя, оглядываясь по сторонам.

Наконец спросила:

– Я не понимаю, как я здесь оказалась?

– Не понимаете? Так-так! – он смотрел на нее с интересом.

– И не помните, что делали вчера?

Постепенно в ее памяти начали всплывать события вчерашнего дня. Ей стало жутко. Стало не по себе.

– Я хотела позвать моего хорошего знакомого, но меня не пропускал консьерж... Это больница?

– Да! – спокойно ответил он.

– Где моя одежда? – спросила она, заметив на себе больничный халат.

– Не спешите, – мягко произнес доктор.

– Я замечательно себя чувствую. Большое спасибо, но в ваших услугах я не нуждаюсь, – и захотела подняться с кровати.

– Вы уверены, что чувствуете себя хорошо? Может быть,

что-то болит, что-то беспокоит?

– Нет-нет. Спасибо.

– Но вчера...

– Вчера я была несдержанна. Я ошиблась квартирой. Готова просить у жильца прощения. Я решу этот вопрос сама.

Наконец она сумела подняться с кровати, прошла по комнате, заглянула в окно и перевела взгляд на доктора.

– Мне нужна моя одежда!

Тот молча с интересом ее разглядывал. Лея подошла к двери с желанием ее открыть. Потом удивленно перевела взгляд на врача.

– Закрыто?... Не понимаю?... Почему дверь заперта? Вы слышите меня, почему вы молчите?... Это сумасшедший дом?... Вы держите здесь совершенно здорового человека! – воскликнула она, вновь посмотрев в окно. Вдруг с ужасом поняла, что не слышит мысли врача, а удивительная тишина поселилась в ее сознании. И вчера тоже не слышала никого и не понимала. И тут память к ней вернулась – испытательный срок закончился, теперь она «свободна»! А еще вспомнила, что Ильи больше нет! НЕТ!

Девушка в оцепенении замерла. Сначала хотела сорваться с места, бежать куда-то, но стояла, не зная, что ей делать. Врач, заметив ее растерянность, мягко произнес:

– Не волнуйтесь. Вы здоровы, я вижу это!

– Верните мне одежду и покажите, где выход! – глухо прошептала девушка, думая о своем.

– Вы совершенно здоровы! – повторил он. – Только...

– Что? – она уже не могла его видеть. Он мучил ее своим пристальным вниманием.

– Сядьте! – по-отечески произнес доктор, и Лея послушно села на краешек кровати.

– Теперь давайте спокойно поговорим. У меня есть еще некоторые сведения...

– Да? – рассеянно произнесла она. Сейчас ей хотелось только одного – никого не видеть!..

Врач тем временем достал папку с надписью «История болезни», вынул оттуда ворох бумаг и начал читать. Она его не слышала. Была в каком-то оцепенении. Не верила себе. Но это был не сон, Ильи больше нет. Сквозь решетку светит солнце, наверху виднеется голубое небо, за окном весна, летают птицы, весело щебеча, а Ильи в этом мире больше нет! НЕТ!..

А далекий глухой голос доктора эхом отражался от равнодушных стен палаты. Вдруг услышала:

– ...вы умеете раздвигать облака, – продолжал зачитывать врач, перелистывая бумаги, – слышите голоса людей, вы видите странные сны, читаете мысли, обладаете магическим взглядом! Так? – он немного помолчал, глядя на нее испытующе, пытаясь понять, слышит ли она его, потом продолжил:

– Недавно чуть не снялись в фильме, мягко говоря, сомнительного содержания..., – он поправил очки, отложив в сторону этот лист бумаги. – Но это меня совершенно не сму-

щает. Это нормально, – бормотал он. – Сегодня такое не является симптомом болезни и лечению не подлежит, скорее наоборот, приветствуется и говорит о здоровом состоянии души... Но!.. – он снова замолчал, изучая содержимое папки. – Вот!.. Объясните мне пожалуйста, как вы могли встретиться с человеком, которому... 142 года от роду?... И даже заниматься с ним сексом! Как такое возможно?

Она очнулась:

– Вы не правильно поняли. Ему 42 года, – прошептала девушка, глядя куда-то вдаль, сквозь него.

– Но родился он 142 года назад! А 100 лет назад ушел в мир иной! Так?

– Откуда вы это знаете? – с трудом выговорила она, продолжая думать о своем.

– То есть, это правда?! И наконец, до меня дошла информация, что вы летаете!

– Мы вместе с ним летали! – в отчаянии воскликнула она, не соображая, что говорит.

– Т-а-а-к! Вы понимаете, если бы вы сейчас ответили «нет», все было бы намного проще. Но ваш уважаемый покровитель меня предупреждал, и он оказался прав – случай, действительно запущенный. Но ничего страшного, вам повезло, вы попали в нужное место, и мы будем с вами работать.

– Покровитель? Кто он, как его зовут? Казанова? – очнулась она. Врач внимательно на нее посмотрел.

– Казанова, простите меня, почил несколько столетий назад. Нет, не Казанова. Если вам это неизвестно, зовут его Егор Палыч.

– Палыч!?! – в ужасе воскликнула она.

– И судя по той сумме, которую он готов выложить за лечение, намерения у него серьезные. Этот человек действительно озабочен состоянием вашего здоровья.

– Бойся Палыча! – вспомнила она Фимкины слова.

– Это не человек! – вскочила она с кровати. – Он продал свою душу... Это...

– Кто? – в нетерпении воскликнул врач.

Но она промолчала, а врач, тяжело вздохнув, продолжил:

– Вам требуется небольшой курс лечения. Ничего страшного. Наберитесь терпения, это займет некоторое время.

– Сколько?!

– Месяцы, может быть... год... Или два. Он просил нас не торопиться. Ваше содержание он берет на себя. Такому спонсору можно позавидовать! – посмеялся доктор. – Вы, девушка, находитесь в одной из лучших клиник страны, не волнуйтесь, все будет хорошо. Просто доверьтесь мне! – успокаивал он, заметив в ее глазах ужас.

– Я нормальный человек. Вы видите это! – вдруг закричала она.

– Безусловно! Конечно! Не нужно так волноваться! Вот только, как отнестись к тому, что вы... раздвигаете тучи? – громче воскликнул он, – вы рисуете в небе облаками! Ме-

чете молнии!.. Недавно вы встречались с Наполеоном и пили с ним Шампанское! От Мадам Клико, черт возьми! А в остальном, конечно, нормальный человек!

– Хотите денег? – вдруг зло произнесла она, с ненавистью на него посмотрев.

– Денег? – удивленно поднял он брови.

– Да! Именно! Я дам вам много денег, и вы отпустите меня.

– Сколько? – с интересом посмотрел на нее доктор.

– Миллион!.. Мало?! Миллиард! Десять миллиардов достаточно! Я заплачу вам их прямо сейчас!

– Они у вас с собой? – деловым тоном поинтересовался врач.

– Конечно! В моей сумке!

– Десять миллиардов!? – он с восторгом на нее смотрел. – И вы с такими деньгами ходите по городу?!

– Они мне не нужны, – в запале произнесла она.

– Так-так. У вас есть десять миллиардов, которые вы носите в сумочке, но которые вам не нужны. Замечательно! Превосходно! Здесь у меня это не отмечено! – заглянул он в свои бумаги. – Нет, не хочу, у меня хорошая зарплата, – мягко добавил он.

– Хотите, я подарю вам остров?

– У вас есть остров?

– Да!

– Где он находится?

– Не знаю...

– Так! У вас есть остров, но вы не знаете, где он находится!

Прекрасно! – ликовал он.

– До него около часу лету! – в отчаянии произнесла она.

– На чем? Не ковре-самолете? – с восхищением воскликнул доктор и снова улыбнулся.

– Я совершенно здорова! – уже в бессилии воскликнула Лея.

– Я вижу это! Конечно, здоровы! – уже мягче произнес врач, успокаивая. Он встал, отложив папку в сторону, и размеренно прошелся по палате. Видимо, осмотр был закончен. Снова заговорил:

– Просто нужно перестать летать и немножко СПУСТИТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ.

Эти слова вонзились в ее сознание, – не бегать за мамонтами, не гулять по ночам по кладбищам и другим темным местам. А так, совершенно нормальный человек. Вы красивая девушка! Мы проведем курс современной терапии, и вам не захочется не только летать, вы даже не захотите смотреть на небо! Поверьте мне! Вам просто нужно вернуться сюда, на эту грешную землю! К людям! НАУЧИТЬСЯ ГОВОРИТЬ НА ИХ ЯЗЫКЕ!

Доктор начинал свое лечение. Он давал ей свою установку! – Вы станете счастливой. Вы заслуживаете этого! А что нужно для такой милой девочки? Я прекрасно понимаю вашего покровителя – вы восхитительны! Девушке вашего воз-

раста нужно вести правильный образ жизни – хорошо питаться, устроиться на престижную работу, красиво одеваться, бегать по клубам и ресторанам, спать с симпатичными мальчиками. Или как в вашем замечательном случае разделить счастье с почтенным, обеспеченным господином... Разве я не прав? Конечно, прав. А вы говорите, летать.

Он продолжал еще что-то говорить, но ей уже было все равно. Больше она его не слышала, словно провалившись в бездонную пропасть, где была только крошечная тишина и никого вокруг...

Несколько дней она находилась в изоляции. Ничего не хотела, никуда не стремилась, лежала и смотрела в белый потолок. А он находился так близко, нависая над ней, словно придавливал к больничной койке, к палате, где были только умывальник и тумбочка, и закрытая дверь. А еще было огромное окно, через которое пробивались лучи яркого солнца, но смотреть туда она не могла. На этом окне виднелась толстая решетка, а небо было крест-накрест разрисовано металлическими прутьями. Иногда приходила медсестра. Она делала уколы, приносила еду, о чем-то спрашивала, но Лея ее не слышала, не замечала. Время словно остановилось. Его больше не существовало, теперь оно не имело для нее никакого значения. Она оказалась совершенно одна, мучаясь от неожиданной утраты.

– Как такое могло случиться? – снова и снова задавала

она себе один и тот же вопрос. – Почему такая несправедливость? Что она сделала, и что сделал он? Любили друг друга? Просто любили! Но неужели любовь заслуживает такой кары?

Она до сих пор не могла поверить в то, что произошло!

– Стоит человеку на столетия безвольно погрузиться в сон с желанием ничего не видеть, не замечать – до него нет никакого дела, но стоит подняться, научиться мечтать, любить, и он становится неугоден! Неужели так устроен мир? Неужели в нем такие правила? Любить – противоестественно? **НУЖНО СПУСТИТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ И НАУЧИТЬСЯ ГОВОРИТЬ НА ИХ ЯЗЫКЕ!** – вспомнила она слова доктора... И почему Королева винит во всем ее?...

Лея ничего не понимала, и от бессилия ей становилось жутко.

– Но тогда как жить? За что держаться? Зачем? – и этот вопрос вновь появился в ее сознании. – Зачем?! – снова и снова мысленно повторяла она.

В первые дни ей было мучительно невыносимо, она не ела, даже не пила, не могла уснуть, и врач, тот самый с вежливой улыбкой и трогательной заботой, ее предупредил – если так будет продолжаться дальше, ее придется поддерживать искусственно. И вот над кроватью появилась маленькая бутылочка – прозрачная капельница, в которой находился жизненно важный раствор, который придавал силы и не давал ее телу погибнуть. Телу! А душе? Но врач был опытным специ-

алистом, он позаботился и о душе. Поняв ее состояние, он успокоил: – Это депрессия. Ничего страшного, скоро пройдет, – и прописал ее душе лекарство, от которого Лея мгновенно уснула и проспала целые сутки, а может быть, больше. Сколько, она не знала, потому что время для нее остановилось. Впрочем, теперь ей было все равно. А какое лекарство лучшее для души? Конечно же, сон! Но, проснувшись, снова и снова задавала себе вопрос – зачем? Он не давал ей покоя, он истязал ее. Она не могла думать ни о чем другом, и еще не могла видеть этот потолок. А тот словно спускался все ниже и ниже. Скоро он прикоснется к кровати, нависнув прямо над головой, а прозрачная капельница так и будет по капле отдавать ее телу жизненные силы. А душе? И снова сон. Только сон.

Через несколько дней врач прописал ей дневные прогулки, и медсестра, проводив на улицу, оставила ее одну. Здесь был просторный ухоженный парк, а по дорожкам медленно двигались люди. Именно двигались, а не шли – торопиться, по-видимому, им было некуда. Кто-то прогуливался парами, о чем-то беседуя, кто-то поодиночке. Все они были чем-то похожи друг на друга. Лица их были приветливыми, спокойными. Лее даже показалось, что они счастливы, и на мгновение позавидовала им. Откуда у них такая уверенность, откуда эта беспечность? Никакого страха в глазах или боли. Многие улыбались... Улыбались?! Атмосфера спокойствия зависла в теплом летнем дне, заполняя все простран-

ство вокруг. Парк был больших размеров, со всех сторон он был огорожен высоким забором, но, если посмотреть наверх, можно было заметить настоящее небо, где сияло настоящее солнце. Оно не было нарисовано на низком белом потолке, не было огорожено, и на него позволительно было смотреть без привычной решетки. И, глядя туда, наверх, Лея вдруг почувствовала себя крошечным муравьем, который ползает по земле. – СПУСТИТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ!..Зачем? – снова возникло в ее голове. – Зачем он ползает по этой земле? – упрямо твердила она. Вдруг услышала:

– В Доме Счастья пополнение? Вы новенькая? – спросила ее женщина, одиноко сидящая на скамейке с книгой в руках.

– Дом Счастья? – удивилась она.

– Да! А вы не знали? Так мы называем это место.

– Да уж, счастья, – вздохнула она.

– Присаживайтесь, – мягко произнесла женщина и улыбнулась. Она ей улыбнулась! И это была настоящая улыбка! Лея была потрясена!

– Нравится вам у нас? – спросила ее собеседница. Девушка промолчала.

– Давно к нам?

– Я не помню, ... может быть, два или три дня, – произнесла она, пытаясь понять, сколько здесь находится.

– Не мучайте себя, – засмеялась женщина, – все равно не вспомните, сначала несколько дней невероятных страданий, истязания голодом, жаждой, пытки над самой собой. Потом

долгий сон, – она снова засмеялась, – врача не пытались избить?

– Избить? Нет, в голову не пришло, – произнесла девушка.

– И напрасно! – воскликнула женщина, – стало бы намного легче. В первый день я такое вытворяла, без слез не вспомнишь. Разломала тумбочку, перевернула кровать, в медсестру бросила тарелку с едой, кричала, била кулаками в стены, разве что не танцевала на потолке, а врачу, нашему доброму ангелу, нашему умнице, любимчику, пыталась выцарапать глаза. И что же вы думаете? На меня даже не надели смирительную рубашку. Это такая современная терапия! Нужно выплеснуть все, что накопилось! Такое даже приветствуется, здесь такие правила, целая система терапии! А обученный персонал все стерпит и даже принесет следующую тарелку, чтобы получить очередную порцию каши себе в лицо, – и она снова засмеялась. – Так что вы много потеряли. Здесь все для нас, все для людей! А это удивительное изобретение с опускающимся потолком – поневоле выскочишь из палаты на свежий воздух и начнешь жить!

– Жить?... А почему Дом Счастья? – спросила Лея.

– Посмотрите на этих людей. Где вы еще увидите такое? Нигде! Только у нас.

– Вы больны? – вдруг спросила девушка.

– Я? – удивилась женщина. – Конечно же, нет!

– Тогда, как вы сюда попали? – удивилась она. Женщина помолчала, улыбнулась, потом произнесла:

– У меня была слишком большая квартира в самом центре Москвы. Такое искушение оказалось не по зубам моим любимым родственникам... Вот и определили меня сюда. Дай им Бог здоровья, – вдруг добавила она, от чего Лею передернуло. Она внимательно посмотрела на женщину. Та говорила с такой легкостью, словно вспоминала веселый анекдот.

– И это вас не печалит?

– Нет! Теперь нет! – счастливо улыбаясь, воскликнула женщина.

– Но вы совершенно здоровый человек, вас держат в сумасшедшем доме! – не понимала Лея.

– В Доме Счастья! – поправила ее женщина, – скоро вы это поймете. Здесь очень хорошо, а я благодарна своим за то, что не пожадничали и поместили меня за этот высокий забор. Могли и на улице оставить. Ну, вы понимаете...

– Да, понимаю.

– И вам не хочется выбраться отсюда?

– Нисколько. Здесь очень хорошо.

– Но вы находитесь в неволе.

– А они?... Вы думаете, они свободны? – указав за забор. – Не смешите меня. Каждый день они просыпаются и становятся в длинную очередь за счастьем, толкаются локтями, идут по головам, сбивают друг друга на дорогах. Они даже разучились улыбаться! Вы этого не замечали? – и Лея удивленно на нее посмотрела. – А здесь! Оглянитесь вокруг! – и она показала на людей, – они счастливы, насколько могут

быть счастливы люди. У них есть все. Им не нужно каждый день выдумывать себе ненужные проблемы, бессмысленные дела.

– Но они ничего не могут создать или сделать. Каждый день они будут просыпаться, съесть завтрак, идти в парк, потом обедать, потом... И так день за днем!

– А что делают те, кто находятся за тем забором? Просыпаются, летят на работу, стоят в пробках, бессмысленно толкаются лбами, вечером снова в пробку, доползают, добираются в свое логово, ужинают, падают в постель, а завтра все сначала! И так изо дня в день.

– Но они чего-то хотят! У них есть шанс!

– Шанс есть у немногих избранных, а остальные просто зрители, массовка... Впрочем, здесь тоже есть свои прелести. Вы можете пойти в клуб или в кинотеатр, в библиотеку. Можете заняться делом – выращивать растения, поливать цветы, вышивать. У нас есть кружок рукоделия. Есть клуб любителей вкусной еды. Здесь есть все для жизни человека. Некоторые иногда даже сходятся и женятся... Женятся, конечно, понарошку. Но все же! Я не сомневаюсь, что с вашей внешностью вы очень скоро найдете себе достойную пару. Это даже приветствуется. Вот так. А все дело знаете в чем?

– В чем?

– Вам еще не давали такие маленькие желтые таблетки?

– Не знаю... Может быть сегодня в первый раз дали.

– Таблетки счастья! Вам повезло! Говорят, они очень до-

рогие, но ваши спонсоры, видимо, оказались щедрыми.

– Да, повезло... А что дают эти таблетки?

– Они делают человека счастливым. Они помогают забыть все ненужное, лишнее, позволяют не задавать себе и другим глупые никчемные вопросы, и через какое-то время вы становитесь совершенно счастливым человеком. Вы просто будете жить по известному расписанию и все.

– Зачем?

– О, а это, пожалуй, самый страшный вопрос! На него тем более отвечать не стоит.

– И ничего не хотеть?

– Чего хотеть? Все пустое!

– Наверное, вы правы. А кто здесь находится? Как они сюда попали?

– Такие же, как и я. Квартиры, раздел имущества, наследство. Один даже не поделил научное открытие, и коллеги его упекли сюда, – и она засмеялась, – Кто-то не поделил бизнес! Все одно и то же. Деньги. Ничтожные деньги, и больше ничего.

– И вы не хотите отсюда уйти?

– Никто из этих людей не стремится назад.

– Тогда зачем это высокий забор?

– Иногда мне кажется, что он построен для тех, кто попытается сюда проникнуть извне! Вот так. А как оказались здесь вы, милое создание? Кто ваш спонсор?

– Он продал душу..., – сорвалось у нее. Но потом она за-

молчала.

– Любопытно, – пробормотала женщина, внимательно на нее посмотрев, – вы обязательно расскажите об этом нашему врачу, он сумеет вам помочь. Непременно сумеет. И не расстраивайтесь. Всего несколько дней, и вы поймете, что лучшего места вам не найти. Вам повезло!.. Извините, – вдруг воскликнула женщина, – меня ждут на партию в лото. Увидимся! – и она встала со скамейки. – Не хотите составить компанию?

– Нет... Спасибо, не сейчас.

– Ну, я пойду... Кстати, вам не мешало бы переодеться! Не будете же вы все время ходить в этом ужасном халате!

– У меня забрали одежду.

– Здесь есть замечательный магазин, где вы сумеете подобрать себе все, что угодно... А о деньгах можете не беспокоиться. Наряды внесут в счет оплаты вашего пребывания здесь! Пусть наши спонсоры раскошелятся, нечего на нас экономить! Правильно!?!... Ну я пойду!

– А на что вы играете? – вдруг спросила Лея.

– На таблетки, – шепотом произнесла женщина, – только об этом никому! Хотя... Наверное, доктор догадывается. Но он умница. Душка. Ангел! До встречи! – и она, приветливо помахав кому-то рукой, удалилась.

Лея огляделась, снова заметила множество людей, они медленно передвигались по дорожкам парка, разговаривали, шутили, смеялись. Посмотрела вверх. Там радостно сия-

ло солнце, беспечно летели облака. Был прекрасный летний день. Только раздвигать эти облака ей сейчас не хотелось. Да и разве такое возможно? Конечно, нет.

– Дом Счастья! – прошептала она. – Таблетки Счастья! Как все просто! А может быть, так и нужно? Спуститься на грешную землю. К людям! Научиться разговаривать на их замечательном языке. Забыть и больше не думать ни о чем? Не вспоминать! «Бойся Палыча», – вдруг мелькнуло в голове. – И почему нужно кого-то бояться? – отмахнулась девушка. – Все пустое...

24

Прошло несколько дней. Она снова научилась спать. Утром, просыпаясь, смотрела в окно, и решетка больше ее не смущала, а потолок не опускался к кровати, придавливая ее всей своей массой. Он был белым, гладким, каким и должен быть этот потолок, и она равнодушно на него смотрела. Потом вставала и шла в столовую. Ей больше не приносили еду в палату, не ставили капельницу – в этом не было необходимости. Там, за завтраком, она встречала множество людей, которые радостно ее приветствовали, словно знали ее давно и вели себя как старые знакомые. О чем-то говорили, спорили, обсуждали свои нехитрые новости – кто у кого вчера выиграл, кто в кого влюбился или наоборот, кто посадил замечательный куст сирени в парке под своим окном. И с каж-

дым днем она чувствовала, что постепенно приходит в себя и возвращается к жизни. Уже казалось, что та жизнь осталась в далеком прошлом. Да и была ли она? Какой-то страшный сон, который, наконец, закончился. А еще, каждое утро перед завтраком она пила волшебную таблетку, приготовленную с вечера заботливой рукой медсестры. Теперь это был для нее привычный ритуал – проснуться, посмотреть сквозь прутья решетки на небо, потом взять в руки этот шарик, крошечный кусочек желтого счастья, проглотить и тогда можно начинать новый день. А главное – больше не задавать страшный вопрос – зачем!

Жизнь ее текла размеренно и легко. Больше ее ничто не тревожило, и врач, который иногда заходил к ней в палату, был доволен. Она нашла магазин, о котором ей рассказала женщина, и, сбросив ненавистный халат, подобрала себе одежду. Теперь она не напоминала ту больную, которую не так давно в беспамятстве привезли сюда. Она много времени проводила в замечательном парке. Даже научилась сажать цветы, и это занятие ей пришлось по вкусу! Еще она играла в лото. Игра эта была здесь очень популярна, а как новичку ей невероятно везло. Правда поначалу отказывалась от призов – этих волшебных желтых таблеток. Но ей объяснили, что карточные долги нужно отдавать, а в ее случае – брать. Это святое! Где-то она уже слышала эту фразу, но где – не помнила. Хотя, какая разница. Память – удивительная штука. Она, как сито, просеивает воспоминания и не дает со-

храниться ненужным и несущественным фактам биографии. Так ей объяснили эти счастливые люди, которые тоже многое из своей жизни совершенно забыли или относились ко всему с иронией и улыбкой. И вот уже в тумбочке появилась целая горсть желтых таблеток, дающих радость и позволяющих беззаботно жить.

Однажды утром она выпила сразу две таблетки и вышла на улицу. Голова закружилась. Стало невероятно весело. Стало удивительно хорошо. Так хорошо, наверное, ей не было никогда в жизни. Она не помнила совершенно ничего. Может быть, помнила, но все было в какой-то призрачной дымке, и только ощущение безотчетного счастья поселилось в душе.

– Воспользовались лишней таблеточкой!? – услышала она, заметив женщину, с которой познакомилась в первый день в парке.

– Заметно? – улыбнулась она.

– Конечно! Вы светитесь от счастья! Такое скрыть невозможно!

– А если выпить сразу несколько таблеток?

– Так и сделайте! Если не жалко! Ведь счастья много не бывает! В любом случае, хуже не будет! Ну, до вечера! Поиграем?

– Да! С удовольствием! – радостно ответила она, улыбаясь.

В последующие дни она принимала уже по несколько таб-

леток и словно летала на крыльях...

– Летала? На крыльях чего?!?! Нет-нет, ничего. Так! Это ей только показалось. Разве может человек летать? Нет!

А еще она познакомилась с замечательными людьми, о которых стоит рассказать. Как-то раз, когда она сажала цветы, к ней подошел удивительный человек. Раньше она его не видела. Новенький! – подумала она. На вид ему было не больше сорока. А эта улыбка! Этот надменный холодный взгляд, немного порочный, но от этого еще более притягательный! Женщины от него без ума! – мелькнуло в голове. И такой мужчина обратил внимание на нее! После недолгой беседы он пригласил ее на свидание, на что она ответила, что подумает. Конечно же, она лукавила. Он был потрясающе красив, и думать ей было совершенно не о чем. Он взял ее руку, и удивительное тепло передалось ей. Провел пальцем по ее ладони, и она почувствовала, как по спине и груди пробежала дрожь. Он трепетно смотрел ей в глаза, и столько силы и желания было в этом взгляде. Девушке стало не по себе. Ей стало удивительно хорошо. Он поднес ее руку к губам, поцеловал, и, продолжая смотреть, произнес:

– Пойдемте?!

Нет, он не спрашивал, он звал! Настаивал!

Она долго молча глядела ему в глаза. Казалось, уже не могла отказать этому потрясающему человеку, таяла под его взглядом, который был очень откровенен. На мгновение показалось, что готова идти за ним на край света. На северный

полюс!.. Нет! Плыть на теплый тропический остров, затерявшийся в бескрайнем океане!

– Зачем же так далеко!? – спросил он, смеясь.

– Вы читаете мои мысли? – удивилась она.

– Это не так сложно! – он пронзительно на нее смотрел.

Девушка покраснела, и ей стало неловко. Еще никогда в жизни в первый же день знакомства она не соглашалась на это. В первый же час! Они были знакомы всего несколько минут! Такого с ней не было никогда! Впрочем, этого она не помнила. Но сейчас это было не важно! А важным было то, как он на нее смотрел!

– Пойдемте! – настойчиво повторил он.

– Да! – прошептала она и приятное тепло разлилось по всему телу, кровь ударила в голову... Она сделала несколько шагов следом за ним. Вдруг остановилась и, неожиданно для себя, воскликнула:

– А вы могли бы убить мамонта?

Она не понимала, что с ней происходит! Она была потрясена!

– Начинается! – почему-то воскликнул он. Девушка смутилась и прошептала:

– Нет! Не сейчас! Не могу... Может быть..., в другой раз! – и, отойдя, села на скамейку, ничего не понимая. А красавец обескуражено произнес:

– А старым лысым козлом вы меня назвать не хотите? – и провел рукой по жесткой шевелюре.

– Ну, зачем вы так? – пробормотала она.

– Ну, в другой, так в другой. Я подожду! Я буду ждать вас!

Он галантно откланялся и ушел, а она сразу же обо всем пожалела. Уже хотела догнать его. Но он успел исчезнуть, и она, потеряв его из виду, теперь с улыбкой вспоминала это удивительное знакомство. Вдруг услышала:

– Ну и дура!

– Конечно, дура! – согласилась она, глядя ему вслед. А рядом присела старая знакомая. Она почему-то всегда появлялась вовремя.

– Ох уж эта ложная скромность! А каков красавец! – всплеснула она руками. – Могли бы и пожениться... понарошку.

– Понарошку?

– Конечно! Прямо сейчас. У нас для молодоженов предусмотрены апартаменты-люкс! А вы не знали? Здесь все создано для счастья. Все для людей!

Девушка промолчала, а женщина добавила:

– Я вообще не понимаю, как вы до сих пор ни с кем не познакомились? Ведь эти таблетки счастья... они...

– Что?

– Что?! Они убирают ненужные эмоции и помогают проснуться естественным, самым важным и необходимым человеческим желаниям. Инстинктам!..

– Аффро... аффро...

– ...дизиак? – засмеялась женщина, – ну, что-то вроде то-

го.

И как звали этого красавца?

– У него удивительное имя, – задумчиво произнесла она, – Казанова!

– Ну и дура! Дура и все! – засмеялась женщина...

А потом она познакомилась с милой старушкой, которая на нее странно смотрела, советуя выйти отсюда, вернуться в свой дом, заняться бизнесом. С доктором она договорится! Она настойчиво предлагала свою помощь. Говорила, что у нее есть масса знакомых, и она сумеет устроить ее на престижную работу. Может быть, даже на телевидение! Поможет стать телеведущей! С такой-то внешностью! Или устроит в какую-нибудь богатую компанию на хорошую должность. Куда угодно. А звали ее Изольда Карловна. Но девушка вежливо ответила:

– Я подумаю.

Она тактично отказалась, потому что уходить отсюда никуда не собиралась. Да и зачем? И все вспоминала о красавчике, который приглашал ее на свидание. Он куда-то исчез, и несколько дней она его не видела. Впрочем, скоро о нем позабыла. Волшебные таблетки помогли и в этом клиническом случае.

А еще с ней однажды заговорил странный человек. Имя у него тоже было странным – Филлипок. Так он ей представился.

– А по отчеству?

– Нет у меня отчества! Филлипок и все!

Он почему-то называл ее на «ты» и приглашал на какой-то необитаемый остров. Даже хотел перенести ее туда по воздуху, и от такой шутки она долго и радостно смеялась. Забавный он был – этот Филлипок. Чего он от нее хотел, она не понимала. Если он понарошку на ней хотел жениться, то она была бы не согласна! Он был противный. Когда она только подумала об этом, тот незамедлительно ответил: – И не собирался к вам приставать! Ну что? На остров летим?

Она удивилась, но, заметив, что он на полном серьезе предлагает ей такую прогулку, перестала смеяться и вежливо ответила: – Я подумаю! После чего он назвал ее настырной и почему-то обиделся. Она не хотела его обижать! Но он был так расстроен, что пришлось предложить ему волшебную таблетку. Тот почему-то в ужасе от нее отшатнулся и моментально куда-то исчез.

– Покедова! – крикнула на прощанье она, сама не понимая, что сказала, но тут же об этом забыла.

Странный-странный человек! И имя странное – Филлипок! Совсем без отчества! Бедный Филлипок без отчества! Наверное, его принес аист! Или мама нашла его в капусте! – и от этой своей шутки она долго и весело смеялась. Впрочем, это никого не удивляло. Здесь, в этом чудесном месте, в замечательном парке, люди иногда смеялись, даже находясь наедине с собой. Такое приветствовалось и считалось признаком хорошего здоровья.

Так весело и беспечно проводила она время в замечательном санатории, который назывался Домом Счастья. У нее появилось множество дел – она с другими женщинами сажала цветы, ходила в клуб, смотрела кино, играла в лото, заглядывала в библиотеку, где находилось множество книг, а вежливая служащая помогала выбрать нужную. Много читала. Словом, счастливо проводила время. Иногда с ней знакомились мужчины, но пока она не остановила свой выбор ни на ком. Хотя, в любой момент могла сделать это, стоило только захотеть и поманить пальцем. С ее-то внешностью! А уютные апартаменты-люкс всегда были гостеприимно открыты для свадеб понарошку – здесь все было для людей! Но что-то останавливало. Впрочем – это было не так важно – всему свое время. Так прошла неделя, потом другая. Она не помнила, сколько времени прошло с тех пор, как поселилась в этом замечательном месте, впрочем, это ее и не интересовало.

Однажды, когда она сидела с книгой на скамейке в отдаленной части парка, где было спокойно и никто не мешал, к ней подошел незнакомый мужчина. Он был взъерошен, седая курчавая шевелюра торчала во все стороны, жесткая многодневная щетина покрывала его уставшее, вымученное морщинами, лицо. Мужчина устроился рядом, и она приветливо ему улыбнулась. Но тот, не замечая ее, продолжал сидеть и молчать. Он был явно чем-то встревожен и озирался

по сторонам. Вдруг спросил:

– Интересно?

– Что?

– Книга интересная? Что там у вас?

– Бульварный романчик, – ответила она.

– Бульварный! – зло повторил он. – Ничего интереснее в вашей библиотеке не нашлось?

– Простите? – не поняла она.

– Слушайте меня внимательно, – тихо заговорил он. – Скоро будет война. Большая война. И она уже началась. К Другому приходят все новые и новые люди. Их уже миллионы. Целая армия!

Девушка удивленно на него посмотрела, не понимая. А он продолжал:

– К нему идут здоровые и молодые, полные сил и энергии, желаний. Идут наиболее сильные! Там есть даже могущественные личности. Все деньги мира сосредоточены у них в руках. Они имеют влияние на правительства многих стран, и скоро будет последний бой. Его называют – Апокалипсис. У Другого есть грандиозный план.

– Простите! – перебила его она. – А кто такой этот – «Другой»?

– А вы не знаете?

– Нет! – улыбнулась она, а глаза ее загорелись.

– Это тот, кто хочет создать общество красивых, сильных людей. Элиту! Расу прекрасных, как он их называет. Таких

будет немного. Их не может быть миллиарды, да и зачем? Так говорит Другой. Миллион-два. Для нашей маленькой планеты – вполне достаточно.

– А остальные?

– Остальные?... Многим из них придется уйти. Исчезнуть. Другой называет это – естественным отбором. А немногие выжившие будут обслуживать эту расу, и сейчас идет перераспределение сил. Каждый, кто понял это, занимает свое место в строю. Как на войне. И она уже началась!..

Он замолчал и уставился куда-то вдаль. Девушка с неподдельным интересом все это время слушала его. Потом произнесла:

– Продолжайте! Ну, что же вы? – подбодрила она его. – Что было дальше? Вы рассказываете вчерашний фильм?

– Нет! Не фильм! – зло воскликнул странный человек.

– А что?

– Все это правда!

– Правда? – растерянно повторила она. Немного помолчала, удивленно на него глядя. И вдруг поняла. В этом замечательном месте находился еще один корпус, куда доступ был закрыт, оттуда никто не выходил, а у дверей всегда стоял охранник. Люди говорили, что там живут не совсем здоровые люди. Сумасшедший! – и ей стало не по себе. Таких здесь она еще не встречала. Потом спросила:

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Ты должна мне помочь! Ты себе должна помочь! –

неожиданно перешел он на «ты». – Меня не выпускают отсюда никогда, но ты должна передать эту информацию на волю! Люди должны узнать обо всем!

Потом прищурился и внимательно на нее посмотрел:

– Не веришь?... Неужели ты сама не видишь? Вам новости показывают? Не видишь, как под видом борьбы за демократию и всякие там права, захватываются целые государства. Как начинаются якобы освободительные войны, а потом на тех войнах этих же граждан и убивают, но об этом никто не говорит. Существуют целые армии наемников, которые помогают «справедливому гневу» народа выплеснуться на улицы. Выстрел-другой, десяток трупов, сожженные машины, несколько провокаций – и каша заварилась. И не нужно тратить деньги на масштабные вторжения – эти уничтожат друг друга и самих себя – стоит только начать. А на чьи деньги эти армии существуют? Общество разрушается! Ты не замечаешь, как стирается понятие семьи – союз мужчины и женщины? Люди разучились любить и теперь делают это понарошку. Выбирают самые извращенные формы союза, а порочные законники, нанятые Элитой, получая за это деньги, их на это подталкивают. Не замечаешь, как дискредитируются религии? Не знаешь, как работают целые организации над сокращением населения на нашей планете – новые лжелекарства, новая лжееда, всякие программы по защите детей, здоровья и прочего... Бог теперь только один – деньги!

Он продолжал говорить, а глаза его безумно горели. Он нес жуткую околесицу, а девушка с восторгом на него смотрела. Почему-то страшно не было. Было очень забавно! Вот, оказывается, как выглядят сумасшедшие! – думала она, внимая каждому его слову. И еще! Она очень хотела ему помочь, но как не знала. Смотрела на него и молчала, а он все говорил:

– А молчат об этом, потому что на планете почти все средства массовой информации давно у них в руках. В руках Элиты! Поэтому и показываются лишь те новости, в которые люди должны слепо верить, следуя их агитации. Это тоже война – только информационная. А главная их цель, чтобы люди перестали думать. Они просто должны тупо выполнять свою работу: Учиться в школах тому, чему их научат. (А как в последнее время учат, ты, наверное, слышала.) Качать нефть или газ на благо элиты. Должны голосовать и избирать тех, кого им покажут. Должны веселиться! А на это работают целые институты, называемые киностудиями, шоу программами, соревнованиями. Ты забыла – какое кино снимали раньше, какие писали книги? А сейчас? Кому сегодня дают награды на мировых фестивалях и за что? Целая армия деятелей, так называемой культуры, навязывают эти новые ценности. На чьи деньги?... Важно в сознании миллионов закрепить новые идеалы, а главная ценность – деньги. Это единственный стимул, который должен быть у рабов. Но рабами нужно управлять! Поэтому строятся гигантские стади-

оны, которые собирают толпы орущих, болеющих, деградирующих. Не задумывалась, почему гонорары игрока в гольф составляет миллионы, а зарплата ученого – сушие копейки. Первый умеет лишь катать мячик клюшкой, а второй делает научные открытия! Важно – загнать всех в толпу. Все равно – в какую. В кинозалы, на дорогу в пробки, на площади, на стадионы, в интернет-порталы. Там с ними можно делать все, что угодно. Если человек один – он может самостоятельно принимать решения, но если он в толпе – все проще – теперь им можно управлять! Главное не оставлять его наедине с собой и своими мыслями. А еще за ним нужно присматривать. Поэтому создаются чудеса техники – телефоны, планшетники и прочая дрянь. На наши же деньги! А потом – где бы ты ни находился – тебя всегда можно услышать, увидеть, прочесть переписку, подслушать и даже узнать, на какие сайты ты заходишь и чем живешь! Последнее, что они сделают – вошьют в тело каждого крошечный чип, и люди станут, как игрушки на радиоуправлении. В любой момент можно будет перекрыть кислород, лишит медицинкой страховки, заблокировать кредитную карту. И это тоже война! А элита будет нажимать на кнопки. Прекрасные люди новой расы будут контролировать все, потому что власть и сила будет у них в руках!

Он замолчал, переведя дух. Девушка с беспокойством оглянулась, она не знала, чего ей от него ждать. Рядом никого не было. Тогда она спросила:

– Откуда вы все это знаете?

– Я был репортером, побывал в горячих точках, потом попал к ним на один из телеканалов. Когда все понял – бежал, вернулся в свою страну. Но меня нашли и поместили сюда.

– Если вы журналист, вы могли бы написать об этом и поместить замечательный материал в нашей стенгазете, – нашла она. – Вы имели бы большой успех! У вас хороший стиль. Чувствуется рука журналиста... А знаете что? Хотите таблетку! Не стесняйтесь! У меня их много!

– Да как ты не понимаешь, что все это правда! – воскликнул он. – И таблетки эти – дьявольский эксперимент, для того чтобы превратить людей в рабов. Такие клиники теперь есть во многих странах мира. Когда тестирование закончится, они поставят производство этого препарата на поток. Ты должна сообщить об этом властям! Нет не властям – туда тебя не подпустят, у Другого есть люди везде. Ты должна связаться с прессой... Тоже нет... Выложи эту информацию в интернете. Целиком его пока не контролируют, остались еще свободные территории, – и устало с сожалением на нее посмотрел.

– Хотя, что ты можешь? Об этом должны узнать миллионы...

Он задумался.

– Бульварный романчик? Что-нибудь другое в вашей библиотеке есть? – неожиданно снова перешел он на «вы».

– Простите?

– Пастернак, Блок. Есенин или Цветаева.

– Цветаева? – неуверенно повторила она.

– Вы слышали эти имена? Вы читали их стихи?

– Стихи? – непонимающе повторила она. – Не помню. Может быть, в школе. Я непременно сегодня же посмотрю в библиотеке. Большое спасибо!

– Там вы их не найдете, – с грустью пробормотал странный человек.

– Вы свое имя хотя бы помните?

– Свое имя?...

Вдруг издалека появилась фигура врача, а следом за ним шли два санитары. С другой стороны к скамейке бежала ее старая знакомая. Она на ходу кричала:

– Он здесь! Идите сюда!

Человек вскочил со скамейки.

– Я прошу вас! Я умоляю! Вы должны мне помочь. Вы должны сделать это! – и бросился наутек.

– Помочь!? – прошептала девушка.

Через некоторое время санитары догнали беглеца, вежливо заломили ему руки за спину и, улыбаясь, повели к небольшому корпусу, который сиротливо стоял в отдаленной части парка. А люди, находящиеся неподалеку, им громко аплодировали. Странный человек в последний раз на нее обернулся, и девушка радостно помахала ему рукой. Забавный он был этот человек! Смешной! Удивительный фантазер и чудак!

– Буйный! – услышала она. Рядом стояла ее знакомая.

– Что? – не поняла девушка.

– Контуженный бюджетник! Сбежал! – добавила она.

– Он вас не напугал? – успел подбежать врач. Он задыхался и был необычайно взволнован. – Что он вам наговорил?

– Так, ничего. Рассказывал о Цветаевой! – ответила девушка и улыбнулась.

– Да? – вяло произнес доктор.

– Да, – ответила она, вдруг спросила, – а вы не помните, кто такая Цветаева?

Доктор задумался, переглянулся с ее знакомой и беспечно ответил:

– Так! Ерунда!.. Что-то из школьной программы.

– Да-да! По-моему тоже, – согласилась женщина. – Что-то такое было...

– Вы хорошо себя чувствуете? – с беспокойством спросил доктор, – таблеточку утром принимали?

– Конечно! – улыбнулась она.

– Вот и хорошо! – успокоился он, – отдыхайте! Вечером в клубе будет премьера! Удивительная картина! Непременно приходите!

– Обязательно приду! – на прощанье улыбнулась она.

– Вот и хорошо, – повторил доктор.

Какое-то время она сидела на скамейке, пытаясь сосредоточиться на чтении, но странный разговор все не шел из головы.

– Удивительный фантазер! – снова подумала она. – Интересно, кто эти поэты, и что они написали?

Почему-то совершенно не помнила их имена.

– Школьная программа? В школе она училась хорошо, была прилежной ученицей. Тогда почему не помнила? Любопытство пересилило ее, заставив подняться со скамейки и пойти в клуб, где находилась библиотека.

Там стояли длинные стеллажи, на которых яркими пестрыми обложками сверкали новенькие книги. Она медленно пошла по рядам.

– Вам помочь? – услышала она. К ней подошла библиотекарь. Это была милая интеллигентная женщина, которая всем помогала выбрать нужную книгу, и сейчас она с улыбкой и вниманием вопросительно на нее смотрела.

– Что ищете? – снова спросила она.

– Блока... Может быть, Блога, – произнесла девушка. – Я точно не помню его имя.

– Блока? – удивилась та. – По-моему, у нас нет такого автора, – пробормотала она.

– Тогда Пастернака или Есенина, – радостно продолжала девушка. Женщина-библиотекарь молчала, о чем-то сосредоточенно думая.

– А может быть, Цветаева? У вас есть книги Цветаевой? – спросила девушка. Услышав это имя, женщина подозрительно на нее посмотрела.

– А зачем вам Цветаева?

Но эта странная читательница, не ответив, повторила свой вопрос:

– У вас есть что-нибудь этого автора?

– Нет! По-моему, нет. Если не секрет, кто вам все это посоветовал?

– Кто? Никто. Сама почему-то вспомнила...

– Вспомнила! – пробормотала женщина.

– А что?

– Нет-нет, ничего... Ах, да! Конечно! Пастернак! Он писал детские книжки... о зверушках! – нашлась библиотекарка.

– О зверушках?

– Да! И как я могла забыть! А Блок и Есенин о природе. Они любили природоведение, были натуралистами и описывали всяких букашек, жучков, бабочек...

– А Цветаева?

– И ее вспомнила! Она была астрономом и написала несколько научных трактатов... о Луне и других планетах... Только зачем вам это?! Вы решили заняться наукой или захотели перечитать книжки дошкольного возраста? У нас таких нет! Но есть современная высокохудожественная литература для взрослых! Хотите, я вам кое-что подберу? – встрепенулась она. Девушка не успела ничего ответить, как та повела ее по рядам:

– Смотрите! – восторженно показала она на ряды полок. – Здесь женские романы – настоящие переживания, безум-

ные страсти, роковые женщины, подлые мужчины... Не хотите?... Пойдемте дальше. На этой полочке немножко эротики – легкие, воздушные проникновенные истории – «он и она» – что может быть интереснее для молодой девушки?... Что? Нет?... А вот книги о современной женщине – как она зарабатывает деньги, делает карьеру, как побеждает в битве за драгоценный металл. Хотя – это не очень интересно. Вы симпатичная девушка – зачем вам это?... Бизнес – удел одиноких уродин. Для таких, как вы, все сделает мужчина. Настоящий мужчина! Мачо!

– Мачо?... Мачо может задушить! – вдруг вырвалось у нее.

– Задушить? Замечательно! Какая прелесть! – засмеялась библиотекарь. – Тогда нам сюда... Где тут у нас – «задушить»? Вот этот стеллажик и есть – «задушить»! Современные книги-триллеры. Боевики! Книги-блокбастеры! Экшен! Обычно их берут читать мужчины, но если вы настаиваете – могу кое-что подобрать. Впрочем, нет. Смотрите! Здесь стоят женские кулинарно-детективные истории.

– Как? Разве такое возможно?

– Как, спрашиваете вы? Гениально – вот как! Кроме того, что вы следите за захватывающей историей, распутываете убийство или ограбление, раскрываете шпионский заговор – еще узнаете парочку новых рецептов салатиков или закусок, а иногда даже пирожных. Сразу два в одном! Ну что – хотите?

– А что у вас есть еще? – робко произнесла девушка.

– О! У нас огромный выбор книг! Пройдемте дальше!.. Так! Здесь мистика, гадания, гороскопы!.. Здесь фэнтези!.. Ужасы!.. Я знаю, что вам нужно! – вдруг воскликнула женщина, подведя ее к одному стеллажу:

– Целая полка сплетен! Все о том, чем живут знаменитости, как они отдыхают, путешествуют, одеваются,... или раздеваются, занимаются любовью. Как болеют и лечатся. Какие делают операции, чтобы сохранить красоту. Хотите?

Глаза девушки загорелись.

– Большое спасибо, дальше я посмотрю сама, – ответила она. И библиотекарь на какое-то время ее оставила. Она медленно прошлась по рядам но, ничего не выбрав, направилась к выходу. Тот разговор в парке все никак не шел у нее из головы.

– Ничего не выбрали? – удивилась библиотекарь. – Подождите секундочку!.. Маша! – позвала она, и из дальнего угла лабиринта полок и стеллажей появилась ее помощница. Она с легкостью держала в руках огромную коробку с книгами, которые еще не успела расставить по своим местам. Была она крупных размеров, и ее крепкие руки, как пушинку сжимали эту тяжелую ношу.

– Что у нас есть новенького, Маша? Что нам сегодня привезли? Ты уже распаковала?

– Что? – басом переспросила Машенька. – Десять килограммов детективов, сорок пять – кулинарии, около центне-

ра мыла и тонну попсы.

– Так, понятно! – проворчала библиотекарь. – Иди-ка ты... работай, – и, посмотрев на девушку, сказала, – пожалуйста, я вам покажу все сама. Новенькая! – добавила она и кивнула на Машу.

– А почему она книги меряет килограммами? – шепотом спросила девушка. Женщина улыбнулась и шепотом ответила: – Потому что много лет она работала в гастрономе и привыкла все взвешивать, а сейчас, наверное, решила подумать и о душе, вот и устроилась в библиотеку. Ну, что вам еще посоветовать? – задумалась она.

– Нет-нет, спасибо! – улыбнулась девушка, и показала на книгу, которую читала в парке. – Пожалуй, я сначала дочитаю эту!

– Конечно! – воскликнула библиотекарь. – Потом обязательно приходите, я подберу вам кое-что еще...

После обеда она как всегда играла в лото, гуляла в компании людей по парку, а вечером смотрела фильм в клубе, где собрались все, кто обитал в Доме Счастья. Люди, живущие здесь, старались не пропускать подобных мероприятий, потому что фильмы показывались исключительно новые. Их никто и нигде еще не видел, что было предметом гордости руководства клиники. Только новые, самые лучшие киноленты привозили сюда. Блокбастеры и боевики, длинные сериалы, триллеры и всякое другое. Доктор иногда шутил: – Не хватает красной ковровой дорожки! Сегодня у нас премьера!

Можно проводить кинофестиваль! И действительно, в это замечательное место привозили замечательные фильмы, которые только что вышли с киностудий. О них еще никто не знал, их не показывали ни в одной стране мира, а здесь, в Доме Счастья они уже шли!

25

Вечером, лежа в постели, она все никак не могла прийти в себя после просмотра кинофильма. Это была волшебная история о любви и красивой жизни. За два часа просмотра почти никого не убили, только в самом конце ревнивец-муж зачем-то зарезал свою жену. А в остальном, все было очень мило. Она лежала, снова и снова вспоминая:

История была простая – ревнивый муж преследовал красавицу-жену, устраивал сцены, но ничего не находил и прощал, и любил эту юную девочку, которая снова и снова ему изменяла, используя любую возможность. Но всегда возвращалась к нему – к немного обрюзгшему человеку, который был старше ее лет на двадцать или на тридцать. И снова клялась ему в любви. Это был «немножко» эротический фильм – действие происходило то на корабле, то в пабах и ресторанах, в гостиничных номерах. И режиссер использовал любой эпизод, чтобы дать возможность юной девушке сбежать от мужа и насладиться молодостью, красотой и жизнью. А тот снова ее искал, не находил и снова прощал. Но

прощать было нечего – в своих «невинных» шалостях она была неуловима, и доказать он ничего не мог...

Это был неплохой фильм, изумительно снятый, где не было безобразных сцен насилия, только красивая музыка и красивая любовь. И «немножко» эротики. А потом – неожиданный финал!

И сейчас она, лежа в кровати, вспоминала и не могла уснуть. Волшебное кино!

– Он по-настоящему ее убил! Он вонзил ей в грудь кинжал по самую рукоятку! – девушка подскочила на кровати.

– Откуда такие мысли?... Она смотрела это кино раньше! Точно смотрела! Даже была знакома с человеком, который его снимал! Помнила, как его звали!.. Сейчас его лицо стояло перед ее глазами.

Его звали... Нет! Этого она не помнила! Больше она не помнила совершенно ничего. Вдруг подумала – а как зовут ее? В ужасе поняла, что забыла даже собственное имя. Кто-то ей сегодня об этом говорил. Кто? Тот странный сумасшедший в парке... Цветаева! Кто такая Цветаева?... «В час последнего беспомыслия...», – вдруг пробормотала она. – Это стихи!? А дальше? Не помнит. Ничего не помнит! Цветаева – ученая, ... астроном, ... она написала несколько научных трактатов о планетах!.. Планета Луна! Она освещает ночной город, который нежится в желтом тусклом свете... Мост... Длинная тень на воде... Рядом человек. Он читает стихи. Его голос обволакивает, и она заворожено на него смотрит...

«Оплетавшие – останутся.
Дальше – высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.
У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Не прозрей...

Потрясающие стихи!... – в безумии шептала она. – Цветаева писала научные работы в стихах? Полный бред! А человека звали... У него было странное имя. Звали его... Другой!!! Кто он?... Бойся Палыча!.. Фимка... Королева... Филлипок...

Воспоминания вспышками мерцали в ее сознании, кровь прилиwała к лицу, она крепко, до боли сжала пальцы в кулаках, сердце готовилось выпрыгнуть из груди, разорваться на части.

– Испытательный срок... Ильюшенька... Илья!.. Как ты мог!? Зачем ты меня оставил?!

Теперь она помнила все, даже свое имя. Но еще одна страшная мысль не давала ей покоя: – Скоро будет война!.. Другой!.. Вот – кто он! Неужели все это правда?...

Он появился неожиданно, открыв дверь ее палаты. Всю ночь Лея не спала. Всю ночь она металась на кровати, вска-

кивала, носилась по комнате, не зная, что ей делать. Когда наступило утро, услышала голоса людей, собралась выйти. Сделай это! – звенело у нее в ушах. А голос того сумасшедшего, того странного человека не давал ей покоя. – Что ты можешь? – снова и снова повторяла она. Все то, что услышала от него, было чудовищным. Поверить в это она не могла. Внезапно дверь открылась, и перед ней появилась большая неповоротливая фигура Палыча. Он стоял и внимательно на нее смотрел. Смотрел без злобы или жалости.

– Что вам от меня нужно? – отшатнулась Лея.

– Не надоело сходить с ума?

– Не ваше дело! – воскликнула девушка.

– Тебя хочет видеть один господин, – пробубнил он. Лея с ужасом на него посмотрела. Лицо его совершенно ничего не выражало. У него была удивительная способность разговаривать. Ни один мускул на его лице не шевелился. Узкие глаза были прищурены и смотрели холодно и тускло. Говорил он одними губами, а глухой звук вырывался откуда-то из гортани или даже из живота, был он утробным и низким, а слова медленно тяжело по слогам срывались с его уст. Они были весомыми, и падали, словно мешки, набитые песком. Иногда казалось, что ему трудно открывать рот.

– Передайте вашему хозяину, что я к нему не пойду! – она захотела проскользнуть мимо и бросилась к двери, но сильная рука ее схватила и швырнула на кровать.

– Почему? – спросил он.

– Вам не понять.

Он молчал какое-то время, глядя на нее. Сейчас он напоминал большого зверя, который поймал свою добычу и теперь спокойно готовился ее разорвать, но почему-то не тропился.

– Тебе некуда деваться, – сказал он. Лея сидела, молчала и смотрела куда-то вдаль. Вдруг пронзительно на него посмотрела.

– Скоро будет война? – воскликнула она.

Он удивился:

– Все знаешь?... Она уже началась.

– Кому это нужно? Зачем все это?

– У Другого есть план.

– Как все знакомо. В прошлом веке мы уже проходили это.

Раса прекрасных! Элита! А остальные?

– Не мои дела. Меня не касается... Слушай меня внимательно. Другой просил передать, что хочет спасти тебя. Это твой последний шанс... Он ждет.

– Вы не глупый человек. Вы не думали, что станет с вами потом? На вашей совести миллионы, а теперь вы готовы вместе с Другим отправить на тот свет миллиарды!?

– Туда, где я работал, глупых не берут, – проворчал он. – Я не виноват, что протолкнул этот чертов закон, а потом погибли люди! – вдруг зарычал он.

– Миллионы людей! – воскликнула она.

– Те, кто мне платили – всеильны. Не я, так другой. Это

система! Так работают все. Тот закон все равно протолкнули бы. Почему я должен один отвечать за всех?

– Но что теперь будет с вами? – сейчас она с жалостью на него смотрела, и он заметил это. Она понимала его! Она принимала участие в его судьбе! Он с удивлением на нее уставился. С ним в последние годы никто так не говорил! Может быть, никогда так не разговаривал, разве что его мать? Но это было так давно...

– Если я приведу тебя, Другой от этого кошмара меня освободит. Ты – единственное мое задание. Он заберет меня к себе и сделает свободным. Господин Другой пообещал, а слово он держит – это человек чести, он не будет унижать себя обманом. А потом... Потом будет война. Он очистит планету от убогих и создаст расу прекрасных. У них будут свои школы и университеты. Они будут создавать свою чертову красоту, писать картины, музыку, снимать настоящее кино, есть настоящую жратву, летать в настоящий космос! Он борется за красоту! А жалкая кучка рабов будут выполнять грязную работу. Все! Вот что будет потом.

– И вы с этим согласны?

– Меня никто не спрашивает. Я ничто в этом мире.

– Вы жили в этой стране, ваше детство прошло здесь. Тут находятся могилы ваших предков. Может быть, живут ваши дети.

– Мои дети давно живут в другой стране, – его глаза широко раскрылись и теперь смотрели куда-то вдаль, сквозь сте-

ны, пронзая их тяжелым взглядом.

– Вы можете себе представить, как горит ваш город? Как бросают бутылки с зажигательной смесью, а засланные снайперы стреляют с крыш в демонстрации мирных людей. Может быть, там находятся ваши друзья, родные?

– Никого больше нет... Мать осталась. Одна она. Здесь и живет...

Он замолчал. Долгая пауза повисла в тесной палате.

Ничего не будет! – вдруг взревел он.

– Не поняла?

– Здесь ничего не случится. Руки у них короткие, зубы обломают. Такое уже бывало не раз! – он громко рычал, как раненый зверь.

– Вы знаете будущее?

– Это будущее не знает никто. Этот вопрос только решается. Когда все зависит от людей, от народа – предсказывать бесполезно. Но у нас будет то, что было не раз – люди поднимутся стеной и сметут наемную нечисть, которая сунется сюда.

– Почему вы уверены в этом?

– Не уверен... Знаю! Нас им не завалить. А что будет с остальными, мне наплевать. Я не мессия. Планету мне не спасти!.. А ты лучше подумай о себе.

Теперь эти двое молчали, думая каждый о своем.

– Зачем я нужна Другому? – наконец спросила Лея. – Что с меня взять?

– Ты ему мешаешь!

– Чем?

– Тем, что ты идиотка! И прочие, похожие на тебя.

– Почему?

– Потому что тебе ничего не нужно. Тебе достаточно быть просто бабой и любить. Достаточно босиком пройтись по мокрой траве и прыгать от счастья. Ты ненормальная! Но не все так просто! Нет бы сходить с ума одной – она делает это публично. Тебе больше всех надо? А знаешь, сколько за последний месяц идиотов зашло на твой сайт? Миллионы. Они бегут от реального мира с желанием спрятаться в мире виртуальном, где их тоже ждут. Там тоже идет война! Но появляешься ты со своими фантазиями, и они начинают думать, задавать вопросы, рассуждать! Уже хотят летать!!! И пока это будет продолжаться, совладать с ними невозможно!

Лея на него внимательно смотрела, словно видела впервые. Наверное, сейчас этот человек сказал слов больше, чем за всю свою прошлую жизнь.

– Можно еще один вопрос? – она серьезно на него смотрела. – Может быть, ... вы это знаете? Чего хочет Он?

Этот большой человек задумался, поежившись в своем плаще, который целиком закрывал его крупную фигуру. Потом пробормотал:

– Я слышал, ... Он желает, чтобы каждый человек был свободным. Каждый без исключения – какими Он их и сделал. А создавал Он не рабов, но людей. Вот так... Но, сама поду-

май, не могут же миллиарды быть людьми, кому-то нужно и в грязи копаться! Жизнь такая. А значит будет война. Элита поднимется и наведет на планете порядок.

– Я слышала одну историю. Легенда или сказка – как называть – не важно. Поверье. Когда все начнется, в решающий день и час Он вернется сюда. Говорят, Он снизойдет с небес в то место, откуда вознесся когда-то. Он поднимет свое войско. Люди, которые ждали его тысячелетиями, воскреснут и пойдут за ним. Те, кто еще жив, кто способен не быть рабом, но способен любить, ходить босыми ногами по мокрой траве, смотреть на солнце, встанут рядом, и это будет последняя битва, вселенская! Кто победит?... Молчите? Что тогда будет с такими, как вы? Об этом вы не подумали?

Его лицо, которое во время этого разговора было таким живым, внезапно словно умерло. Оно почернело, брови нависли над глазами, которые вновь сузились и теперь равнодушно на нее смотрели, а слова тяжело вырывались из гортани. Голос был глухим, утробным. Этот человек был словно под наркозом.

– Я тебе все сказал. Не знаю, что будет, другого выхода у меня нет. Не могу я тысячи лет таскаться по могилкам. Только знаю, что через месяц или два тебя здесь превратят в растение. А если пойдешь со мной – тебя ни о чем не попросят. От таких, как ты, требуется одно – не делать ничего – этого вполне достаточно. А пока ты слишком опасна... Идешь?

– Нет!

– Тогда, извини. На таких, как ты, всегда найдется нужное лекарство, – и он встал со стула.

– Я подумаю! – вдруг воскликнула Лея.

– Подумаешь? – удивился он, и не понятно было, какого ответа он ждал больше.

– Ну, подумай, подумай. Даю тебе сутки. Завтра в это же время приду. Если скажешь – нет, останешься здесь навсегда, а добрый доктор тебе в этом поможет. Все!

Он ушел, и Лея осталась одна. Скоро будет война! – стучало в ее висках. Тот человек говорил правду, теперь она знала это точно. Быстро выскочила из больничного корпуса и направилась в знакомое ей здание. Там находилось то, что ей было так необходимо. Но клуб еще был закрыт, а люди веселой гурьбой шли в сторону столовой. Пришлось идти за ними. Чтобы не выделяться – необходимо быть в толпе! Необходимо ГОВОРИТЬ НА ИХ ЯЗЫКЕ! А еще ей пришлось улыбаться идиотской улыбкой. Как сейчас она ненавидела себя за это. Как ненавидела эту улыбку! Дождавшись открытия клуба, зашла внутрь. Быстро разыскала нужную ей комнату. Она помнила, что здесь стояли ряды столов с компьютерами, где находилось интернет-кафе. Села за свободный столик. Теперь все было просто. Теперь она знала, что нужно делать, и уже никто не мог ей помешать!

– Об этом должны узнать миллионы! – звучали в ее сознании слова странного человека.

– Знаешь, сколько за последний месяц идиотов зашло на твой сайт? Миллионы! – помнила она слова Палыча.

Интернет работал! Оставалось вспомнить то, что она услышала вчера и записать, а потом разместить это на своем сайте! Как все просто! Дело за малым! – и, открыв чистую страницу в программе редактора, начала писать. Вдруг услышала:

– Чем занимаетесь? Снова к нам?

Она обернулась и увидела знакомую женщину-библиотекаря, которая вчера пыталась ей помочь.

– Да! – коротко через плечо бросила Лея.

– Что-то ищете? – спросила женщина.

– Хотела почитать сплетни! – нашлась она.

– Сплетни! Какая прелесть! Сплетни о чем?... Если не секрет?... О! Вы что-то пишете?

– Секрет! – вырвалось у нее, и девушка покраснела. Женщина засмеялась. – Сердечные дела. Понятно. Сайт знакомств?

– Не совсем.

– Извините за мою настойчивость, но с некоторых пор нас обязали немножко проверять информацию, которой интересуются пациенты. Это такое правило. В интернете столько всего ужасного, это может отразиться на состоянии их здоровья. Понимаете? Поэтому я задаю такой вопрос.

– Понимаю, это ваша работа, – улыбнулась Лея, и добавила:

– Просто я хотела узнать некоторые подробности о том, как..., – и, смутившись, замолчала. Она не знала, что сказать!

– О чем, моя хорошая? – снова спросила женщина.

– О том, как..., – Лея растерялась!

– Ну же? – настаивала она.

– Нужно ГОВОРИТЬ НА ИХ ЯЗЫКЕ! – мелькнуло у нее в голове. И тут она громко и четко произнесла:

– Я хотела узнать, как можно увеличить...

– Боже мой! Не продолжайте! – радостно воскликнула женщина. – Простите меня! Не буду вам больше мешать, – и добавила, – будь я в вашем возрасте, сделала бы то же самое! Сейчас такие удивительные технологии... Может, и жизнь сложилась бы по-другому, – вздохнула она.

Она ушла, а девушка облегченно вздохнула. Еще час просидела за компьютером, и больше ей никто не мешал. Наконец закончила свою работу, оглянулась и перешла на свой сайт. Оставалось совсем немного, всего несколько секунд – она загрузит информацию, и все! Пароль она помнила. А что будет потом?... Не важно. Она должна была это сделать – она ЭТО сделала. А потом... Потом уже не важно... Потом уже все равно...

Вдруг с ужасом прочитала на экране крошечную надпись:

– Ресурс недоступен. Обратитесь к системному администратору.

Они заблокировали ее сайт! Она не могла на него зайти.

Она целый час просидела напрасно, а сейчас даже не могла сохранить текст, который столько времени вспоминала и писала... Сохранить его было некуда! – вдруг подумала: – нужно отправить письмо самой себе!

Попыталась открыть свою почту. Знакомая надпись снова предлагала ей обратиться к администратору! Где-то находился тот самый администратор, который огромную всемирную сеть превращал в жалкую крошечную паутинку. В Доме Счастья люди не имели права на переписку! «Без права переписки!» – вспомнила она. Лихорадочно начала переходить с сайта на сайт. Кое-что работало. Она могла прочитать новости, посмотреть погоду, узнать последние сплетни, ознакомиться с результатами спортивных соревнований. Могла смотреть кино, слушать музыку, читать книги... Книги! Набрала в поиске имя – Цветаева. Выпало миллион ссылок. Начала на них нажимать, но информация была заблокирована. Не смогла найти ни Пастернака или Блока, ни Есенина, ни Гете или Бальмонта. Все эти имена были скрыты от нее. Здесь был свой интернет, который по крохам раздавал информацию, тщательно ее фильтруя. Он давал возможность просматривать только те темы, которые были разрешены. Компьютер, словно взбесился, наевшись желтых таблеток – он ничего не помнил, не видел, не знал и знать не хотел! Услышав шум, Лея оглянулась. Заметила библиотекаря, которая пробиралась вдоль длинных рядов, разговаривая с посетителями интернет-кафе, заглядывая в их мониторы.

Она постепенно приближалась к ней. Тогда Лея набрала последнюю запись, нажала на клавишу, и огромный женский бюст свесился с экрана, едва не раздавив клавиатуру. Эта тема здесь была не запрещена. Это был их язык!

– Ну что, выбрали? – наконец подошла библиотекарь. Потом оторопело посмотрела на экран.

– Вы уверены? – прошептала женщина, она была потрясена. – Но это же... девятый?...

– Двенадцатый! – в сердцах воскликнула девушка. А у той не находилось слов! Она выпученными глазами смотрела на экран.

– Двенадцатый!.. Ну, я не знаю!.. Впрочем, почему бы и нет? – изумленно прошептала она, переведя взгляд на стройную фигурку девушки. – В ваши годы можно с собой и поиграть! – и улыбнулась. А за их спинами уже начинали собираться люди. Они с восторгом заглядывали через ее плечо на экран и восклицали:

– Неплохо! Очень даже неплохо!

– Красавица! Вы будете иметь большой успех!

– А, может, ничего не менять? Так тоже хорошо!

– Как вас зовут, милая девушка?

– Тебе старый козел не все равно, как ее зовут?

– Вот именно! Свое имя сначала вспомни!

Счастливые люди, счастливо толпились за ее спиной и счастливо роптали.

– Вы прелесть! Не буду вам мешать! – наконец вымолвила

библиотекарь, придя в себя, и уже громче добавила, посмотрев на остальных:

– Все! Устроили здесь цирк! Идите по своим местам! Не видите, девушка занята делом? Идите же! Место! Я сказала – место! – и все с сожалением разошлись. А Лея, с трудом сдерживая себя, выскочила из клуба.

– Что делать? Что-то нужно делать? Бежать из клиники? Невозможно! Ей нужен компьютер! Где его взять? Здесь, на этой территории счастья, по-видимому, контролировался каждый шаг!

Вдруг увидела доктора. Он шел ей навстречу.

– Как наши дела? – спросил он.

– Очень хорошо, – улыбнулась она.

– Даже очень! – порадовался он. – Вы сегодня так необычно выглядите! Чудесно выглядите!

– Спасибо! – поблагодарила она, и тот, кивнув ей, пошел дальше.

– Доктор! – Ей нужен доктор! Вернее его компьютер. Может быть, ... если его тоже не заблокировали – у нее еще оставался шанс.

Потом она весь день сажала цветы, играла в лото, обедала, сидела в парке, разговаривала с людьми, улыбалась... И ждала!.. Ждала конца дня, когда доктор снимет свой халат и отправится домой. Нет! Сначала он пойдет в клуб! Сегодня будут показывать новое кино, а он никогда не пропускал не одного фильма. Тогда она и попытается проникнуть в его

кабинет. Но как?

Наступал вечер. Скоро будет ужин, а потом... Кабинет находился в ее корпусе, и по длинному коридору она подошла к знакомой двери. Рядом никого не было. Лея повернула ручку – дверь была заперта. Снова вышла на улицу. Был теплый летний день. Без труда нашла нужное окно, с радостью обнаружив, что оно приоткрыто. Дождалась ужина... Потом села на скамейке в парке и снова стала ждать. Наконец, увидела, как доктор прошел по дорожке в сторону клуба.

– Опять вы? – улыбнулся он.

– Да! – улыбнулась она. – Снова мозолю вам глаза!

– Говорят, если среди тысяч людей кто-то случайно встретится несколько раз – это может принести удачу! Может быть, вы и принесете мне удачу? – пошутил он.

– А вы мне! – пошутила она.

– В кино идете? – спросил он ее.

– Конечно! – воскликнула девушка.

– Поторопитесь! Скоро начало! – он махнул на прощанье рукой и скрылся вдали.

Парк опустел. Последние люди торопливо шли в клуб. Начали сгущаться сумерки. Лея медленно прошла по парку и приблизилась к знакомому окну. Оглянулась. Поблизости никого не было. Легко забралась на низкий подоконник и через мгновение оказалась в кабинете врача. Сразу же заметила компьютер. Он не был выключен и ярко светился в темноте. Она бросилась к нему. Сердце учащенно забилося. Толь-

ко бы работал Интернет, только бы удалось попасть на свой сайт! Взглянула на экран. То, что она увидела, заставило ее улыбнуться. Очевидно, доктор был любителем клубнички и в свободное время заходил на сайты определенного содержания. Наверное, он тоже иногда принимал эти волшебные таблетки, которые будили основные, наиболее значимые инстинкты... Впрочем, сейчас это было не важно! А важным было то, что через мгновение она смогла зайти на свою страничку! «ВЫ СЕГОДНЯ УЛЫБАЛИСЬ?» – радостно светилась надпись в темноте. У нее оставалось около двух часов – столько обычно идет фильм! Она должна успеть. И вот слово за словом, абзац за абзацем, и страшная, дикая информация, бред безумца из парка Счастья, жуткая правда начала появляться на экране. Она помнила каждое слово, сказанное тем странным человеком. Она писала текст, который напоминал репортаж с мест боевых действий. СКОРО БУДЕТ ВОЙНА! Уже рисовала эту войну, и дикие факты были тому подтверждением! Без картинки нельзя оставлять холодный текст. Он должен быть заметен! Он должен кричать с экрана. Оставалось совсем немного. Лея сидела и лихорадочно стучала по клавишам...

Так продолжалось около часа. Она не помнила, сколько это продолжалось, но знала, что еще пару минут и информацию можно будет загружать на сайт. Еще минута!!! Она успеет! Она уже успела! Оставалось совсем немного. Вдруг за дверью послышались какой-то шум и шаги! Кино закон-

чилось раньше, чем обычно, и люди шумной гурьбой возвращались из клуба. Лея замерла, прислушалась. Узнала голос доктора. Он с кем-то разговаривал, стоя у своего кабинета. Потом попрощался и послышался звук открываемого замка.

– Не успела. Нужно бежать! Куда? В окно! Нет смысла! Сначала она должна все закончить! Она должна это сделать! Но доктор через мгновение войдет и помешает ей!.. Нужно бежать! Нет! Значит она... убьет его! – все мгновенно промелькнуло у нее в голове.

– Снова вы? – услышала она его восклицание. – Но, как вы здесь оказались? Что вы здесь делаете?

– Я принесла вам удачу! – зло воскликнула она.

Он уже шел к ней, заметив, что девушка что-то делает за его компьютером. Лея бросилась ему навстречу, преградив путь.

– Объяснитесь пожалуйста! Я позову охрану!

– Доктор! – она вцепилась в него обеими руками.

– Что?

– Я...

– Что???

– Я больше так не могу!..

– Не понимаю!

Долгая пауза повисла в воздухе.

– Я люблю вас, доктор!

– Что?

Он изумленно на нее смотрел, а она продолжала:

– Я не могу без вас! В первый же день, как увидела вас, я поняла это!

Он стоял и не знал, что ему сказать.

– Вы настоящий мужчина! О таком можно только мечтать!.. Нет, вы не мужчина!..

– А кто?

– Вы Мачо!

Дальше она несла такую чушь, что если бы слышала и видела себя со стороны, ей было бы стыдно. Но сейчас она знала только одно – **НУЖНО ГОВОРИТЬ НА ИХ ЯЗЫКЕ!** А язык этот она хорошо усвоила из вчерашнего кинофильма. Наконец, завершила свою тираду:

– Поцелуйте меня! Ну же!

Тот растерялся и хотел пройти вглубь комнаты, но девушка снова вцепилась ему в халат, не выпуская.

– Я вам не нравлюсь? – воскликнула она.

– Почему же? – низким голосом произнес Мачо, потом добавил:

– Так вот почему вы утром искали ту пикантную информацию?

Лея покраснела. Ему уже все доложили.

– Я хотела вам понравиться!

– И совершенно напрасно!

– Что напрасно? – она пристально смотрела ему в глаза.

– Вам это ни к чему! Вы итак очень симпатичная девушка! – довольно проворчал он. Вдруг спросил:

– Но как вы сюда попали?

– Через окно! – честно призналась она.

– Зачем?... И зачем вам мой компьютер? – он задал этот вопрос и тоже покраснел, вспомнив, что забыл его выключить. И на какой сайт он заглядывал до похода в кино тоже хорошо помнил. А значит и она знала об этом. Но сейчас на экране виднелось совсем другое.

– Я хотела написать вам письмо! Хотела отправить его вам из клуба, но почему-то моя почта не работала. Почему?

– Наверное, какая-то поломка, – уклончиво ответил он. Теперь эти двое стояли, и молча друг на друга смотрели.

– Я люблю вас, доктор!.. Я хочу вас, черт возьми! – воскликнула она.

– Но,... я не уверен... Я не знаю!.. Что скажет ваш покровитель?

– Он убьет вас! – прошептала девушка, закатив глаза. – Шучу!

– Что будут говорить о нас в клинике?

– Никто ничего не узнает!

– Вы первая и расскажете им!

– Я завтра обо всем забуду! – прошептала она.

– Это верно! Вы совершенно правы! – обрадовался доктор. Она заметила, что он почти сдался. Оставалось совсем немного. И тут Лея воскликнула:

– Ну будьте же вы мужиком в конце концов!

– Мужиком? – глаза его загорелись. – Вы говорите, мужи-

ком?

– Мачо! – воскликнула она.

– Мачо! – и он обнял ее за талию. Лея дико захохотала.

– Что? – не понял он. – Что-то не так?

– Мачо в больничном халате! – продолжая смеяться.

– Извините, – пробормотал он.

– Снимите с себя все это! Идите в душ, смойте запах карболки и прочей дряни и приходите ко мне. Ну же? Я буду ждать вас! У вас есть душ?

– Конечно! – он кинулся к маленькой двери, находящейся у входа в кабинет, на ходу снимая халат и бросая на пол. Через мгновение он скрылся, а из душевой раздался шум льющейся воды. Лея стремительно бросилась к компьютеру. Ей требовалась всего одна минута. Начала лихорадочно вводить пароль. И зачем он был таким длинным? Зачем люди придумывают тяжелые засовы и замки, замысловатые пароли на входе в свой дом? Когда-то давно в пещере не было никаких замков. Вот и она тоже...

– А знаете что? – услышала она голос доктора и вздрогнула, обернувшись. Голова его выглядывала из-за приоткрытой двери душевой.

– Не хотите ли присоединиться? – галантно предложил он.

– Да..., конечно..., почему бы и нет? – пробормотала девушка. Она встала со стула и растерянно на него посмотрела.

– Ну, смелее же!!! – воскликнул доктор, было заметно, что он уже не на шутку завелся. Она подошла к двери и увидела

совершенно голого мокрого доктора. Потом воскликнула:

– Вы прелесть, доктор! Вы такой... У вас здесь джакузи? Я так люблю все эти штуковины! Как это называется? Гидромассаж! – и смело бросилась в маленькую каморку, откуда был слышен шум воды, но через мгновение растерянно вернулась.

– Доктор? Вы смеетесь? За кого вы меня принимаете? Там и одному не развернуться. Давайте-ка сами, а я после вас. Ну, идите же! Быстрее! – и она подтолкнула его в душевую.

– А вы ничего! Импозантный! – бросила она на бегу, возвращаясь к компьютеру. Ввела оставшиеся символы и нажала на клавишу. Все! Теперь все!

Посмотрела на свою работу. На ее сайте появилась огромная надпись – СКОРО БУДЕТ ВОЙНА! А следом шел текст сумасшедшего человека, небритого, с взъерошенной шевелюрой, усталыми глазами и изможденным лицом, который жил в соседнем корпусе. Он должен был провести там всю оставшуюся жизнь, но, находясь в этом, далеком от счастья месте, хотел спасти целую планету. Может быть, теперь ему это удалось? А еще заметила, как мгновенно начали заходить на ее страницу люди – сотни людей, тысячи. Они читали это послание. Лея, словно, видела их глаза, их лица, которые были искажены ужасом.

– Все! Теперь все! – подумала она.

Выключила компьютер и, с облегчением откинувшись на спинку стула, замерла. Все кончено. Терять ей было нечего.

Теперь ей было все равно. А еще вспомнила голого мужчину, который сейчас в исступлении яростно принимал душ. Он был старше ее лет на сорок, был он плешивый и весил сто двадцать килограммов. – Какая гадость! – подумала она.

Когда через некоторое время доктор вышел из душевой, он увидел девушку, прикорнувшую на маленькой кушетке у самого окна. В нетерпении подошел к ней и воскликнул:

– Твой Мачо пришел, милая!

Вдруг услышал:

– Вы сошли с ума?... Как я здесь оказалась?... Почему вы голый?

Девушка, только что мирно спящая, широко открыла глаза и смотрела на него с ужасом и недоумением.

– Не понял? – воскликнул он и замер.

– Объяснитесь! Что все это значит? – она вскочила и спиной прижалась к стене. Доктор улыбнулся и кинулся к ней.

– Шутишь!? Решила поиграть? Ролевые игрушки? Ну, давай же!

– Вы сошли с ума!? – она в отчаянии его оттолкнула.

– Что-то не так? – удивился он.

– Вы затащили меня в свой кабинет, стоите передо мной совершенно голый и задаете такой вопрос? Вы в своем уме? – девушка в ужасе на него смотрела. Доктор растерялся... Вдруг понял.

– Ты... Вы не помните, что было десять минут назад?

– Нет! – нахмурила она брови. – Вы хотели меня изнаси-

ловать? Какой ужас! Уважаемый врач! На своем рабочем месте.

– Ты придуриваешься? – он был в гневе. Но она стояла и задыхалась от страха, прижавшись к стене.

– Ты... вы... действительно ничего не помните?

– Нет... То есть... А как я здесь оказалась?

– Вы залезли через окно...

– Я похожа на сумасшедшую? – с обидой в голосе воскликнула она.

– Вы не помните, что было всего десять минут назад?

Она молча, с ужасом на него смотрела.

– Ну, знаете ли... Сколько вы сегодня приняли таблеток?

– Не помню, – беспомощно прошептала она.

– Ну,... это уже... хамство! Вы там со своим лото окончательно распустились! Это переходит всякие границы!!!

– Вы не хотите одеться? – воскликнула она, посмотрев на него. Он, заметив этот взгляд, кинулся к халату, лежащему на полу. Укутался.

– Значит, вы не помните, – пробормотал он, мгновение постояв. – И сейчас ничего не хотите? – вдруг воскликнул он. – Ну, давайте же. Милая! Вы ничего не хотите? – он приблизился к ней, схватил за талию, впился губами в ее шею.

– Я не понимаю! – закричала она, оттолкнув его, но доктор все больше заводился. Он был очень силен, и она не могла его от себя оторвать.

– Не помните!? – прорычал он. – А значит и завтра ничего

помнить не будешь! – и глаза его загорелись. Он уже снова готов был наброситься на нее. – Мачо! Ты не помнишь, кто твой Мачо? Сейчас ты узнаешь это!

– Помню! – вдруг закричала она.

– Так давай же! Смелее... Ладно, я сам... Все равно завтра проснешься другим человеком!

Он толкнул ее на кушетку, и девушка упала. Доктор готов был навалиться на нее, и тогда она спокойно произнесла.

– Раздевайтесь!

– Да!?! Вот это правильно! – воскликнул он и сбросил халат. Лея вскочила, схватила его и выкинула в окно.

– Зачем? – не понял тот. – Что вы делаете?

– А теперь слушайте меня – спокойно произнесла она. – Мы не будем ждать до завтра! Я сейчас закричу так, что сюда сбежится вся клиника. И ваши любимые пациенты и охрана тоже! А потом я сниму трубку этого телефона и позвоню ему – моему любимому папочке, моему Мачо! Через полчаса он приедет сюда и убьет вас. Пристрелит, как собаку. Вы не знаете, с кем связались, и какие люди за ним стоят!

– Я... слышал..., – пробормотал доктор. – Вы не помните его номер! – воскликнул он. – Вы не помните совершенно ничего!

– С цифрами у меня все в порядке, – и она подошла к телефону, стоящему на его столе.

– Подождите! – он бросился к ней и выхватил трубку.

– Я сейчас закричу! – холодно повторила она.

– Чего вы от меня хотите? – взмолился доктор.

– Я от вас? – она долго стояла, уставившись на его голое тело. Потом усмехнулась. – А вы ничего, импозантный муж-чинка. Мачо... Маленький правда Мачо, но все равно ничего...

Потом развернулась и пошла к двери, но остановилась, обернулась и сверкнула глазами:

– И еще!.. Если хотя бы раз вы на меня так посмотрите, помечтаете о чем-то, пеняйте на себя. Я вас предупредила! – и громко хлопнула дверью.

– Продолжать и дальше говорить на их языке? – идя по коридору, подумала она.

26

Она не спала уже вторые сутки, но спать не хотелось. Словно открылось второе дыхание, и сейчас она лежала на ненавистой кровати и думала.

Ночь. Эта ночь последняя! Она знала это точно! Больше она не сможет оставаться здесь, есть желтые таблетки, не сможет улыбаться, проводить бессмысленно время, не думать ни о чем, не помнить и чувствовала, что завтра что-то произойдет. Оставалось совсем немного, а потом... Сейчас эти последние часы были для нее испытанием. Новым испытательным сроком. Что с ней будет завтра? Теперь, когда она ничего больше не могла сделать, все теряло смысл. Сейчас на

нее не смотрели сверху те удивительные глаза, в этом мире не было любимого человека – она не нужна была никому... А раньше?

Мост, комната на втором этаже, сказочный дождь над городом, мамонт. Вот Илья неуклюже идет по эскалатору, он обнимает ее, смотрит прямо в глаза. Но уже ползет по отвесной стене и низвергает водопады воды с небес. Потом дивный полет на необитаемый остров. Они любят друг друга. Снова полет, приземление, и разверзнувшаяся бездна под ногами...

Что делать? За что держаться? Конечно, завтра она не пойдет за Палычем, а значит он отдаст команду врачу и тот... После того, что произошло сегодня, доктор сделает с ней все, что захочет. Он и сейчас может это сделать, но почему-то ждет. Наверное, завтрашнего дня, когда можно будет соблюсти все правила приличия. Давно прошли те времена, когда за тобой приходили ночью. А теперь когда? Утром? Днем?... Наверное ее поместят в корпус, находящийся в дальней части парка, откуда она не выйдет никогда... Никогда... Впрочем, какая разница? Что ей оставалось – снова мост, веревка на шею или прыжок с крыши, горсть желтых таблеток?... Если бы Илья был жив! Если бы сейчас он видел ее!

Лея посмотрела в окно сквозь толстую решетку. Луна! Она снова была огромной и в полную силу освещала весь этот парк, корпуса больницы, которые отбрасывали уродливые тени, рисовала на полу черную сетку... И ни лучика

солнца. Как напоследок ей захотелось увидеть его, прямо сейчас, ночью! Но как оно было далеко!

«В час последнего беспамятства», – прошептала она.

Снова посмотрела на Луну. Та спокойно безразлично сияла в темноте. Как странно! Разве планеты могут сиять? – вдруг подумала она. – Сияют звезды! Луна не умеет излучать свет, только может его отражать. И тут ей пришло в голову: – Сейчас, в этот поздний час, когда над миром нависло крошечное темное небо, она снова видела солнце! Удивительно! Его лучи достигали желтой планеты, отражались, а потом неслись к ней, уже проникали в палату, светили в ночи! Ей никогда раньше в голову это не приходило! Солнце было где-то далеко-далеко, но оно было с ней!

И вдруг поняла! Илья видит ее! Она знала это совершенно точно! Где бы он сейчас не находился, он пристально следит за ней – и вчера, и неделю назад, и сегодня. Как она раньше этого не понимала? Он был где-то далеко, но каждое мгновение находился рядом! Думал о ней, видел ее! И вдруг Лея вспомнила его слова!

– «...от великого стыда будешь смотреть на себя откуда-то сверху, больше не бояться, а если и бояться, то лишь самого себя и совести своей, которая всевидящим оком преследует дела твои и мысли, и не дает покоя, не дает оступить, толкая на безумные, безрассудные поступки! В этом безумии и есть великий смысл!»

Эти слова ожили в ее памяти и теперь не давали покоя! В

эту минуту она чувствовала с ним неразрывную связь. Что он хотел ей сказать?...

Утро безмятежно начинало свой новый день. Яркое солнце освещало огромный парк, корпуса клиники, длинный дорожки, играло на заспанных лицах счастливых людей, которые выползали из своих палат и направлялись в столовую. Вот появился доктор. Еще издалека он заметил Лею, которая сидела на скамейке, и пошел прямо к ней. Поравнялся. Она беспечно ему улыбнулась, поздоровалась. Он перевел дух. Девушка ничего не помнила. Доктор тоже вежливо ей кивнул и удалился. Ничего не помнит, – мелькнуло у него в голове. – Зато он помнит все! А еще через пару минут в парке появилась огромная фигура Палыча. Он сразу же заметил девушку и тяжело зашагал к ней. Сел рядом и уставился куда-то вдаль. Доктор издалека внимательно за ними следил. Палыч помолчал немного, потом о чем-то ее спросил. Он произнес всего лишь одно слово и замолчал. Девушка улыбнулась и кротко ответила. Тогда Палыч нашел глазами доктора, разглядев его в толпе, приветливо махнув рукой, и направился к нему. А люди все шли. Уже сотни людей заполняли длинные неровные дорожки, может быть тысячи. Они шли в столовую. Они привычно начинали свой новый день.

Доктор и Палыч какое-то время о чем-то говорили, потом замолчали и оба уставились на девушку. Все это время Лея тоже с интересом на них издалека смотрела. Словно это

была какая-то игра. Потом, радостно им улыбнулась, пома- хав рукой. Вдруг вскочила, зачем-то забралась на скамейку, мгновение подумала, и начала что-то говорить. Эти двое ее не слышали, а люди в парке с удивлением на нее уставились и замерли. Уже сотни людей стояли неподалеку, растерянно на нее глядя, а из столовой доносились запахи еды. Доктор и Палыч, пошли в ее сторону, уже прибавили шаг, пробираясь сквозь толпу. Наконец остановились, а девушка все продол- жала...

– ...Люди! Остановитесь, оглянитесь, посмотрите по сто- ронам! Каждый день вы просыпаетесь, и делаете одно и то же. Вы шагаете по проторенным дорожкам, ничего не заме- чая. Вы смотрите себе под ноги и упорно двигаетесь вперед, но не видите, как по земле ползет букашка, в луже купает- ся воробей, а на газоне растут цветы. Раскройте свои гла- за! Вы все делаете понарошку. Понарошку улыбаетесь, по- нарошку живете, любите! По-настоящему вы только рожда- етесь и умираете... Но между этими двумя событиями про- ходит целая жизнь!

– Что за безобразие? – воскликнул доктор, и уже хотел пойти к ней.

– Не спешите! – пробормотал Палыч, схватив его за ло- кооть. Сейчас он внимательно, прищутив глаза, смотрел на Лею. Потом зло добавил: – Имеет право. Прощальная речь.

– Но..., – хотел было возразить доктор.

– Стойте! – перебил его Палыч, и доктор замолчал, с удив-

лением глядя на девушку, стоящую на скамейке, напоминающей эшафот.

– Что же вы стоите? – воскликнула знакомая нам женщина, которая всегда появлялась вовремя.

– Стоять, я сказал! – рывкнул Палыч и она тоже осталась на месте. А голос девушки продолжал уверенно звучать:

– Вы никогда не поднимете глаза кверху и не видите небо и солнце, звезды. А зачем туда смотреть? Вам этого видеть не нужно? Вам это не интересно?! Вы только знаете, что это солнце где-то есть, оно должно там быть, и вам этого достаточно! Вы забыли собственные имена! Говорите вы только о еде, думаете о ней, едите, говорите о женщинах и мужчинах, о сексе, забыв о том, что такое любить! А может быть никогда и не знали – что это такое, потому что делали все понарошку. Чтобы улыбнуться, вам нужна желтая таблетка, потом вы принимаете вторую и идете в апартаменты-люкс. Вы думаете этого достаточно? Вы не знаете, что где-то есть Он, тот самый, который на вас каждое мгновение смотрит! Он видит вас! Он помнит о каждом и ждет чего-то. Чего? Когда же вы наконец сделаете, то что ХОТИТЕ, что должны сделать! Но вы давно позабыли о Нем. А еще есть – Другой, тот, который поджидает тебя за каждым углом, – он и отворит дверь в апартаменты-люкс, накормит и обласкает, даст денег, ... займы, или заставит биться за благородный металл. А что потом? ... Снова деньги, снова битва? Битва вселенская! А Другой будет смотреть на вас – и улыбаться!

Смеяться! Гомерически хохотать! Это такая игра. А немногие избранные будут стоять с ним рядом и тоже смотреть. Потом за это трогательное Шоу они бросят вам кость, накормят и отправят на бойню. Зачем кого-то жалеть? Вас слишком много, на ваше место придут другие. Но Он тоже будет на вас смотреть и ждать! Вы находитесь между двух огней, двух взглядов, но выбираете Другого! Но почему вы не поднимите глаза кверху, где светит яркое солнце! Вам больно туда смотреть? Вам не интересно? Скучно? Вы не хотите задать себе один простой вопрос – зачем? Зачем вся эта игра? А вы не знаете, что есть другие правила? Или вообще не стоило играть в эту игру. Зачем – задайте себе этот вопрос. Если однажды вы сделаете это – появится смысл. Не важно, что ответа вы не найдете или будете искать его всю долгую жизнь, а он все будет ускользать! Но тогда вы будете жить, а ведь это немало! Это так много! Но пока лишь смотрите себе под ноги!

В это время на небе начало происходить необычное атмосферное явление. Маленькое белое облачко, которое только что невинно плыло в вышине, вдруг начало увеличиваться и чернеть. В мгновение выросло до угрожающих размеров и теперь закрывало большую половину неба. Сильный ветер рванул неведь откуда и уже пригибал к земле верхушки деревьев, неся по асфальтированным дорожкам остатки мелкого мусора, целлофановые пакеты, обертки от шоколадных батончиков, газетные листы, случайно кем-то забытые,

и прочую ерунду, а туча все продолжала расти. Лея стояла на скамейке и перекрикивала шквал ураганного ветра. Она говорила прощальную речь! Уже почти кричала:

– Вы сегодня улыбались? Без таблетки желтого счастья вы делали это?! Вы теряли головы? Хотя бы на секундочку вы были безумцами, прыгая из лужи в лужу под страшной грозой, не прячась от холодных капель? Страшной? Это совсем не страшно, это здорово – вас обманули те, кто вложили вам в руки зонтик! Вы носились ночью по улицам и площадям, играя с консервной банкой? Вы смеялись, как сумасшедшие? Нет, не как сумасшедшие – как дети! Вы любили? Но почему вы забыли о самых простых и естественных вещах!? Вы сегодня летали? А вчера? Когда вы делали это в последний раз? Это же так просто – это свойственно каждому человеку! Нужно только посмотреть наверх, расправить крылья, которые даны каждому. Каждому! Помечтать, поверить в себя, а дальше просто лететь, и тогда небеса откроют вам свои объятия. Там удивительно светло, высокое небо, там сказочно чистый воздух, и не нужно больше толкаться локтями и лбами, а просто лететь! Главное – не бояться, что упадешь или опалишь себе крылья. Ведь если эти крылья тебе даны – ты должен лететь. Куда? Куда захочешь! К Нему. К себе! А того – Другого, оставить на грешной земле навсегда, откуда он со злобой будет пялиться из своего темного угла, но там, наверху ему тебя уже не достать!..

Первые тяжелые капли забарабанили по асфальту. Лея

подняла руки кверху и умыла лицо. Люди почему-то не расходились, хотя в считанные секунды совершенно промокли. Они, не шелохнувшись, молча смотрели на девушку.

– Хватит! Это безобразие нужно прекратить! – воскликнул доктор.

– Заткнись! Стой и смотри! – вдруг услышал он. Посмотрел на Палыча, который внимательно с интересом слушал девушку. Вода стекала по нему ручьями, его плащ быстро пропитался водой и провис, облекая тучное тело. Брови сурово нависали, а глаза... Его глаза горели безумным огнем.

– Не понял? – пробормотал доктор.

– На нее смотри!!! – рявкнул Палыч.

– Но ее нужно остановить! Вы же сами мне это только что говорили!

– Ее? – и Палыч захохотал, мощным ревом огласив всю площадь. – Ее остановить!? Смотри! – прорычал он.

И тут девушка, подняв голову, посмотрела на небо. Вода заливала ее целиком. Ее хрупкая фигурка выделялась в толпе людей, которая обступила девушку со всех сторон. Она казалась тоненьким мокрым стебельком, тростинкой – еще один-другой шквалистый порыв ветра, и ее отбросит на землю, сомнет, разорвет на части. Волосы ее развевались рыжей мокрой копной, а глаза горели. А солнце, которое не спряталось и наблюдало за всем в маленькое круглое окошко на небе, освещало ее, дарило тепло и любовь, казалось, защищало ее и не давало в обиду. Это солнце снова было с ней.

Раскаты грома заглушали плеск воды. Молнии начали бить со всех сторон. Разбушевавшаяся стихия, упавшая с небес, сходила с ума.

Доктор бросился к возмутительнице спокойствия. – Ее нужно остановить! – негодовал он. Люди в его клинике никогда не смотрят на небо. Это первый признак плохого самочувствия! Он должен ее остановить!

И вдруг произошло невероятное! Девушка оторвалась от скамейки и на несколько метров вознеслась над землей, повиснув в воздухе. Ропот пронесся по парку. Люди в ужасе замерли.

– Хватайте ее! Держите! – крикнул доктор охранникам, и те кинулись к скамейке. Но девушка была недосягаема. Казалось уже, яркий свет исходит от нее. Она зависла в вышине, отражаясь в лучах солнца и ослепительных отблесков молний.

– Стреляйте! – вдруг заорал доктор. Охранники достали травматические пистолеты и вопросительно на него посмотрели.

– Стреляйте, я сказал! – уже вопил он.

– Осади! – зарычал Палыч, появившись рядом, и от его мощного голоса, рокочущего на всю площадь, охранники в ужасе замерли.

– Давай, девочка, лети! – проворчал он. – Нечего тебе здесь делать!

– Я сказал, стреляйте! – визжал доктор. Он кинулся к од-

ному из охранников, выхватив у него пистолет. И вдруг все увидели, как девушка, в мгновение ока, преодолев огромное расстояние, вознеслась на недостижимую высоту. Сейчас она напоминала стремительную огненную молнию, которая уносилась прочь, с той разницей, что молнии били в землю, а эта рыжая бестия мчалась к небесам. Уже превращалась в маленькую светящуюся точку, и через мгновение, пронзив огромную черную тучу, исчезла совсем.

Люди растерянно друг на друга смотрели. Они переводили взгляды с доктора на охранников, взирали на больничные корпуса Клиники Счастья с решетками на окнах. Они не знали, что им делать. Но снова и снова поднимали глаза вверх и смотрели в небо. Купались в этом удивительном дожде, блестели на солнце, улыбались и вспоминали, когда это делали в последний раз.

– Что она сделала? – прошептал доктор, глядя на Палыча.

– Улетела! – просто ответил тот.

– Разве такое возможно!?! – вдруг закричал. – Это непорядок! Это запрещено! Ее нужно лечить! Она больна! Ее нужно срочно догнать! Госпитализировать!

– Догоняй! – усмехнулся Палыч.

– Я буду вынужден кое-куда сообщить! Нужно принимать меры! Такое невозможно! Это переходит всякие границы! – продолжал кричать он. – Я сообщу господину Другому!

– Идиот! – на прощанье равнодушно бросил Палыч и направился к выходу. А сзади уже слышались голоса охранни-

КОВ:

– По палатам! Быстро! Наверх не смотреть! Глупости не говорить. Ничего не помнить! Сейчас будет обход. По местам! Место, я сказал место! Место!..

27

Она летела. Только теперь она поняла, как это просто! Не было теплой сильной руки, которая ее крепко держала, не было слышно стука бьющегося сердца любимого человека, больше ее никто не обнимал, не согревал, не любил! Она была совершенно одна, но холодно не было. Снова было нестерпимо жарко. Теперь она делала это сама. А перед глазами уже открывался огромный мир, который был прекрасен, и в эту минуту он принадлежал только ей одной. Сейчас она могла пролететь за считанные секунды многие километры. Сотни километров, тысячи! Снова исчезло время, исчезли расстояния, а маленькая круглая планета представала перед ее глазами во всем своем великолепии и была, словно игрушка в ее руках. И вдруг поняла – стоит только захотеть – она вырвется из призрачной атмосферы, а черный космос примет ее в свои объятия. Это конец? НЕТ! Это только начало! Она не погибнет, и яркой одинокой кометой будет мчаться вечно между других планет и звезд, созвездий, галактик, и прочертит свой млечный путь на карте мироздания, на карте игрушечного мира, который сейчас принадлежал только ей

одной.

Но кометы падают?... Это неправда! Некоторые из них летят! И пока они летят, ничего не страшно!

Была ли она счастлива? Да! Любила ли она? Да! Она снова любила! Она и не переставала это делать. Больше не было удивительного, родного ей человека рядом. Но это ничего не значило! Она помнила о нем! Видела его в своем воображении! Он стоял перед ее глазами, и она, словно, чувствовала тепло, которым он ее согревал! И сейчас она посвящала этот полет ему.

Но чем жить? За что держаться? Зачем? А нужно ли за что-то держаться, когда ты мчишься в свободном полете, преодолевая километры пути, а ветер, как безумец, треплет волосы твои. И пока ты летишь, ты свободен!

Но стоит только остановиться... НЕТ! Только вперед! Вперед, навстречу рассвету, нужно гнаться за солнцем и не думать больше ни о чем.

Не думать? Но, что же тогда остается?... Жить памятью?... Да! Жить! Во имя любимого человека, где бы он ни был! Жить и просто любить!

Она не помнила, сколько носилась над этой планетой, над той ее половинкой, которая была ярко освещена солнечным светом. Наконец, разыскала свой крошечный остров, маленький клочок счастья, затерянный в безбрежном океане, и спустилась туда. Сбросила ненавистную одежду. И сно-

ва ласковые волны умывали ее, а пена морская стирала запахи больничного счастья. Снова теплый песок укутывал ее мокрое тело, а она лежала и смотрела на небо.

Вдруг заметила, как одно маленькое облачко начало превращаться в смешного человечка. Это был Фимка. Снова Фимка. Он был в шикарном костюмчике, на его ногах были надеты лайковые ботиночки, а из одного из них... торчал большой голый палец. Лея засмеялась. Даже там негодник поизносился! – подумала она. А Фимка ей улыбнулся, помаhal рукой с широко расставленной пятерней и растворился в голубоватой дымке. Но почему он не являлся ей в том парке? – подумала она. Потом поняла – там нельзя, там не положено. Его могли увидеть обитатели клиники и уже по-настоящему сойти с ума. А здесь на необитаемом острове можно все! И еще подумала – почему Илья не появился рядом с ним там наверху?... Просто не хотел ее мучить...

Потом она задумчиво брела по пляжу, загребая босыми ногами горячий песок. Вот их шалаш. В нем аккуратно были разложены две зеленые кольчужки, два одеяния, которые, казалось, они только что сняли с себя. Все находилось на своих местах, все ждало этих двоих. А если дожждаться вечера, можно будет сесть на берегу и встречать закат. Потом забраться в шалаш и долго смотреть сквозь прутья на небо и звезды. А потом... А завтра?... Нет, она не сможет находиться здесь без него. Все напоминало ей о тех сказочных днях в ее жизни, которые они провели вместе. Нет.

И снова полет, и ветер в лицо, и приземление... Знала только одно – в то удивительное необитаемое место она больше не вернется никогда...

Она возвращалась. Зачем? Дурацкий вопрос. Иногда он так раздражает! Просто возвращалась и все. Над городом уже зависли сумерки, а огоньки в домах, как крошечные маячки, светили ей, указывая направление и путь. В последний раз оглянулась на заходящее солнце, которое на прощанье, словно подмигнув ей, свалилась в кромешную темноту ночи, где только яркая Луна сияла в вышине и никого вокруг. Страшно не было. Эту Луну всегда можно попросить передать привет ее старому приятелю – ее огненному принцу, который теперь снова был с ней.

Место было знакомым. До боли знакомым. Что ее привело сюда снова? – недоумевала она. Осмотрелась. Город сверкал равнодушной иллюминацией и фонарями. Они ярко освещали улицы и площади, набережную, растворяясь длинными тенями на черной поверхности воды. А она стояла на мосту, оперевшись о парапет, и ветер трепал ее волосы. Было холодно и сыро. Черный мост нависал над черной рекой, и только яркая луна сияла в вышине. И ни одна машина не проехала за это время. Этот мост сейчас был словно заговорен.

Неожиданно вдалеке послышались глухие шаги. Там шли какие-то люди. Они двигались порознь, быстро приближаясь. Очень скоро Лея разглядела их лица. Впереди шла Ко-

ролева. Ее длинный плащ развевался на ветру, и она четко отмеривала шаги, стуча по мостовой. За ней в некотором отдалении тащился Палыч, а с другой стороны моста появилась высокая фигура Казановы. А вот и Филлипок! Вся компания в сборе! Эти четверо замерли в некотором отдалении, молча на нее уставившись. Лея прижалась спиной к перилам. Оглянулась. Зачем-то посмотрела на реку, и черная зияющая пропасть разверзлась под ногами, а там зловеще переливалась вода. Отступить было некуда. Снова посмотрела на этих четверых. Те молчали и никакие эмоции не проявлялись на их каменных лицах. Не было Фимки, больше не было Ильи. Только эта четверка и Луна над головой. Почему она должна кого-то бояться? Кто они такие? Призраки? Что они могут с ней сделать? Захотелось уйти, сбежать отсюда, но почему-то не могла сдвинуться с места. Поняла, что встреча эта не случайна – ее ждали. Зачем?...

Вдруг какая-то машина появилась на мосту, она быстро подъехала, и замерла неподалеку. Из нее вышел Артур и его охранник. Девушка вздрогнула.

– А эти – уже не призраки! – подумала она. Потом заметила, как еще две машины медленно подъезжали к ним. На одной из них виднелся красный крест. Они тоже остановились неподалеку. Из одной вышел следователь, а из другой доктор. Теперь, кажется, вся компания была в сборе.

Лея снова обернулась, посмотрев на воду, перевела взгляд на этих четверых – обитателей комнаты на втором этаже

странного особняка.

– Чего они от нее хотят? Ее испытательный срок окончен! Она больше не в их компании! Но они стояли и чего-то от нее ждали. Чего? Вдруг поняла – ее срок закончился, но не их спор. Они делали на нее ставки, а значит будут преследовать ее вечно. Они поставили на нее! Заметила, как Королева усмехнулась, потом кивнула – она читала ее мысли. Это ловушка! А еще поняла, что стоит ей уйти, и она сразу же достанется одному из тех, кто пока стоит в отдалении и ждет ее. Снова перевела взгляд на людей-призраков. Сейчас они были ее спасением! Какой ужас! Они предлагали ей выбор, и она должна была его сделать. Деваться с этого моста ей было некуда. Может быть, туда, наверх? Но разве могут люди жить на небесах? У них для этого есть земля – их земля... Они иногда могут летать, но обязательно должны возвращаться. Это как дельфины, живущие в океане, могут задохнуться, если не вынырнут, когда закончится кислород...

Лея почувствовала себя словно на эшафоте. И еще заметила, что эти черные тени-люди были по разные от нее стороны. Они не были вместе. В этом был какой-то магический смысл. Они стояли на небольшом расстоянии друг от друга, словно подчеркивая свою независимость. Поймала себя на мысли, что может оттолкнуться от парапета и подойти к Королеве. И тогда ее не тронет никто другой! Или к Филлипку?! А тот внимательно на нее смотрел, читая мысли. К Казанове?... Или к Палычу. НЕТ! С ужасом поняла, что оста-

ваясь в этом мире, она неминуемо должна принадлежать одному из них. Здесь такие правила! А еще прекрасно помнила, чего каждый из них от нее хотел! Эти четверо переглянулись – они понимали ее, они читали ее мысли. Ждать помощи было не от кого. Ей нужно было сделать свой выбор и теперь принадлежать одному из них.

– КОМУ??? – в ужасе подумала она.

Снова обернулась... Посмотрела вниз. До боли сжала руки, вцепившись в перила. Однажды точно так же она уже стояла здесь! – Что делать? Что?

– Сделай шаг! Всего лишь один шаг! Страшно не будет! – шептал ей какой-то голос.

– Но этого делать нельзя!

– Тогда – как быть?!

Снова глаза ее устремились вниз, где черная река словно приглашала. И вдруг вспомнила:

– Илья! Он видит ее сейчас! Он знает, что с ней происходит!.. Нет!!! – и она резко повернулась к этим четверым. Потом перевела взгляд на Луну и снова на них. Неожиданно улыбнулась. Она стояла и улыбалась, а приятное тепло разливалось по спине. Она помнила Илью, она видела его, чувствовала. Он только что снова ее спас! Любила его и думала сейчас только о нем! А эти... Нет! Она не пойдет ни к одному из них. И пусть они делают с ней все, что хотят. И те, стоящие в отдалении, тоже! Теперь, когда она приняла решение, все стало просто. Больше она не боялась никого!

Вдруг Палыч громко засмеялся и проворчал:

– Девочка снова сделала вас! Вы видите? Вы это поняли? Никогда вам ее не завалить! – и засмеялся утробным голосом. Теперь все смотрели на нее с любопытством, а Казанова с восхищением.

– Взгляни-ка туда! – вдруг воскликнул Филлипок, – Никого не узнаешь?

В конце моста появилась какая-то фигура. Это была фигура мужчины. Высокого мужчины. Лея вздрогнула. Этого не могло быть!.. Это Ильющенька! Нет, Илья! Настоящий, живой Илья! Она узнавала его. Она не могла ошибиться! Дико закричала и бросилась ему навстречу. Уже неслась, как сумасшедшая, сбросив на ходу надоевшие туфли, и босиком по мокрому асфальту стремительной молнией летела к нему.

– Снова твой любимый мост? Не будем испытывать судьбу дважды! – воскликнул он, поймав ее на лету, потом крепко взял за руку и быстро потащил за собой подальше от этого проклятого моста. А четверо людей-призраков, резко развернулись, и теперь уже вместе пошли в противоположную сторону. Их черные тени отражались в свете ярких фонарей, а они все шагали, четко барабаня по асфальту, пока не скрылись в темноте ночи.

– Как ты здесь оказался? – с восторгом кричала она. Сейчас эти двое уносились в сторону центра города, не оборачиваясь и не глядя по сторонам. Смотрели они только друг

на друга, а их лица светились счастливыми улыбками.

– Сбежал! – воскликнул Илья.

– Как сбежал? Оттуда? Разве оттуда можно сбежать?

– Нет! – и он засмеялся.

– Тогда как?

– Мне сделали исключение. Вернее тебе.

Вдруг он остановился и в упор на нее посмотрел:

– Я не смог без тебя. Меня заставили и это искупить.

– Разве это нужно искупать?

– Да. Там человек должен быть свободен. Совершенно свободен... – потом немного помолчал. – Я хочу тебя спросить... Я должен это сделать... Ты остаешься здесь или идешь со мной?

– Куда? – счастливо улыбнулась она.

– Тебе не все равно? – улыбнулся он.

– Абсолютно! – и глаза ее счастливо заблестели.

– Или остаешься? – снова спросил он.

– Нет! – уже кричала она.

– Тогда вперед! – и они снова помчались по улицам города.

– У меня закончился испытательный срок? – на бегу спросила она.

– Закончился.

– Я его выдержала?

– Нет!

– Как?

– Очень просто. Ты провалила этот экзамен. Ты нарушила все мыслимые и немыслимые условия, пренебрегла всеми правилами, ты помогала всем и вся! Наверное, если человек, под страхом смерти, находясь на краю, между небом и землей, осмеливается помогать кому-то еще – это и есть... любовь! – и он снова остановился, посмотрев ей в глаза.

– Что же теперь? – прошептала она.

– Теперь тебе снова дают шанс, последний, и снова делают исключение – пожизненное. А заодно и мне!

В это мгновение послышался дикий вой сирены и автомобильных гудков. За ними мчалась погоня. Их уже настигали. Наконец, их преследователи могли получить свою добычу, и никто им помешать не мог. Но не тут-то было. Эти двое сорвались с места и помчались по улицам. Они заскакивали в темные двory, перелезали через заборы, которых оказалось в этом городе великое множество, переступали через целые дома, кварталы. Снова выскакивали на освещенные улицы, где слышался рев моторов и автомобильных гудков, и исчезали в подворотнях. Безумная гонка продолжалась! Кажалось, за ними уже гонится целая армия, весь город! Шум стоял невообразимый, а они все продолжали бежать, словно по бесконечному зеленому лугу, где впереди сверкало солнце, а вдалеке виднелась высокая скала!

Лишь на одно мгновение замедлили бег, когда увидели знакомый особняк. Лея растерянно спросила:

– Снова туда?

– Ничего не бойся! – воскликнул Илья. – Я с тобой. Бежим?

– Да!

И они с легкостью преодолели последние метры пути.

Едва успели открыть заветную дверь, произнести знакомый пароль, как сирена скорой помощи завывала прямо у порога, а с другой стороны с визгом притормозили еще две машины. Лея посмотрела на женщину-консьержа.

– Там..., – только и успела вымолвить она.

– Не волнуйся, детка, – проворчала привратница. Она со скрипом разогнула свою старую спину, спокойно открыла парадную дверь и вышла на улицу. Через секунду оттуда слышался ужасающий грохот и крики людей.

– Кто она? – прошептала девушка. Эти двое, переводя дух, уже медленно поднимались по лестнице на второй этаж.

– Палач, – спокойно ответил Илья.

– Палач?! – удивилась Лея. – Женщина-палач?

– Да. Триста лет назад она была палачом. Вернее был. А потом ему дали это тело, но силища-то осталась. Вон он старые кости и разминает.

– И за столько лет его никак не освободят?

– Сам не хочет. Пообвык, притерся. Говорит – работа не пыльная. Ему даже нравится. А Туда он всегда успеет. Его и не торопят – на такую должность не каждый согласится.

В это мгновение снова появилась хрупкая фигурка старушки-консьержа. Она отряхнула руки, взяла метелку и ак-

куратно подмела порог. Наверное, когда-то она так же прилежно с любовью чистила свой эшафот. Потом посмотрела на них, улыбнулась и на прощанье помахала рукой. Наконец, Илья открыл дверь, и они скрылись в комнате на втором этаже. Кошмар был позади...

Они остановились у дверей, и Лея с удивлением заметила людей, которые чинно сидели за столом и внимательно на них смотрели. Все те же знакомые лица: Изольда Карловна и Казанова, Филлипок и Палыч, в конце стола заметила Оксану. Та с радостью помахала ей рукой, но под тяжелым взглядом Королевы осеклась и чинно уставилась прямо перед собой. Стояли еще два свободных стула. А перед каждым из людей были видны рюмки с налитой водкой. Обыкновенной русской водкой, початая бутылка которой виднелась посредине стола. Видимо, только Фимка был принят ко двору Императора. А еще перед каждым лежал небольшой кусочек хлеба.

– Кого-то провожаем! – мелькнуло у нее в голове. Все было обставлено точно так же, как и в тот день, когда Фимка уходил навсегда.

– Ну и вид у вас, девушка! – проворчала Королева, глядя на ее босые ноги. – В такой день можно было и приличнее выглядеть. Но вежливо широким жестом, пригласила к столу.

– Провожаем! Все верно!.. Кого? – внимательно оглядела

собравшихся. Теперь все чинно занимали свои места за столом и смотрели на свои рюмки. Торжественная тишина заполнила просторную залу. Вдруг Илья встал.

– Не люблю долгих прощаний, – начал он. – «Долгие прощания – лишние слёзы» – так говорят на Руси.

Лея удивленно на него посмотрела. Он говорил странные слова, словно прощался навсегда. Но как такое возможно? Она ничего не понимала.

– ...простите, если что было не так. Такие слова говорят в подобных случаях...

– В каких случаях?

Ее глаза округлились.

– Он снова покидает ее?

Она была в панике. Ужас пронзил все ее тело. Она оцепенела, не могла пошевелиться. Сейчас этот большой любимый ею человек выпьет рюмку, поставит ее на стол, прикроет корочкой хлеба и исчезнет. Исчезнет навсегда? Но тогда зачем все это? Зачем он снова ее нашел? Он вернулся, чтобы спасти ее на том мосту? А через мгновение снова исчезнет навсегда?...

Илья закончил говорить и замолчал. И снова тишина. Кромешная тишина. А Лея продолжала лихорадочно думать:

– Все чинно сидят на своих местах!.. Смотрят на свои полные рюмки! Они даже чокаться не будут! Выпьют, потом откроется дверь и...

– Вам слово, уважаемая! – вдруг услышала голос Филлипка после продолжительной паузы. Он серьезно и торжественно на нее смотрел.

– Мне? – спохватилась Лея, подпрыгнув на стуле и, посмотрев на остальных, подумала, что тот ошибся.

– Конечно! Ваше последнее слово! – чинно повторил тот.

– Мое!?... Последнее!?... Я... Я не знаю... Сейчас..., – всплеснула она руками. И вдруг поняла. Илья не уйдет отсюда один. Он заберет ее с собой! Куда? Не важно, куда! – страшно не было, и девушка счастливо улыбнулась. Громко вздохнула, сердце учащенно забилося...

– Ой!.. Я правда... не знаю, что сказать! – живо откликнулась она. – Водка!.. Да!.. Хлебушек... Сейчас... А коньяку нет?... Так, ну ладно... Честно говоря, я никогда в жизни еще не была в таком положении..., – и замолчала. Долгая пауза повисла в комнате. Все смотрели на нее с изумлением. Вдруг, Оксана не выдержала и прыснула. Уже Филлипок начал тихо заходиться смехом. Королева сурово на них посмотрела, но тоже не сдержала улыбки, а Палыч начал издавать какие-то нечленораздельные звуки, и только Казанова смотрел на нее широко открытыми глазами. Он был серьезен и задумчив...

– Но я действительно не готовилась! Это так неожиданно! – пробормотала девушка, не понимая причины их радости. После этих слов громкий хохот огласил гостиную. Все смеялись и уже не могли остановиться. Слезы текли из глаз

людей, еще мгновение назад так чинно сидящих, соблюдая правила этикета в эту торжественную минуту, а теперь, позабыв о приличиях и такте, трясли головами, вытирали слезы рукавами и не могли остановиться.

– Но почему вы смеетесь?... – возмутилась она. – Да! Я не готовилась!.. Я никогда не думала, что придется говорить на собственных..., – гневно выкрикнула она. От чего те уже начали стучать по столу кулаками, заходясь в диком хохоте...

– Почему вы смеетесь? – повторила она. – В следующий раз я обязательно подготовлю речь! – сейчас она напоминала школьницу, которая не выучила урок.

– В следующий раз?! – уже вопил Филлипок. Стены дрожали от дикого хохота, который, казалось, уже сотрясал все здание. В двери появилась голова привратника, который сидел в зале, где гулял волшебный ветер.

– У вас все нормально? – удивленно спросил он. Но ему не ответили. Говорить они не могли, только держались за животы и раскачивались из стороны в сторону...

– Понятно! – протянул он и исчез.

– Все! Я закончила!.. Я сказала все! – гордо с обидой в голосе воскликнула девушка и сгоряча опрокинула рюмку водки до дна. Теперь уже многие лежали на столе, извиваясь в конвульсиях, стуча по нему кулаками. Остановиться было невозможно. Они плакали, ревели, мычали, всхлипывали и стонали, а Лея, надув губы, смотрела на них с обидой. Илья схватился за голову и с восторгом на нее смотрел. Он тоже

не мог сдержаться. Иногда начинал громко смеяться. Наконец, взял ее за руку и успокоился.

Потом все долго приходило в себя. Никто не мог выговорить ни слова.

– Ну давайте... выпили уже..., – наконец, всхлипывая, произнес Филлипок, с кем-то чокнулся и отпил из рюмки. Снова истерично хохотнул, но справился и пришел в себя.

– Фу! – выдохнула Оксана, обхватив лицо руками. Ее раскрасневшиеся щеки горели пунцовым огнем. Она сидела и трясла головой. – Фу!

– Я что-то сделала не так? – услышали они тихий голос девушки, и вновь грянул дружный смех...

– Все! Хватит! Я больше не могу! – взмолился Филлипок.

– Так! Пора! – наконец, произнес Илья, когда все успокоились. Он встал и посмотрел на остальных. Все стали серьезны. – Для вас есть хорошая новость, – добавил он.

– Какая? – спросила Оксана.

– Он сказал, что все, кто находится здесь, могут идти за ней, – и кивнул в сторону Леи.

– Мы знаем это! – холодно ответила Королева.

– Хорошо! Тогда вперед! – закончил он.

– Я не пойду, – вдруг пробубнил Палыч.

– Да, понимаю, – произнес Илья.

– Ты знаешь, что для меня это означает.

– Да, знаю, знаю...

– А я иду! – вскочил с места Филлипок. – Свою миссию

я уже выполнил!

Лея удивленно на него посмотрела. Неужели он расстался со своими миллиардами? – подумала она.

– И я иду! – обрадовалась Оксана.

– Ты? – воскликнула Лея.

– Да! Я хочу с вами! Я больше не могу сидеть здесь взаперти. Я еще свое не догуляла! Ох, как не догуляла!

– Но, ведь ты..., – и Лея замолчала. Илья тем временем посмотрел на остальных. Королева и Казанова оставались на своих местах и молчали.

– А ты? – вдруг спросил Илья, обращаясь к Изольде Карловне. Лея впервые слышала, как он обращался к ней на ты.

– Что, я? – зло воскликнула Королева.

– Ты идешь или нет? – повторил он.

– Я? – удивилась она. Потом спокойно добавила: – НЕТ!

– Почему?

– А ты не понимаешь?

Он замолчал, о чем-то думая. Потом произнес:

– Как знаешь... Казанова?

– Нет, – он подошел к Лее, поцеловал ей руку. – Думаю, что очень скоро я отправлюсь совсем другой дорогой, – воскликнул он. – Прощай, рыжая бестия! Мне будет не хватать твоего общества.

Потом подумал, улыбнулся и добавил:

– А ты ничего. Хорошенькая!

– Спасибо! – улыбнулась девушка.

– Скажи, я по-прежнему в твоих глазах старый и лысый козел?

Лея засмеялась. – Вы Мачо! Самый настоящий Мачо! Так годится?

– Вполне, – кивнул он, улыбнулся, отойдя в дальний угол.

– Ну все, попрощались. Пора! – произнес Илья, наблюдая за этой сценой, и все направились к заветной двери. Вдруг услышали голос Королевы:

– Постой!

Илья удивленно обернулся. Изольда Карловна как-то странно на него смотрела. Вдруг тихо произнесла:

– Знаешь что... Ты прости меня старую дуру... за все, ... если, конечно, сможешь.

– Бог простит, – в нетерпении отозвался Филлипок. – Давайте уже быстрее! – но Лея одернула его за рукав.

– Нет! Ты прости, – повторила она. Все замерли и теперь с удивлением на нее смотрели... Наконец, Илья кивнул головой. Он искренне ее прощал, и по его взгляду это было видно. Снова спросил:

– Ты остаешься? Уверена?

– Да! – твердо ответила она.

– Прощай. Может быть, еще когда-нибудь свидимся, – сказал он.

Вдруг Королева захохотала и воскликнула:

– Увидимся?... Не дай тебе Бог повстречать такую еще раз на своем пути!.. Все, прощай! – потом перевела взгляд

на остальных:

– Чего уставились? Хватит нежностей! Проваливайте! Ну, давайте! И чтоб я вас больше здесь не видела, – и отвернулась, посмотрев в окно.

28

Илья открыл дверь, и эти четверо переступили заветный порог. Увидели знакомого привратника, который сидел неподалеку. Он кивнул, словно давно их ожидал, и встал.

– Готовы? – вежливо спросил он.

– Да! – ответил Илья. А вокруг, куда не посмотри, сновали люди. Их было сотни, может быть, тысячи. Они спокойно шли, каждый своей дорогой. И еще здесь гулял волшебный ветер, тот самый, и был он необычайно свеж.

– Вам туда! Здесь путь короче, немного срежете! – сказал привратник и показал на дверь неподалеку. Потом с восхищением посмотрел на Лею.

– Я желаю вам удачи! – произнес он.

– Спасибо! – ответила девушка, ничего не понимая.

– Пошли! – услышала она голос Ильи. Тот взял ее за руку и повел за собой.

– Идите налево вдоль стены! От нее не отходите, никуда не сворачивайте! Строго вдоль стены! – слышались последние слова привратника.

Илья открыл дверь, за ней находилась не комната, а ши-

рокая каменная лестница, которая уходила вниз. Лестница была винтовой. Все молча начали спускаться. Тусклый свет пробивался откуда-то сверху. Этажей не было, только бесконечное число ступенек. Глухой стук топающих ног эхом отдавался от каменной стены огромного колодца. Никто не попадался навстречу, и они продолжали углубляться в темноту подземелья.

– Идти вдоль стены? – недоумевала Лея. – А куда еще можно здесь идти? Свернуть некуда!

Наконец лестница закончилась, и все увидели небольшой проем, который зиял в темноте, откуда исходил яркий свет. Они переступили через каменный порог и оказались на огромном открытом пространстве. За их спинами была огромная стена, которая уходила в небо, в бесконечность. Небо скрывала белая дымка, а сквозь нее ровно пробивался яркий свет. Стена уходила в обе стороны, и ни начала ее, ни конца видно не было. Пол был сделан из огромных мраморных плит, по краям которых росла трава и крошечные цветы. А дальше, куда ни посмотреть, только пустота, тающая в белоснежном тумане. Видимость была небольшой – пара сотен метров – не больше.

Несмотря на туман, свет, исходящий сверху, ярко мерцал. Он слепил глаза, и после сумрака темного колодца, люди шурились, постепенно к нему привыкая. Потом заметили, что в стене, как и там, наверху, откуда они спустились, находилось множество дверей. Нет, не дверей, отверстий или проходов.

Все они были разных размеров и форм. И в каждом из них зияли темные тоннели. Куда они вели, было непонятно.

– Нам туда, – воскликнул Илья и повернул налево. Идти строго вдоль стены – таков был их маршрут. Теперь они удалялись все дальше и дальше... Шли очень долго. Иногда из проходов и отверстий появлялись люди. Они выбирались из своих коридоров, глядели по сторонам, отходили и тонули в белоснежной дымке. Они знали, куда им нужно идти. Куда?... Вдруг туман ненадолго рассеялся, и вдалеке показались неясные очертания. Это был длинный ряд предметов, которые находились на большом отдалении от стены. Все присмотрелись. Предметы эти напоминали стойки в аэропорту. Длинный ряд стоек, который шел параллельно стене, уходя куда-то в бесконечность. Люди, подходили, как багаж, сдавали свои тела, который ложился на транспортерную ленту и исчезал. Оставались только светящиеся облачка. Они медленно плыли, взмывали ввысь и пропадали в тумане. Все поневоле остановились и, не отрываясь, смотрели вдаль.

– Страшно? – вдруг услышала Лея голос Филлипка и вздрогнула, а тот засмеялся, но по его лицу можно было понять, что он волнуется. Остальные тоже напряженно смотрели, разглядывая это удивительное место. Через мгновение белая дымка вновь заволокла все пространство вокруг и скрыла от них это зрелище. Неожиданно Оксана начала говорить:

– Как интересно! Как классно! Какой прикольный туман! А эта стена! Какая архитектура. У нас такого не увидишь. А эти арочки. Интересно, что там за коридоры. Можно заглянуть?... Нет? Ну хорошо. Это я так. Пошутила...

Она все говорила и говорила, но ее никто не перебивал. Стало даже легче. Ее бессмысленный монолог приводил людей в чувство, возвращал на землю, отвлекая от неизвестности, которая ждала их впереди. А из стены снова и снова появлялись люди, исчезая вдали.

– Фи! Какое старье! – продолжала Оксана. – Такое носили лет тридцать назад. А может быть сорок. Отстой!

Лея заметила, что одежда на этих людях была из прошлого времени. Наверное, такие одежды носили в середине прошлого столетия. И снова люди. Сотни людей... Страшно не было. Илья крепко держал ее за руку, вел вперед, и она целиком доверилась ему. Рядом снова пристроился Филлипок.

– Ну как тебе? – задал он дурацкий вопрос, на который она не ответила. Вдруг спросила:

– А вы действительно избавились от своих денег?

– Да! – радостно воскликнул он. – А иначе, что бы я здесь делал? Теперь я свободен! – воскликнул он. – От меня только этого и ждали – ты была права!

– Поздравляю. Как вам это удалось?

– Очень просто! Я вложил деньги в один проект. Долгосрочный!

– Какой?

– Первоклассный проект!

– Не хотите говорить? Секрет?

– Почему же. Знаешь, что я сделал? – и он гордо на нее посмотрел. – Я заплатил за твой сайт...

– Что? – удивилась она.

– Что, что!!! Оплатил твой сайт. А ты знаешь, сколько стоит его обслуживание, когда там топчется несколько миллионов сумасшедших в день?

– Нет.

– Вот! Не знаешь! А я узнал! Потом сделал поручительство одному иноземному банку и оплатил поддержку твоего идиотизма в сети.

– А остальное?

– Что остальное?

– У вас был целый миллиард!

– Целых восемь миллиардов вражеских фантиков! – гордо поправил он ее.

– Вот! Вы оплатили мою страницу, но это копейки, а кому отдали остальное.

– Глупая. За твою страницу все и заплатил.

– Все восемь?

– Все!

– Миллиардов?

– Да!

– Но зачем?

– С запасом, так сказать. Чтобы хватило надолго.

– И насколько хватит ваших миллиардов?

– С учетом всех процентов, которые набегут. Мы с ребятами из банка прикинули. Там дифференцированная система подсчета с учетом всех накопительных...

– Можно проще?

– Что проще?

– Говорить можно проще?

– Ах да, проще. Извини! – и посмотрел на нее скептически, – если проще, то хватит на двести пятьдесят тысяч лет! – выпалил он.

– На двести...

– Что, мало?

– Но зачем так много?

– Много!?! Конечно, много! – гордо признался он. – Надеюсь, за такое время эти... там, если не летать, так, хотя бы улыбаться научатся! – и захохотал. – Ну что, здорово я придумал?

– Здорово! – воскликнула Лея, – а почему не через наш банк? – наивно спросила она.

– Издеваешься? – ответил Филлипок. Покажи мне тот банк, который за это время не лопнет?

– А у них?

– А у них будет все окей! Любят они наши денюшки! Нравятся они им. Поэтому, никогда и не прогорят!

– И теперь вы свободны?!

– Да! – воскликнул он. Потом перевел взгляд на Оксану,

которая продолжала громко говорить, и добавил:

– Все понимаю, но одного я понять не могу – почему Он выпустил эту красотку?... Или смирился с тем, что глупость женская неистребима? Тут и миллиона лет не хватит! – и снова засмеялся.

– Не понимаете? – улыбнулась девушка.

– Нет! – гордо, свысока посмотрел на нее Филлипок.

– Так-так! А может быть, тупость мужская не позволяет понять того, что глупость женская – это не недостаток, а достоинство! Великий дар! И искупать его вовсе не нужно! Об этом вы не подумали?

Филлипок что-то пробормотал себе под нос, но она его не услышала. А не услышала, потому что в этот момент Оксана громко закричала.

– Ну вот! – воскликнул Филлипок, – а я что говорил? – и вдруг замолчал.

Впереди, в туманной дымке, возникло великое множество людей. Из стены, из того проема, откуда они появлялись, бил ослепительно яркий свет. Он не светил, а именно бил пронзительным белым лучом. Все в ужасе замерли и взглянули на отверстие, который по форме напоминало огромный разлом. Потом заметили, что некоторые не выходили оттуда, а их выбрасывало мощной ураганной волной. Кто-то выползал, кто-то тащил на себе чьи-то обугленные останки. Уже разлетались во все стороны фрагменты человеческой плоти, а громкие крики слышались со всех сторон. Эти обожжен-

ные, израненные, истекающие кровью, тела падали на мраморные плиты, потом вставали, оживая прямо на глазах, и медленно отходили от стены, прячась в белоснежном тумане. Но еще долго были слышны их протяжные стоны. А за ними появлялись все новые люди. Они были похожи на азиатов, и на неизвестном языке повторяли одно и то же.

– Япония! – прошептал Филиппок, – 45-й год. Атомная бомбардировка.

– Их тысячи, – прошептала Лея.

– Их миллионы! – жестко поправил он ее.

– Когда махну рукой – бежим! – воскликнул Илья. – Пошли! – и все бросились в небольшое свободное пространство, возникшее перед ними. Через сотню метров остановились.

– Не оборачивайтесь! – сказал Илья. – Нужно идти дальше!

Он тащил за собой Лею, крепко сжимая ее руку. Остальные бежали следом. Но вдалеке снова возникло большое скопление людей. Кто-то был в военной форме, кто-то в простых крестьянских рубищах. Они выползали из своих отверстий, как из нор, которые напоминали землянки или окопы, обуглившиеся стены домов.

– Дальше! Дальше! – кричал на бегу Илья.

– Это только начало! – послышался крик Филиппка. Спусти какое-то время появились новые толпы. Лея в ужасе на них смотрела. Голодные, изможденные, замотанные в плат-

ки! Изо ртов у них шел пар, словно здесь была холодная зима, а некоторые везли на санках небольшие кулечки, в которых были завернуты...

– Ленинград! – бормотал Филлипок. – Блокада!

Конца этому шествию видно не было, но эти четверо все пробивались дальше, пытаясь не потерять друг друга, а большая фигура Ильи виднелась впереди. Он все дальше уводил их от этого гиблого места. Через сотню метров появилось множество людей, одетых в полосатую робу, которая у всех была одинаковой, а на ней были начертаны какие-то цифры. Лея в ужасе заметила небольшое окошко в стене, где горел огонь, а оттуда вываливались обугленные тела. Они падали на гранитные плиты, но вставали, расправляли скрюченные конечности, оживали и исчезали в тумане.

– Освенцим, – безжалостно констатировал Филлипок.

– Дальше, дальше! – кричал Илья, уверенно ведя их сквозь это месиво. – Не смотрите! Закройте глаза. Смотрите только себе под ноги!

– Как тут не смотреть!?! – зарычал Филлипок, споткнувшись. Людей вокруг было много. Очень много! Теперь эти четверо наступали на кого-то, падали, снова поднимались, но пробивались вдоль стены вперед. А количество людей все увеличивалось. Уже смешались разные формы и одежды. И невозможно было не смотреть на несчастных с оторванными конечностями, на простреленных и изувеченных, на контуженных. Кто-то полз, кто-то нес другого на руках. Люди ка-

чались из стороны в сторону, умирали на глазах, но вставали, стряхивали с себя ту войну и растворялись в туманной дымке.

– Их миллионы! – прошептала Лея.

– Их десятки миллионов! – злобно бормотал Филлипок.

Так продолжалось очень долго.

– Все! – наконец, произнес Илья. Они проскочили еще несколько сотен метров, и остановились, а впереди были видны только редкие прохожие, одиноко появляющиеся из проемов в стене. Те шли медленно, ничего не зная и не ведая, шли беспечно, с надеждой заглядывая в белый туман, который ярко светил впереди. Эти и представить себе не могли, что ожидало их, если бы прожили они немного дольше. Этим повезло.

Оксана опустилась на мраморную плиту и зарыдала.

– Я дальше не пойду! Не могу!

Она кричала, била кулаками мраморную плиту. Лея кинулась к ней, но та, оттолкнув ее, снова упала и забилась в истерике.

– Пошли! – воскликнул Илья.

– Нет! Я останусь здесь! – дико закричала она.

– Пошли! – воскликнула Лея, схватив ее за руку.

– Нет! Я не могу! Не хочу!

Вдруг вскочила и захотела бежать прочь от стены, туда, где исчезали люди. Илья вовремя ее остановил.

– Туда рано! Туда еще не время! – сказал он.

– Я не пойду! – в ужасе бормотала она. – Идите к черту!
Я не пойду! Не пойду, – уже шепотом повторяла она.

– Ну, к черту, пожалуйста, мы всегда успеем! – сказал Филлипок. Потом подошел, поднял ее голову и дал пощечину. Оксана замерла. Потом очнулась.

– Все? – спросил он ее.

– Да... то есть нет... НЕТ!!! – и снова дико закричала.

– Тогда, иди назад, – спокойно добавил Филлипок, повернув ее туда, откуда они только что пришли.

– НЕТ!!! – и она снова упала на землю.

– Дура! Тебе некуда деваться. Так было всегда! – уже кричал он. – Так всегда будет. Все это дерьмо и позади нас, и впереди. Оно везде!.. Вставай! – четко сказал он и взял ее за руку. Дальше двое мужчин, крепко держа своих спутниц, пробирались вперед. Иногда они шли медленно, переводя дух, иногда просили закрыть глаза и мчались сквозь толпы, прорывались через пепелища, минуя строй истерзанных, измученных, голодных, озверевших и опустившихся, обманутых и больных. Чума, голод, стихийные бедствия, наводнения и пожары, извержения вулканов... Снова война. Только война! Этих проемов в стене, откуда толпами вываливались тысячи искалеченных, было много. Очень много! Каждое столетие отмечалось крупными сражениями, поражениями и несомненно победами. Но победы, тем, кто находились здесь, были уже не нужны.

Теперь Лея, широко раскрыв глаза, смотрела по сторонам.

Смотрела внимательно, вбирая в себя всю эту дикую правду, всю историю человечества за долгие тысячелетия, а люди все шли и шли. Шли четким строем в военные в сюртуках. Выстраивались в ровные шеренги, маршировали, потом исчезали, шли в гусарских мундирах, в средневековых тяжелых кольчугах и латах, в рыцарских доспехах. Шли в коротких туниках. Вот уже гладиаторы ринулись, иссекая кровью, к их ногам. А она все смотрела и не могла отвести глаз. Сейчас почему-то чувствовала, что отвечала за каждого, кто находился в этом строю. А еще знала, что если бы все это показать там, откуда они пришли, где еще сияло солнце, где жили люди, пока лишь примеривая свои доспехи, чистили оружие, бряцали им, прощались с женами и детьми, а потом уходили. Навсегда уходили. Если бы им это показать, дать посмотреть на себя отсюда – не было бы войн! Не было бы никогда! Кажется, помнила лицо каждого из них. А как их было много! В разных одеждах, с оружием и без него, все они были такими разными, с разными жизнями и судьбой – только кончали все одинаково. И сейчас вся скорбь этих несчастных собиралась в ее сердце и в ее душе. Собиралась для того, чтобы выплеснуться. Куда?!!! На кого?!!! Где этот, который вложил им в руки оружие?! Где этот чертов любитель стихов?!!! Покажите мне его!!! Я хочу видеть этого нечеловека!!!

– Я здесь, – услышала она знакомый бархатный голос. Лея заметила, что оказалась совершенно одна. Рядом никого не

было, а напротив стоял Другой.

– Ты хотела меня видеть? – он улыbnулся, показав свои блестящие белые зубы. Лея молчала, и с ненавистью на него смотрела.

– Ты хотела мне что-то сказать?

Лея молчала.

– Ты ненавидишь меня?

Лея молчала.

– Ты хочешь изменить этот мир? Понимаю. Но тебе это не удастся! Много вас было, героинь, которых потом увечили, поднимали на дыбу, жгли на кострах, насильовали. Потом им ставили памятники. Конечно! Но вы не смогли ничего изменить. Так было всегда, так будет всегда. Нас в этом мире двое, и война будет продолжаться до тех пор, пока не останется один. Ты должна знать об этом. А еще... Девочка, пойми – не женское это дело. Иди-ка ты к своему мужику, люби его, рожай детей, а мы разберемся сами. Не зря же Он говорит, что ты умеешь любить. Этого я не понимаю, но знаю, как ты умеешь ненавидеть, а это дорого стоит. Ступай! Но если еще раз встанешь на моем пути!..

Вдруг послышался голос Ильи. Он подбежал, схватил ее за руку.

– Куда ты делась? Зачем ты от меня сбежала? Мы потеряли тебя!.. Это вы? – вдруг заметил он ее собеседника и замолчал. Потом громко сказал:

– Уважаемый, оставьте ее в покое. Это не ваша террито-

рия.

– Кто сказал, что он уважаемый? – наконец, очнулась Лея. Она так долго молчала, но теперь! Теперь с ненавистью на него смотрела и отвести своих глаз от Другого уже не могла. Он тоже на нее смотрел и улыбался.

– Этот уважаемый всегда будет «другим»! – воскликнула она. – Только «другим» и он знает об этом! Идемте! Здесь пахнет серой! Ненавижу!

Они снова вернулись к гигантской стене, которой не было видно конца, да и был ли он, и продолжили свой путь. Дальше шли молча. Оксана успела прийти в себя и теперь мужественно смотрела по сторонам, а бесконечный калейдоскоп событий продолжал вращаться перед глазами, уводя их в пучину древности. Проходили тысячелетия, может быть, миллионы лет! Люди сбрасывали с себя одежды, превращаясь в дикарей, но снова возникали в каких-то диковинных нарядах. Эти были намного выше ростом, были они не похожи на обычных людей, и одежды их были другими, наверное, жили они совсем по-другому, только умирали в этом месте все одинаково. Люди других цивилизаций! У них были свои войны, невиданное оружие, которое калечило, но потом они неминуемо попадали сюда.

Снова дикари. Только дикари. Но проходят еще миллионы лет... Какие-то люди – в необычных костюмах-скафандрах, сильные и могущественные! Но вот уже, корчась в жутких мучениях, и эти умирают от заражения. И неважно, от-

куда ты прилетел, с какой планеты или галактики, дорога отсюда для всех только одна – к маленькой стойке и дальше – в светящийся белый туман.

– Зачем они делают это, почему так живут? – прошептала Лея.

– История человечества – история войн! – ответил Илья.

– Но зачем?

– Зачем? Не знаю! Но так было всегда!

– И так будет всегда! – добавил Филлипок! – Можно себе представить, что мы увидели, если бы вначале повернули не налево, а направо – в будущее!.. Так будет всегда! – задумчиво повторил он.

– НЕТ! – воскликнула Лея. – Нет! – уже тише добавила она.

– К сожалению, да! – сказал Филлипок, – что мы можем изменить? Ничего!

– Пришли! – послышался голос Ильи. Все заметили, что стена обрывалась, мраморный пол заканчивался, а дальше виднелся обрыв... А повсюду белоснежный, мягкий туман, который закрывал все пространство вокруг. Он был волшебным, и окутывал все какой-то тайной, которую постигнуть они не могли, да и не хотели. Значит, так надо, это не их дело! – понимали они. А в стене виднелось небольшое отверстие – последнее! Оно напоминало маленький грот или вход в пещеру. Люди в нерешительности замерли.

– Пойдемте! – наконец, произнес Илья, первым забравшись в проем. За ним последовали остальные. Они оказались в небольшом тоннеле, который уходил куда-то вдаль, теряясь в темноте, а над головой низко висел каменный потолок. Было холодно и сыро.

– Вперед! – слышался впереди его уверенный голос, и остальные шли следом в полной темноте. Пещера была узкой, и нужно было держаться за стену, чтобы не споткнуться. Люди ничего не видели, только слышали шаги друг друга.

29

Шли долго. Неожиданно сзади послышался громкий топот чьих-то ног... или копыт. Этот грохот гулко отдавался в узкой пещере, преследуя.

– Кто это? – закричала Оксана.

– Не знаю, – проворчал Филлипок – он замыкал процессию. – Прибавим! Давайте быстрее! Чего еле ползете!

А топот продолжал гулко звучать в тишине, становясь все громче – их догоняли.

– Кто это? – опять в ужасе закричала Оксана, которая бежала перед Филлипком, и от этого крика всем стало жутко.

– Подождите меня! – вдруг раздался утробный голос.

– Кто это? – воскликнул Филлипок.

– Я!

– Кто я?... Палыч? Ты что ли?

– Я! – неслось вдогонку. – Подождите! Куда так припустили?

Все остановились, переведя дух. Наконец, он их догнал.

– Зачем ты здесь? – засмеялся Филлипок.

– Я с вами... Мне разрешили! – пробормотал он.

– Разрешили... Но ты же помнишь, что для тебя это означает?

– Да! – глухо ответил тот, – начать все сначала!

– С самого начала! – поправил его Филлипок.

– Да! С самого! – грустно пробубнил тот.

– И ты готов?

– А куда деваться? – и все опять двинулись с места, медленно пробираясь вперед. После долгого бега они отдыхали.

– С самого начала! – повторил Филлипок, – неутомимый ты, Палыч, неприкаянный какой-то. Нигде места себе не найдешь. Это как нужно было жить, чтобы потом так маяться? От Него ушел, от Другого сбежал, снова к Нему вернулся.

– Не твое дело! – проворчал Палыч. Но Филлипок не успел ответить, пещера вдруг начала увеличиваться в размерах, стены раздвигаться, потолок подниматься в высоту. Теперь они стояли в просторном гроте, а вдалеке тоннеля виднелся тусклый свет.

– Пришли! – сказал Илья, – и добавил, – раздевайтесь! – он начал снимать с себя одежду.

– Что, совсем? – воскликнул Палыч.

– Совсем-совсем! – ответил Филлипок и засмеялся. Он

уже успел раздеться догола и теперь стоял, похлопывая себя по кругленькому животику.

– Так и будешь стоять? – спросил его Илья.

– А что? – не понял Филлипок.

– Вот, примерь, – и показал на тряпье, которое было сложено в небольшой нише. Илья уже достал оттуда какую-то тряпку – подобие одежды и протянул Лее, а та, мгновенно сообразив, надела ее на себя. Потом она помогла Илье выбрать наряд по его размеру и завязала ее на нем. А делать она это умела, потому что в нише лежали изумительно сотканые набедренные повязки. Они были сплетены из каких-то растений, и Лея поразились мастерству неизвестной рукодельницы.

– Фи! Это же секонд-хенд! – послышался голос Оксаны. Она стояла обнаженная и брезгливо держала в руках небольшую накидку.

– Ну и ходи голая! – ответил Филлипок, примеривая свой наряд. Тогда Оксана перевела взгляд на Лею, оценивая ее оглядела и воскликнула:

– А что! Очень даже ничего! Прикольно! – и тоже натянула на себя какую-то тряпку. Та свисала у нее до пят, и Оксана возмущенно воскликнула:

– Макси! А покороче ничего нет? Найди-ка мне мини, подруга! – попросила она Лею.

– Хватит показ мод устраивать. Не Дом Моделей! – проворчал Палыч, но Оксана уже рылась в целом ворохе дико-

винного тряпья.

– Вот! Совсем другое дело!

Теперь на ней была коротенькая повязка, которая едва прикрывала бедра, а верхнюю часть одежды и вовсе можно было не надевать. Та лишь отчасти прикрывала ее прелести. Палычу достался длинный наряд, в который он закутался целиком и напоминал большого медведя, выползшего из берлоги.

– Еще короче не хочешь? – послышался голос Филлипка. Он откровенно смотрел на Оксану и ухмылялся.

– Чего уставился? Не видел что ли? Здесь мода такая! – воскликнула она.

– Хватит! – остановил ее Илья, – пора идти.

Все посмотрели на свет, который пробивался издалека, и медленно направились вперед. Становилось светлее, но пещера все не кончалась. И вдруг за поворотом яркое солнце ослепило газа, все от неожиданности зажмурились, но, наконец, широко раскрыли их.

Перед ними раскинулся огромный луг, конца которому не было видно. Поневоле люди сделали несколько шагов вперед, замерли, ноги утонули в высокой траве. Дальше виднелась возвышенность, которая заканчивалась отвесной скалой, а над головами висело голубое небо! Оно было так высоко, что казалось, находились они на какой-то другой планете. А это и была другая планета. В зените ярко светило солнце. Оно было совсем другим, незнакомым, жарким, но

таким родным. Люди замерли и заворожено на него смотрели. Воздух был удивительно свеж, и путники, выбравшиеся из тесной, затхлой пещеры, теперь с жадностью его вдыхали, а волшебный аромат полевых цветов стелился по земле.

Захотелось сорваться с места и бежать по бескрайнему полю, уже задыхаться в сладком дурмане, пьянеть и не думать ни о чем, не помнить, а босые ноги твои будут касаться мягкой травы, утопая в зелени. Кубарем в нее свалиться, вскакивать и снова падать, обнимая эту землю руками, мчаться дальше. Добежать до речушки, которая медленно струилась вдалеке, броситься туда, захлебываясь от восторга, разбудить ее, подняв кверху миллионы ослепительных капель, и напиться холодной воды, которая серебристыми отблесками сверкала на солнце. И снова пить...

– Смотрите! – вдруг принесла Лея. Перед ними небольшой толпой стояли какие-то люди. Они возникли ниоткуда и молча на них смотрели.

– Интересно, какие у них намерения! – прошептал Филлипок.

– Не шевелитесь. Просто стоим и ждем! – сказал Илья.

Это было племя дикарей. Все эти люди были одеты в такие же наряды, которые находились в пещере, а в руках у некоторых были видны копья.

– Они вооружены! – проворчал Палыч. Все в ожидании замерли.

– Их десять человек, – снова зашептал Филлипок. – Из

них пять здоровых мужиков. Что будем делать?

– Мочить! – проворчал Палыч.

Мужчины были сильными, с огромными мышцами, женщины крепкими и подтянутыми.

– Замолчите! – вдруг сказала Лея. Сейчас она смотрела на дикарей и вспоминала, что где-то уже видела эти лица. И холм с отвесной скалой вдалеке тоже видела. Картина в музее! Присмотрелась. Среди них не было девушки, удивительно на нее похожей, не было большого сильного человека, которого она видела в волшебных снах, но остальные, словно сошли с картины! Доисторическое племя! Эти люди опасны? Они дикари!? В руках у них оружие! И вдруг заметила удивительную вещь – они улыбались. Лея была потрясена! Их лица светились радостными, добрыми улыбками. Они, словно читали ее мысли! Они понимали ее, она знала это точно, и чувствовала, что тоже понимает их. Это было откровением. Уже видела их жизни и судьбы, видела пещеры, в которых они живут.

– Они не причинят нам вреда! – воскликнула Лея, а все уже с облегчением смотрели на незнакомых людей, переведя дух. Когда человек так улыбается, он не опасен. Вдруг один из племени спросил:

– Ты пришла? Мы ждали тебя! – сказал это и посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Илью, – и тебя ждали! Он говорил, что вы скоро придете. Будьте, как дома!

– Спасибо! – ответила Лея. Человек говорил на незнако-

мом языке, но Лея его понимала, и он тоже ее понимал. Это было абсолютное понимание!

– Зачем эти люди здесь? – снова спросил человек, показывая на Палыча, Оксану и Филлипка. – Они с вами?

– Да! – просто ответила Лея.

– Слава Богу! – воскликнул Филлипок, – признали!

– Вау! – услышали они шепот Оксаны, – а этот мой! Ты меня поняла, подруга. Мой! А то я тебя знаю!

– Бери его себе! – улыбнулась Лея.

– Мачо! Настоящий Мачо!

– Мачо у тебя уже был, – засмеялась Лея.

– М-да, – пробормотала Оксана, – тогда кто?

– Мужик! Просто настоящий мужик! – ответила она.

– Просто? Ты думаешь, этого достаточно? – она задумалась. – Впрочем, почему бы и нет?

– Так! – прошептал Филлипок, – а эта, пожалуй, моя! – и показал на одну из девушек племени. – Видите булыжник, который висит у нее на шее! Знаете, из чего он сделан? Ничего не напоминает?

– Ты отнесешь его в банк, и тебе дадут деньги! – ответил Илья. – Много денег!

– Да уж, – пробормотал Филлипок, – где тот банк?

Пока они шептались, люди племени с радостью на них смотрели и тоже перебрасывались репликами, видимо, обсуждали их. Вдруг Палыч сорвался с места и побежал. Все замолкли и с удивлением на него уставились. Бежал он очень

быстро, виляя из стороны в сторону. Уже казалось, что увеличивается в размерах. И тут все заметили, как прямо на глазах он начал расти. Его большое неповоротливое тело становилось крупнее, ноги толще, они уже не выдерживали веса, который на себе несли, тогда он повалился на четвереньки, на мгновение замер, помотал в разные стороны головой, откуда уже выростали хобот и огромные уши, и понесся дальше, издавая мощный трубный стон. Он дико кричал, и этот утробный клич, как громкая труба, разрывал тишину вокруг.

– Мамонт! – прошептала Лея. – Палыч стал мамонтом!

– Да, он начал все с самого начала, – ответил Илья.

– Теперь у него впереди долгий путь, – добавил Филлипок.

– Но когда-нибудь он снова станет человеком? – с тревогой спросила девушка.

– Человеком? А зачем? – засмеялся Филлипок.

– Человеком? – повторил Илья, – это будет зависеть только от него.

– И еще от Дарвина! – добавил Филлипок.

– Убьют вашего Палыча! – сурово произнесла Оксана, кивнув на людей племени. Вдруг незнакомец, который ей понравился, с интересом спросил:

– Что такое – убьют?

Он понимал ее язык, но не понимал этого слова. Спросил и улыбнулся. По-видимому, Оксана ему тоже понравилась.

– Убьют? – она удивилась. – Ну, это, ... когда вы поймаете

его и зарежете. А потом сделаете шашлык.

– Шашлык?

– Ну, съедите его мясо! – поправилась Оксана. – Так понятно?

– Человек в ужасе за ней повторил: – Зарезать мамонта? Съесть его? – и недоуменно замолчал.

– Я что-то не так сказала? – спросила она у Леи, а та ответила:

– Пожалуй, не нужно этим людям объяснять, что такое «убить». Им пока это знать рано.

– Тогда зачем вам копья? – крикнула Оксана.

– Это посох! – поднял мужчина свое оружие. – Хотите, я вам покажу? Это очень удобная вещь! Им можно срезать плоды, когда они висят высоко, можно искать брод, когда переходишь через реку или опираться на него, когда длинный путь! Это наше великое изобретение. А еще из него можно сделать солнечные часы.

Он уже шел к ней. – Убить! Какое смешное слово – убить! Я понял – вы пошутили! – воскликнул человек.

– Вы хотите есть! – крикнула девушка из племени. – Простите нас, мы не сразу поняли, мы не подумали об этом! Вы так долго шли! Пойдемте, мы покажем наши жилища и накормим вас. Утром мы собрали свежие плоды! Пойдемте! – а человек уже приблизился, взял Оксану за руку и повел за собой. И вот уже племя, которое стало немного больше, уходило, направляясь к высокому холму, где находились пеще-

ры. А слова таяли, растворяясь в щебетании птиц, в шелесте травы, в нежном колыпании легкого ветерка.

– Убить!?!... Убить мамонта!?!... Зарезать?!... Съесть его! Надо же такое придумать! – издалека слышались голоса и радостный смех людей.

Это была удивительная пещера – маленькая и уютная. Ее вход прикрывали большие ветви, которые смогли бы защитить от холода и ветра. Илья уже успел разыскать их и принести сюда. Теперь он сплетал из них дверь в жилище и делал это так, чтобы обязательно оставались небольшие щели, сквозь которые утром будут проглядывать лучи яркого солнца. (Пещера выходила на восток.) А Лея тем временем накрывала мягкой травой дальний уголок, превратив его в уютное ложе. Что еще? Ничего! Больше им не нужно было ничего. Он закончил работу и, подойдя, взял ее за руку.

– Ты еще не передумал убивать своего мамонта? – спросила она. Он посмотрел ей в глаза, но ничего не ответил. Сейчас он внимательно ее разглядывал, неожиданно сказал:

– Сядь!

Она послушно села на камень у входа в их жилище, он поднял с земли небольшой камень и подошел к стене, молча продолжая на нее внимательно смотреть. Лея улыбнулась. Она не понимала, но ей было удивительно хорошо и спокойно. Потом Илья начал неуклюже царапать по стене. Он долго это делал, иногда оглядываясь на нее. И тут Лея вспомнила!

Она поняла все! Илья не будет убивать мамонта, но он будет...

Он рисовал! Он набрасывал неровные штрихи на свое полотно, а эти линии уже сплетались в удивительную картину. Линия, не прерываясь, уверенной рукой оставляла след на стене, в их жизни, в их судьбе. Он рисовал ее. Он выводил рукой мастера черты ее лица, все изгибы обнаженного тела, фигуры. Оставались всего лишь какие-то штрихи, и картина оживет...

– Ты умеешь рисовать? – Лея бросилась к стене. Она была потрясена.

– Но почему ты не говорил об этом раньше?

Он закончил свою работу, бросил камень и отряхнул руки.

– Хотел сделать тебе сюрприз! Нравится?

– Да! Очень! Я тоже хочу сделать тебе сюрприз. Вернее подарок.

– Какой?

Она долго молчала, глядя ему в глаза.

– Скоро... очень скоро, у тебя родится ребенок! – вымолвила она. Он был потрясен. Он с нежностью на нее смотрел, потом поднес ее руки к своим губам.

– Мальчик! – произнес он.

– Или девочка.

– Или девочка, – повторил он.

– Ты хотел ребенка? Он у тебя будет.

Илья оглядел пещеру. Вдруг ему показалось, что уже ви-

дит, как рядом, в уютном гамаке, лежит завернутый комочек, крошечное существо, маленький человечек, который, широко раскрыв глаза, смотрит на них и улыбается. И еще почувствовал тепло очага, услышал шум ветра, который трепетно заглядывал в их жилище, ласково шевеля огненные волосы этой удивительной женщины, которую он бесконечно любил...

Вдруг на мгновение стал серьезен. Он о чем-то сосредоточенно думал, потом тихо произнес:

– Ты меня ни о чем не спрашиваешь, но я должен тебе кое-что сказать. Нас не случайно сюда послали. Вернее тебя. Ты избранная. Он от тебя чего-то хочет. Чего – я не знаю. Он никогда этого не говорит. Человек все должен понять сам – таким Он его создавал.

Илья волновался и медленно продолжал.

– Он сказал, что все пошло не так, когда люди научились убивать. Но еще раньше они разучились любить. Они просто испугались это делать. А страх не лучший советчик. Страх ведет к пустоте, к разврату, к самым низменным желаниям. Он уводит в другую сторону, к Другому. Страх – это тлен... А люди просто испугались...

– Испугались?

– Да! Это Его слова. И еще Он сказал, что все нужно начинать сначала, нужно хотя бы попробовать! Но чего Он хочет от тебя, я не знаю...

– Пойдем! – вдруг воскликнула Лея и, схватив его за руку,

повела за собой. Он послушно шел следом, о чем-то думая. Смотрел на ее, развевающиеся на ветру, огненные волосы, на хрупкую фигурку, которая тонула в высокой траве, снова думал и не понимал, что эта девушка может сделать?

А они уже поднимались на высокий холм. Солнце начало клониться к закату и освещало их маленькие фигуры, отбрасывая длинные тени. Они все шли, уже карабкались по крутому склону, пока не забрались на самую вершину. Потом встали на небольшой площадке и посмотрели по сторонам. Перед ними открывался огромный мир, он был, словно игрушечный и был удивительно красив – зеленые луга и рощи, небольшие речушки без переправ, над головой висело огромное небо, а солнце больше не хотело заходить за горизонт и чего-то от них ждало. Чего?

– Высоко? – спросила она.

– Да! Очень красиво...

Они долго стояли, любуясь закатом. Наконец, он сказал:

– Пойдем назад? Скоро стемнеет.

– Еще выше!

– Что? – не понял он.

– Мы пойдем дальше! – воскликнула она. Он удивился.

– Ты хочешь...

– Да. Ты должен сделать это.

– Я?

– Именно ты!

– Но, мы больше не призраки, мы люди. Разве люди умеют

летать?

И тут она поняла – Илья не знает, что она уже делала это без него. Тогда он находился так далеко, что не мог ее видеть! Что же, – подумала она, – так даже лучше! Начнем все с начала!

– Умеют, – твердо ответила она. – Только нужно очень захотеть и поверить в это.

– Но...

– Ты любишь меня?

– Да!

– Летать на крыльях любви – это так просто, это естественно для каждого человека.

– Но, если ты учишься, то не должен делать это с такой высоты. Это закон! Это равносильно самоубийству! – возразил Илья.

– Именно с высоты. Ты больше не учишься, ты просто летишь. Дай руку!

Он взял ее за руки и посмотрел с обрыва вниз.

– Нет! Ты не должен туда смотреть! И не должен шагать с этой скалы вниз! Посмотри наверх и просто лети! Если не получится – ты просто останешься здесь...

Он поднял глаза и посмотрел на небо и вдруг почувствовал, как удивительное тепло передалось от ее рук. Она давала ему невероятные силы. Эта удивительная девушка сейчас словно держала его в своих ладонях, и казалось, этот большой сильный человек уже помещался в них. Сейчас она под-

нимет руки и выпустит его, как птицу, нет, как человека, и он помчится с невероятной скоростью к небесам, где всегда утро, где гуляет ветер и никакой темноты. Девушка пристально на него смотрела. Она не отрывала от него глаз, а он не мог оторваться от ее рук. Глаза его блестели в свете заходящего солнца. Уже горели безумным огнем. Она уже видела – он хотел этого! Он мог сделать это! Он был готов! И вдруг Лея поняла, кого он ей напоминает. Сейчас перед ней стоял тот большой сильный человек из ее волшебных снов. Это был он, она узнавала его! Узнавала улыбку, тот пронзительный взгляд! Точно так же он ей улыбался с картины, просто тогда она не узнавала его, да и был ли он таким, но сейчас...

Они летели! Снова летели, а высокое небо становилось все ближе. Это было невероятным. Солнце, которое уже собиралось свалиться за горизонт, было в зените. С сумасшедшей скоростью они мчались вслед за ним и уже догоняли. Они догоняли солнце, которое радостно слепило глаза и улыбалось. Оно улыбалось им! Как долго оно ждало их на призрачной высоте. Как долго готовило к этой встрече! Все было, как в прошлый раз!

– Летите! – шептала им пропасть, разверзнувшись далеко внизу.

– Летите! – звала бездна, распростертая над головами. Бояться нечего! Сейчас они были центром вселенной, а центр

притяжения находился здесь, на этой высоте, на млечном следовании их стремительного пути.

А где-то далеко во времени, в миллионах годах отсюда, пожилой служащий музея подошел к картине, посмотрел на нее и обомлел. Он видел тех двоих, он узнавал их! Тот большой человек был нарисован рядом с девушкой, а глаза его светились от счастья. Теперь они были вместе на этом волшебном полотне, и ничто не могло их разлучить! Кости, – вдруг подумал он. Нет, он не пойдет осматривать их кости! Он почему-то знал, что они не были раздроблены на мелкие кусочки. Да и разве дело в костях? Уже видел, как эти двое, где-то там, на вершине скалы, далеко, затерявшись во времени, смотрели на солнце, а потом совершили свой полет, и больше не боялись ничего!

Они летели над полями и холмами, над миром этим, который еще не был испещрен дорогами и застроен городами, не дымили трубы, а огромные поверхности земли не были опутаны проводами. Летели и смотрели только вперед, а небо стремительно приближалось. Уже не хотелось вырваться отсюда, и мчаться одинокой кометой в крошечной темноте ночи! Зачем? Теперь у них появилась маленькая, уютная планета, и принадлежала она только им, а еще людям небольшого племени, которые жили в своих пещерах и уходить отсюда не собирались никуда...

– Посмотри! – вдруг громко закричал он, перекрикивая ветер.

Внизу появились яркие точки, они светились в лучах заходящего солнца и приближались к ним.

– Они умеют летать! Эти люди умеют летать! – закричала она, когда их маленькие фигурки появились рядом. Они веселым хороводом носились вокруг, летели друг за другом, падали, ныряли, взмывали к небесам, снова приближались, а на их лицах сияли удивительные улыбки.

– Это же Филлипок! А вон Оксана!

И эти двое тоже были среди неугомонной стаи! Они научились летать! Удивительные люди племени помогли им, и теперь все они были вместе! Вместе на недостижимой высоте!

А далеко внизу, на широком зеленом лугу, стоял огромный, неуклюжий мамонт. Он перестал жевать траву, поднял голову и взглянул на небо, вдруг сел на задние ноги, а передние поднял, быстро-быстро перебирая ими, словно пытался оторваться от земли. Мамонт тоже учился летать...

– Знаешь! – кричала Лея, а ветер трепал ее, золотящиеся на солнце, рыжие волосы. – Я столько всего узнала, столько поняла, столько разных людей повидала, только не увидела одного!

– Чего? – кричал Илья.

– Я так и не встретила Его!

– Не спеши! Еще успеешь! – послышались его слова. – Нам торопиться некуда. Остались еще дела и здесь!

– Да! Остались. Конечно, остались. И все-таки...

И вдруг ей показались, что слышит чей-то шепот. Он был

едва слышен, исходил он откуда-то с высоты, а волшебные фразы звучали, словно музыка небес. С ней говорили небеса! Это было потрясением! Это было чудом! Она подняла голову, широко расставила в стороны руки, теперь внимая каждому слову:

...Истину ты должен услышать сам, никто ее тебе не откроет.

...Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

...Блаженны единственные и избранные, ибо вы найдете царствие, ибо вы от него, и вы снова туда возвратитесь.

...Небеса, как и земля, свернутся перед вами, и тот, кто живой от живого, не увидит смерти. Ибо тот, кто нашел самого себя, – мир недостойн его.

...Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучитесь, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

...один есть Бог, и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех все-созжжений и жертв.

Бог – есть любовь...

Февраль 2014.